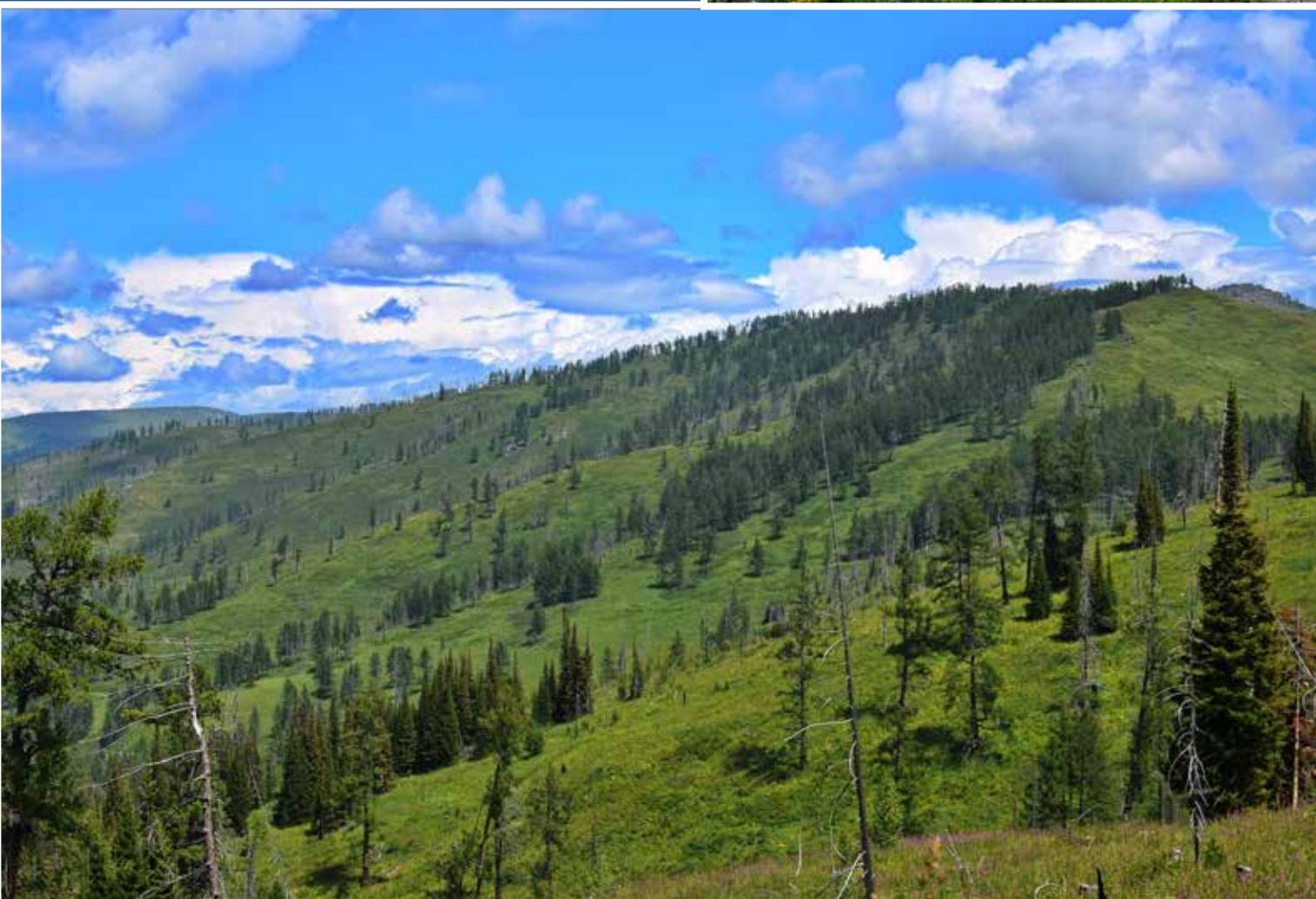
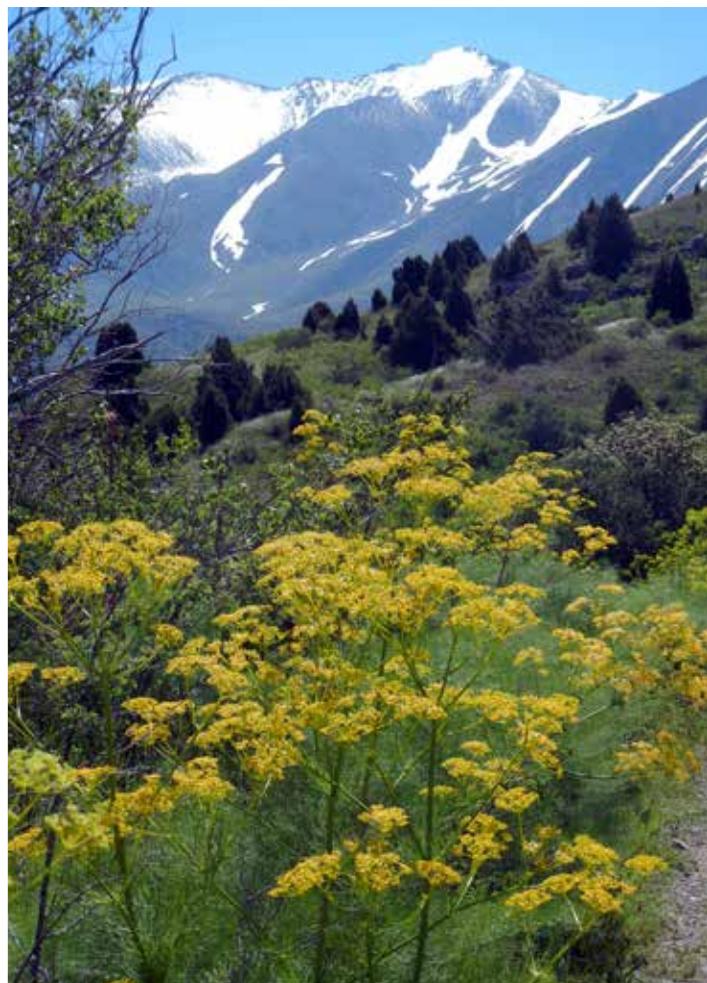

А.Ф. Ковшарь

ОТ ТЯНЬ-ШАНЯ ДО АЛТАЯ

А.Ф. Ковшарь

ПРИРОДА КАЗАХСТАНА

через объектив зоолога

(фоторассказы из цикла «Уходящая натура»)

Книга 1. ОТ ТЯНЬ-ШАНЯ ДО АЛТАЯ

Нумерация районов: 1 – Западный Тянь-Шань, 2 – Северный Тянь-Шань, 3 – Центральный Тянь-Шань, 4 – Джунгарский Алатау, 5 – Тарбагатай-Саур, 6 – Алтай (в том числе Гобийский Алтай на юге-востоке)

Алматы – 2024

УДК 59 (574)
ББК 28.6 (5Каз)
К56

Ковшарь А.Ф. **Природа Казахстана через объектив зоолога** (фото-рассказы из цикла «Уходящая натура»). В двух книгах. Книга 1. **От Тянь-Шаня до Алтая**. Алматы, 2024. 264 с. Илл. 714.

Автор книги, известный казахстанский учёный-орнитолог, посвятивший изучению птиц Казахстана более полувека (1959-2015) и все эти годы занимавшийся фотосъёмкой природы, в данной книге представил фотолетопись своих путешествий, максимально иллюстрируя текст рассказов, написанных вполне доступным для неспециалиста языком и в то же время содержащих много познавательной информации о ландшафтах нашей страны и населяющем их животном мире. Термин «уходящая натура», применяемый им в самом широком смысле, говорит о том, что всё в этом мире преходяще, «всё течёт, всё изменяется», вплоть до, казалось бы, вечных ледников и скал, и отразить эти изменения может только беспристрастный объектив... Не меньший интерес для современного читателя могут представлять зафиксированные фотообъективом на протяжении более чем полувека изменения уклада жизни, в том числе в экспедиционных условиях, а также участники этих событий, многие из которых достойны упоминания и описания как специалисты и личности...

ISBN 978-601-809387-8-3

Kovshar A.F. **Nature of Kazakhstan through a zoologist's lens** (photo stories from the “Fading nature” series). In two books. Book 1. **From Tien Shan to Altai**. Almaty, 2024. 264 pages with illustrations: 714.

The author of the book, a famous Kazakh ornithologist, who devoted more than half a century to the study of the birds of Kazakhstan (1959-2015) and spent all these years photographing nature, in this book presented a photo chronicle of his travels, illustrating the text of the stories, written in a language quite accessible to a non-specialist and at the same time containing a lot of educational information about the landscapes of our country and their fauna. The term “fading nature,” used by him in the broadest sense, suggests that everything in this world is transitory, “everything flows, everything changes,” right down to the seemingly eternal glaciers and rocks, and only an impartial lens can reflect these changes... Of no less interest to the modern reader may be the changes in the way of life recorded by a photographic lens for more than half a century, including the conditions for conducting scientific expeditions, as well as the participants in these events, many of whom are worthy of mention and description as specialists and personalities...

Рецензенты:

Кандидат биологических наук Л.Я. Боркин (ЗИН РАН, Петербург, Россия).

Кандидат биологических наук М.А. Чирикова (Институт зоологии КН МНиВО, Алматы, Казахстан).

ISBN 978-601-809387-8-3

© А.Ф. Ковшарь, 2024 – текст, иллюстрации, структура

© Г.Н. Бейкова, 2024 – компьютерный дизайн, вёрстка

© Белоусова Л.К., Белялов О.В., Ильяшенко Е.И.,

Ковшарь В.А., Ковшарь И.А., Стариков С.В. – фото

(и ещё 25 чел. - см. алфавитный указатель в конце книги)

От автора

Уходящая натура... Эта расхожая фраза киношников имеет на самом деле намного более широкое значение, чем просто первоочередная съёмка сцен того или иного времени года, которое уже на исходе (поэтому и приходится снимать сначала конец фильма или его середину, а уж потом – начало).

Если вдуматься, то всё в окружающем нас мире – в той или иной мере уходящая натура, в том числе и мы сами. Человек рождается как чистый лист, с абсолютно пустой «картой памяти», которая заполняется постепенно: сначала под влиянием первых впечатлений от окружающего мира, затем усилиями родителей, школьных и вузовских учителей; под влиянием учебников и просто литературы; и наконец – в ходе приобретения личного опыта самостоятельной профессиональной деятельности, личной и общественной жизни. Через несколько десятилетий личная «карта памяти» настолько заполнена, что есть чем поделиться с ближним, особенно более молодым по возрасту и менее опытным. И тот, которому это удастся сделать вовремя (воспитав учеников, написав учебники или другие полезные книги), приносит обществу гораздо больше пользы, чем тот, кто уносит свой опыт и знания с собой в мир иной. Однако людям не свойственно задумываться об этом, и по-настоящему начинаешь ощущать себя той самой «уходящей натурой» только где-то лет после 80, когда вдруг замечаешь, как стремительно меняется мир... В более раннем возрасте наиболее часто на неумолимый бег времени обращали внимание поэты, которые во все века предавались лирико-философским размышлениям о проблемах жизни и смерти. Вспоминается Пётр Вяземский, который ещё в 1837 году (за сто лет до рождения автора и почти 200 лет до нынешнего времени!) написал:

*Я пережил и многое, и многих,
И многому изведаль цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днём всё ближе и темней;
Усталых дум моих полёт стал низок,
И мир души безлюдней и бедней [...]*

*По бороздам серпом пожатой пашни
Найдёшь ещё, быть может, жизни след;
Во мне найдёшь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.*

Печально и грустно это, особенно в конце жизненного пути. Но справедливо. Потому что нет иного способа сохранить непрерывность существования человеческой цивилизации даже на такой большой планете...

Вполне применим термин «уходящая натура» даже к ландшафтам, хотя здесь изменения, как правило, настолько замедлены, что простым глазом нам не дано их видеть – ни многолетних сукцессий растительности в лесу или степи, ни постепенного сокращения площади ледников в горах, ни изменения очертаний берегов водоёмов. Но если сделать определённые точно датированные моментальные засечки, то через несколько десятилетий мы можем надеяться на получение вполне зримых результатов этих многолетних изменений. Современная продолжительность человеческой жизни (70-80 лет, а то и больше) позволяет увидеть результаты даже полувековых изменений. Приведу лишь три примера.

В 40-х гг. XX ст. в заповедниках нашей страны (тогда – СССР) было введено ежегодное задание «Летопись природы». В рамках его выполнения научные сотрудники заповедника были обязаны вести в документе того же названия записи о фенологических явлениях (установление и сход снежного покрова, начало цветения избранных видов растений, даты прилёта отдельных видов птиц, даты и места схода лавин и т.д.). В 2001 г. во время работы над методическим пособием «Мониторинг биологического разнообразия заповедника Аксу-Джабаглы», я сопоставил две свои фотографии, снятые с одной точки через 40 лет (рис. 37 и 38 на с. 18), на них хорошо видно – насколько гуще за эти годы стали заросли арчи и как зарос кустарником крупный оползень 50-х гг. Поэтому в данном пособии мы предусмотрели, помимо сведений текстово-табличного формата, также подраздел «Фотомониторинг ландшафта» с требованием ежегодно делать ключевые фотоснимки в постоянных точках с подробным описанием места и условий фотосъёмки.

Второй пример – озеро Иссык (Есик) в одноименном ущелье Заилийского Алатау в 50-60 км восточнее Алматы, уничтоженное мощным селом в один день – 7 июля 1963 г. Более двух десятилетий озера не существовало, и только к 90-м гг., благодаря усилиям человека, оно стало наполняться. Сейчас, спустя 60 лет после этой катастрофы, практически невозможно найти фотографии того, прежнего озера Иссык. Третий пример – знаменитый Бартагойский тугайный лес, воспетый в рассказах Максима Дмитриевича Зверева (1896-1996), затопленный к 1986 г. при создании одноименного водохранилища ...

Приведенные примеры убеждают в том, что летопись природы нужна не только в заповедниках. Необходимо оставлять на память потомкам хотя бы изображения тех прекрасных (и не только!) ландшафтов, которые независимо от причины – по воле или недомыслию человека, или же вследствие грозной природной стихии – навсегда исчезли. Сейчас развитие фототехники достигло таких высот, что практически владелец любого мобильного телефона в состоянии сохранить в достаточно высоком качестве изображение понравившегося ему предмета. Хотя чаще всего возможности эти реализуются весьма однобоко – в виде т.н. «сэлфи», т.е. фотографирования себя любимого (один из лучших фотографов XX ст. Юрий Рост назвал это модное увлечение смертью фотографии, и по большому счёту он прав).

К счастью, кроме сэлфи, распространено также фотографирование птиц и цветов, что можно только приветствовать – как и съёмку любых других прекрасных творений Природы – насекомых, пауков, пресмыкающихся, земноводных, млекопитающих и т.д. Каждый зоолог и ботаник знает, что любой такой снимок имеет научную ценность лишь тогда, когда точно известно место и дата съёмки (без такой этикетки научное значение снимка теряется). То же самое надо сказать и о ландшафтном снимке: здесь также необходимы дата и подробное описание (а при возможности – и точные координаты) места съёмки. Фотоснимки, снабжённые указанием точного места и даты съёмки, могут оказаться бесценным документом – свидетельством того, как выглядело это место в момент съёмки, и сослужить службу при сравнении со снимком, сделанным здесь же через несколько десятков лет – пусть даже другим лицом, в том числе вашим внуком или правнуком.

Эта, казалось бы, простая мысль, родилась у меня далеко не сразу и не без помощи коллег. А до этого с 1959 года, с начала работы в заповеднике Аксу-Джабаглы, помимо объекта своих исследований (птицы, их гнёзда, яйца и птенцы) десятилетиями я фотографировал всё – растения, животных, людей и ландшафты во всех местах, куда забрасывала меня судьба зоолога-полевика. Сначала простенькой камерой «Зоркий-4», затем – «Зенит», «Старт», «Canon», «Nikon» и т.д., до современных цифровых фотокамер и ... мобильных телефонов с хорошей разрешающей способностью встроенных в них цифровых камер.

Накопившийся таким образом многолетний фотоархив заставлял искать пути его использования. И в процессе этих поисков родилась идея фото-рассказа. Это не фотоальбом, где основу составляют красивые снимки высокого качества, а тексту отводится второстепенная пояснительная роль в виде краткой подписи. В фото-рассказе текст и фотоснимок играют почти равную роль, иллюстрируя и объясняя друг друга. Главное при этом – даже не художественная ценность и технические качества снимка, а документальность. Та самая, которая может стать точкой отсчёта для будущих фотографов-натуралистов в поисках изменений, происходящих в природных ландшафтах... Не меньший интерес для современного читателя должны представлять зафиксированные беспристрастным фотообъективом на протяжении более чем полувека общие изменения уклада жизни, особенно в экспедиционных условиях, а также участники этих событий, многие из которых достойны упоминания и описания как специалисты и личности...

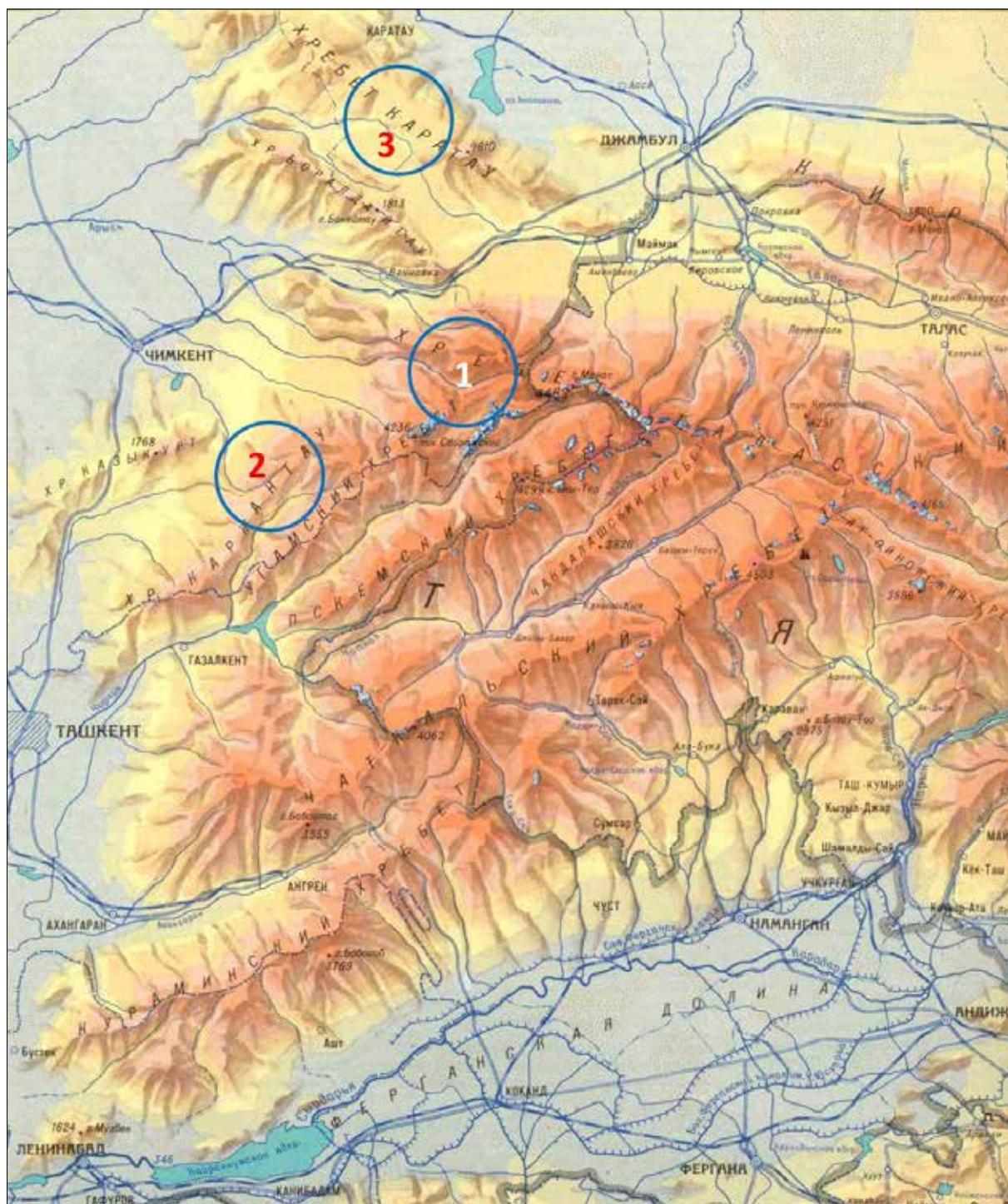
Представляемая ниже подборка фото-рассказов – первая проба пера в этом новом жанре. Мне повезло: обе мои дочери – Виктория и Ирина Ковшарь – также биологи-полевики. Уже много лет в процессе работы в проектах по особо охраняемым природным территориям они фотографируют природу, в том числе и в местах, где мне не удалось побывать. Их дорогой пошла и старшая внучка – Элина Мальцева – по образованию молекулярный биолог, по в последние годы также активно участвующая в эколого-природоохранных проектах по линии МСОП и ЮНЕСКО. Все они, как и многие мои коллеги, поделились своими прекрасными фотографиями для моих текстов, за что я им очень признателен.

Конечно же из всей многообразной природы Казахстана в первую очередь выбор пал на ландшафты гор, с которых начиналась профессиональная деятельность всего нашего семейства, свято верящего, что лучше гор могут быть только горы. Порядок описания горных ландшафтов принят мной с запада на восток: Западный Тянь-Шань (рассказы 1-3), Северный Тянь-Шань (4-11), Центральный Тянь-Шань (12-16), Джунгарский Алатау системы Борохоро (17-21), Тарбагатай с Сауrom (22-25) и Южный Алтай (26). В самом конце – два рассказа о поездках в Центральный и Гобийский Алтай, уже за пределами Казахстана.

Отдельными рассказами с августа 2023 г. материал печатался в цикле «Уходящая натура» на портале Veters.kz - «Ветер странствий»: <https://veters.kz/category/special-projects/uhodyashhaya-natura/?lang=ru>.

8 июня 2023 г. – 20 июня 2024 г.

Западный Тянь-Шань

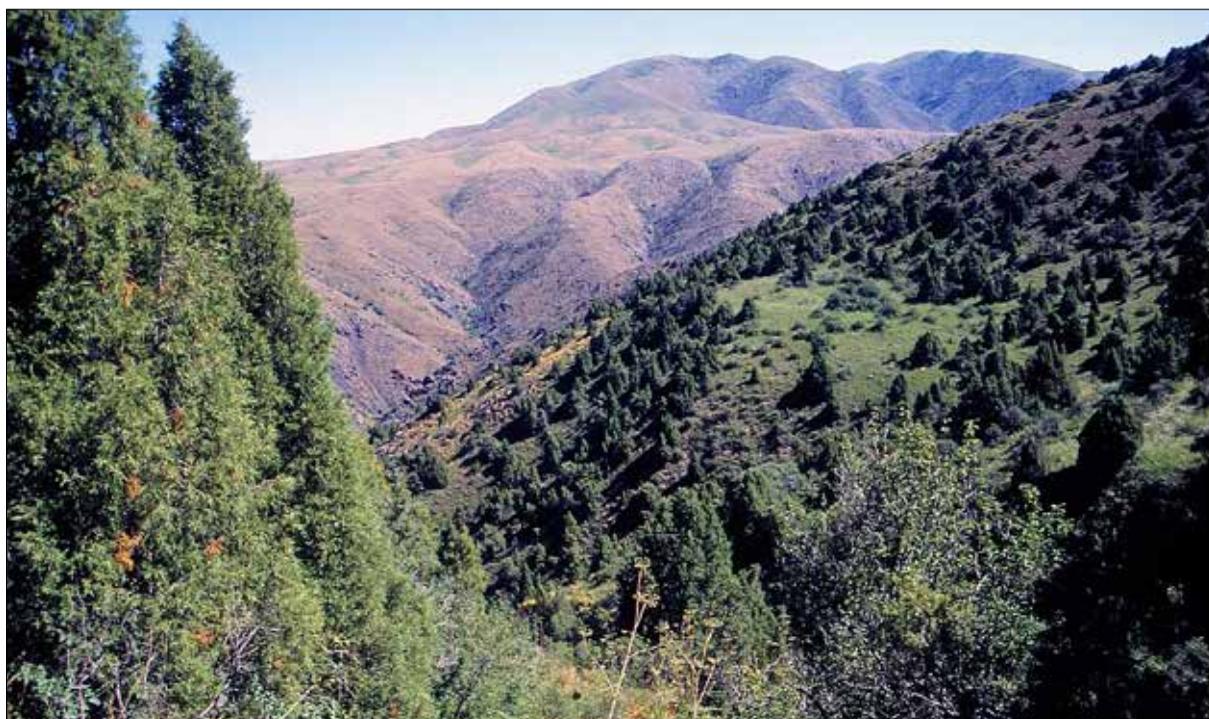

Цифрами в кружках обозначены территории, которым посвящены рассказы:
1 – заповедник Аксу-Джабаглы, 2 – хребет Каржантау, 3 – горы Карагау

1. Заповедник Аксу-Джабаглы (1959-1966, 1970...1987, 2001, 2003, 2014, 2016)

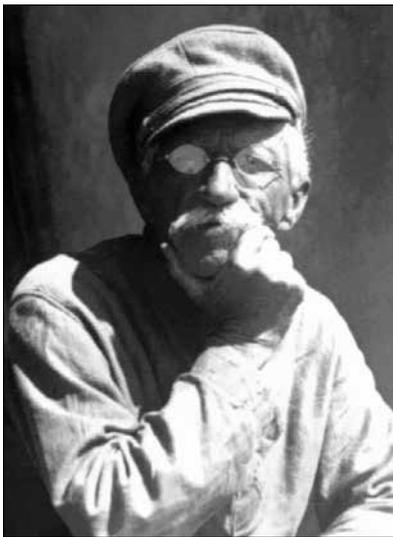

Рис. 1. Вид с перевала Кши-Каинды (хр. Таласский Алатау, 3100 м) на юг, в сторону Аксу. Июнь 2001.

Рис. 2. Арчевники Кши-Каинды (1800 м) и южные склоны Джабаглытау (Койлыбайжайлау). Август 1998.

Более ста лет назад, в июле 1920 года район мощного горного узла западной части хребта Таласский Алатау, с которого на запад вытекает река Аксу, а на север – река Джабаглы, посетил профессор только что созданного в Ташкенте Среднеазиатского университета (САГУ) гидробиолог А.Л. Бродский, член недавно организованного Туркестанского комитета по охране памятников старины, природы и искусства (Туркомстарис). Нетронутая дикая природа, богатая флора и фауна этой местности произвели на учёного столь сильное впечатление, что он обратился в Туркомстарис с предложением об организации здесь заповедника. Комитет поддержал его и в 1922-1923 гг. направил в этот район группу профессоров САГУ – ботаников М.Г. Попова, Е.П. Коровина и М.В. Культиасова; почвовед Н.А. Димо и эколога Д.Н. Кашкарова с целью: ознакомиться с ландшафтом, почвами, растительным покровом и животным миром верховьев рек Аксу и Джабаглы и дать своё заключение. Такое заключение было получено. А поскольку оно совпадало с мнением лесного и сельскохозяйственного ведомств (сохранение горных лесов важно для орошения предгорий и значительных площадей подгорной равнины Южного Казахстана), то уже в феврале 1925 года на техническом совещании Чимкентского Уземотдела было принято решение создать заповедник в кратчайший срок; 12 октября 1925 г. утверждено «Определение особой комиссии ВЦИК по землеустройству», в котором запланированы работы по отводу территории заповеднику, а 14 июля 1926 г. Совет Народных Комиссаров Казахской Автономной ССР постановил: **учредить государственный заповедник Аксу-Джабаглы** (27 мая 1927 г. постановление утвердил Совнарком Российской Федерации).

Рис. 3. Борис Петрович Тризна (1867-1938). 1935. Фото Л.М. Шульпина или Р.Н. Мекленбурцева.

Рис. 4. Леонид Михайлович Шульпин (1905-1942). Год и автор фотографии не известны.

Рис. 5. Л.М. Шульпин на полевых работах в горах Аксу-Джабаглы. 1933. Фото Р.Н. Мекленбурцева

Первым директором заповедника стал Борис Петрович Тризна (1867-1938), который уже с 1925 года, ещё до принятия официального постановления, организовал охрану этой территории от порубок и браконьеров силами небольшой кучки местных энтузиастов. Более подробно эти 10 лет подвижничества удивительного человека, любителя и знатока природы Южного Казахстана, которого хорошо знали многие исследователи-натуралисты, включая и знаменитого Н.А. Зарудного (1959-1919), я описал в выпуске Трудов заповедника Аксу-Джабаглы, изданном к 50-летию юбилею заповедника (Ковшарь, 1976).

С первых же дней создания Туркомстариса, несмотря на преклонный возраст, Тризна принял самое деятельное участие в работе по охране природы. Ряд лет он является уполномоченным по охране природы в Сырдарьинской губернии, заведует краеведческим музеем в Кызыл-Орде, состоит председателем Сырдарьинского отдела Общества изучения Казахстана. Он одним из первых поднимает вопрос о сохранении знаменитой мечети Ходжи Ахмеда Яссави в городе Туркестане и организует комиссию по охране этого памятника. Истоки такой широкой образованности и разносторонности интересов Бориса

Петровича стали известны только недавно, после публикации в 2009 г. Архивом Президента Республики Казахстан и Посольством Украины в Республике Казахстан книги «**Казахстан – Украина. Дороги и перекрестки**», где на с. 17-19 напечатана «Краткая автобиография-исповедь» Б.П. Тризны. Из её текста и предпосланного ей вступления стало ясно, что этот образованнейший для своего времени человек был одним из потомков архимандрита Иосифа Тризны, возглавлявшего Киево-Печерскую лавру в 1647-1656 гг., а в Среднюю Азию был сослан в 1887 г. за причастность к Лопатинскому процессу народовольцев; 5 лет служил солдатом в Ташкенте и только в 1892 г. произведен в офицеры... А в 1917 г., после февральской революции, делегаты от населения Сырдарьинской и Самаркандской областей избрали его комиссаром Сырдарьинской области. В июне 1918 г. Б.П. Тризна – краевой комиссар военной народной охраны Туркестанских путей сообщения, с 15 августа 1922 г. – начальник по охране зарослей дармина (цитварной полыни) при Чимкентском сантонинном заводе, а с 24 октября 1924 г. – помощник директора того же завода по охране зарослей дармина. Рекомендую Б.П. Тризну на должность директора заповедника Аксу-Джабаглы и уполномоченного по охране природы Сырдарьинской губернии, Туркомстарис в письме Сырарьинскому губисполкому от 12 февраля 1925 г. особо подчёркивал его авторитет среди местного населения: «Безупречность Б.П. Тризны, проживающего в Туркестане несколько десятков лет, всем известна, и отношение к нему местного коренного населения не оставляет желать лучшего. При вручении дела охраны и общего наблюдения за заповедником Б.П. Тризне Комитет будет уверен, что это дело находится в надёжных руках и избавит как Комитет, так и губисполком от ряда недоразумений и эксцессов между охраной и населением» (Ковшарь, 1976, с. 18-19).

После того, как в мае 1926 года по границе территории будущего заповедника были установлены столбы с надписями на казахском и русском языках, эту территорию стали охранять. Из переписки Тризны с вышестоящими органами (которая в годы моей работы в 1959-1966 гг. была в прекрасной сохранности среди других архивных документов), явствовало, что в течение первых 10 лет штат заповедника состоял из директора, инструктора охраны (П.Л. Дымович) и пяти наблюдателей, располагавших двумя казёнными лошадьми. В обоих палеонтологических заповедниках – Акбастау и Карабастау – было по одному пешему наблюдателю. В 1928 г. Тризна писал в ГубОНО: «Должен с удовлетворением констатировать, что первое время все бедняки и середняки вели себя вполне корректно, в чём я убеждался лично не один раз. Но три бая решили, что им можно наплевать на все распоряжения и законы и забрались с несколькими тысячами баранов в центр заповедника. С тех пор и до сегодняшнего дня я веду борьбу за интересы науки и за нагло попираемый престиж Советской власти и её постановлений» (Ковшарь, 1976, с. 19). В этом же очерке, на с. 20-26, подробно описана борьба Б.П. Тризны против участвовавших случаев официальных разрешений руководства на пастбу скота в заповеднике со ссылками на засушливый год. Так, уже в 1927 г. он представил руководству докладную записку «К вопросу об использовании пастбищ заповедника Аксу-Джабаглы», где в частности говорится: «По долгу своей службы Советскому Казахстану я обязан защищать научно-культурные интересы... Я не преуменьшаю размеров кормового бедствия. Я горячо сочувствую попыткам спасти скот. Я прошу только серьёзно подумать о заповеднике и его задачах и не разрушать, буде возможно, того, что не подлежит разрушению». Указав, что пастбищная площадь заповедника не более 500 десятин, Борис Петрович убедительно доказывает, что при имеющихся масштабах бедствия это капля в море ... Его переписка показывает, в каком тяжёлом материальном положении был заповедник:

«К концу 1931 г. только героические усилия наблюдателей спасли заповедник от гибели. В 1931 г. я не имел совсем утверждённого бюджета. Мы были раздеты, жили в буквальном смысле впроголодь, работали почти без транспортных средств, а для кормления двух выбившихся из сил от непосильной работы двух калек-лошадей с разбитыми ногами и растёртыми спинами и двух ишаков я вынужден был непрерывно занимать мелкими суммами у своих знакомых и просить своего сына в меру возможности погашать мои долги по содержанию заповедника» (Тризна – Сектору науки Наркомпроса РСФСР, 1932 г.). Результат 10 лет такого подвижничества: заповедник выжил и в 1935 г. появился первый научный сотрудник (ботаник А.П. Масальский). А в 1937 г. по ложному доносу Б.П. Тризна был обвинён в растрате денежных средств и снят с поста директора заповедника. Последний год 70-летний Борис Петрович, не имея средств к существованию, доживал в семье бывшего наблюдателя заповедника у его границы близ каньона р. Аксу, где и был похоронен. Здесь до 60-х гг. существовал аул Котурбулак (я его застал), в 90-х х гг. от него оставалась овечья кошара, от которой сейчас сохранился

только фундамент... Но, как сообщила мне орнитолог заповедника Е.С. Чаликова, оставшееся после аула кладбище (на нём, *возможно*, была и могила Б.П. Тризна) огорожено и ухожено...

Таким образом, если профессора САГУ А.Л. Бродский, Д.Н. Кашкаров, М.Г. Попов, Е.П. Коровин, М.В. Кульгиасов и Н.А. Димо были, образно говоря, крёстными отцами заповедника Аксу-Джабаглы, то Борис Петрович Тризна по праву является его **отцом**, вырастившим заповедник в первые трудные 10 лет. Он же за эти 10 лет организовал и научное исследование его территории – в первую очередь географическое, геологическое, а затем – и биологическое, пригласив в заповедник орнитолога Л.М. Шульпина (1905-1942).

И когда сейчас, во время очередного юбилея, я слышу предложения присвоить заповеднику имя какого-нибудь высокопоставленного чиновника, подписавшего документ о его создании, я вижу в этом ещё одну **вопиющую несправедливость** по отношению к человеку, отдавшему созданию заповедника последнее десятилетие своей жизни и в итоге погибшему оклеветанным... Если есть справедливость, то она в данном случае должна восторжествовать присвоением заповеднику имени Бориса Петровича Тризна.

Рис. 6 и 7. Сотрудники заповедника около дома дирекции и у научного отдела. Апрель 1961 г.

В 1959-1966 гг., когда я работал в заповеднике, его коллектив насчитывал не более 30 человек, в том числе 14 человек охраны (их называли наблюдателями, а с середины 60-х гг. – егерями), 6 сотрудников научного отдела (в т. ч. лаборант и препаратор), два водителя грузовых машин, тракторист и т.д. Среди них – представители 11 национальностей, даже чувашка Ульяна Сидорова. На двух приведенных фотографиях – основная часть коллектива, проживающие в с. Новониколаевка (ныне Жабаглы). Из уважения к их памяти я хочу назвать по возможности каждого из сотрудников, среди которых только два приезжих начальника – из Алма-Аты и Чимкента. Перечисление на обоих снимках идёт справа налево.

Рис. 6. В первом ряду (перед штaketником) – наблюдатель cordона Каралма И.И. Баранов, начальник охраны В.С. Калинин, наблюдатель cordона Талдыбулак И.А. Илензеер, зам. директора по науке А.Ф. Ковшарь; во втором ряду сидят – директор заповедника К.И. Тасанбаев, главный лесничий А.А. Ивановский, зам. начальника Главного управления заповедников Какижанов (Алма-Ата), старейший наблюдатель cordона Аксу-правая Темиралы Бурыйбаев (его принимал на работу ещё Б.П. Тризна), наблюдатель cordона Чуулдак Мураталы Сабаев; стоят в 3-4 рядах – наблюдатель cordона Топшак Г.Е. Клюкин, лаборант А.А. Аитов, кассир Р. Шагабутдинова, наблюдатель cordона Джабаглы В.М. Жируев, облохотинспектор Соловьёв (Чимкент), наблюдатель cordона Аксу-левая Альжан Есалиев, рабочий С.К. Лавров, конюх В. Халявко, рабочий П. Дорошенко.

Рис.7. Сидят – К.И. Тасанбаев, В.С. Калинин, М. Сабаев, В.М. Жируев, В. Халявко, С.К. Лавров; стоят – старший научный сотрудник гидробиолог Т.А. Ковшарь, И.И. Баранов, Темиралы Бурыйбаев, Альжан Есалиев, секретарь А.Д. Ткаченко, И. Илензеер, Г.Е. Клюкин, уборщица Ульяна Сидорова.

Рис. 8. Центральная усадьба в 1960 г.

Рис. 9. Кордон Альжана Есалиева «Аксу-левая». Май 1960 г.

Особого упоминания заслуживают научные сотрудники заповедника, которые на протяжении 90 лет изучали его природу, растительный покров и животный мир, сделав имя «Аксу-Джабаглы» известным во всём научном мире. Многие из них отдали заповеднику значительную, а то и большую часть своей жизни. Так, выпускница САГУ (ученица проф. Е.П. Коровина) ботаник Нурания Халиловна Кармышева проработала в заповеднике 20 лет (1939-1959), выпускница Харьковского университета ботаник Анна Андреевна Иващенко – 22 года (1963-1985), выпускница того же университета ботаник Л.К. Белоусова – 20 лет (1987-2007), выпускница Томского университета орнитолог Е.С. Чаликова – 31 год (1982-2013). Много и плодотворно работали в заповеднике **зоологи**: П.А. Янушко (1936-1943), В.И. Орлов (1937-1939), В.В. Шевченко (1943-1959), Ф.Д. Шапошников (1952-1955), А.Ф. Ковшарь (1959-1966), Р.Н. Фисечко (1962-1971), В.А. Вырыпаев (1964-1970), В.А. Обидина (1968-1988), Б.М. Губин (1970-1973), Е.В. Ишков (1970-1985), А.А. Цветкова (1971-1974), А.Д. Джаныспаев (1976-1977), Т.Б. Бургело (1977-1987), А.В. Мельников (1977-1981), Ю.А. Грачёв (1978-1980), Е.М. Белоусов (1987-1995), Ю.А. Бескокетов (1988-1995), В.Г. Колбинцев (1988-2002), В.Ф. Шакула (1990-1999); **ботаники**: А.П. Масальский (1935-1939), И.М. Кульгиасов (1947-1949), В.Д. Утехин (1960-1962), А.Х. Олонцева (1983-1991); **гидролог и гляциолог** Р.Р. Вагапов (1995-2004). Многие из них после успешного «старта» в заповедникеполнили ряды учёных казахстанской Академии наук или преподавателей высших учебных заведений в Казахстане и за его пределами.

*****

О природе заповедника написано очень много, в том числе и в 11 выпусках его Трудов (1948-2016) и вся эта информация подтверждает, что он действительно может служить эталоном ландшафтов северного макросклона Западного Тянь-Шаня (в отличие от южного макросклона в нём отсутствуют ореховые леса). Вот лишь одна цитата из статьи специалиста-географа «Рельеф Аксу-Жабаглинского заповедника»: «Аксу-Жабаглинский заповедник уникален не только длительностью установленного в нём охранного режима и разнообразием представленной флоры и фауны. Неоднократно – в том числе и его основателями – подчёркивалась уникальность географического положения заповедника и его рельефа. Первое – это окраинное положение в пределах орогенов Центральной Азии, на границе с крупнейшими внутренними равнинами. А по сути – это северо-западный форпост их высокогорий. Второе обстоятельство – это представительность, репрезентативность по части почти полного охвата высотных ярусов рельефа в пределах довольно компактной территории заповедника, по разнообразию представленных в нём форм и рельефообразующих процессов, типичных для гор Центральной Азии» (Буланов, 2016, с. 94).

Как считают географы, вдоль гребня Таласского Алатау проходит так называемый Таласо-Ферганский разлом: правосторонний сдвиг регионального значения со смещением в 120 км. Движения по этому разлому, начавшиеся ещё в палеозое, активно продолжаются и в настоящее время, причём,

движения эти связывают с давлением, которое оказывает на Азию с юга Индостанская литосферная плита; эти движения вызывают интенсивное горообразование в Центрально-Азиатском регионе (Буланов, 2016). Горы заповедника сложены в основном из осадочных пород палеозоя.

Рис. 10 и 11. Верховья р. Джабаглы (конец мая 1953 г.) и петроглифы Каскабулака (3600 м). Фото Ф.Д. Шапошникова

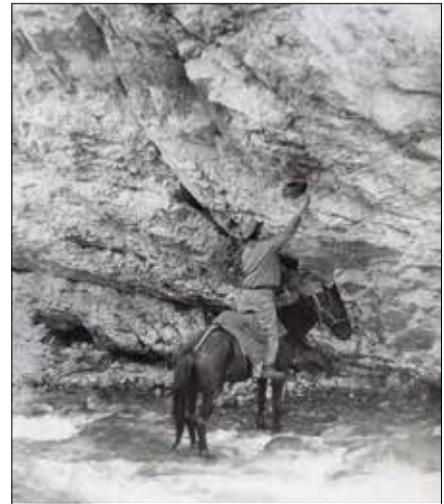

Рис. 12. Панорама на юг с вершины Каскабулака (с ружьём – автор). 5 августа 1963 г. Фото А.А. Иващенко

Рис. 13. Расположение гнезда синей птицы. Река Балдыбрек, Кольжайлау. Сентябрь 1963 г. Фото И.А. Кривицкого

Абсолютные высоты в пределах заповедника – от **1260** м (русло реки Аксу в каньоне на западной границе) до **4238** м над уровнем моря (Сайрамский пик на юго-западе). Большая часть его территории находится выше 2000 м, ниже этой отметки расположены лишь урочища Талдыбулак, Байбарак, Жетымсай, Ргайлы, Дарбаза (на северной и западной окраинах). Две группы вершин поднимаются выше 4000 м. Одна из них (около 10 пиков, включая Сайрамский) – в Угамском хребте; другая группа с г. Аксуат (4027,4 м) – у восточного окончания хребта Алатау. Немного не достигают четырёхтысячной отметки отдельные вершины Бугулутургау; вершины Каскабулак и верховья р. Саркрама в хребте Алатау имеют высоту более 3800 м. Для 2/3 площади заповедника характерен *высокогорный* тип рельефа; для 1/5 его территории – *среднегорный* (горы Жабаглытау и левобережье Джабаглы на севере; верховья Ирису и горный кряж междуречья Аксу – Бала-Балдабрек: урочища Чуулдак и Чимбулак на западе).

1. **Высотная поясность** – краткое описание внешнего вида (*доступного объективу фотоаппарата*)

Как и в любой горной местности для ландшафтов заповедника характерна высотная поясность, но поскольку территория его полностью находится в горах, то из пяти высотных поясов **предгорный пояс** (900-1400 м над уровнем моря) практически полностью выпадает из неё, лишь только местами в заповедник входят самые верхние участки предгорий (1260-1400 м). Представленный когда-то степями, типчаковыми и пырейными, этот пояс уже в первой половине XX ст. настолько освоен человеком (распашка, перевыпас), что уже в первой своей монографии (Ковшарь, 1966) я предпочёл вернуть ему название «Культурный пояс», которое применялось по отношению к предгорьям Тянь-Шаня уже в XIX столетии (Северцов, 1873).

Рис. 14. Вид на Каскабулак из села Жабагылы (Новониколаевка). Предгорный пояс, весна. Фото Е.М. Белоусова

Рис. 15. Вид из Талдыбулака на село Жабагылы (Новониколаевка). Вдали горы Каратау. Июнь 2001.

Таким образом, территория заповедника представлена четырьмя высотными поясами: среднегорным поясом **лугостепной и древесно-кустарниковой растительности** (1400-2000 м), переходным от него к высокогорью **субальпийским** поясом (2000-3000 м) и двумя высокогорными – **альпийским** поясом (3000-3800 м) и **нивальным** поясом (выше снеговой линии, проходящей здесь около 3800 м). В отличие от гор бореального типа, горы Средней Азии – Западный Тянь-Шань наглядное тому подтверждение – включают в состав одного высотного пояса очень разные растительные формации: степь, луг, редколесье, растительность скал и пр. Поэтому среднегорный пояс здесь язык не поворачивается назвать **лесным**, хотя лес как таковой имеется лишь в его пределах. Тем более что издали арчовые редколесья совсем не похожи на лес, да и по площади на склонах этого пояса они уступают открытым лугово-степным формациям. Этим северные склоны Западного Тянь-Шаня резко отличаются от склонов Северного, например, в центральной части хребта Заилийский Алатау, где тёмной полосой выделяются еловые леса из ели тянь-шанской.

Основу этого среднего пояса в Аксу-Джабаглы занимают высокотравные суходольные луга и лугово-степи, а на более крутых склонах и холмистых участках террас – каменистые типчаковые степи. Биотопами для пернатых обитателей здесь являются арчовые редколесья, высокотравье суходольных лугов и лугостепей (прекрасные места для серых куропаток и перепелов), каменистые обнажения (населённые кекликами), участки лиственных кустарников и яблони Сиверса, а в понижениях по берегам речек и ручьёв – узкими лентами произрастают ивы и берёзы нескольких видов, создающие с зарослями кустарников в долинах более крупных рек, например, Джабаглы, некое подобие настоящего тугая, где вполне мог бы обитать даже фазан, что и произошло в заповеднике в последние 2-3 десятилетия. Противоположностью суходольным лугам пологой террасы левобережья Джабаглы между её притоками Кши- и Улькен-Каинды являются скалистые склоны с осыпями в небольшом ущелье Талдыбулак, дно которого заросло яблонями Сиверса вместе с ивами, берёзами и зарослями кустарников (см. рис. 20). Южнее каньона Аксу на ещё более раздольной, чем в Улькен-Каинды, пологой террасе правобережья реки Бала-Балдыбрек (рис. 19) – луга и лугово-степи с редколесьями арчи зерважанской.

Рис. 16. Редколесья из арчи полушаровидной в урочище Кши-Каинды. Июнь 2001.

Рис. 17. Высокоствольные арчевники. Кши-Каинды, 1800 м. Июнь 2001.

Рис. 18. Домик Тризны – полевая база. Кши-Каинды, 1800 м. Июнь 2001, разгар цветения живокости.

Безлесный субальпийский пояс представлен субальпийскими лугами и арчовым стлаником, причём в нижней части пояса (2000-2300 м) туркестанская арча представлена довольно высокими и густыми кустами высотой до 2 м (по образному выражению Л.М. Шульпина – «пышный вариант» стелющейся арчи), а по мере поднятия выше 2500 м арча принимает всё более приземистую форму, превращаясь в настоящий арчовый стланик, лепёшки которого, особенно на крутых склонах, имеют высоту не более 20 см; по-сути, это распластанное на земле дерево. Характерная черта западно-тяньшанского арчового стланика – наличие в середине почти каждого такого «круга» арчи торчащего намного выше пучка из лиственных кустарников – чаще всего жимолости или дикой смородины, реже шиповника; каждый из этих трёх родов кустарников

имеет в Аксу-Джабаглы несколько представителей. Такой склон имеет специфический вид – разбросанные тёмно-зелёные круги самой арчи, из которых пучками, как букеты, торчат светлые кустики.

Субальпийский луг и отдельные лужайки большую часть лета пестрят цветами – лютиков, гераней, анемон, луков, водосборов; особенно красивы ярко-оранжевые алтайские купальницы (рис. 22), которые по яркости намного превосходят произрастающих в Северном Тянь-Шане.

Рис. 19. Редколесья из арчи зеравшанской и суходольные луга Чуулдака, 2000 м. Июнь. *Фото Л.К. Белоусовой*

Рис. 20. Выходы разрушенных скал и осыпи. Ущелье Талдыбулак, 1500 м. Июнь 2001.

Рис. 21. Субальпийский пояс в верховьях реки Кши-Каинды (2400-2900 м). Июнь 2001.

Рис. 22. Заросли цветущей купальницы под перевалом Кши-Каинды. 2900 м. Июнь 2001.

Рис. 23 и 24. Цветущий эспарцет колючий (*Onobrichis jechidna*) на перевале Кши-Каинды, 3000 м.

Однако субальпийские луга и лужайки занимают в основном вогнутые формы рельефа, с большим увлажнением от тающих снежников. Более выпуклые формы рельефа заняты типчаковой степью, чаще всего каменистой и с нередкими выходами породы в виде каменистых развалов, скалистых участков и осыпей под ними. Особенно оригинальный вид имеют фриганы – участки каменистой типчаковой степи, покрытые крупными подушками сизоватого цвета (рис. 23, 24) – эспарцетом колючим (*Onobrichis jechidna*). Издали эти плотные полушаровидные образования очень привлекательны, но вблизи оказываются очень плотными образованиями, пронизанными мириадами острых колючек длиной до 3-4 см.

Альпийский пояс (3000-3800 м) в силу того, что не все гребни хребтов достигают этих высот, имеет в заповеднике фрагментарный характер. При полном отсутствии древесно-кустарниковой растительности (лишь отдельные кустики арчи чудом ютятся в трещинах скал) он представлен каменистыми участками, лишь местами покрытыми типчаковой степью. Максимального развития достигают скалы. На склонах северной экспозиции небольшие площади, обычно по соседству с пятнами снега, занимают низкотравные альпийские лужайки; сухие южные склоны покрыты ксерофитной петрофильной растительностью. Очень характерно отсутствие на этих высотах любых платообразных поверхностей: гребни хребтов, как правило, очень острые, с каждого такого гребня начинается спуск в следующее ущелье (рис. 26).

Ещё более фрагментарный характер имеет нивальный пояс, сохраняющийся лишь на отдельных вершинах выше постоянной снеговой линии, проходящей здесь около 3800 м, и в области залегания ледников на этих же высотах (рис. 29 и 30). Растительность здесь практически отсутствует, преобладают каменистые обнажения, фирновые поля, моренные отложения и ледники.

Рис. 25. Южный склон хр. Алатау и гора Бугулутур (справа). 3000-3700 м. Август. Фото Виктории Ковшарь

Рис. 26. Узкий гребень хребта Алатау к востоку от перевала Кши-Каинды. 3100 м. *Фото Е.М. Белоусова*

Рис. 27. Стадо горных козлов в альпийском поясе (северный склон, 3100 м). *Фото. Л.К. Белоусовой*

Рис. 28. Истоки реки Сайрамсу в урочище Ак-тюе-ульген на юго-западной границе заповедника, близ Сайрамского пика. Лето 2003 г. *Фото К.М. Пачикина*

Рис. 29. Ледник в верховьях р. Джабаглы. Лето 2003 г. *Фото Л.К. Белоусовой*

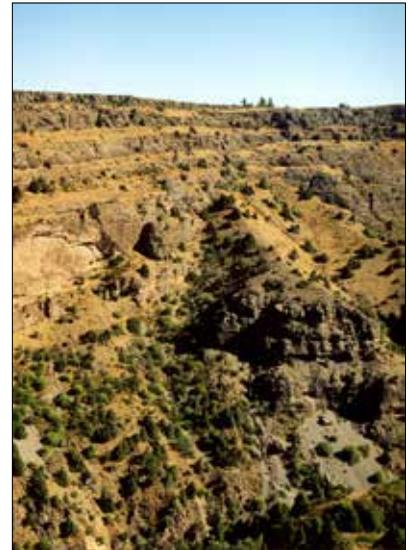
Рис. 30. Ледник Ковшаря (бывший № 10) в верховьях р. Кши-Аксу. Вид с Каскабулака, 5 августа 1963 г.

Эта чёткая схема высотной поясности от 1260 до 4238 м над уровнем моря нарушается в заповеднике наличием каньонов, выходящих далеко за пределы гор на подгорную равнину. Самый известный из них и представляющий собой грандиозное зрелище – каньон реки Аксу, достигающий 500 м в глубину (дно чуть шире самой реки, местами не более 40-50 м) при ширине верхних бортов в пределах 1 км и уходящий от гор почти на 20 км. Глубина его к западу постепенно понижается, и каньон заканчивается недалеко от станции Манкент, где реку Аксу пересекает железнодорожная линия из Алматы в Чимкент.

Рис. 31. Каньон вниз по течению р. Аксу (слева – «лесной» склон северной экспозиции). Июнь 2014.

Рис. 32. Зеравшанская арча на склоне каньона южной экспозиции и река Аксу. Июнь 2003.

Рис. 33. Яблоневый лес урочища Каралма на левом склоне северной экспозиции, конец лета 2001.

Рис. 34. Террасы правого склона южной экспозиции, конец лета 2001. Снято с противоположного склона.

На склонах каньона – элементы биотопов различных поясов (каменистые обнажения, эфемерная полупустыня, редколесья арчи зеравшанской, яблоневый лес, рощи железного дерева, тугай, луговые и степные участки), но как правило, на южном склоне (северной экспозиции, затенённом) сосредоточены арчовые и яблоневые леса, а на северном (южной экспозиции, солнцепёчном) – конгломератовые обнажения в виде отвесных обрывов, а на нешироких террасах – ксерофитная растительность с редколесьем арчи и рощи железного дерева уже ближе к самому водотоку, вдоль которого узкой лентой растут тополь водопадный (*Populus cataracti*) и берёзы нескольких видов. Этот феномен каньона Аксу так и подмывает назвать «горами наоборот».

В целом более 2/3 территории заповедника лишены древесно-кустарниковой растительности: 38.9% занимают каменистые обнажения (скалы, осыпи и каменистые россыпи), 24.6% – открытые травянистые пространства (типчаковые степи – 11.4%, лугостепи и суходольные луга – 10%, субальпийские луга – 1.9%, альпийские лужайки – 0.3% и даже участки эфемеровой полупустыни – 0.1%). Из лесных биотопов (31.2%) на первом месте – стелющиеся арчевники (17.6%), высокоствольные арчевники (12.7%), тугаи вдоль горных речек и ручьёв (0.4%), яблоневые леса и рощи (0.2%) и заросли лиственных кустарников (розарии – 0.3%). Особый вид имеют так называемые прангосовые луга гималайского типа, образованные *Prangos pabularia* (рис. 35) – красивым высоким зонтичным, растущим даже на каменистых склонах среди редколесий арчи: там же иногда можно видеть и небольшие участки ковыльной степи (рис. 36).

Рис. 35. Заросли цветущего *Prangos pabularia* перед ущельем Кши-Каинды, 1800 м. Май 2014.

Рис. 36. Цветущий ковыль на каменистых склонах Кши-Каинды, 1800 м. Июнь 2001 г.

На крутых склонах гор с близко залегающей подстилающей поверхностью материнской породы весной тонкий слой почвы раскисает, и она сползает, образуя так называемые оползни. Зная год схода таких оплывин, можно при периодическом фотографировании этих мест с точным указанием даты рассчитать скорость зарастания таких оплывин арчовым лесом, как и изменения густоты арчевника (рис. 37 и 38).

Рис. 37. Зарастающие высокоствольной арчой оплывины 50-х гг. на склоне Кши-Каинды. Июнь 2001 г.

Рис. 38. Правая часть предыдущего снимка зимой 1961/62 г. Видна разница в густоте зарастания арчой.

Территория заповедника богата почвенными водами, но настоящих озёр здесь нет, если не считать небольших водоёмов площадью в несколько сотен квадратных метров на моренах вблизи ледников или в местах, где речки подпружены обвалами или оползнями. Некоторые к осени почти совсем высыхают, как например расположенное на суходольных лугах между Улькен-Каинды и Каскабулаком Кызольгенколь (рис. 39). Весной, во время таяния снега, со склонов стекают многочисленные ручьи, а значительная часть талой воды уходит под почву или нагромождения камней, вновь появляясь только в нескольких сотнях

метров ниже по склону. К осени такие ручьи обычно пересыхают. Почти совершенно безлесны к концу лета южные склоны хребта Джабаглытау на правом берегу реки Джабаглы, что хорошо видно на том же рис. 39.

Своеобразные ворота глубиной более 100 м и шириной всего 6-8 м прорезала в высокой горной гряде речка Балдыбрэк при выходе на равнину около кордона заповедника; это место так и называется «Дарбаза», что значит «ворота» (рис. 40). Абсолютная высота здесь 1800 м.

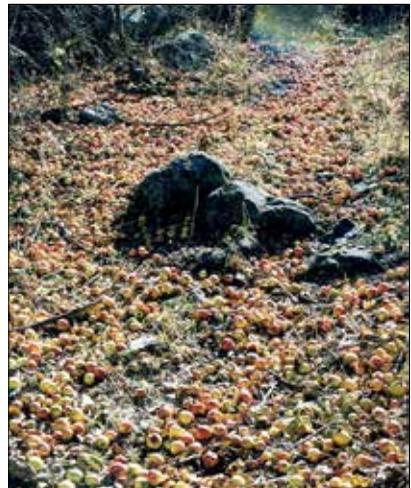

Рис. 39. Пересыхающее озеро Кызольгенколь (2200 м) и сухие склоны Джабаглытау. Сентябрь 2003.

Рис. 40. Виктория Ковшарь у входа в Дарбазу (р. Балдыбрэк). Лето 2003 г. *Фото Л.К. Белоусовой*

Большому разнообразию природных условий, лишь очень незначительная часть которых показана на фотографиях, соответствует и богатый растительный и животный мир. По новейшим данным, на территории заповедника Аксу-Джабаглы произрастает не менее 1312 видов высших растений, 63 видов водорослей и столько же – мохообразных, 64 вида лишайников и 235 видов грибов (Заповедники Средней Азии и Казахстана, 2006). Фауна млекопитающих в заповеднике представлена 52 видами (79.6% от териофауны Западного Тянь-Шаня), а фауна птиц – 247, что составляет 67.8% орнитофауны всего северного макросклона Западного Тянь-Шаня; из них на территории заповедника гнездятся 130 видов, или 91% от всех гнездящихся на северном макросклоне Западного Тянь-Шаня. Рептилий в заповеднике 11, амфибий 3, рыб – 7 видов.

Если из всего перенасыщенного богатства растений назвать хотя бы несколько примеров, то первым среди них будет яблоня Сиверса – прародительница множества культурных сортов (рис. 41-42).

Рис. 41, 42. Плоды яблони Сиверса. В ущелье Талдыбулак в урожайный год. *Фото Л.К. Белоусовой*

Формовое разнообразие яблони Сиверса в заповеднике очень велико, причём в превосходных вкусовых качествах этих яблок легко убедиться, отведав их из растущих рядом деревьев – вкус их бывает совершенно разным. Поэтому так интересуются этой яблоней селекционеры. А для многих животных в заповеднике это очень важный осенний корм – особенно для медведей, которые осенью спускаются из высокогорья в ущелья, где питаются в это время в основном яблоками и шиповником.

Из других растений нельзя не назвать группу тюльпанов, самый красивый из которых, *Tulipa greigii*, избран символом и торговой маркой заповедника (рис. 44). Много написано об этих красивейших цветах, разведением которых в государственном масштабе занимается целая страна (Голландия), но самые глубокие и интересные исследования их провела в заповеднике Аксу-Джабаглы ботаник Анна Андреевна Иващенко, она вместе с Олегом Беляловым является автором самой лучшей книги-альбома, которая так и называется «Казахстан – родина тюльпанов» (Иващенко, Белялов, 2019, 368 с.).

Рис. 43. Массовое цветение тюльпана Грейга у спуска в каньон Аксу. Конец апреля – май. Фото Е.М. Белоусова

Рис. 44. Две морфы тюльпана грейга (бывает полностью жёлтый цветок). Фото Виктории Ковшарь

И ещё одно растение невозможно не упомянуть, говоря об Аксу-Джабаглы, это арча. Так называют в Казахстане и Средней Азии можжевельники рода *Juniperus*, семейства кипарисовых. «Арча – мать леса» говорят на юге Казахстана, и здесь это действительно так, поскольку других хвойных лесов здесь нет. Из трёх произрастающих в заповеднике видов арчи только туркестанская (*J. turcestanica*) имеет здесь кустарниково-стланиковую форму, превращаясь на крутых склонах в плотные округлые лепёшки высотой всего 20 см (хотя в других местах, например, Киргизском Алатау она растёт и в виде деревьев); два других вида – полушаровидная (*J. semiglobosa*) и зеравшанская (*J. seravschanica*) высокоствольные, причём первая достигает всего 3-5 м, имея конусовидную крону полукуста-полудерева, зато зеравшанская вырастает до 20 м в высоту и более 1 м в диаметре ствола, иначе говоря – в два обхвата (рис. 45).

Рис. 45. Деревья-исполины зеравшанской арчи. Балдыбрек, Кольжайлау. 1963 г.

Рис. 46. Подъём на перевал Кши-Каинды 18 ноября 1961 г. (В.Д. Утехин, А.М. Ивасенко).

Арча, которую называли ещё «карандашным деревом» (одно время древесина её шла на изготовление карандашей) обладает целым рядом достоинств. Помимо того, что это – лучший укрепитель крутых склонов, смолистая хвоя арчи издаёт неповторимый запах, целебный для лёгких человека. По этому поводу есть крылатая фраза одного из основателей заповедника профессора Д.Н. Кашкарова: «Кто хоть раз прошёл горной тропой Тянь-Шаня и вдохнул смолистый запах арчи – тот раб навек и цепи свои с любовью будет носить до гроба» (Кашкаров, 1923, 1933). Арча – очень тугорослое дерево: высота её сеянцев к концу первого года вегетации – не более 1-2 см, а дальнейший прирост – не более 1 см в год; поэтому 10-15-летние деревца достигают в высоту всего несколько десятков сантиметров, а 40-50-летние – не более полутора метров (Ковшарь, Иващенко, 1982). Вот как поэтично описывает сложности размножения арчи Анна Андреевна Иващенко в нашей совместной книжке о заповеднике: «Прекрасна она и весной, когла вокруг всё ещё голые кустарники, жухлая прошлогодняя трава и пятна осевшего серого снега. Хвоя её вновь становится ярко-зелёной, распространяет вокруг тонкий аромат, а многие деревья «пылят» – чуть заденешь ветку, и дерево окутывает облако невесомой ярко-жёлтой ароматной пыльцы. В это время завязываются мелкие зелёные шишкоягоды. Растут они долго и созревают на протяжении двух лет. Поэтому и видим обычно на дереве плоды двух типов – мелкие, ещё не сформировавшиеся зелёные молодые этого года, и более крупные, зелёные или чёрно-фиолетовые – прошлогодние. Зрелые плоды осыпаются только к началу третьего года своего развития. Семена прорастают медленно, обязательное условие – стратификация в течение 6-7 месяцев» (Ковшарь, Иващенко, 1982, с. 122). Вот почему столь велика роль естественных распространителей семян арчи – диких животных, к которым относится даже медведь, но особенно птицы, питающиеся её шишкоягодами – дрозды (деряба и чёрный) и альпийские галки. Для этих птиц шишкоягоды арчи – основной корм в течение полугода (с октября по март), причём в их желудках переваривается только мякоть шишкоягод, а семена проходят через желудочно-кишечный тракт не только целыми, неповреждёнными, но и получающими химическую стратификацию при высокой температуре тела птицы, попадая в почву уже вместе с удобрением в виде птичьего помёта (Ковшарь, 1966а, б). В заповеднике мы даже проводили специальные опыты с кормлением арчой деряб в клеточных условиях. Роль деряб и альпийских галок в расселении арчи усиливается ещё и тем, что в зимнее время они совершают регулярные суточные миграции по высоте, на расстояние в несколько километров (Ковшарь, 1966а).

Среди многих достоинств арчи – её долголетие, она по праву занимает одно из ведущих мест в ряду деревьев-долгожителей. В заповеднике вполне обычны деревья арчи в возрасте 200-300 лет, а в музее заповедника экспонируется спил ствола арчи зеравшанской, точный возраст которой **394** года. С арчой связана жизнь многих народов, населяющих и населявших горы Средней Азии. Мягкая и прочная древесина арчи обладает красивым рисунком и очень ценится как поделочный материал, а из-за своей прочности она издавна служила в качестве строительного материала. Именно из арчи сделаны перекрытия во многих всем известных дворцах Бухары и Самарканда. И этот список достоинств арчи ещё далеко не полон...

Богатство фауны воспринимается людьми обычно как наличие крупных животных и прежде всего – копытных и хищных млекопитающих. Везде, где есть скалы, в заповеднике многочисленны сибирские

горные козлы (казахское название тау-тэке или просто «тэк»); реже и только в бассейне Джабаглы встречаются дикие бараны – **архары**, многочисленны **медведи** (подвид: тянь-шанский, или белокоготный); в небольшом числе и только в высокогорье живут **снежные барсы**, которые так же, как медведь и архар, занесены в Красную книгу Казахстана как особо охраняемые животные, находящиеся под угрозой исчезновения. Кое-что об этих четырёх животных в заповеднике я хочу рассказать ниже.

Сибирский горный козёл (*Capra sibirica*). Козлы распространены по всей территории заповедника – везде, где есть скалистые места. Зверь этот по своей природе очень любит скалы, к ним приспособлено всё его тело, весь его образ жизни. В летнее время большую часть дня козлы лежат где-нибудь в тени скал, часто вблизи снега. Здесь они спасаются от жары и от надоедливых слепней, причиняющих животным немало беспокойства. Когда жара спадет, стада козлов поднимаются со своих дневных лежек и сначала медленно, а затем все быстрее спускаются на субальпийские луга, где жадно набрасываются на свежую зелёную траву. Утолив голод, направляются к солонцу, где зачастую остаются до темноты.

Рис. 47. Группа самцов тау-тэке на снежнике. Перевал Кши-Каинды, 3100 м. Июль 1961 г.

Рис. 48. Смешанная группа тау-тэке уходит от человека на перевале Кши-Каинды. 2003 г. Фото Л.К. Белоусовой

Большую часть ночи козлы пасутся. Восход солнца застаёт их уже на пути к местам дневных лёжек, которых они достигают около 9-10 ч утра. С наступлением осени время дневного отдыха сокращается, а зимой козлы проводят на пастбищах уже большую часть дня. Зимуют они, как правило, немного ниже мест их летнего обитания, но некоторые и на зиму остаются у самых вершин гор, где на крутых склонах снег сдувает сильными ветрами.... Однажды, в первые годы работы в заповеднике, я решил проверить это.

Ясным морозным утром 31 января 1961 г. мы с лаборантом Толей Ивасенко (1945-1963) начали подъём на заснеженный крутой склон вершины, разделяющей ущелья Кши- и Улькен-Каинды (между собой мы называли ее Уларья). Давно уже хотелось узнать, какие птицы зимуют на вершине этой горы, достигающей более 3000 м над уровнем моря. Сначала путь наш проходил по высокоствольному, а потом – по стелющемуся арчевнику. Снегу везде было по пояс. Пришлось идти след в след, меняясь сначала через каждые 100 м, затем – через 50, 20 и даже 10 м. После нескольких часов упорного карабка мы достигли края арчевника, где глубина снежного покрова не превышала полуметра. Идти стало легче, но ненадолго: поднялся сильный встречный ветер, буквально валивший с ног. Шли по системе: шаг вперед – три шага назад. Наконец, достигли 3000 м. Здесь уже скалы, под прикрытием которых идти гораздо легче, а на каменистых участках и снега поменьше. Стали попадаться и выдувы – голые плешины особо крутых скатов, где снег сдувает ветром. За несколько часов пути – ничего живого, лишь на снегу и камнях несколько раз попался характерный помет дроздов-деряб (*Turdus viscivorus*) из остатков арчевых ягод. Это было тем более неожиданно, что даже летом дерябы в заповеднике на такую высоту не забираются. А вот, наконец, и знакомый трескучий крик дерябы развеял все сомнения. Уже около самой вершины мы встретили козлов. На голом, свободном от снега щебенистом склоне лежали семь животных: три старых рогача, два самца поменьше и ещё два – подростки-прошлогодки. Значит, не только старые самцы, как принято считать,

зимуют на такой большой высоте! Козлы лежали, подобрав под себя передние ноги и как будто дремали, а поднявшийся ветер постепенно заносил их колючей снежной позёмкой. Внезапно холодный порыв ветра буквально вынес из-за скалы беркута, тот пулей пронёсся мимо козлов и скрылся за позёмкой...

Главными врагами козлов являются волк и барс, а на новорожденный молодняк могут нападать даже лисы и беркуты. Но наибольшую опасность представляет человек. Пугливость козлов в значительной мере зависит от степени преследования их человеком в данной местности. Мне не раз приходилось неделями и даже месяцами жить в каком-нибудь месте среди козлов, и каждый раз я убеждался в том, что там, где этих зверей не преследуют, они довольно быстро привыкают к человеку и всему, что с ним связано, – палатке, костру, лошадям и пр. Самый яркий пример этому – следующий (рис. 49 и 50).

Рис. 49. Стадо козлов на солонце около палатки с людьми. Перевал Кши-Каинды, июль 1961.

Рис. 50. Молодой самец горного козла с признаками линьки. Перевал Кши-Каинды, июль 1961.

В июле 1961 г. мы втроем – я и два лаборанта, Иван Жируев и Абдулла Аитов, – вместе с тремя верховыми лошадьми жили почти полмесяца на перевале Кши-Каинды, а точнее – в небольшом котловане на 50 м ниже самого перевала. Это около 3000 м над уровнем моря, как раз типичное место обитания козлов, которых здесь было немало. Только первые два дня мы их никак не могли увидеть. Затем они стали встречаться поодиночке, по два-три. А однажды на рассвете мы услышали стук копыт совсем близко. Выглянув, увидели двух козлов всего в 20 м от палатки. Они грызли землю как раз в том месте, где вчера были привязаны наши лошади. В этом мы убедились, проверив место через полчаса, когда взошло солнце и животные ушли за перевал. Всё стало ясно: им нужна была **соль**, а расположенные в среднем поясе гор искусственные солонцы (регулярно пополняемые именно для диких копытных!) в этом году были «оккупированы» колхозными отарами овец, запущенными по специальному распоряжению правительства...

К сожалению, соли у нас было мало, всего килограмма два. Сразу же на неё было наложено «вето» и, оставив себе самый минимум и лозунг «беречь каждую крупницу», всю остальную мы высыпали в двух местах – в 10 и 15 м от палатки. На второе утро новоиспеченный «солонец» посетили уже 7 козлов, которые пробыли здесь почти до 9 ч. Мой фотоаппарат работал на полную нагрузку. Козлы уже не обращали ни малейшего внимания ни на палатку, ни на лошадей, вначале неприязненно отнёсшихся к пришельцам. Вскоре и лошади перестали фыркать, храпеть и спокойно паслись, не обращая внимания на этих странных рогатых детей гор, которые почему-то вместо того, чтобы щипать травку, грызли землю.

Почувствовав, что их не трогают, козлы совсем осмелели. В следующий раз они привели всю свою родню – целую общину в 17 голов. Здесь были и самцы, и самки, и безрогие козлята этого года, и красавец-рогач, пришедшийся им, видимо, прадедом. Стадо это приходило ежедневно в 17 ч вечера, когда солнце было ещё высоко. Увидев нас у палатки, козлы останавливались на гребне хребта в 100 м над нами и терпеливо ждали, пока мы допьём чай и зальём костер. И стоило нам уйти в палатку, как все стадо бегом направлялось на солонец и принималось за трапезу.

Поедая солёную землю, вылизывая её, козёл становится на колени и в такой позе стоит до тех пор, пока его не сменит ожидающий собрат. Стадо все время в движении, ни одна особь не стоит на месте более минуты, так же как ни одной минуты не проходит без стука рогов об рога. Эти беззлобные ежеминутные потасовки очень характерны для стада, находящегося на солонце; они несколько напоминают детскую игру

«передай дальше»: получив удар, пострадавший отскакивает и бодает первого попавшегося. Участвуют в этой игре и самцы, и самки. Только самые маленькие непричастны к игре родителей, да старый патриарх никогда не получает тумаков, хотя сам раздает их частенько... Трапеза продолжалась, видимо, всю ночь, так как сквозь сон мы часто слышали стук рогов и топот копыт. Утром все наши гости неизменно оказывались на месте. Часть из них в это время отдыхала. Никакого специального сторожа, но время от времени кто-нибудь (чаще всего одна из старых самок) поднимал голову, настораживался и фырчал, призывая слишком расшалившихся собратьев к бдительности.

Целую неделю приходили козлы к нам в гости. Они приучили нас прятаться в палатку в 18 ч вечера и выходить из неё утром не раньше 9 ч. В это время хозяевами лагеря были козлы, и мы не раз слышали хруст наших сухарей на их твёрдых зубах. А один любопытный молодой самец даже попробовал лежащую под пологом палатки сырую картофелину, но так и не смог её разжевать. Однажды мне надо было взять фотоштатив, забытый как раз недалеко от того места, где пировали козлы. Не желая пугать животных появлением из палатки, я решил прогнать их каким-нибудь звуком, чтобы не подорвать «доверие» к палатке. «Эй, вы, убирайтесь!» — сказал я вполголоса. Козлы подняли головы, прислушались. Через несколько секунд фыркнули и снова принялись за соль. Я произнес эти слова громче. Та же реакция. Тогда я запел. Козлы снова перестали есть соль и прослушали песню до конца. Но не изъявляли никакого желания бежать. Это нас развеселило. Вдвоем с Ваней мы начали петь песню за песней, исполняя их все громче и громче. «Из-за острова на стрежень» пели уже, как подвыпившие гуляки. Всё это козлы выслушивали с терпеливым вниманием, но по окончании пения снова принимались за еду. Наконец, мне пришла в голову счастливая мысль – «завыть волком». Сначала это выходило плохо, и козлы с недоверием слушали странные звуки. Но вот в какой-то момент у меня получилось! Стадо сразу же отпрянуло от соли, и через несколько секунд только топот да скатывающиеся со склона камни свидетельствовали об их былом присутствии...

Поскольку козлы распространены по всей территории, и в первую очередь в самых недоступных местах, никто не знает точно, сколько их в заповеднике. По самым приблизительным прикидкам – не менее нескольких тысяч. Во всяком случае, в долине реки Джабаглы во время учёта архаров мы насчитывали по несколько сотен козлов. Не раз приходилось видеть осенью стада около 200 голов, но самое впечатляющее зрелище видел я в верховьях Джабаглы в августе 1963 г.: 155 отборных самцов-рогачей паслись на каменистом склоне между скал, все как на подбор, лишь несколько особей выделялись по возрасту...

Архар (*Ovis ammon karelini*) относится к группе горных баранов, знаменитых своим колоссальным разнообразием весовых категорий: взрослые особи могут весить от 40 до 200 кг. Столь же велики различия в размерах рогов: длина их изменяется от 67 до 190 см. Поэтому многие специалисты вплоть до середины XX ст. признавали несколько самостоятельных видов баранов, а крупнейший отечественный зоолог XIX ст. Николай Алексеевич Северцов разбивал баранов даже на два рода – муфлонов (7 видов) и собственно баранов, или аргали (5 видов). Позже специалисты сочли всех горных баранов одним родом, состоящим из двух видов – горный баран, или архар, и снежный баран, или чубук. Из 11 подвидов архара в заповеднике обитает тянь-шанский, один из наиболее крупных: высота самцов в холке – около 110 см, длина рога до 129 см; вес самцов – до 170 кг, самок – до 100 кг.

В заповеднике архар водится только в северной его половине, не проникая южнее рек Аксу и Кши-Аксу. Причина проста: являясь настоящим горным животным, архар, тем не менее, избегает скал, предпочитая пологие, сглаженные склоны и платообразные участки. Поэтому мощные скальные обнажения правобережий рек Аксу, Кши-Аксу и Бугулутура – вполне серьёзное препятствие к распространению архара в южную половину заповедника. Занимаемая архарами территория представляет собой сочетание различных типов высокогорного ландшафта, среди которых преобладают сравнительно пологие склоны и террасы, покрытые степной и луговой растительностью. Эти места богаты также осыпями и снежниками, дающими баранам приют в жаркое дневное время. Лето архары проводят в высокогорье северного склона хребта Алатау, от истоков рек Джабаглы и Аксай на востоке до верховьев левого притока Джабаглы – речки Улькен-Каинды на западе.

Здесь в 1943 г зоолог заповедника Павел Алексеевич Янушко разработал простую и надёжную методику абсолютного учёта архаров. Она заключалась в том, что из надёжных укрытий в средней части

Рис. 51. Участники учёта архаров. Каскабулак, 10 сентября 1960 г. Слева направо: Абдулла Аитов, Муратали Сабаев, Альжан Есалиев, Иван Баранов, Иван Илензеер, Виктор Калинин, Георгий Ефимович Клюкин (4 уже расставлены на точки учёта) На заднем плане – зимние пастбища архаров на правом берегу р. Джабаглы.

каждого из притоков Джабаглы учётчики в числе 12 человек в самом начале осени (до начала кочёвок – обычно в начале сентября) в течение трёх вечерних (с 16 час до темноты) и трёх утренних (с рассвета до 10 час) «зорь» **одновременно** просматривали все верховья, записывая отдельно каждое встреченное стадо или группу архаров, время встречи и направление их движения: это позволяло при обработке заполненных карточек по каждой из зорь легко вычленять одни и те же группы, записанные у соседних учётчиков, исключая таким образом повторы (Ковшарь, Янушко, 1965; Ковшарь, Иващенко, 1982). Сами учётчики располагались в укрытиях на расстоянии от нескольких сотен метров до нескольких километров от архаров, даже не подозревавших о присутствии человека.

В середине 30-х гг. в заповеднике обитало 60-80 архаров (Шульпин, 1948), в 1942-1962 гг. – 168 до 670 (Ковшарь, Янушко, 1965), в 1976 г. 240-260 (Грачёв, 1981), в 1990 г. 70-90, в 2000 г. 50-60 (Колбинцев, 2001; Байдавлетов, 2002; Грачёв, 2016). Резкое падение численности в 70-х гг. – наверняка результат эпидемии чесотки (Иващенко, Обидина, 1972). В прямой зависимости от численности архаров и многоснежности зимы находятся, видимо, и их сезонные миграции. Так, в 30-х гг., когда архаров было мало, они перекочёвывали осенью только с левобережья Джабаглы на её правобережье – южные склоны гор Джабаглытау в пределах заповедника (Шульпин, 1948). В 1953-1955 гг., в связи с возросшей численностью, большая часть архаров мигрировала из заповедника в хребет Каратау, пересекая железную дорогу в том месте, где она уходила в тоннель близ ст. Куркуреу (Шапошников, 1956). Однако уже в 1978-1979 гг. миграции архаров из заповедника в Каратау не наблюдалось (Грачёв, Смирнова, 1980) – возможно, она проходила не ежегодно, а только в многоснежные зимы. За 23 года XXI столетия точных данных о численности архара в заповеднике нет, а на Каскабулаке в сентябре 2001 г. встретили 33 архара (9 самцов, самки, прошлогодки и детёныши) и там же в сентябре 2014 г. – 15 архаров (Грачёв, 2016). Архар – очень осторожное стадное животное и в условиях заповедника его удаётся видеть только на очень большом расстоянии, обычно утром или вечером, при плохом освещении. Поэтому фотографий его у меня нет, как и у большинства других работавших в заповеднике зоологов, хотя видели его неоднократно.

Тяньшанский бурый медведь (*Ursus arctos isabellinus*). В Казахстане медведя называют почти нежно – «аю». В заповеднике обитает мелкий подвид, который называют ещё белокоготным. Вес его «всего» 100-200 кг. мех окрашен чаще всего в светло-бурые тона. Внешний вид типично медвежий: массивный и неуклюжий зверь с толстой короткой шеей и большой головой. На снегу и сырой земле хорошо заметны характерные следы медведя с отпечатками когтей и голых ступней. Но чаще всего о присутствии зверя свидетельствуют крупные кучи весьма характерного помёта, содержащего растительные остатки.

Рис. 52 и 53. Медведи на «пастбище» в заповеднике, справа – среди зарослей ферулы. Фото Л.К. Белоусовой

Считается, что медведь – хозяин тайги. Но в заповеднике Аксу-Джабаглы, где нет настоящего леса (арчовые редколесья не в счёт) медведь – обычный зверь. В 60-70-х гг. с лёгкой руки журналистов в ряде газет появились даже публикации о том, что медведей в Аксу-Джабаглы столько же, как на Камчатке. Но по данным специалистов в те годы здесь обитало 60-70 медведей (Кармышева, 1963; Ковшарь, Янушко, 1965; Грачёв, 1982). Это вовсе не мало для такой небольшой площади и для такого крупного зверя.

Основными местами обитания медведя в заповеднике почему-то считают арчовые леса, хотя в них-то он встречается редко. Чаще его можно видеть в субальпийском или альпийском поясах, где он либо пасётся на высокотравных лугах, либо бродит по открытым местам, либо отдыхает среди скал или стелющейся арчи. Кстати, первая моя встреча с медведем в сентябре 1959 г. произошла именно в такой обстановке: крупная медведица играла с двумя медвежатами на субальпийском лугу северного склона верховой Кши-Каинды. Наиболее активны медведи в ранние утренние и предвечерние часы, но в заповеднике мы часто встречали их и среди дня. Помню, как-то в жаркий июньский полдень мы целый час наблюдали, как медведь, сидя почти как человек, с увлечением объедал душистые жёлтые соцветия ферулы (*Ferula tenuisecta*). Съев их вокруг себя, он, не вставая, а лишь ёрзая на заднице, перемещался на 2-3 м и, наклоняя к себе передними лапами высокие стебли ферулы, с видимым удовольствием объедал их сладкие, богатые липким нектаром верхушки. Не раз приходилось видеть, как медведи подолгу переворачивали камни, выискивая на их нижней поверхности жирных бабочек-совок, которых в таких местах бывает множество. Весной часто попадаются следы медвежьих раскопок цветущих тюльпанов Грейга, луковицами которого любят лакомиться звери в это время. Вообще медведи заповедника в основном травоядны. Нурания Халиловна Кармышева, исследовавшая содержимое остатков большого количества помёта и наблюдавшая медведей на кормёжке в течение длительного времени (1939-1959 гг.), установила, что они поедают 51 вид растений, из которых более половины – травы. Весной, помимо тюльпанов, в кормах медведей преобладают утолщённые корневища ячменя луковичного, всходы эремуруса Регеля и луки – Дробова и Фетисова, а также цветы и листья одуванчика и ревеня Максимовича. Кстати, последний (*Rheum maximovitchi*) играет большую роль в освобождении кишечника медведя от так называемого «втулка», образовавшегося после зимней спячки.

В летнем питании обнаружены остатки более 25 видов растений, из них в наибольшем количестве поедаются надземные части ферул, зелёные перья лука краснеющего, соцветия и листья гречишников и др. Осенью преобладают плоды: яблони, трёх видов арчи, барбариса, шиповников и многих других ягодных кустарников (жимолостей, рябины, крушины, смородины). При таком разнообразии меню никакие неурожаи той или иной породы медведю не страшны, лишь бы только не было перевыпаса или промышленного сбора плодов, чего в заповеднике и быть не должно. Лишь в исключительные годы медведи в Аксу-Джабаглы испытывают голод. Таким был 1948 год, когда из-за большой засухи яблони в горах совсем не плодоносили и низким был урожай ягодных пород, что заставило медведей уже в сентябре

спускаться в долину Арыси: один был убит на территории ж.-д. разъезда № 115, через неделю другой – на окраине с. Ванновка (ныне Турар Рыскулов), а в начале марта 1949 г. в 3 км от границы заповедника, в с. Новониколаевка (ныне Жабаглы), был убит третий медведь. При вскрытии его желудок и кишечник оказались пустыми» (Кармышева, 1963).

Животные корма в питании тьяншанских медведей играют второстепенную роль. Мне не известно ни одного достоверного случая нападения медведя на крупное копытное, в частности домашнее. Не раз приходилось видеть разрытые медведем норы длиннохвостого сурка (*Marmota caudata*), большинство таких попыток безуспешны, так как добраться до самих сурков в столь каменистом грунте почти невозможно. По отношению к человеку тьяншанский медведь не агрессивен и даже труслив: обычно все случайные встречи в горах заканчиваются бегством животного. Сотрудники заповедника настолько привыкли к этому, что работают в «медвежьих» местах без всякого оружия, зная, что зверь всегда уступит дорогу. Однако попадаются медведи, которые ведут себя не совсем обычно и заставляют человека пережить неприятные минуты. Из многих встреч с медведями за 7 лет работы в заповеднике у меня был только один такой.

Как-то в июле 1961 г. в районе перевала Кши-Каинды, я пошел пополудни понаблюдать за птицами. Экскурсия складывалась удачно: нашёл гнездо горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*) с птенцами, затем – гнездо лесного конька (*Anthus trivialis*). Вскоре я услышал голоса темнобрюхих уларов (*Tetraogallus himalayensis*), кормившихся ниже меня по склону. Зная, что эти крупные куриные на кормёжке обычно постепенно поднимаются пешком по склону, я решил покараулить их и понаблюдать за поведением, а если удастся – то и сфотографировать. Устроившись поудобнее в кусте стелющейся арчи на небольшой относительно пологой площадке среди крутого склона, я стал наблюдать за уларами.

Они что-то не спешили подниматься наверх. Солнце уже начало клониться к горизонту, а птицы всё еще были где-то метрах в двухстах от меня. Вдруг сверху, за спиной, послышался шорох, как будто чьи-то шаги. Так и есть – крупный медведь, не спеша, выходит на гребень, по которому я пробрался на эту удобную площадку. Тут только замечаю, что вокруг меня много сухого медвежьего помета. По-видимому, не раз он обозревал с этого удобного места окрестности. Досадую, что не подумал об этом раньше, я решил дипломатично напомнить хозяину, что у него гость. Почтительно кашлянул. Медведь остановился, долго всматривался в меня с расстояния всего 50 м, но потом снова продолжил свой путь в мою сторону. Расстояние между нами сокращалось. Вот-вот зверь выйдет на гребешок, и тогда я окажусь в ловушке, а обходить, карабкаясь, крутым склоном на виду у него мне не очень-то хотелось. Я привстал и кашлянул громче. Реакция – та же, только на сей раз косолапый дольше нюхал воздух вытянутыми в трубочку губами... Он был в каких-нибудь 5-6 м от гребня и всего метров 30 от меня.

Солнце уже не катилось, а стремительно падало вниз по небосклону. Еще немного и оно скроется за зубчатой вершиной Кши-Каинды. И тогда... У меня даже мороз пошел по коже от перспективы остаться в темноте один на один с таким несговорчивым медведем. Выхода не оставалось, надо было идти навстречу. Медленно, сжимая в руках приклад ружья, направился я в сторону медведя. То, что в руках ружье, мало утешало. Во-первых, оно заряжено дробью для птиц и можно легко ранить и этим только рассердить зверя; во-вторых, мне совсем не хотелось стрелять в ни в чём не повинное животное. Так лихорадочно думал я, приближаясь к медведю медленно и тихо, боясь вывести его из себя лишним движением. А он тем временем, рассмотрев, наконец, меня (всё-таки зрение у них – не очень...), остановился, но вовсе не собиравшись уступать, а сел и, казалось, с любопытством рассматривал меня.

Когда между нами осталось метров пятнадцать, медведь, не вставая, стал ерзать, спускаясь потихоньку с гребня и освобождая мне проход. Я, в свою очередь, непроизвольно стал забирать вправо, чтобы пройти как можно дальше от этого странного зверя. Прошёл метрах в десяти и начал пятиться, оставаясь лицом к медведю. Постепенно гребень стал скрывать меня. Тогда медведь вылез на него, чтобы лучше меня видеть. Кончился гребень, пошел крутой подъём, а я все ещё пятился, не сводя ружейного ствола с медведя. И лишь когда между нами стало не менее 100 м, я обернулся и что есть духу помчался прочь. Медведь же остался сидеть, глядя мне вслед.

Уже в палатке, выругав ни в чём неповинных мирно спавших Ивана и Абдуллу (мы только поднялись на перевал и разбили лагерь), я долго думал над странным поведением этого медведя. А почему, собственно говоря, странным? Просто он был дома и не хотел уступать свое любимое место пришельцу. Кстати, вёл

он себя в высшей степени прилично, даже не пугнул каким-нибудь ложным выпадом. А я видел однажды, как может напугать так даже крошечный медвежонок. После этого случая я потерял охоту заигрывать с медведями, а стал относиться к ним уважительно и серьёзно, зная, что реакция зверя может быть самой различной в зависимости от конкретной обстановки. Ведь даже домашние животные ведут себя не всегда так, как мы предполагаем...

Правда, однажды я всё-таки изменил этому правилу, когда с егерем Михаилом Алексеевичем Горбовым решил проверить, как близко можно подойти к спящему медведю. Трудно сказать, что здесь повлияло: толи то, что медведь был не очень большой и совсем не страшный с виду, когда, устроившись на наших глазах на верхушке растрескавшейся скалки, по-настоящему уснул, прикрыв голову лапой; толи то, что нас было всё-таки двое. Одним словом, потратив на съёмку спящего медведя всю плёнку, я отложил ставший ненужным фотоаппарат и с пустыми руками (ружей у нас не было) стал подходить к медведю вдвоем с дядей Мишей, идя немного впереди и подавая ему знаки – остановиться или идти дальше. Мы находились уже метрах в семи от зверя, когда под ногой предательски стукнулся камень о камень. Медведь тотчас поднял голову и уставился на нас, а мы, не дыша, застыли в самых неудобных позах. Он снова закрыл голову лапой, но через секунду вдруг резко открыл, как бы проверяя нас. Потом нехотя развернулся, чтобы уйти. И в ту же секунду я услышал сзади голос: «Миша, куда ты!» Это не выдержал Михаил Алексеевич. Медведь рывком встал на задние лапы, одновременно развернувшись к нам, и так стоял несколько секунд – во весь рост, лицом к нам, раздувая ноздри и тихо урча. Затем опустился на четвереньки и моментально исчез за скалой. Никогда ни до, ни после этого случая мне не приходилось видеть медведя в такой позе, а запечатлеть это великолепие было нечем! Но даже в этой непростой обстановке меня развеселило поведение дяди Миши Горбова, слывшего в селе непревзойдённым вруном (так оно и было!). Он радовался, как ребёнок, и всё повторял: «Ну как же замечательно, что мы были вместе с Вами! Ведь мне бы никто не поверил, расскажи я о таком случае!»...

Лошади не боятся медведей. Сколько раз мы встречали косолапых, будучи верхом, но ни разу лошади не проявили при этом паники, не обращались в бегство и т.д. Лишь на близком расстоянии они храпят и пятаются, но не выходят при этом из повиновения. Однажды мы наблюдали реакцию лошадей, пасшихся вдали от людей. Все три были привязаны в балочке в 100 м от лагеря. Находясь на склоне в полукилометре, мы видели, как к этой балочке приближаются «попаски» медведица с пестуном. Подойдя к краю балочки первой, медведица увидела лошадей и тут же, развернувшись под прямым углом, галопом умчалась на крутой склон. Пестун, не поняв, в чем дело, подошел к тому месту, откуда убежала мать, тоже посмотрел на лошадей и только тогда бросился вдогонку за медведицей. Лошади же, бросив есть, стали, как вкопанные, распустили по ветру хвосты и, вытянув шеи, смотрели вслед медведям, пока те не скрылись с глаз.

Не было случая, чтобы медведь тронул палатку, в которой спят люди. Но пустую палатку однажды порвал. Мы оставили ее на три дня в урочище Кызольгенколь, как не раз делали, когда заканчивались продукты или по какой-либо другой причине надо было срочно спуститься в посёлок (такие были времена!). Вернувшись к вечеру третьего дня, мы нашли нашу палатку изорванной, а бутылку со спиртом, запрятанную в карман палатки, разбитой о камни, которых было немало среди высокой травы рядом с палаткой. Курьёзно, что в другом кармане была бутылка с мёдом, которую, возможно, и искал грабитель. Она осталась цела и невредима. Остатки палатки медведь сгреб в кучу и сверху оставил «визитную карточку» весом в несколько килограммов, в основном из непереваренных остатков стеблей ферулы и каких-то ягод. А рядом валялся брусок хозяйственного мыла с отпечатками зубов медведя...

Колоритная фигура медведя – такое же украшение скал и склонов заповедника, как и козлы или архары. Хочется верить, что нынешнее пребывание этого замечательного зверя в списках Красной книги – явление временное, и что он ещё долго будет встречаться не только в заповедниках...

Снежный барс (*Uncia uncia*). Эта крупная кошка с высоким густым мехом дымчатой буровато-серой окраски, испещрённым чёрными или черно-бурыми кольцами; с длиной туловища около 130 см, хвоста – 90 см и весом до 40 кг – ближайший сосед горного козла на скалах, и его гроза, могущественный фактор естественного отбора, ежедневно приводящий в исполнение приговор над более слабыми и менее приспособленными. Распространен в горах Центральной, Средней Азии и Южной Сибири. Обычно живёт

летом на уровне снежной линии, между 3500 и 4000 м, а в Гималаях – даже до 5500 м над уровнем моря. Для скалистых участков хребта Таласский Алатау снежные барсы не менее характерны, чем козлы. В 20-30-х гг. XX ст. А.П. Коровин и Л.М. Шульпин отмечали, что барс в заповеднике не так уж редок. Однако в последующие десятилетия численность этого замечательного зверя повсеместно резко сократилась, и сейчас он числится в списке животных, занесенных в Красную книгу Казахстана.

В 1960 г., когда я только начал работать в заповеднике, увидеть барса уже было очень нелегко. Тем горячее было это желание, не дававшее покоя при каждом выезде в скалистые участки высокогорья. Однако мне явно не везло. Как-то в конце января 1961 г. с двумя приехавшими на зимние каникулы московскими студентами (Евгений Матюшкин и Герман Кузнецов, оба впоследствии крупные териологи, а Матюшкин стал главным специалистом страны именно по крупным кошкам) мы выехали в урочище Кши-Каинды и обосновались в домике Тризны. За три дня ходьбы по заснеженным склонам мы вдоволь налюбовались козлами, косулями и зимующими здесь птицами, не видели только барса. Но стоило мне уехать, как в тот же день оставшиеся ещё на сутки ребята встретили двух барсов и в деталях наблюдали их охоту на козуль, о чем вскоре напечатали заметку в журнале «Природа» (Кузнецов, Матюшкин, 1962).

Рис. 54. Снежный барс в реабилитационном центре. Кунгей Алатау, Киргизия. 1 августа 2005. *Фото Roland Schulz*

Рис. 55. Снежный барс в том же реабилитационном центре в зимнее время. *Фото В.М. Кулагина*

В июле того же года с постоянным спутником тех времён Абдуллой Аитовым забрался я на южные склоны Кши-Аксу в районе перевала Кши-Каинды. Высота – около 3100 м, вокруг скалы, осыпи, небольшие пятна снега, словом, вполне подходящее место для барса. И мечта увидеть его разгорелась с новой силой. С мыслями о барсе поднимался я по крутому склону между грядками скал. Вдруг впереди за скалами послышалось какое-то не то урчание, не то сопение. Услышал его и Абдулла. Не стовариваясь, мы кинулись вперед, насколько позволяло стеснённое дыхание. Я уже не сомневался, что через несколько секунд увижу барса, а может, даже барса и медведя, сцепившихся в смертельной схватке. Вот и гребень склончика, на который мы с таким превеликим трудом взобрались. Каково же было мое изумление (и не скрою – разочарование), когда вместо барса мы увидели стадо диких кабанов, во весь опор мчавшихся от нас по склону: 5 взрослых и 12 малышей в мгновение ока преодолели 200 м травянистого склона и снова оказались в скальнике. Глядя, как они почти по-козлиному пробираются узкими карнизами белых мраморных скал, я не мог поверить, что это те же увальни-кабаны, которых обычно встречаешь если не в тростниках, то в лесных зарослях, но уж во всяком случае никак не на отвесных скалах.

На какое-то время мы забыли даже о барсе. Но, как вскоре выяснилось, он о нас не забыл. Пока я предавался мыслям о странном поведении кабанов, Абдулла внимательно рассматривал небольшую площадку среди скал, покрытую ровным слоем крупного чёрного песка, образовавшегося при разрушении этих же скал. Площадка была как будто специально подготовлена кем-то для чтения следов. Только читать было нечего: кроме двух-трёх отпечатков птичьих лапок ничего мы не увидели. Оставив на площадке и свои следы, мы пошли дальше. Каково же было наше удивление, когда на обратном пути, всего через полчаса, мы увидели поверх наших следов чёткие, свежие отпечатки лап барса! Он явно прошёл здесь

вслед за нами. Однако увидеть самого барса и в этот раз мне так и не удалось...

Летом того же года мы выехали группой в долину самой южной реки заповедника – Балдыбрек. Путь в верховья её, где мы намеревались разбить лагерь, долог и утомителен. Лишь к вечеру добрались до брошенного поселка геологов, расположенного на высоте около 2500 м, среди роскошных прангосовых лугов и скал, круто обрывающихся прямо в русло реки. Обнаружив, что нет нашего нового ботаника Сева Утехина, парня весьма рассеянного, к тому же работающего совсем недавно и не умеющего обращаться с лошадьми, я повернул своего Орлика назад. Опускающиеся сумерки заставляли торопиться. К счастью, за вторым поворотом ущелья встретился пропавший. Он вел коня в поводу и был сильно возбуждён: размахивал руками, что-то кричал и делал мне какие-то знаки. Оказывается, он только что видел барса, который перешёл дорогу всего в 30-40 м перед ним и не спеша удалился в скалы. Потрясенный Сева поправлял сползающие очки и твердил: «Какая киска!». Нет, мне положительно не везло на барса!

Описанные случаи не единственные. За семь лет работы в заповеднике я так и не видел барса, хотя не раз ещё он был совсем рядом. То на учёте архаров барс прошел по скале в каких-нибудь двухстах метрах от меня, а егерь, находившийся в полукилometре, видел его в бинокль и подавал мне какие-то знаки, смысл которых я так и не смог уловить. То, приехав в одно из сёл, я узнаю, что буквально днями местные жители убили барса, который среди бела дня пытался утащить осла; зверь оказался старым, больным и беззубым... И только 40 лет спустя на южном склоне хребта Кунгей Алатау в реабилитационном центре для редких и находящихся под угрозой исчезновения животных я увидел барса в естественной обстановке (см. рис. 54).

Кроме описанной четвёрки в заповеднике обитает ещё немало интересных зверей: волк, лиса, косуля, барсук, уже упоминавшийся кабан; когда-то исчезнувший, но в 1952 году восстановленный марал, красный или длиннохвостый сурок, каменная куница, ласка, горностай и целый ряд мелких грызунов и летучих мышей. Каждый из них по-своему интересный и достоин описания, что, видимо и сделают со временем зоологи, которые их изучают. Не менее интересны и обитающие в заповеднике пресмыкающиеся, или рептилии, представленные всего 11 видами. Среди них – змеи 5 видов (в том числе две ядовитых – степная гадюка и щитомордник) и ящерицы 6 видов – от крошечного алайского гологлаза до удивительной, больше похожей на змею, безногой ящерицы желтопузика (*Ophisaurus apodus*), достигающей в длину вместе с хвостом более 1 метра (рис. 56). Многие принимают желтопузика за змею, что часто заканчивается для него плачевно, а казахское название его «сарыбауыр жылан» так и означает – желобрюхая змея. Удивительно, что на Западном Кавказе, где желтопузик также живёт и где я впервые увидел его в 1958 году, его также называют в народе «глухарь» и так же, как в южном Казахстане, верят, что он убивает змей. Между тем это безобидное насекомоядное животное, лишь иногда способное осилить мелкую мышь или птенчика. Кроме Западного Тянь-Шаня в Казахстане желтопузик живёт только в Киргизском Алатау и в сухих низкогорных Чу-Илийских горах. Весной придерживается

Рис. 56. Желтопузик.

солнечных склонов с разреженной травой и кустарниками, а летом предпочитает более увлажнённые мета около речек и ручьев и также с кустарником, по которому передвигается быстро и стремительно, скользя между ветвей, как стрела. Весной выходит из спячки в конце марта-начале апреля, а с наступлением жары в июле-августе залегает в летнюю спячку, которая нередко переходит в зимнюю.

Птицы составляют самую большую группу позвоночных животных в заповеднике – их видовое разнообразие намного больше, чем зверей, пресмыкающихся, земноводных и рыб, вместе взятых. В разное время года в заповеднике и его окрестностях встречали птиц 364 видов (Ковшарь, 1966; Ковшарь, Чаликова, Колбинцев, 2016), включая и тех, которые лишь мигрируют через его территорию весной и осенью. Из них

гнездятся здесь **143** вида (39.3%), а более 40 видов встречаются круглый год. А если учесть, что среди гнездящихся птиц немало таких, образ жизни которых ещё мало изучен (а то и вовсе неизвестен – особенно 60 лет назад, когда я только начинал работать в заповеднике), то становится ясно – в какой рай я попал...

Здесь студенческая мечта о прижизненном изучении образа жизни птиц стала осуществляться. За 7 лет работы в заповеднике мне удалось провести тысячи часов наблюдений за сотнями гнёзд птиц десятков видов и по этим данным попытаться разобраться в их интимной жизни. Всё это я попытался изложить в своей первой книге «Птицы Таласского Алатау» (1966). Здесь приведу только несколько наиболее ярких и запомнившихся примеров из этого длинного перечня.

Райская мухоловка (*Terpsiphone paradisi*). Чтобы выяснить, растёт ли то или иное растение в данной местности, достаточно его хоть раз увидеть. С птицами дело обстоит гораздо сложнее. Можно не раз и не два встречать птицу и всё же не быть уверенным, гнездится она здесь или же просто прилетела откуда-то на время. Так, райскую мухоловку, одну из самых красивых птиц Западного Тянь-Шаня (рис. 57), долгое время не находили на территории заповедника. Не видел её здесь и такой тонкий наблюдатель птиц как Леонид Михайлович Шульпин за три сезона работы в заповеднике (1933-1935), но включил всё же в список птиц, которые могут быть здесь обнаружены впоследствии. Первым в заповеднике её встретил Виктор Васильевич Шевченко – сначала 24 июля 1944 г. в каньоне реки Аксу, а затем 7 июня 1949 г. в Новониколаевке (после снегопада в горах). Летом 1958 г. в каньоне реки Аксу её видела Наташа Литвиненко. Но всё это были встречи одиночных птиц, не дававшие оснований утверждать о её гнездовании здесь.

Вот почему, когда 31 мая 1960 г. я в том же каньоне Аксу встретил эту птицу, то сразу принялся искать её гнездо. И после долгих поисков в яблоневом лесу урочища Караалма удалось таки обнаружить пустое гнездо, так и оставшееся незанятым до конца лета. А 23 июня того же года в узкой ленточке березняка вдоль ручья, впадающего в Кши-Каинды, я, наконец, нашёл жилое гнездо райской мухоловки с четырьмя яйцами, из которых вскоре вылупились птенцы. Наблюдения за их кормлением и сбор под гнездом остатков пищи – преимущественно ярких крыльев дневных бабочек – дали мне основание для публикации в сборнике «Орнитология» своей первой научной заметки «К биологии райской мухоловки» (Ковшарь, 1962). Так было, наконец, установлено гнездование райской мухоловки в заповеднике Аксу-Джабаглы. Сейчас эта птица не представляет редкости как в заповеднике, так и в горах севернее и восточнее него, причём на восток она продвинулась более 500 км – до западной части хребта Заилийский Алатау (Северный Тянь-Шань).

Рис. 57. Райская мухоловка у гнезда с птенцами. Фото Олега Белялова

Черногрудая красношейка (*Luscinia pectoralis*). Ещё заманчивее для орнитолога находка гнезда птицы, у которой их ещё не находили в пределах целой страны (не говоря уже о птицах, гнёзда которых вообще не известны науке). Кстати, такие виды есть ещё и сейчас, а тогда, в середине XX столетия, таких птиц в высокогорье Тянь-Шаня было немало. Когда в июле 1960 г. в истоках р. Джабаглы я встретил птенца черногрудой красношейки (*Luscinia pectoralis*), гнёзда этого соловья с территории СССР ещё не были известны в научной литературе. В прекрасной 6-томной сводке «Птицы Советского Союза» в разделе «Размножение» очерка об этой птице стояла лаконичная фраза: «Сведений нет». Нетрудно представить, как мне захотелось найти гнездо! Но лето уже заканчивалось, пришлось ждать следующего года.

Рис. 58. Самец черногрудой красношейки с кормом для птенцов. Фото Олега Белялова

Рис. 59. Самец краснокрылого чечевичника на водопое у ручья. Фото Виктории Ковшарь

В конце июня 1961 г. мы втроем, с Абдуллой и Иваном, выехали в верховья р. Кши-Аксу – туда, где встречал этих птиц ещё Л.М. Шутьпин. Начались поиски. Но велись они вслепую, так как неизвестно было даже, где надо искать. Изредка видели мы самцов, поющих на кустах арчи, или самок, кормящихся на субальпийском лугу. Искать пробовали и там, и сям – безрезультатно. Как-то перед вечером, возвращаясь верхом в лагерь, мы с Абдуллой увидели на кусте арчи самца черногрудой красношейки с кормом в клюве. Это уже был шанс! Оставалось ждать, куда он понесёт корм. Но красногорлый хитрец был не так прост. Он и не думал показывать нам гнездо: с тихим пискотом перелетал по верхушкам арчи, присаживаясь по нескольку раз на одни и те же веточки, поворачивался к нам то головой, то боком, то хвостом и всячески тянул время, выжидая, когда мы уберемся. А ждать нам было трудно: с одной стороны, подгоняло вполне понятное нетерпение, с другой – сядившееся за гребень горного хребта солнце. Решили обыскать весь куст. Как и следовало ожидать, ничего мы не нашли. Но птица буквально стонала, летая с кормом вокруг нас, и эти её крики убеждали, что гнездо где-то здесь, стоит лишь хорошенько посмотреть. Ещё час упорных поисков в зарослях не дал результатов. И тогда, отчаявшись разглядеть что-либо в густых переплетениях, мы отправились в лагерь.

Усталые и подавленные, возвращались уже в надвигающихся сумерках. Неприятно было чувствовать себя беспомощным перед таким, казалось бы, нехитрым делом, как поиски гнезда пичуги величиной с воробья. В какой-то мере утешало лишь то, что и другим до сих пор не удавалось его найти. Вдруг почти из-под копыта моего Орлика с шумом выпорхнула какая-то серая птичка, и в то же мгновение я увидел на том месте что-то голубое. Так и есть – гнездо с пятью ярко-голубыми яйцами! Ещё боясь верить в удачу, осторожно отвожу в сторону коня, чтобы не наступил ненароком. Теперь главное – выяснить, чье это гнездо. Раздавшийся через пару минут настойчивый писк красношейки развеял все сомнения... Так было найдено первое гнездо черногрудой красношейки. Через день удалось найти второе, а к концу недели – и пятое, а главное – пронаблюдать за гнездовой жизнью этой интересной птицы. А когда мы вернулись в Новониколаевку, меня ожидал только что присланный новый сборник научных статей, и в одной из них я нашел описание первого в СССР гнезда черногрудой красношейки, найденного в Центральном Тянь-Шане Ардалионом Алексеевичем Винокуровым (1961), с которым мы вскоре и познакомимся. Однако даже эта публикация не очень меня расстроила. Всё равно радость открытия осталась со мной. И даже сейчас, спустя более полувека, я помню все до мельчайших подробностей, особенно ощущение нового, неизведанного.

Краснокрылый чечевичник (*Rhodopechys sanguinea*). Хотя в пятом томе сводки «Птицы Советского Союза» и было написано, что «Бамбергу были доставлены яйца этой птицы», однако никто из орнитологов, в том числе, видимо, и сам писавший, не верили этим данным, уж очень ненадежными они выглядели. Ведь

сборщики яиц не всегда были достаточно квалифицированными и вполне могли ошибиться в определении вида; сам же Бамберг ни гнёзд, ни тем более их хозяев не видел. Одним словом, гнезда, яйца и птенцы этого вьюрка, населяющего горы Африки, Передней и Средней Азии, ещё не были описаны, когда я познакомился с ним в Аксу-Джабаглы. Здесь надо хотя бы в двух словах коснуться причин. Дело в том, что краснокрылый чечевичник, живя в ксерофильных, каменистых участках гор, очень широко перемещается в поисках пищи даже в летнее время, встречаясь от предгорий до вершин хребтов, в диапазоне высот 1200-3000 м. Поэтому орнитологи по-разному определяли места его гнездования, и даже Л.М. Шульпин считал, что чечевичник гнездится в стелющейся арче. Естественно, что попытки искать его там были заранее обречены на провал.

Поиски гнезда краснокрылого чечевичника я начал с первых же дней работы в заповеднике. Лето 1960 г. ушло на знакомство с самой птицей и выяснение мест её гнездования. К концу лета я уже был уверен, что искать гнездо чечевичника надо в скалистых участках высокогорий. Поэтому после находки черногрудой красношейки в июле 1961 г. мы направили своих коней на перевал Кши-Каинды (3100 м над уровнем моря). Обосновались здесь на пару недель, чтобы, не спеша, обыскать всё.

В первые же дни стало ясно, что искать гнёзда надо на южном склоне, куда изредка пролетали взрослые птицы с набитыми кормом подъязычными мешками. Однако наблюдения за ними долгое время ничего не давали: птицы отдыхали на скалах, самцы при этом иногда пели, затем слетали к снежникам и кормились у их кромки, там, где в полосе таяния снега попадают и различные семена, и какие-то мелкие белые личинки насекомых. После длительной кормежки птица вдруг взлетала и скрывалась где-то за скалами, как бы демонстрируя человеку свое превосходство. Ничего не оставалось, как искать новой встречи, которая, как правило, заканчивалась так же (рис. 59).

Выслеживая чечевичников, мы нашли в норке под камнем гнездо гималайского вьюрка (*Leucosticte nemoricola*) с четырьмя птенцами. Это тоже была ценная находка, так как гнёзд его у нас ещё не находили (указание в 5-м томе «Птицы Советского Союза» (1954) на то, что Н.А. Зарудный нашёл гнездо этого вьюрка на арче, было явно ошибочным, что и подтвердилось впоследствии). Стали наблюдать за ним, окольцевали птенцов. Но в один из дней вместо птенцов я вытащил из гнезда крупного щитомордника (*Agkistrodon halys*), в кишечнике у него оказались два наших птенчика с кольцами...

А с чечевичником нам явно не везло. По целому ряду признаков можно было заключить, что они гнездятся где-то здесь. Но где? И вот однажды мы наткнулись на самца, который вёл себя несколько иначе, чем другие. Он не пел, а молча сидел и как-то осторожно оглядывался время от времени. И, тем не менее, после получаса такого многообещающего поведения он взлетел и скрылся далеко за гребнем хребта. На следующий день мы всё-таки пришли сюда. Чечевичника долго не было, мы уж думали, что и в этот раз просчитались. Но вот где-то вверху раздался сочный голос, и тут же яркий самец круто спикировал на скалу. Он посидел на ней не более минуты и уверенно залетел за неё. Обгоняя друг друга, мы с Абдуллой бросились по осыпи вперёд, на скалу, чтобы оттуда увидеть точное место, куда села птица. Добежав, я успел лишь заметить, откуда она вылетела. Под этим камнем и оказалось гнездо с первой в мире (!) кладкой яиц краснокрылого чечевичника. Через два дня нам удалось найти второе гнездо, с птенцами, а через год – ещё четыре. Осенью 1962 г. в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде Елизавета Владимировна Козлова показала мне статью французского орнитолога Олиера, в которой он описывает первое гнездо краснокрылого чечевичника с птенцами, найденное им в горах Марокко. Но гнёзд с яйцами этой птицы не находили еще много лет... А яйца её описал известный немецкий орнитолог Niethammer уже после нашей находки – по яйцу, снесенному самкой в клетке!..

Из множества других птиц, гнездование которых я изучал в заповеднике Аксу-Джабаглы, наиболее интересные сведения удалось получить о синей птице (*Myiophonus caeruleus*), белобрюхой оляпке (*Cinclus cinclus leucogaster*), рыжешейной синице (*Parus rufonuchalis*), первое в нашей стране гнездо которой также удалось найти именно в заповеднике Аксу-Джабаглы. Описание всех этих поисков заняло бы слишком много места, поэтому все желающие могут прочитать об этом либо в популярной книжке о заповеднике (Ковшарь, Ивашенко, 1982), либо в капитальной научной монографии «Птицы Тянь-Шаня» (Ковшарь, 2019), где описаны все виды живущих здесь птиц. А закончить очерк о самом первом (и самом лучшем!) заповеднике Казахстана я хотел бы рассказом об удивительной птице, которую я не изучал, но счастлив уже тем, что неоднократно наблюдал за ней в полёте. Речь идёт о бородаче, или ягнятнике.

Бородач (*Gypaëtus barbatus*) – одна из самых крупных (размах крыльев до 3 м, масса 7-10 кг) и самых красивых хищных птиц нашей фауны. Благодаря тонкому изящному силуэту с длинными узкими крыльями и хвостом в полёте он кажется похожим на сокола (рис. 60). Сходство усиливает также полёт – лёгкий, быстрый, свободный. И только вблизи замечаешь, какая это махина. К тому же крупные маховые перья бородача издают своеобразный воющий звук, способный на расстоянии 20-30 м привести в замешательство даже человека. Когда слышишь звук, который издает вырвавшийся внезапно из-за гребня хребта бородач, поневоле задаешь себе вопрос: «Так ли уж фантастичны породившие второе имя этой птицы рассказы о сталкивании бородачами в пропасть копытных?» Еще в 30-х гг. исследовавший авифауну заповедника Леонид Михайлович Шульпин обратил внимание на то, что бородач очень часто летает низко у гребней хребтов, то и дело внезапно показываясь из-за скал на небольшой высоте, что скорее можно назвать охотничьим полётом, чем полётом падальщика, высматривающего трупы. Мне дважды удалось видеть поведение хищника, в какой-то мере подтверждающее мнение Леонида Михайловича. Однажды на южных склонах ущелья Кши-Аксу мы наблюдали за козлами (*Capra sibirica*), забравшимися на отвесные мраморные скалы. Казалось бы, явление обычное, но каждый раз удивляешься ловкости этих животных, умеющих находить путь в непроходимых, казалось бы, скалах. Каких только поз не принимают они, какие только карнизники не используют! Вот и на этот раз несколько самцов буквально прилепились в разных местах отвесной скалы – как альпинисты. Особенно неудобно устроился один молодой козёл, поставивший все четыре ноги на мизерный пяточок карниза. Вдруг среди ясного безоблачного дня какая-то тень упала на козла, и в ту же секунду над ним пролетел бородач. Козлик непроизвольно дернулся. Загremел вниз обвалившийся край карниза, а задние ноги животного безвольно повисли. Но только на какую-то долю секунды. Вот снова все четыре копытца встали на ещё меньшем пяточке. А бородач лишь покачнулся и, не меняя курса, продолжал свой путь к следующей скале... «Пронесло!»— облегченно вздохнули мы, но каждый подумал, что в другой раз может и не пронести, и тогда бородачу останется только спуститься к подножью скалы, чтобы полакомиться свежей козлятиной...

Рис. 60. Бородач, или ягнятник в полёте. Фото Виктории Ковшарь

Как-то на перевале Кши-Каинды мы были свидетелями, как бородач пытался взять длиннохвостого сурка (*Marmota caudata*). Первой попытки мы не видели, а услышали лишь необычно пронзительный крик сурка примерно в 200 м от нашего лагеря. Посмотрев в направлении крика, мы увидели, как со склона поднимался бородач с сурком в лапах, но уже в 1 м от земли уронил его. Упавший сурок, не переставая

кричать, медленно передвигался вниз по склону при помощи одних только передних лап; задние у него, похоже, были повреждены. Тем временем набравший высоту бородач сделал круг и снова опустился на сурка, вытянув лапы. Все повторилось: сурок кричит, извивается, с высоты 1-2 м падает на землю и отползает в сторону норы, а бородач, отлетев метров на 50, садится на скалу и чистит клюв. После третьей попытки, повторившейся через минуту, сурок все-таки ушел в нору, а бородач полетел вдоль гряды скал с наветренной стороны, ловко используя воздушные течения.

Всё же, видимо, живая добыча не так уж часто бывает в меню бородача. Обычно ему приходится довольствоваться трупами, причем нередко – уже высохшими их остатками (костями, кусками кожи с шерстью и т. д.). Бородач способен заглатывать целиком очень крупные кости – например, позвонок барана, голень косули. Видимо, отсюда и происходит одно из киргизских названий этой птицы – балта джугтар (заглатывающий топор), хотя на этот счёт существует легенда, трактующая происхождение названия иначе. «По окончании насиживания из яйца ягнятника вылупляется топор. Топор этот обладает чудесными свойствами. Нет ничего на свете, чего бы он не смог разрубить, и наоборот, его ничем нельзя разбить. Он может исчезнуть только в том случае, если его проглотит сама птица. Если человек найдет этот топор, он на всю жизнь обеспечен чудесным оружием. Но в гнезде топор существует лишь три дня. После этого срока он превращается в щенка, называемого кумаик: у этого щенка глаза белые, как у родителей. Если человек найдёт гнездо со щенком, он может воспитать себе чудесную собаку, могущую легко справиться с самым сильным зверем, даже с драконом; мало того, эта собака сможет определить судьбу владельца, сделав его счастливым человеком. Щенок в гнезде существует также только три дня. Если его в течение этого срока не вынет из гнезда человек, он превратится в обыкновенного птенца ягнятника»... Записавший эту легенду зоолог Дмитрий Петрович Дементьев («Киргизские легенды о птицах», 1949) обратил внимание на то, что в отличие от беркута бородач во всех киргизских легендах никогда не выступает в роли хищника и ему не приписывают нападения на крупных зверей, тогда как о беркуте нередко рассказывают, что он бросается и на человека. Есть даже легенда о том, как бородач из хищника превратился в падальщика: «Хищные птицы состязались в скорости и ловкости. Ягнятник стремительно летел впереди на своих длинных больших крыльях, обгоняя соперников. Вдруг он увидел тушу павшего козла. Забыв обо всем, бросился к ней, схватил её и понёс. Пророк наказал его за жадность: лапы его стали слабыми, и он ничего не может взять ими, кроме кости». Как жаль, что в фольклоре народов Северной Африки и Южной Европы не было таких красивых, а главное – полезных легенд! В противном случае они не истребили бы эту безобидную птицу под предлогом того, что она наносит серьёзный вред овцеводству... В настоящее время в этих странах бородач исчез или стоит на грани исчезновения. К счастью, в Тянь-Шане положение с бородачом ещё не столь катастрофическое, а в заповеднике Аксу-Джабаглы он вполне обычен и встречается не реже, чем беркут. Одна из опасностей, грозящих этой птице – отлов для зоопарков. Поэтому Красная книга Казахстана рекомендует зоопаркам заняться разведением бородача для удовлетворения потребностей самих зоопарков. О реальности этого говорит опыт разведения бородачей в Алма-Атинском, Петербургском и некоторых других зоопарках.

*****

Рис. 61 Зарастающие раны-оплывины 50-х гг. XX ст. на склоне восточнее Талдыбулака, май 2016.

Рис. 62. Низкая утренняя облачность поле дождя на фоне Каскабулака. Вид из с. Жабагылы, май 2016.

Оба снимка (рис. 61 и 62) сделаны утром 20 мая – в день, когда заповедник праздновал свой 90-летний юбилей. К этому дню был издан очередной 11-й выпуск научных Трудов заповедника и выпущена посвящённая заповеднику почтовая марка, а в Доме Культуры районного центра с. Турар Рыскулов (бывшая Ванновка) прошло собрание с участием представителей ЮНЕСКО, ПРООН и других общественных организаций и госучреждений, на котором состоялось награждение его ветеранов (рис. 63 и 64). Здесь же представитель ЮНЕСКО в Казахстане объявила, что заповедник Аксу-Джабаглы в 2016 году внесен в список **Всемирного природного наследия** в номинации «Западный Тянь-Шань» вместе с 6 другими ООПТ этого региона: Каратауский заповедник и Сайрам-Угамский национальный парк (*Казахстан*); заповедники Сарычелекский, Бешаральский и Падыша-Ата (*Кыргызстан*) и Чаткальский заповедник (*Узбекистан*).

Рис. 63. Награждение ветеранов заповедника Аксу-Джабаглы в день его 90-летия. 20 мая 2016. Фото Э.Р. Мальцевой

Рис. 64. Марка, выпущенная почтовыми службами Казахстана в честь 90-летия заповедника Аксу-Джабаглы.

И было это 8 лет назад. А всего через два года нашему любимому заповеднику исполнится 100 лет...

Март 2023 г. – Февраль 2024 г.

2. Каржантау, учёт сурка Мензбира (июль 1990)

Рис. 65. Хребет Каржантау, урочище Кши-Журт, утро 31 июля 1990 г.

Рис. 66. Хребет Каржантау, верховья реки Бадам. 27 июля 1990 г.

Каржантау (высшая точка – Мынбулак, 2834 м; длина 90 км) – самый западный южный отрог Таласского Алатау, водораздел рек Келес и Чирчик. Сложен песчаниками, глинистыми сланцами, конгломератами. Имеет сильно сглаженный эрозией, уплощённый гребень на высоте около 2000 м над уровнем моря. Его северо-западные склоны, обращённые к Чимкенту, пологие и образуют ряд ступеней, а юго-восточные крутые и малодоступные; юго-западная оконечность хребта – плоская платообразная поверхность на высоте 600-700 м. Склоны покрыты разнотравно-пырейными степями, выше – высокогорные луга, в глубоких долинах на высоте 1400-2000 м – орехово-плодовые леса. Несмотря на близость к заповеднику Аксу-Джабаглы (расстояние всего 20-30 км по прямой), условия для обитания птиц здесь сильно разнятся, что было замечено и опубликовано В.И. Капитоновым (1969).

Вадим Иванович изучал здесь эндемика Западного Тянь-Шаня – сурка Мензбира (*Marmota menzbieri* Kaschkarov) в 1961 и 1962 гг. – как раз тогда, когда я в заповеднике Аксу-Джабаглы изучал птиц. Так как его выводы о причинах различий орнитофауны этих соседних районов сводятся к различиям в ландшафтах, позволю привести выдержку из его интересных рассуждений на эту тему: «Хребет Каржантау, протянувшийся с северо-востока на юго-запад, находится в более выгодном положении для перехвата влажных воздушных течений с Атлантики и получает на одинаковой высоте гораздо больше осадков, чем Таласский Алатау. Из-за этого в Каржантау относительно большую площадь занимают субальпийские и альпийские разнотравные луга, в то время как в заповеднике ... они встречаются на гораздо больших высотах. В заповеднике широко распространены высокогорные типчаковые степи, а в Каржантау они почти не встречаются, так как злаков в верхнем поясе этих гор вообще очень мало. Гребень Каржантау везде уплощённый, холмистый, лишённый безжизненных острых пиков, оспей и ледников, а в заповеднике, напротив, эти элементы рельефа занимают довольно большую площадь. В Каржантау ежегодно ведётся очень интенсивный выпас скота и как следствие этого луга здесь очень низкотравны и относительно бедны злаками. Пояс кустарников, в том числе стелющейся арчи, в этих горах выражен плохо, широко распространены заносные растения (птичья гречишка, ползучий и луговой клевера, одуванчик, бодяк, чертополох и др.), образующие подчас целые сообщества и обогащающие кормовую базу животных. В заповеднике, напротив, скот почти не выпасается, поэтому луга высокотравны, изобилуют злаками, которые осенью создают много мёртвой ветоши; пояс стелющейся арчи выражен хорошо и кустарники поднимаются на большие высоты. И, наконец, в Каржантау обычны сурки и многочисленны их норы, но малочисленны козероги, а в заповеднике – наоборот» (Капитонов, 1969, с. 273-275).

Почти через 30 лет, в конце июля 1990 г., мне как заведующему лабораторией охраны диких животных Института зоологии АН КазССР посчастливилось в течение недели провести в Каржантау учёт численности сурка Мензбира (о чём я мечтал давно). Вместе с териологом лаборатории Костей Плаховым и его любимой собачкой Снабом 25 июля мы выехали поездом до Тюлькубаса. С нами поехала моя младшая дочь Ира (первая в жизни настоящая экспедиция!), у которой были летние каникулы после 10 класса и сдачи вступительных экзаменов на биофак КазГУ. В заповеднике Аксу-Джабаглы мы арендовали автомашину ГАЗ-66 с водителем Виктором Вайсбеккером, там же к нам присоединились зоолог Володя Колбинцев, инженер охраны заповедника Иван Олонцев, егерь Андрей Канахин с кавказской овчаркой и энтомолог заповедника Юра Бескочотов, который ехал только до Ленгера. Вот такой компанией выехали мы 27 июля из заповедника через с. Советское и посёлок горняков Ленгер к северным подножьям Каржантау.

Я давно мечтал увидеть этого сурка – узкого эндемика Западного Тянь-Шаня. Остатки его ареала сохранились только в этом углу Западного Тянь-Шаня – на границе трёх республик Средней Азии. Но если в двух соседних его всё-таки охраняли (в Узбекистане – в Чаткальском заповеднике; в Киргизии – в Бешаральском), то у нас эти сурки обитали за пределами заповедной территории. Ещё в 1943 году зоолог заповедника Павел Алексеевич Янушко сделал попытку переселения небольшой группы зверьков на северную, джабаглинскую, половину заповедника, однако они там не прижились, и в 60-х гг. мы напрасно искали их среди живущих здесь длиннохвостых, или красных сурков (*Marmota caudata*).

Миновав после Ленгера сёла Первомаевка и Кызыл-Аскер, мы только к 16 часам достигли турбазы «Южная» и на берегу р. Бадам остановились «делать тормоза». Наверх поднялись только в 20 часов и стали искать место для ночёвки среди сплошного антропогена: посевы, стерня, чабаны... Единственная интересная встреча – змея (*Circaëtus gallicus*), летящий со змеёй в лапах. Дальше дороги для машины нет, поэтому решили, что утром Витя с Андреем поедут искать лошадей, которых можно арендовать, а мы устроим обширную пешую экскурсию. Утром 28 июля на экскурсии к Ульжурту при ясной погоде опять встретили змеяда, а также курганника (*Buteo rufinus*), стервятника (*Neophron percnopterus*) и бородача

(*Gypaetus barbatus*). На каменисто-щебенистых участках степи было немало выводков обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*) и выводок из 4 птенцов ворона (*Corvus corax*), рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris albigula*) с кормом; а на высоте 2400 м удалось поймать щитомордника (*Agkistrodon halys*).

Сурков за полдня так и не встретили, наткнулись только на старые, нежилые норы. После обеда у юрты в урочище Кумгезён продолжили поиски и в 15 час услышали первый крик сурка Мензбира с противоположного крутого склона, где оказались три небольшие колонии – 7, 6 и 8 нор. Этот каменистый склон порос кузинией, зверобоем (*Hypericum scabrum*) и звездчаткой (*Stellaria* sp.), а на дне сая – небольшие роднички с зарослями бузульника (*Ligularia macrophylla*). Из птиц здесь я снова встретил стервятника, только на этот раз молодого, с пёстрым брюхом; высоко в небе – трёх бородачей (один рыжий и два тёмных – видимо, молодые), а также 5 чёрных грифов (*Aegypius monachus*) и 4 белоголовых сипа (*Gyps fulvus*). Такое количество пернатых падальщиков – первый признак большого количества скота (богатой кормовой базы).

В лагерь вернулись только к закату, Виктора с Андреем ещё не было. Только ночью вернулся Виктор без лошадей и без Андрея!.. Утро 29 июля «порадовало» нас сплошным туманом над всей низиной, начавшимся ещё вчера вечером. Зато у нас, наверху, абсолютно ясная штилевая погода, а в 9 часов – уже жарко. Я после вчерашнего дневного похода был полностью разбит и вынужден был отлёживаться до 12 часов: впервые за все годы работы в высокогорье я почувствовал, что у меня есть сердце! Это было настолько непривычно, что я совсем скис и не мог себе представить, как буду работать здесь дальше.

Ребята всячески успокаивали меня и в один голос требовали лежать, пока они занимаются организационными делами. А вопрос был серьёзный: как нам дальше работать без транспорта?.. Иван Олонцев договорился с соседним чабаном Джаныспеком на хитрый «товарообмен»: мы ему даём свою машину на два часа для поездки в село Угам, а он отвезёт наш груз на двух лошадях в Улы-журт. Для этого пришлось жёстко рассортировать сам груз, предназначавшийся для машины. С собой надо было взять только самое необходимое, а всё прочее оставить в машине, которая будет здесь дожидаться нашего возвращения. Положение осложнилось ещё тем, что пока мы сортировали своё имущество, две лошади превратились в трёх ишаков! Выбора у нас не было – пришлось согласиться. Все эти сборы длились 4 часа, и всё это время я лежал бревном с высокой температурой и предельной слабостью. Володя Колбинцев за это время успел увидеть около нашей стоянки скалистого поползня (*Sitta tephronota*), славку-завирушку (*Sylvia curruca*) и соловья белошейку (*Irania gutturalis*), а также первую стаю из 34 золотистых шурок (*Merops apiaster*) – явного предвестника осени в наших горах.

Рис. 67. Верховья Бадама, подъём на гребень Каржантау, 27 июля 1990 г.

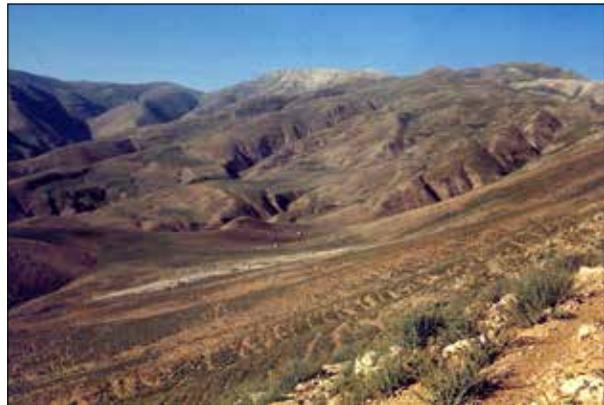

Рис. 68. Каржантау, урочище Мечитас, Кши-журт, 30 июля 1990 г.

Рис. 69 и 70. Пеший переход с вьючными ишаками через перевал к колониям сурков. 29 июля.

Выступили мы только в 18 час и расстояние в 10 км до урочища Мечитас (0.5 км от Кши-Журта) преодолели за 4 часа, прибыв туда уже в сумерках, причём большую часть пути я ехал на ишаке. Тем не менее, температура и слабость оставались прежними, и я сразу же завалился спать – даже ужинать был не в состоянии. Утро 30 июля принесло ясную штилевую погоду, а для меня лично – и выздоровление. Стараясь не вспоминать о вчерашнем, я рьяно взялся за поиски колоний сурков. Место нашей стоянки представляло собой глубокую и широкую котловину, склоны её в основном травянистые, с выходами камней, среди которых попадались и довольно обширные снежные поля. Растительность – сплошной ковёр, выгрызенный скотом под корень (высота оставшихся растений 1-2 см); основа её – остролодочник, лапчатка, первоцвет, цветущий бесстебельный одуванчик. В такой обстановке на участке склона западной экспозиции, крутизной 35-40°, я за первый же час наблюдений насчитал 40 нор, которые постарался подробно описать и нанести схематически на бумагу; вскоре – вторую, затем третью, четвёртую – и так 6 площадок за день. Костя в это время проводил учёт самих сурков, используя своего друга Снаба для распознавания – жилая или нежилая нора, а также для выяснения – к одной или разным семьям принадлежат встреченные им сурки.

Рис. 71 и 72. Хребет Каржантау, следы перевыпаса в местах колоний сурка. 29 июля 1990.

Рис. 73. Каржантау. Лагерь экспедиции в урочище Мечитас-2. 30 июля 1990.

Рис. 74. Каржантау. Массовое цветение лютиков в урочище Улы-журт. 31 июля 1990.

Рис. 75 и 76. Каржантау, биотоп сурка Мензбира в ур. Улы-журт, овцы у лагеря. 30 июля 1990.

Рис. 77. Колонии сурков Мензбира на северном склоне Мечитаса. 30 июля 1990.

Рис. 78. Колонии сурков Мензбира в урочище Улы-журт, Каржантау. 31 июля 1990.

Через год результаты этих учётов мы опубликовали в совместной статье (Плахов, Ковшарь, 1991), где основной вывод выглядит следующим образом: «На участке площадью 16 км² (урочища Кумгезен, Мечитас, Кши-журт и Улы-журт) численность сурка Мензбира определена в 1300-1500 зверьков. Средняя плотность населения сурков на этом участке составила 81.3-93.8 особи на 1 км², достигая на северном и северо-западном склонах Улы-журта (0.7 км²) 450 и даже 1600 зверьков на 1 км². Средний размер семьи (по наблюдениям на учётных площадках) 4-5, в среднем 4.5 сурков (n=31). Среди достоверно отличимых нор на 532 жилых – 977 нежилых...» (Плахов, Ковшарь, 1991, с. 314). Далее на этой же странице мы дали оценку степени антропогенного воздействия на сурка Мензбира в обследованном районе: «Места обитания сурка Мензбира находятся под мощным антропогенным прессом (в основном это выпас домашнего скота). На исследованном участке площадью 16 км² в конце июля 1990 г.

выпасалось 16 укрупнённых овечьих отар, что вместе с козами, коровами, лошадьми и овцами, принадлежащими чабанам, составляет около 20 тыс. голов. Столь массивный выпас приводит к почти полному стравливанию пастбищной растительности (высота травостоя здесь не превышает 3 см). Не менее 50 чабанских собак на этот же район являются другим значительным фактором сокращения численности сурков. Не улучшает состояние популяции и уничтожение зверьков человеком – отлов их капканами, петлями, заострёнными стержнями, выливание водой с помощью канавок, прокладываемых от расположенных выше снежников, отстрел (все 4 дня работ мы слышали ежедневно по 2-6 выстрелов в различных участках района, а у нор часто находили стреляные гильзы 12-16-го калибров). С окончанием линьки, перед залеганием сурков в спячку, здесь появляются ещё и браконьеры-промысловики, изымающие основную массу сурков. Так, например, весной 1988 г. инженер по охране заповедника Аксу-Джабаглы И. Олонцев только на одном склоне ур. Мечитас снял с нор сурков 300 проволочных петель, поставленных браконьером» (Плахов, Ковшарь, 1991, с. 314).

*****

Сурок Мензбира (рис. 79) занесен в Красную книгу Казахстана с первого её издания (1978), так же, как и в Красные книги Узбекистана (1983) и Кыргызстана (1985). В опубликованном через 5 лет после описываемой поездки третьем издании Красной книги Казахстана (1996) информация о нём такая:

«II категория – вид с резко сокращающейся численностью, внесен в Красную книгу МСОП. Мировой ареал состоит всего из трёх изолированных участков в Западном Тянь-Шане. Из них Таласский, площадью около 400 км², полностью расположен в Южно-Казахстанской области и занимает северо-восточную оконечность хребта Каржантау и прилегающую часть Угамского хребта, где выделяют 3 группировки: бадамскую, угамскую и сайрамскую. Обитает на высотах 2000-3400 м над ур. м., на альпийских, субальпийских лугах и в злаковых степях. В нижнем поясе населяет наиболее многоснежные северные и северо-восточные склоны, в верхнем (свыше 2900 м) – южные и юго-западные малоснежные и более прогреваемые. Излюбленные места обитания – пологие склоны со средне- и низкотравной растительностью, около ручьёв и мощных снежников... В 40-х гг. в Казахстане насчитывалось 40-50 тыс. сурков Мензбира при плотности населения 100-120 зверьков на 1 км²..., а сейчас в Казахстане не более 20-25 тыс. особей при плотности населения 54-94 особей на 10 км²». Л.В. Спивакова, К.Н. Плахов (Красная книга Казахстана, 1996, с. 266).

А когда в 1997 г. мы вместе с зоологами Киргизии и Узбекистана готовили для ГЭФ/ПРООН заявку на международный проект «Сохранение биологического разнообразия Западного Тянь-Шаня», в котором сурок Мензбира как эндемик был важнейшим аргументом, мой давний друг Эмиль Джапарович Шукуров (1938-2019) на одном из заседаний сделал с натуры и подарил мне вот этот памятный шарж (рис. 80).

Рис. 79. Сурок Мензбира. Каржантау, Улы-журт, 19 августа 2023 г. Фото Элины Мальцевой.

Рис. 80. Дружеский шарж Эмиля Шукурова. 1997 г.

3. Сырдарьинский Каратау (Западный Тянь-Шань)

Рис. 81. Вид с юга, от реки Джабаглы, на долину Арыси и хребет Каратау (Боролдай). Май 2014 г.

Рис. 82. Боролдайский хребет, восточная часть, лесничество Кокбулак. Июнь 1992.

Обычно его называют просто «Каратау». Но так как хребтов с таким названием (Каратау – чёрные горы, т.е. без снежных вершин) в Казахстане и в Средней Азии в целом немало (есть ещё на Мангышлаке, в Центральном Тянь-Шане и других местах), то для верности к этому «главному» Каратау иногда добавляют определение «Сырдарьинский». В дальнейшем в тексте я буду называть его просто Каратау.

Средневысотный хребет Каратау (высшая точка – гора Бессаз, 2176 м) отходит от основной территории Западного Тянь-Шаня в месте западного окончания Киргизского Алатау и северных склонов западной части Таласского Алатау и простирается на 420 км к северо-западу в пустынные пространства правобережья Сырдарьи. Средние абсолютные высоты 1000-1500 м, а относительные (от подножий) – всего несколько сотен метров. Сложен сланцами, песчаниками, конгломератами и известняками. Вершины выровненные, склоны крутые. На склонах – ковыльно-типчаковая растительность и нагорные ксерофиты, в ущельях – лиственные леса. Южнее восточного начала собственно Каратау (имеющего здесь название Малый Каратау) идёт параллельно короткий хребет Боролдай с хорошими кустарниковыми зарослями, в том числе – фисташки. На востоке Боролдай перевалом Чокпак (1200 м) соединяется с Джабаглытау, северными отрогами Таласского Алатау. Через перевал проходит железная дорога и автострада из Чимкента в Алматы, а всего в 1 км западнее станции Чокпак вот уже более полувека орнитологи ловят и кольцуют птиц.

Между Боролдаем и основным хребтом Каратау – высоко поднятая Джувалинская долина, южнее Боролдая – долина реки Арысь, берущей начало на Чокпакском перевале и впадающей в Сырдарью. Оба хребта известны высоким эндемизмом флоры и фауны, в них – богатые захоронения юрского периода. Здесь был создан первый в СССР палеонтологический заповедник и вот как об этом повествует в специальной научной статье известный казахстанский палеоботаник Элеонора Рейнгольдовна Орловская (1931-1986):

Рис. 83 и 84. Наша машина и общий вид палеонтологического участка Карабастау. Сентябрь 1960 г.

Рис. 85 и 86. Склон с «рыбными сланцами» юрского периода. Участок Карабастау. Сентябрь 1960 г.

«Первое местонахождение верхнеюрской фауны и флоры в горах Каратау открыто в 1921 году инженером А.А. Анисковичем во время разведки на уголь в юго-восточной оконечности Каратауского хребта (у деревни Галкино). В 1923-1925 гг. В.Г. Мухин и Э.А. Фалькова обнаружили новые захоронения близ деревни Михайловка (ныне это место называется Аулие), в урочищах Карабастау и Чугурчак. Прекрасной сохранности отпечатки рыб, насекомых, растений привлекли к себе внимание палеонтологов и людей, интересующихся ископаемыми. К сожалению, при неумелых раскопках разрушались ценнейшие уникальные экспонаты, и тогда-то и встал вопрос о заповедании этого уникального места. Благодаря стараниям директора Чимкентского музея Б.П. Тризна (затем он стал директором Аксу-Джабаглинского заповедника) в 1924 г. был организован Каратауский палеонтологический заповедник, в который вошли местонахождения Карабастау, Чугурчак и должно было войти местонахождение у деревни Михайловка, но почему-то оно было забыто и только в 1973 г., благодаря совместным усилиям московских и казахстанских учёных (особенно велика в этом заслуга Р.В. Геккера, В.В. Галицкого и др.) и это одно из самых богатейших захоронений стало заповедным. Административно связанный с Аксу-Джабаглинским заповедником, Каратауский стал его частью. Это был первый палеонтологический заповедник в СССР» (Орловская, 1996, с. 12).

В августе 1959 года, когда я начал работать в заповеднике Аксу-Джабаглы, Карабастау был филиалом этого заповедника, его палеонтологическим участком, удалённым от центральной усадьбы почти на 100 км, так как он находился в другом горном хребте и попасть в него можно было только через областной центр – город Чимкент. Поэтому при всём моём желании увидеть это всемирно-знаменитое место попасть туда мне удалось только через год – в конце сентября 1960 года (рис. 83-86). Наблюдателем этого участка был тогда старейший сотрудник заповедника Евтихий Иванович Устименко, которого принимал на работу ещё сам Борис Петрович Тризна в 1925 г. (за год до официального утверждения заповедника Аксу-Джабаглы!). Чем же так знаменит был этот участок (помимо того, что здесь до сих пор произрастает дикий виноград, из которого Евтихий Иванович создавал превосходнейший напиток, известный всем в заповеднике!), лучше всего поведал Элеонора Рейнгольдовна, с которой мне посчастливилось потом почти 20 лет работать в Институте зоологии Академии наук Казахстана: «Велика его научная ценность. Это одно из немногих мест на земном шаре, где в исключительно тонкослоистых карбонатных породах, получивших название «бумажных» или «рыбных» сланцев, сохранились остатки животных и растений прекрасной сохранности, существовавших 145-150 млн лет тому назад. По данным Р.Ф. Геккера (1948), захоронение остатков животных и растений происходило в осадках позднеюрского Каратауского ... озера... Большинство растений верхнеюрской эпохи к настоящему времени вымерло, но остались их «визитные карточки» в «бумажных» сланцах Каратау в виде отпечатков листьев, веток, шишек, летучек, семян прекрасной сохранности... Нигде в мире нет такого богатого и интересного захоронения мезозойских насекомых, как в Каратау, причём во многих случаях они имеют прекрасную сохранность, позволяющую видеть строение древних насекомых почти так же хорошо, как и современных» (Орловская, 1996, с. 13). Обнаружены здесь и остатки более крупных

животных – например, летающих ящеров из отряда рамфоринхов. Одним словом, Каратау – место всемирно известное среди учёных-палеонтологов. А всем, кого это заинтересует, настоятельно рекомендую прочитать статью Э.Р. Орловской, опубликованную в юбилейном 7-м выпуске Трудов заповедника Аксу-Джабаглы, посвящённом 70-летию этого старейшего заповедника Казахстана и Средней Азии. Мне же до сих пор жаль, что за следующие 7 лет работы в заповеднике я так больше и не побывал в Карабастау...

Работая в заповеднике Аксу-Джабаглы в 1959-1966 гг., я ежедневно видел за долиной Арыси гребень хребта Каратау, а точнее – его южной гряды Боролдайтау (рис. 81), которую здесь иногда называют Куланскими горами. Затем в 1967-1970 гг., занимаясь отловом птиц на Чокпаке, мы не раз совершали пешие экскурсии по восточной окраине Боролдайских гор, особенно осенью, когда в межгорных долинах на посевах сафлора нередко скапливались на кормёжке сотенные стаи степных (*Melanocorypha calandra*) и двупятнистых (*M. bimaculata*) жаворонков, а однажды я встретил такую же крупную стаю краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*). В середине мая 1981 г. удалось посетить лесничество Кокбулак, где работали наши орнитологи, занимавшиеся изучением синиц и привлечением их в искусственные гнездовья, а также герпетологи, исследовавшие желтопузика (*Ophisaurus apodus*). В лесах этого урочища (рис. 82) оказалось так много райских мухоловок, что Сергею Скляренко удалось собрать по их гнездованию много данных и по ним опубликовать интересную статью об этой тогда ещё мало изученной птице (Скляренко, 1991). Кстати, одновременно появилась статья об этой птице по материалам, собранным в урочище Беркара Малого Каратау (Колбинцев, 1991), где райская мухоловка оказалась ещё более многочисленной.

Рис. 87 и 88. Боролдайские горы. На правом снимке видна долина Арыси и Таласский Алатау.

С 24 июня по 1 июля 1992 г. вместе с двумя зоологами заповедника Аксу-Джабаглы Владимиром Геннадиевичем Колбинцевым и Владимиром Фёдоровичем Шакула (рис. 92) мы совершили поездку в горы Боролдай и Каратау по маршруту: ур. Кокбулак в Боролдае – село Большая Тура – река Боролдай – город Туркестан – урочище Балыкши северо-западнее горы Бессаз. Цель поездки – поиски в горах Каратау архара каратауского подвида (*Ovis ammon nigrimontana*).

В самом Кокбулаке и его окрестностях архаров не видели давно. К тому же раньше этих мест зимой достигали архары тянь-шанского подвида, мигрирующие из заповедника Аксу-Джабаглы, и здесь они могли смешиваться с каратаускими архарами, которые нас в данном случае интересовали.

Во время этой поездки по Боролдаю обращало на себя внимание большое число желтопузиков, которых можно было видеть даже с машины во время движения по просёлочным дорогам. Из птиц, помимо действительно многочисленных райских мухоловок и желтогрудых синиц, особенно интересно было встретить на реке Боролдай синюю птицу, которой раньше здесь никто не встречал.

Архаров – 6 самок и 7 ягнят – встретили мы только на западных склонах горы Бессаз, в наиболее высокой центральной части хребта. Здесь в марте 2004 г. был создан Каратауский заповедник, предложение о создании его было высказано академиком Б.А. Быковым (1910-1990) ещё в 1975 г. и, начиная с 1979 г. вопрос этот много раз рассматривался на заседаниях комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане», а ботанические и зоологические обследования территории проведены в 80-х гг. XX ст.

Рис. 89. Боролдайский хребет, восточная часть, лесничество Кокбулак. Июнь 1992.

Рис. 90. Желтопузик (*Ophisaurus apodus*) очень многочислен в Кокбулаке.

Рис. 91 и 92. Река Боролдай и наша машина в ней, рядом – В.Г. Колбинцев и В.Ф. Шакула. 1992.

Рис. 93. Срединная часть хребта Боролдай.

Рис. 94. Гребень центральной части Каратау. 30 июня 1992.

В этих же местах, на западных склонах горы Бессаз, в наиболее высокой центральной части хребта (рис. 94), совершенно неожиданно для себя я встретил краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*) в обстановке, очень напоминающей их гнездовые станции в заповеднике Аксу-Джабаглы, но на высоте ниже 2000 м над уровнем моря. Только 25 лет спустя гнездование краснокрылого чечевичника в Каратау было доказано документально (Федоренко, 2017).

Восточную часть основного хребта в районе Малого Каратау мне удалось посетить почти за 10 лет до этого – в середине мая 1983 г., при поездке на р. Талас. Два близлежащих ущелья Малого Каратау – одно

с красивым названием Арбатас, второе Беркара – показал мне лучший знаток этих мест герпетолог Володя Колбинцев, который тогда работал в областном краеведческом музее и поступил в аспирантуру к нам в Институт зоологии. Это уже несколько лет спустя он перешёл на работу в заповедник Аксу-Джбазгы.

Рис. 95 и 96. В горах Малого Каратау. Цветёт *Ferula tenuisecta*. Середина мая 1983 г.

Рис. 97. Участники таласской поездки обедают. Рис. 98. Лошади на джайляу в М. Каратау. Май 1983.

Рис. 99. Дорога на Арбатас. Май 1983 Рис. 100. Цветущий лук каратавский. Май 1983.

Выходящее прямо к озеру Бийликоль ущелье Беркара знаменито тем, что только здесь произрастает эндемичный беркаринский тополь (*Populus berkarensis*), описанный Петром Петровичем Поляковым (1902-1974) и сохранившийся в виде крошечной рощицы из нескольких деревьев. Дорога к нему по дну этого закрытого ущелья в жаркий полдень оказалась длинной и утомительной, а когда в конце маршрута Володя показал нам эту крохотную рощицу, растущую в верхней части крутого склона, покрытого крупнообломочными осыпями, у меня появилось предательское искушение – ограничиться осмотром издали в бинокль. Устыдившись этой мысли, я нашёл крепкий обломанный ствол ивы, и опираясь

на него, как на посох, всё же поднялся к рощице (рис. 101-104). Две небольшие веточки этого редкого тополя (очень просили ботаники!) долго ещё напоминали мне об этом памятном дне.

Рис. 101-104. Подъём по крутой осыпи и пробы фотографий ствола и кроны беркаринского тополя.

А памятный он был ещё и тем, что здесь мы вволю насмотрелись райских мухоловок (*Terpsiphone paradisi*), которых здесь действительно много: только в этом году Володя Колбинцев нашёл здесь 20 жилых гнёзд её, на следующий год – 22, а ещё через год – 25! Кроме того, очень интересно было встретить соловья-белошейку (*Irania gutturalis*), который в Аксу-Джабаглы в годы моей работы отсутствовал, появившись только в 1966 году, и я успел найти в Чуулдаке лишь одно-единственное его гнездо.

В соседнем ущелье Володя показал нам гнездо сокола-балобана (*Falco cherrug*), который, хотя и был занесён в Красную книгу, но ещё не являлся таким объектом ажиотажа, каким он стал десятилетие спустя, когда в Казахстане появились арабские эмиссары и пышным цветом расцвела соколиная торговля, практически поставившая здесь этот вид на грань исчезновения. Гнездо находилось на выступе скалы узкого, как колодец, ущелья, и забравшийся на неё наш водитель Виктор сообщил, что оно пустое. Тогда же Володя впервые показал мне озеро Кызылколь в северных предгорьях Малого Каратау (рис. 105), на котором после этого неоднократно работал он сам и другие наши орнитологи. Каждый раз они находили что-то новое и интересное из птиц, особенно водных и околводных (Колбинцев, 2004).

Рис. 105. Озеро Кызылколь в Малом Каратау (восток основного хребта). Май 1983 г.

Рис. 106. Берег Кызылколя, скала с гнездом орла. **Рис. 107.** Пискливый геккончик (*Alsophylax pipiens*).

Западную оконечность Каратау мне удалось видеть только раз – во время поездки 2-9 октября 2004 г. с чешскими орнитологами Мирославом Бобеком и Любомиром Пешке, а также двумя инспекторами управления охраны леса и охотничьего хозяйства Кызыл-Ординской области в поисках самки чёрного аиста (*Ciconia nigra*), помеченной радиопередатчиком в Сибири. За эти дни на машине охотинспекции мы проделали маршрут протяженностью 800 км по низовьям Сырдарьи (в основном Кувандарья) и Северным Кызылкумам. Самку эту, по имени Алтынай (так её назвали чехи при кольцевании) мы обнаружили в скоплении пролётных чёрных аистов числом около 700 особей (здесь они откармливались, а потом, как показали впоследствии радиосигналы, поворачивали прямо на юг). На обратном пути мы решили посмотреть Теликольский канал, откуда Алтынай подавала сигналы в прошлую осень. Место это было как раз в районе западного окончания хребта Каратау. Вот как он смотрится издалека (рис. 108, 109).

Рис. 108 и 109. Западное окончание хребта Каратау у Теликольского канала. 7 октября 2004.

Привожу выдержку из своей записной книжки: «Сразу же за станцией Байгакум слева – небольшие барханчики, справа – кустарники. Едем прямо на оконечность хребта Каратау. Дорога проходит между барханчиками, поросшими саксаулом средней густоты и возраста. Песок и супесь. Каратау уже явственно синее оконечностями трёх гряд, обращенных к нам своими торцами: самая высокая западная (справа), посередине – двойная, а самая низкая и длинная – левая (восточная). Впечатление такое, что до них всего километров 10-15, но на самом деле больше. По дороге – малые жаворонки (*Calandrella cinerea*), полевые коньки (*Anthus campestris*), обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*), пустынная славка (*Sylvia nana*), в одном месте – варакушка (*Cyanosylvia svecica*), в другом – деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Здесь между низкими песчаными грядами – довольно обширные равнинные участки, возделанные под огороды, с системой арычного полива. Самая крайняя точка нашего путешествия оказалась между двумя каналами, берега которых поросли тростником. Это царство фазанов (*Phasianus colchicus*), которых мы видели больше десятка». К сожалению, пробраться поближе к горам, чтобы рассмотреть их, возможности у нас не было...

15 марта 2023 г – 22 февраля 2024 г.

Северный Тянь-Шань

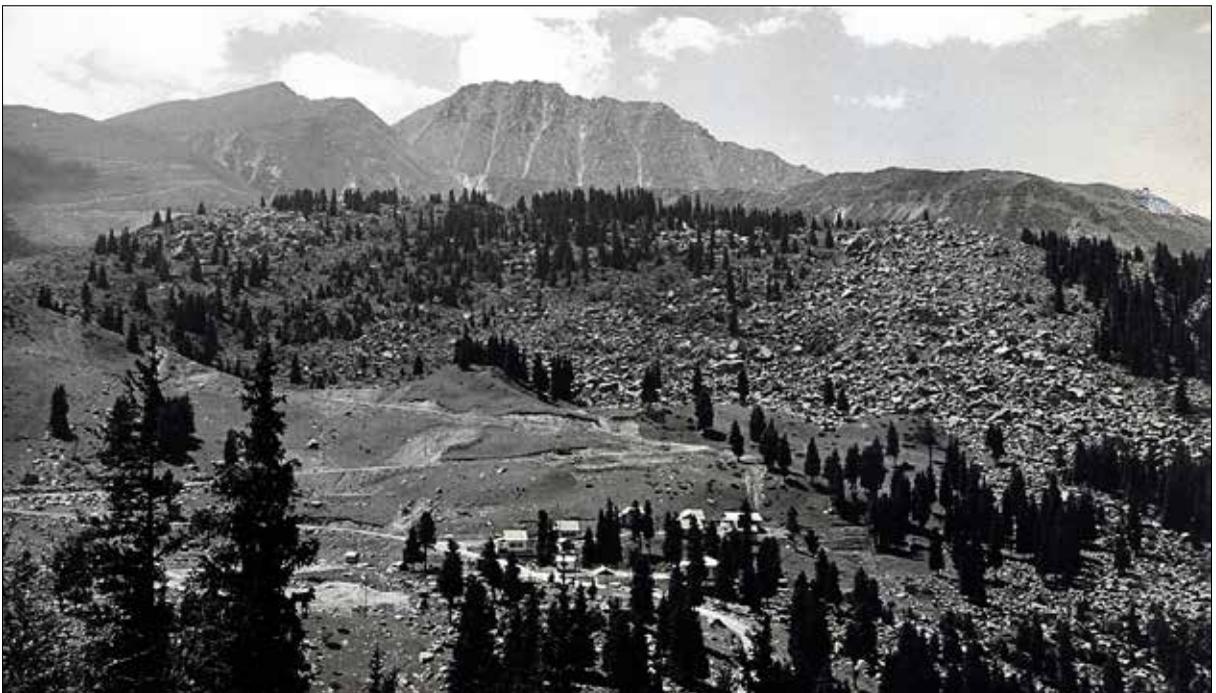
Номерами в кружках обозначены урочища, которым посвящены рассказы:

- 4 – Большое Алматинское озеро, 5 – Малое Алматинское ущелье, 6 – Талгарское ущелье, 7 – озеро Иссык,
- 8 – ущелье Кульсай (Кунгей Алатау), 9 – Бартогайское водохранилище, 10 – Сюгатинская долина,
- 11 – река Чарын и её каньоны

4. Большое Алматинское озеро (Зайлийский Алатау)

Рис. 110. Большое Алматинское озеро и пик Советов (вид с Космостанции). Май.

Рис. 111. Окрестности стационара орнитологов у верхней границы леса, 2500 м. 1971 г.

Основу Северного Тянь-Шаня в Казахстане составляет *Заилийский Алатау* (высшая точка – пик Талгар, достигающий, по одним данным, 4951 м, по другим – 5018 м над уровнем моря) – хребет, закрывающий с севера параллельный хребет Кунгей Алатау и по отношению к нему несколько смещённый к западу. Общая площадь оледенения 484 км², основная часть ледников (Корженевского, Богатырь, Джангырык, 7-8 км) находится в Талгарском горном узле, образующем перемышку между средними частями хребтов Заилийский и Кунгей Алатау; с этой перемышки на запад течёт река Чонкемин, а на восток – река Чилик, долины которых разделяют параллельные хребты Заилийский и Кунгей Алатау и по ним проходит граница между суверенными государствами – Казахстаном и Кыргызстаном.

Протянувшийся на 350 км с востока на запад Заилийский Алатау наиболее высокий и лесистый в своей срединной части. На востоке он заканчивается довольно сухими горами Турайгыр и совсем безлесными низкогорьями Сюгаты и Богуты, на западе – безлесными открытыми склонами Жетыжол. Зато в центральной части хребта северные склоны Заилийский Алатау – классический образец высотной поясности с хорошо развитым поясом хвойного леса из ели тянь-шанской. Здесь же, в предгорьях между ущельями Большим и Малым Алматинским, расположен крупный мегаполис – город Алматы (Алма-Ата), который к середине XX ст. стал забираться и в горы: в Малом Алматинском ущелье официально в черту города вошёл высокогорный каток Медео со своими окрестностями (1800 м над уровнем моря).

Рис. 112. «Прилавки» и восточная часть г. Алматы против М. Алматинского ущелья. 22.06.2018.

Рис. 113. «Прилавки» в западной части города, вблизи Б. Алматинского ущелья. Август.

Безлесные, в значительной мере освоенные «прилавки» предгорий центральной части хребта на высотах 1100-1200 м уступают место лиственному лесу, который с 1400-1600 м сменяется еловыми лесами, простирающимися до 2700-2800 м. Выше расположен пояс арчового стланика и субальпийских лугов, переходящих на высотах около 3000-3100 м в лужайки и скалы альпийского пояса; выше снеговой линии скалы покрыты вечными снегами и ледниками. Несмотря на кажущуюся чёткость границы высотных поясов очень извилисты, постепенны и могут составлять переходную полосу шириной до 300-400 м.

Особенно нерезка верхняя граница леса, где наблюдается довольно глубокое взаимопроникновение основных элементов двух соседних поясов — хвойного леса и арчового стланика. Так, на северном склоне Заилийского Алатау ельник, постепенно редая, достигает высоты 2800 и даже 2900 м над ур. м., хотя во многих местах не поднимается выше 2600 м; арчовый же стланик по лесным полянам и рединам спускается, по крайней мере, до 2400—2300 м. В интервале высот от 2300 до 2900 м идёт постепенная замена ельников арчевниками, а выше — столь же постепенная деградация самих арчевников. На высотах 2700—2900 м над ур. м. среди обширных субальпийских лугов северных склонов нередко встречаются участки сплошных зарослей арчи, представляющие собой труднопроходимые переплетения толстых стволов и ветвей самой арчи и лиственных кустарников высотой до 1,5—2 м. Выше заросли арчи постепенно изреживаются и сама арча становится низкорослой (высотой всего 20-30 см), в виде лепёшки. Уже на высотах 3000-

3100 м арчевники исчезают, но отдельные кусты арчи могут быть встречены и на высотах 3400-3500 м в расщелинах скал альпийского пояса. На высоте около 3000 м в Заилийском Алатау проходит граница субальпийского и альпийского поясов. Здесь одновременно с исчезновением арчевников субальпийские луга, высота травостоя которых постепенно снижается, уступают место низкотравным альпийским лугам с многочисленными выходами камней и скалами.

Из двух ближайших к городу ущелий первым подверглось антропогенному освоению более восточное Малое Алматинское: высокогорный каток Медео, не менее знаменитый горнолыжный комплекс Чимбулак (2000 м), а ниже их, в пределах всего лесного пояса – множество санаторно-курортных заведений высокого ранга (включая правительственные дачи), прекрасная асфальтированная дорога из города до 2000 м над уровнем моря и регулярно курсирующий городской автобус. Всё это сделало ущелье местом массового воскресного отдыха жителей мегаполиса, более полувека бывшего столицей Казахстана.

Большое Алматинское ущелье до конца XX ст. оставалось многократно менее освоенным: городской транспорт в виде автобуса № 28 (иногда также № 93) ходил только до входа в ущелье – 2-й ГЭС и курорта Алмарасан (около 1400 м над уровнем моря), а выше по ущелью располагались лишь технические службы

Рис. 114 и 115. Большое Алматинское озеро в июне и в мае, после очередного снегопада.

Рис. 116 и 117. Ельники у водослива, ниже озера, 2450 м. Май 2003 и 2004 гг.

Рис. 118. Серпантин на Космостанции, Алматинский пик. Май. Рис. 119. Ельники за озером.

1-й ГЭС и отдельные домики снеголавинной станции и гидрометслужбы (на уровне Б. Алматинского озера), Астрономическая обсерватория Института имени Штернберга (ГАИШ, 2700 м) и Корональная станция Казахской Академии наук (там же), а замыкала эту «научную цепочку» Космостанция на перевале Жусалы-кезень (3300 м) в соседнее Проходное ущелье. Автомобильная дорога оставляла желать лучшего, так как по ней ходил только редкий служебный транспорт раз в несколько дней. А оживлённый поток организованных групп пеших туристов, следующих через перевал Озёрный на Иссык-Куль, природу мало затрагивал.

Поэтому не удивительно, что это ущелье издавна манило зоологов, обещая им выше уровня озера (которое они между собой окрестили БАО) встречу с козлами и даже барсом. Что же касается птиц, то здесь обитали многие малоизученные виды – от гималайского улара и бородача до таких неизученных, как высокогорные вьюрки (гималайский, жемчужный, красный), обитатели арчового стланика (арчовый дубонос, арчовая чечевица, расписная синичка, черногрудая красношейка) и множество других.

Не случайно один из лучших орнитологов, исследовавших Тянь-Шань, автор монографии «Птицы Семиречья» (1949) Владимир Николаевич Шнитников (1873-1957) стационарно работал в окрестностях Большого Алматинского озера в 1928, 1929, 1933, 1935 и 1938 гг., а потом бывал неоднократно – в 1941, 1942 и 1943 гг. Создатель казахстанской орнитологической школы Игорь Александрович Долгушин (1908-1966) с целью срочного сбора сведений для начатой им многотомной монографии «Птицы Казахстана» (1960-1974) именно на берегу БАО в 1964 и 1965 гг. организовал стационарное изучение высокогорных птиц силами орнитологов руководимой им орнитологической лаборатории Института зоологии Казахской Академии наук (Э.И. Гаврилов, Э.Ф. Родионов, М.А. Кузьмина, И.Ф. Бородихин). За эти два сезона найдено около 500 гнёзд малоизученных видов птиц, в т.ч. таких как арчовая чечевица, арчовый дубонос, расписная синичка, черногрудая красношейка и др. Встречен даже красный вьюрок: гнездо его не известно науке... И Долгушин принимает решение: на следующий год во что бы то ни стало найти гнездо этой птицы в местах, где его несколько раз встретили в гнездовое время. Но судьба распорядилась иначе: 4 июля 1966 г. Игоря Александровича не стало... И мы с Эдиком Гавриловым (1933-2011) решили выполнить волю учителя.

Красный вьюрок (*Pyrrhospiza punicea*). В середине июня 1967 г. мы вдвоем с огромными рюкзаками (в каждом килограмм по 30) и сыном Эдика 14-летним Сергеем (1953-1977) на попутной машине добрались до Б. Алматинского озера, где уже работал Эвальд Фёдорович Родионов (1926-1992), которого с лёгкой руки Долгушина взрослые называли Валентин, а дети – «дядя Валя». Он собирал материал по биологии тянь-шаньского крапивника (*Troglodytes troglodytes tianschanicus*) для третьего тома «Птицы Казахстана». Своего стационара здесь институт ещё не имел, и Валентин по старой привычке устроился

в остатках здания геологоразведки близ дамбы на берегу озера – т.н. «карцере». Собственно, карцером долгушинцы окрестили бывшее складское помещение – крохотную комнатку без окон, но с нарами для спанья (здесь стоял электрический «козёл», можно было отогреться и просушиться в непогоду), а Валентин жил в соседней комнате, в которой еще сохранились окна. Здесь мы перепаковали свой груз, так как дальнейший путь предстоял пешком в гору. Когда стали подвязывать кошму к моему рюкзаку, Валя сказал: «Ты неправильно делаешь, давай я тебе помогу» и очень быстро и ловко свернул её, приторочил и даже помог мне водрузить этот груз на спину. «Вот это – настоящий друг!» – сказал я, и мы с чувством пожали друг другу руки.

Два километра в обход самого озера дорога была очень пологой, и мы постепенно втянулись, хотя груз очень даже чувствовался. Но после домика гидролога (рис. 119) предстоял очень крутой подъём по склону с еловым лесом, частично вырубленным. Здесь приходилось отдыхать через каждые 20, а потом – и через 10 шагов. При этом мы приспособились не снимать рюкзак (потом его не наденешь), а опираться им на какой-нибудь высокий пенёк. Так, с передышками, уже к вечеру добрались мы до относительно горизонтальной поляны среди ельника, с протекающим по её краю ручьем. Здесь, у верхних ёлок на высоте около 2700 м над уровнем моря, и разбили свой мини-лагерь из двух палаток (в одной – люди, в другой – груз). И вот тут-то, разворачивая кошму, я обнаружил «привет» от Валентина – цилиндрической формы металлический керн весом более килограмма!!! Эдик смеялся до слёз, а у меня даже смеяться сил не было...

Рано утром, попив чайку и оставив в лагере Серёжку, мы с Эдиком пошли на вершину гребня хребта (около 3000 м над уровнем моря), где и надо было начинать поиски красного вьюрка. Эдик любезно разрешил мне собрать еду и воду, которую мы берём с собой, и положить в его рюкзак, что я и сделал. Почти сразу же у лагеря елки закончились и подниматься пришлось сначала по зарослям стланиковой арчи, а потом – по открытому каменистому склону, поросшему травой. Подъём был крутой и занял у нас около трёх часов, во время которых мы несколько раз отдыхали, буквально падая на землю. Эдик все жаловался, что мы, видимо, плохо отдохнули от вчерашнего подъёма, раз так тяжело идти. Я был согласен с ним.

А вот и долгожданный гребень хребта, где можно ходить, а не карабкаться, да и присесть нормально есть где! В ожидании, когда появится красный вьюрок, решили перекусить. Эдик развязал свой рюкзак и первое, что он увидел, – тот самый злополучный керн. Теперь была моя очередь смеяться, а он так осерчал, что чуть не запустил керн со скалы. Я едва сдержал его, сказав, что готов сам отнести эту штуку вниз – ведь завтра к нам должен подняться Толя Сема для записи голосов птиц! Чем же он хуже (или лучше) нас? ... Идея понравилась, и керн перекочевал в мой рюкзак. Через пару дней Сема, сам того не ведая, уносил драгоценный груз обратно к Валентину с моей благодарственной запиской – круг замкнулся...

Но мы не только развлекались. Мы действительно искали красного вьюрка, каждое утро с упорством маньяков поднимаясь с 2700 до 3000 м по крутому склону (со временем мы научились проходить этот путь за полтора часа, а обратно, используя участки мелких осыпей, умудрялись спускаться даже за полчаса!). Несколько слов о самой птице.

Эта яркая, броская птица с красивым, звучным голосом, населяющая самые высокие участки альпийского пояса гор, настолько редка, что до 1960 года в СССР была встречена лишь 15 раз. Каждая встреча расценивалась как событие, так как позволяла всё точнее очертить область распространения этой неведомой птицы. Что же касается её образа жизни, то о нём не было известно практически ничего. Правда, в книге о птицах Индии, изданной еще в 1934 году, английский орнитолог Бекер упоминает о двух гнёздах якобы этой птицы, обнаруженных на ветках кустарника, однако сам факт гнездования на кустарнике этой скальной птицы вызывал у орнитологов большие сомнения. По-видимому, за гнёзда красного вьюрка, доставленные Бекеру кем-то (скорее всего не орнитологами!), были приняты гнёзда какой-то из обитающих в Гималаях чечевиц 13 видов, многие из которых живут высоко в горах.

Рис. 120. Место расположения нашего лагеря июнь 1967 г. (звезда) и скала красного вьюрка (стрелка).

Рис. 121. Взрослый самец красного вьюрка. Космостанция, 3300 м. 23 февраля 2018 г. Фото Олега Белялова

Ни первый, ни второй день наблюдений не дали результатов – красные вьюрки не появлялись в местах, в которых их встречали наши орнитологи летом 1965 года. Не было их и на 3-4-й дни. Я уже начал сомневаться – там ли мы ищем... Какова же была наша радость, когда 17 июня, после недели бесплодных поисков, на высоте 3150 метров мы встретили самку с пучком шерсти в клюве! Однако в тот день мы выяснили только направление её полёта – вверх, к гребню хребта. На следующий день удалось проследить, что самка унесла пух к 120-метровой отвесной скале, вершина которой находилась на высоте 3300 метров. У подножия скалы, обрывающейся уже в соседнее ущелье Чукур, местами было ещё много снега, а с сильно растрескавшихся вертикальных поверхностей время от времени срывались обломки, вызывая камнепады.

Последовали напряженные дни дежурства у этой скалы. Наблюдения часто прерывались находящими тучами, снегопадом, градом или дождём, когда видимость резко падала. Птицы появлялись крайне редко, а для безошибочного определения места расположения гнезда было необходимо наблюдать с разных точек. За 8 дней дежурства мы только трижды видели вьюрков с материалом в клюве, но ни разу не удалось проследить, куда они его относят – так быстро и незаметно исчезали с глаз птицы. Только 30 июня, когда самка, по-видимому, начала насиживать кладку, удалось определить щель, в которой находилось гнездо: примерно в 80 м от подножия и в 40 м от вершины скалы, в наименее доступном месте. О том, чтобы забраться туда без специальной подготовки и снаряжения, нечего было и думать.

Однако радость открытия сделала нас оптимистами. Эдик вспомнил, что на биофаке КазГУ учится студент Юра Голодов, мастер спорта по альпинизму, и для него такая скала не составит труда. Пошли на озеро, оттуда поднялись на обсерваторию ГАИШ (Государственный астрономический институт имени Штернберга), где был телефон, и кое-как дозвонились до Юры. Он приехал на второй день. Однако попытка оказалась неудачной – не хватило страховочной веревки. Для второй попытки времени у него не было.

Рис. 122-123. Скала и альпинист В. Кашицын под гнездом.

Зато на ГАИШ'е в это время как раз проходили сборы воинской части горных стрелков (своего рода «эдельвейс») и инструктора выделили нам двух своих коллег – Володю Кашицына и Сергея Арутюнова. Через два дня они пришли, резво поднялись до середины скалы – и снова неудача! Как и в первый раз, Эдик как более крепкий и сильный, держал на вершине скалы страховочную веревку, на втором конце которой находился альпинист, а я, спустившись к подножию скалы, корректировал передвижение альпинистов (левее-правее, выше-ниже). Наученный опытом первой попытки, когда сброшенный Ю.Ф. Голодовым «чемодан» полетел в мою сторону и, разбившись на сотни осколков, расплющил мой бинокль, я в этот раз следил из-за небольшой скалы, за которую можно было быстро спрятаться в подобном случае.

Володя Кашицын забрался в такое место под нависающую скалу, что не мог никак продвинуться ни вперед, ни назад и... попросил меня рассказать ему анекдот! Выслушав его, он не стал смеяться, а сказал каким-то другим голосом, что вот недавно в поезде познакомился с такой хорошей девчонкой... Я понимал, что он пытается настроиться на положительный лад, но все же было тревожно за него. А его напарник, возможно именно из-за этих слов, растерялся и не мог подойти к нему поближе, чтобы оказать помощь. Но в конце концов Володя выбрался из этого трудного положения и, поднявшись на вершину скалы, сказал, что здесь нужны ещё люди и верёвки. Эта неудача нисколько не отбила у него охоту к продолжению попыток. Уходя, он сказал, что гнездо они достанут. Только надо договориться с офицерами, чтобы их отпустили целой группой. И добавил, что их майор заядлый охотник и, если пообещать ему, что здесь можно подстрелить улару... Мы всё поняли и дали добро на такое обещание (пусть попробует его подстрелить!).

Поскольку дело затягивалось на неопределенные время, за которое могли успеть вылупиться птенцы (а целью наших поисков была кладка!), то Эдик с целью сохранения яиц решил на отстрел самки-наседки. И хотя это негуманное решение не очень мне нравилось, приходилось сознаться, что оно – единственно верное в данной ситуации. Так и сделали, превратив добытую птицу в набитый ватой научный экспонат, который стал пока единственным результатом всех наших попыток за две недели.

Погода испортилась, пошёл дождь, потом снег. Так прошел день-другой, но нам оставалось только ждать. Очередным туманным утром с капелью, когда мы уже собрались, по обыкновению, заняться другими делами – идти к найденным за это время гнёздам соловья-красношейки (в одном из них было яйцо кукушки!), снизу слышались голоса и вскоре из тумана стали появляться фигуры: одна... две... три... семь... – всего 11 альпинистов вместе с офицером. От чая они отказались, и мы тут же начали подъём. На гребне хребта туман рассеялся, зато пошёл мелкий дождь. Нам явно не везло. Решили переждать с полчаса под скалками, хотя мы догадывались, что и после дождя по мокрым скалам ходить нельзя (рис. 125). Однако через полчаса, как только прекратился дождик, и офицер ушел на свою «охоту», ребята начали штурм скалы. Не побоялись. Все так же Эдик «травил» сверху верёвку, а я корректировал снизу.

Рис. 124. Ожидание окончания осадков. В. Кашицын 4-й слева, Е. Черников – 3-й слева. 11 июля 1967 г.

Рис. 125. Празднование в «карцере» 12 июля 1967 г. Тост говорит В. Кашицын, слева – автор.

Первым опять пошёл Кашицын, на этот раз со страховкой, но в том месте, где скала имеет отрицательный угол, его отбрасывало. К нему спустились «дюльфером» маленького роста Женю Черникова, чтобы он, закрепившись на скале, подтянул Володю к ней. Однако, как только Женя устроился, я увидел, что он находится всего в двух метрах от гнездовой щели. Сказал ему об этом. Переспросив, где точно находится щель, Женя сам пробрался к ней и, засунув туда руку, удивленно сказал: «Там птица!», в ответ на что Эдик закричал: «Дави её!». Женя никак не мог взять в толк, как можно давить живую птицу. Тогда мы с Эдиком наперебой стали советовать ему посадить её в мешочек (в котором были миски для кладки). В конце концов Женя посадил пойманную птицу в свои шаровары, плотно закрытые со всех сторон. А гнездо с 4 яйцами положил в специально приготовленную для этого алюминиевую миску и на верёвке переправил наверх.

Но как только Женя выбрался наверх, Эдик тут же сам выловил самку у него в шароварах и, когда он показывал её всем, то она была уже мертва... Волнение наше было запредельным – настолько, что Эдик отказался притрагиваться к кладке! Пришлось мне упаковать яйца в мою выдавшую виды фанерную коробочку с шестью отделениями для яиц, выложенными ватой. В ней за 7 лет перебивалось столько яиц, в том числе и первая кладка краснокрылого чечевичника. Закрыв коробочку крышкой и перетянув сверху тугой резинкой, я демонстративно бросил коробочку на рюкзак. Надо было видеть глаза Эдика!! Я думал, что он меня ударит, но он сдержался. «Ну, ты и псих!» – только и сказал он мне. И рюкзак с кладкой нести отказался, на сей раз сославшись на то, что если я разобью яйца, то хоть будет кого винить. Но когда я на крутой осыпи сделал вид, что падаю, он тут же подхватил меня под локоток... Гнездо и яйца потом были подробно описаны в нашей совместной научной статье (Гаврилов, Ковшарь, 1968, с. 46-47), а свои эмоции и видение всего процесса поисков гнезда Эдик напечатал в популярном очерке (Гаврилов, 1985).

Спустившись к палатке, мы тут же свернули лагерь и, воспользовавшись машиной альпинистов, уехали с ними на озеро, к Валентину – тем более, что воды наполнявшегося озера уже стали заливать дорогу и ехать приходилось по воде. Было это 11 июля 1967 г. А вечером того же дня Валентин звонил в Алма-Ату большому другу орнитологов Евгению Васильевичу Гвоздеву – заведующему лабораторией паразитологии, сотрудники которой Тамара Соболева и Виктор Яковлевич Панин проводили свои полевые работы на озере, а Евгений Васильевич время от времени, вырываясь на пару дней, привозил им продукты. На сей раз Валентин, сказав, что мы нашли-таки гнездо «Пирроспизы», попросил его привезти, помимо продуктов, также водки. «Сколько?» – спросил Гвоздев, и Валентин, не моргнув глазом, спокойно ответил: «Ящик». Евгений Васильевич просьбу выполнил, и вечером следующего дня в «карцере» состоялся той. Пришли все альпинисты и весь вечер за столом вперемежку с обсуждением деталей вчерашнего события звучали тосты – за альпинизм, за орнитологию и за их содружество. Ребята очень слажено пели под гитару песни Высоцкого из только что вышедшего фильма «Вертикаль», и это было так кстати!..

Информацию о нашей находке напечатал в газете «Труд» её спецкорр. Осип Иванович Огнёв. Мы с Эдиком стали получать поздравления от орнитологов. Самое оригинальное среди них – от Николая Валентиновича Кокшайского, который прислал рисунок плачущего человека с подписью, что это он оплакивает то, что его опередили. Известный московский орнитолог-альпинист и писатель Александр Александрович Кузнецов, первый привёзший в Москву живого красного вьюрка, и Рюрик Львович Беме, который держал этого кузнецовского вьюрка у себя дома, при первой же встрече в Москве дотошно расспрашивали меня о деталях расположения гнезда и поведения птиц. Позже об этом случае написал Константин Александрович Воробьев в своей популярной книге «Записки орнитолога» (Воробьев, 1973). Одним словом, прославились... Но главным для нас с Эдиком было удовлетворение от того, что слово своё, которое мы дали себе в день похорон нашего учителя Игоря Александровича Долгушина в июле 1966 г., мы сдержали и нашли-таки первое в мире гнездо этой редкой птицы. Прошло уже более 50 лет, но это гнездо, насколько мне известно, до сих пор остаётся *единственным*, известным науке; пока ещё никому не удалось найти второе, несмотря на то что саму птицу продолжают встречать в высокогорье Центральной и Средней Азии, в том числе и у нас в Тянь-Шане (Ковшарь, 2019, том. 2).

Стационар по изучению размножения птиц в высокогорье (1971-1978).

Рис. 126. Большое Алматинское озеро. За левым концом дамбы – научный посёлок. *Автор снимка неизвестен.*

Рис. 127. Научные стационары (ГМС, дежурные ГЭС, орнитологи, мерзлотоведы, снеголавинники). 1971.

Не удивительно, что когда в Институте зоологии на пятилетку 1971-1975 гг. была утверждена тема «Особенности размножения птиц в высокогорье» (ответственный исполнитель А.Ф. Ковшарь), то лучшего места, чем БАО, было не найти, тем более, что в ожидании утверждения этой тематики нам удалось получить в Академии наук (переписать на баланс Института) щитовой финский домик – один из пяти, которые оставили астрофизики, перебравшиеся перед этим на 200 м выше, где было больше солнечных дней, что им было крайне необходимо. После небольшого текущего ремонта (в основном покраска) домик этот прослужил нам почти 10 лет верой и правдой, давая приют и рабочие места команде от 5 до 10 человек. Получив из Института единственного штатного помощника (лаборант, он же студент-вечерник Анатолий Левин), весь остальной «штат» я подбирал из числа студентов-практикантов и юннатов-школьников – самых наиболее заинтересованных людей в деле наблюдения за птицами и их гнёздами. Многие из них впоследствии посвятили изучению птиц всю жизнь и стали известными орнитологами. Помимо упомянутого Анатолия Левина это Ральф Пффефер (оба уже отметили 70-летние юбилеи!), Борис Жуйко, Валерий Лопатин, Олег Белялов (1960-2020), Виктория Ковшарь, Андрей Гаврилов, Сергей Складенко, Алтай Жатканбаев, Алтын Джаныспаев и многие другие.

Широко применяя усовершенствованную нами же методику индивидуального цветного мечения птиц – когда помимо обязательного алюминиевого кольца с номером мы надевали им на лапки также лёгкие колечки из цветного целлулоида (использовали только такой, который не выгорает на солнце и вообще не меняет цвет в течение нескольких лет – а такой материал нам удалось найти в Германии, на орнитологической станции «Vogelwarte Hiddensee» на одном из островов в Балтийском море), мы наконец могли узнавать своих «подопечных» на расстоянии – так, как будто дали им фамилию и имя. Это в корне изменило характер и достоверность получаемых сведений, что в свою очередь подхлестывало наш и без того горячий энтузиазм: всего нам удалось провести прижизненные многочасовые наблюдения у 2032 гнёзд 33 видов птиц, причём у некоторых видов было найдено около сотни и более гнёзд (у краснопинной горихвостки – 95, у дрозда дерябы – 97, у бледной завирушки – 131, у гималайского вьюрка – 153, у черногорлой завирушки – 169, а у пеночки-зарнички – 371). Результаты наблюдений опубликованы в ряде статей и обобщены в двух монографиях: «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979) и «Особенности размножения птиц в субвысокогорье» (Ковшарь, 1981). А для широкого круга читателей о результатах нашей работы я рассказал в популярном очерке «Там, за облаками...», напечатанном в книге «Живые сокровища Казахстана» (1979). Ниже приведу только пару примеров.

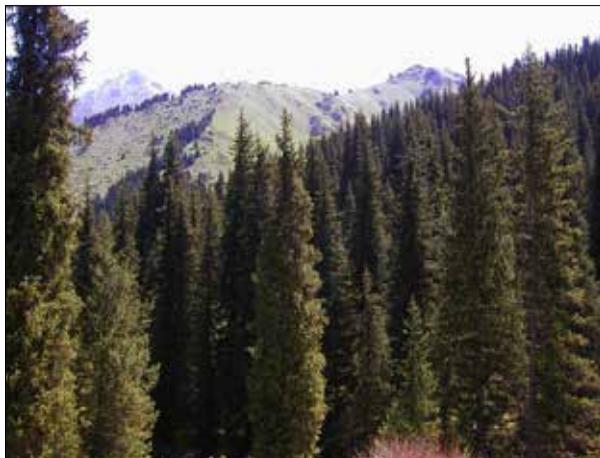

Рис. 128. Густой еловый лес в урочище Чукур (2300 м) на фоне безлесного склона.

Рис. 129. Верхняя граница леса на склоне восточной экспозиции ущелья р. Озёрной, 2500-2600 м.

Рис. 130. Эрозия крутых южных склонов со стелющейся арчой. Ручей Мраморный, 2700-2800 м.

Рис. 131. Арчовый стланик с отдельными ёлками («арчель»), южный склон. Там же, 2700-2800 м.

Расписная синичка (*Leptopoeile sophiae* Severtzov, 1873). Эта крохотная (массой всего 6-9 г), но удивительно красиво раскрашенная птичка (рис. 132) была открыта именно в Тянь-Шане, на территории Киргизии, всего 150 лет назад первопроходцем этой горной страны Николаем Алексеевичем Северцовым, назвавшем её в честь своей жены Софии, совершавшей с ним оригинальное брачное путешествие. Долгое время орнитологи не могли получить никаких сведений о её образе жизни в силу большой редкости самой птицы, которая вдруг исчезала на несколько лет. Так, в конце XIX – начале XX ст. расписная синичка была крайне редка в Северном Тянь-Шане. Как пишет В.Н. Шнитников (1949), Георгу Алмаши «несмотря на самые тщательные поиски, не удалось добыть этой птички в гнездовое время». Сам Шнитников за много лет встретил её всего дважды – 17 и 19 августа 1912 г. в Джунгарском Алатау и ни разу – в Большом Алматинском ущелье, где работал не один год. В 60-х гг. в этом ущелье расписная синичка стала более чем обычной: в 1964-1965 гг. здесь найдено 20 гнёзд, а в 1968 г. – ещё 6; при этом расстояния между соседними гнёздами составляли 500-600, а в некоторых случаях – всего 150 м (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Neufeldt, 1970).

Однако после суровой зимы 1968/69 г., когда глубокий снежный покров наблюдался не только в высокогорье, но и в предгорьях большинства хребтов Тянь-Шаня, численность расписных синичек упала так резко, что летом 1969 г. в Б. Алматинском ущелье орнитологи В.В. Леонович и Р.И. Малышевский

нашли лишь одно гнездо и ещё в двух местах встретили одиночек (Нейфельдт др., 1978). Отсутствовала здесь расписная синичка и во время наших стационарных работ 1971-1974 гг. Одновременно перестала она встречаться и на зимовках в Алма-Ате, где раньше была нередка.

В следующие 5 лет в Б. Алматинском ущелье гнездились только две пары (в 1975 и 1979 гг.), а весной и летом 1980 г. расписная синичка появилась в большом количестве – на южном склоне Мраморного ручья (рис. 130 и 131) на площади около 50 га гнездились 4-5 пар, а всего в ущелье – не менее 10 пар (Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982). Таким образом, численность, упавшая за одну зиму почти до нуля, стала заметно расти только спустя 10 лет и даже в 1980 г. не достигла уровня 1968 г. Восстановление численности в этом ущелье растянулось на годы, и даже в первом десятилетии XXI ст. она не достигла уровня 60-х гг. XX ст., о чём свидетельствуют ежегодные наблюдения в мае-июне с группами бёрдочеров (Ковшарь, 2002, 2004, 2007; Анненкова, Ашби, 2003; Скляренко, 2005, 2008). В своё время из-за резко снизившейся численности расписная синичка была занесена в первое издание Красной книги Казахской ССР (1978), по после начала

Рис. 132. Расписная синичка. Фото А.В. Коваленко

восстановления была выведена из неё уже при первом переиздании (1991). Однако поскольку она нуждается в регулярном мониторинге численности и охране от птицеловов (спрос на её содержание в клетке среди знатоков высокого класса довольно высок), то она числится в Красной книге Алматинской области (2006).

Тянь-шанский клёст-еловик (*Loxia curvirostra tianshanica* Laubmann, 1927). Эта птица с крест-накрест перекрещенными окончаниями клюва известна каждому школьнику, который знает и главную особенность её биологии: в отличие от других наших птиц она выводит птенцов не летом, а зимой. Однако в Тянь-Шане обитает свой, особый подвид клеста, изолированный от основного ареала вида так же, как и сами тяньшанские ельники от таёжной зоны Северного полушария. Он всецело связан с елью тянь-шанской (*Picea schrenkiana*), в кроне которой устраивает свои гнёзда и семенами которой питается и выкармливает своих птенцов. И сроки его размножения всецело зависят от фенологии тянь-шанской ели, в том числе и само пребывание его в том или ином горном хребте. Общеизвестно, что знаменитый первоисследователь птиц Тянь-Шаня Н.А. Северцов в 60-х гг. XIX столетия вообще не нашёл клестов в Тянь-Шане, несмотря на обширные сборы птиц в течение ряда лет, и даже выдвинул очень интересную гипотезу о причинах отсутствия их в этом районе (Северцов, 1873). По всей вероятности, это были годы депрессии численности этой птицы, обусловленной неурожаем еловых семян.

Рис. 133. Клёст-еловик. Фото А. Исабекова

В благоприятные же годы (например, 1963 и 1971 гг. в Заилийском Алатау), клесты гнездятся здесь в таком множестве, что кажутся многочисленнее всех остальных птиц в ельниках. Именно в такие годы (1971-1972 и 1974-1975) в окрестностях

Большого Алматинского озера нам удалось найти 65 жилых гнёзд клестов и провести у них наблюдения за интимной жизнью этой птицы с начала строительства гнезда до того времени, когда птенцы покинут гнездо. Всё это описано в очерке «Клест-еловик» в книге «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979, с. 267-274). Оказалось, что пение у клестов начинается в третьей декаде июня (в 1971-1975 гг. – между 18 и 28 июня), а к сентябрю уже смолкает, хотя отдельные нерегулярные песни можно слышать в любое время года (видимо, поют холостяки, которым так и не удалось обзавестись семьей, или у которых самка погибла).

Сроки размножения у большинства птиц приурочены ко времени появления массового корма для птенцов в период их вылупления. Этим легко объясняется и так называемое зимнее гнездование клестов в равнинных лесах Евразии: поскольку обычная ель и сосна теряют свои семена в апреле, то клестам надо, чтобы птенцы вылупились не позднее марта, а лучше даже – в феврале и январе. Тянь-шанская же ель теряет семена уже к зиме, поэтому птенцы должны появиться осенью, что и подтвердили наши наблюдения.

Так, в 1971 и 1972 гг. клесты в окрестностях БАО приступили к откладке яиц в первой декаде августа (12 гнёзд), во второй (12 гнёзд) и в третьей декаде этого месяца (10 гнёзд), а в первые 10 дней сентября откладка яиц начата ещё в 8 гнёздах. Сильно запоздавших кладок мы не находили и выводков клестов в зимы 1971/72 и 1972/73 не встречали. Летом 1973 г., в неурожайный для ели год, клесты в этом ущелье практически не встречались. В 1974 г. урожай семян ели был отличным (гораздо выше, чем в 1971-1972 гг.), и клесты появились во множестве уже к середине июня, а с начала июля приступили к гнездованию. Хорошо летающие птенцы встречены уже 24 августа 1974 г. В этом году летнее гнездование, по-видимому, без всяких перерывов перешло в зимнее, которое также было массовым. Всю зиму и весну следующего 1975 года клесты держались в основном парами, самцы часто и помногу пели, и нередко можно было слышать их тревожные крики, указывающие на наличие гнёзд или летающих птенцов. Выводки клестов, в которых взрослые кормили молодняк (от только что покинувших гнездо до свободно летающих), встречены 8 и 23 марта, в течение всего апреля и даже 9 и 15 мая 1975 г. В июне – июле клестов стало гораздо меньше, а в августе они практически перестали встречаться в окрестностях Б. Алматинского озера. Таким образом, гнездовой период в эти два года длился около 10 месяцев – с июля 1974 г. по май 1975 г. Вероятно, за это время у клестов было два репродуктивных цикла, однако явление это для клеста, видимо, крайне редкое и наблюдается в исключительно благоприятные годы. Проследив судьбу 37 гнёзд, мы выяснили, что птенцы благополучно вылетели только из пяти (13.5%), причём основным разорителем их гнёзд оказалась белка.

Рис. 134. Арчовый стланник южного склона Мраморного после снегопада. Май.

Рис. 135. Вид из верховьев Мраморного (2800 м) в верховья Серкебулака. Май.

Рис. 136. Вид на пик Озёрный после снегопада, май. Рис. 137. Моренные отложения под пиком Озёрный.

Рис. 138. Космостанция на пер. Жусалы-кезень (3300 м) Рис. 139. Тропа с Космостанции в Проходное ущелье.

Сель 1977 года. Сели, или грязекаменные потоки, – грозное явление природы, преобразующее облик горных ущелий на многие десятилетия, а в местах поселения людей наносящее большой урон постройкам и коммуникациям – шоссейным и железным дорогам, мостам, линиям электропередач и пр. Общеизвестен тот огромный ущерб, который нанёс городу Верный (ныне Алматы) сель, сошедший по Малому Алматинскому ущелью в июле 1921 года. Следы его в виде огромного валуна можно было наблюдать ещё в 1959 году около здания Академии наук (угол улиц Шевченко и Пушкина). Не случайно много средств и времени было затрачено на разработку проекта и возведение для защиты города высокой плотины в урочище Медео. Когда летом 1973 года мощный сель обрушился на плотину в Медео, мы ожидали чего-то подобного и в Большом Алматинском ущелье. Дирекция Института потребовала, чтобы наш отряд прекратил работы и вернулся в город, но я, будучи полностью уверен в безопасности для нашего домика-стационара, на свой страх и риск только переселил людей в палатки под ёлки на склон метрах в 50 выше домиков. В том году всё обошлось небольшим паводком по речке Кумбель – правом притоке намного ниже нашего стационара.

Однако в 1977 году в полдень 3 августа по руслу той же речки Кумбель сошёл крупный сель, который нам довелось наблюдать совсем близко, о чём стоит рассказать подробнее. У нас на стационаре тогда собрался самый многочисленный за все годы состав: кроме студентов КазГУ и КарГУ – также гости из Киева и Ленинграда – всего около 20 человек. К одной из наших студенток приехал из города парень

на новенькой «Волге» (по тем временам – самая престижная машина!) и попросил отпустить её с ним в город, с ними попросилась её подруга, тоже карагинка. Зная, что парень – офицер КГБ и может гарантировать их безопасность, я отпустил обеих, взяв слово, что завтра же обе вернуться. Но они вернулись уже через полчаса на той же машине, бледные, перепуганные: «*по Кумбельке идёт сель*, мост разрушен и никакого сообщения с городом нет». Парень попросил меня присмотреть за оставленной в нашем дворе машиной (она оказалась служебной!), а сам отправился пешком в город.

Все наши кинулись вслед, схватив бинокли и фотоаппараты, среди них – и моя 16-летняя дочь Вика, которая с 1971 г. работала в отряде. Видя, что удержать их невозможно, я сказал, что пойдём все вместе, но с условием беспрекословного подчинения – никакой самодеятельности! Дойдем до крутого спуска над 1-й ГЭС и оттуда, с безопасного места, сверху будем наблюдать сель. Так и сделали.

Однако наблюдать в бинокль грязекаменный поток с расстояния 600-700 м вскоре стало скучно, тем более что можно было, не рискуя ничем, вполне безопасно спуститься и на сотню-другую метров ниже. Спустились на 300 м, потом еще на 200 и, в конечном счёте, увидев, что на мостике через Пьяный ручей стоят люди и у женщины на руках – грудной ребёнок, я разрешил присоединиться к ним. Так и стояли мы на этом мостике, всего в 50-70 м от этой сползающей под нами грязекаменной массы (рис. 140-143).

Рис. 140-142. Сель на р. Кумбель перед впадением в Б. Алматинку и студенты. 3 августа 1977 г.

Рис. 143. Студенты-практиканты и руководитель на пленённой селем машине около стационара. 4 августа 1977 г

В воздухе стояла такая сырость, как в старом затхлом погребе. Интересно было наблюдать сам процесс появления наверху каждой новой порции селевой массы с крупными валунами, которые сначала медленно перекатывались ближе к краю крутого спуска ложа реки, а потом обрушивались вниз и ударялись

в мощную, вросшую в склон скалу. При этом вверх метров на 30-50 летели комья грязи и камни. А когда вместе с грязью о скалу ударялся крупный валун, шёл дым и пахло горелым камнем. После скалы вся масса откатывалась назад и как бы оседала: вода из неё уходила, а погустевшая грязь растрескивалась узорами. Потом эта загустевшая масса медленно, как будто лениво, всползала на нижнюю часть бетонной противоселевой стены, выстроенной для ограждения поселка ГЭС-1, и по этой стенке скатывалась вниз – дальше в прямой пологий участок русла. От каждого такого всползания бетонная стена дрожала, как лист, а с ней – и наш мостик. Но мы уже привыкли, и как замороженные смотрели на проползающую мимо, всего в 20-30 м массу, казавшуюся такой безобидной – особенно когда из неё уходила вода и появлялись трещины. Казалось, что по ней можно даже ходить, и мысль такая возникала не только у меня...

Осмелев, мы решили не возвращаться вдоль трубы, как пришли, а подняться против селевого потока прямо по крутому поросшему лесом склону к домику гидролога Михаила Каримова, мимо которого проходила автомобильная дорога. Вскрабакались и на дороге над домом увидели около десятка автомашин, которые также оказались пленницами, так как вместо моста зиял провал глубиной метров 50, под которым шёл густой «замес» из грязи и камня. Отсюда видно было, как очередные порции селя появлялись из узкой щели над дорогой, а за ней виделись те самые крутые мелкозёмные склоны, которые как раз и давали пищу для селя, обрушиваясь в несущийся по руслу речки поток. До самого вечера просидели мы у дороги, а селя, начавшись в 15 час, всё продолжался ещё в 20 час 30 мин, только порции стали появляться немного реже. Обрато наверх мы ехали на одной из машин, ведь все они вернулись назад – на озеро, в ГАИШ, на Космостанцию. За ужином только и разговоров было, что о селе. Решили вчетвером (в том числе Ральф и Толя Левин) рано утром сходить в истоки Чукура – посмотреть место, откуда начался селя.

Вышли около 4 часов ночи-утра и, перевалив хребет между ущельями Чукур и Кумбель, к 7 часам были уже на месте, где зияла большая промоина в северном берегу моренного озера, из которого начался селя. Вокруг валялись мешки и их обрывки – видно было, что здесь пытались нарастить и укрепить естественную перемычку, чтобы удержать воду в озере (тем самым увеличивая потенциальную угрозу). Недалеко от промоины уже стоял вертолёт и около него – несколько человек. Нас встретили неприветливо – зачем мол, пожаловали? Видно было, что лишние свидетели здесь сейчас не нужны – гидрометеослужбе и селезащите надо было как-то ликвидировать улики, свидетельствующие о причастности человека если не к возникновению, то к наращиванию мощи этого селя.

И я вспомнил, что огромные плотины и их периодическое повышение – далеко не единственный путь борьбы с селями. Есть и другой, более эффективный – постепенный спуск воды, накопившейся в опасном количестве. О таком экспериментальном спуске воды рассказывал нам Слава Мочалов, который вместе с гидрологом Степановым участвовал в подготовке и осуществлении его в ущелье реки Иссык (уже через десятилетие после разразившейся там катастрофы 1963 года). О сути длительного подготовительного этапа этой работы Слава выразился так: «Мы просто перекладывали камушки», т.е., насколько можно, выполаживали русло водотока и по частям спускали избыток воды. Население поселка Иссык было заранее предупреждено о готовящемся искусственном селе, а когда действие подходило к концу, то вместо селя прошёл обычных масштабов паводок...

Вернувшись на стационар, я стал думать, как нам жить дальше. Судя по всему, дорогу быстро не восстановят и надо позаботиться об эвакуации вниз людей. Первая мысль – о вертолёте. Справились в ГАИШ'е, куда он иногда прилетал. Пообещали взять не более двух человек, и мы отправили с ними двух слабых студентов. Остальным надо было спускаться пешком. Приведя в порядок имущество и закрыв домик, мы с рюкзаками (10 человек) пошли вниз. По трубе быстро спустились на первую ГЭС, ниже которой всё русло было заполнено жидкой грязью с камнями. Часть мужчин попытались было перепрыгнуть по крупным камням, но провалившись пару раз в грязь, отказались от этой затеи. Тем более, что живший на ГЭС лесник-балкарец предупредил, что по рации передали: ожидается ещё волна селя.

Пришлось подниматься на склон. Каждый, кто видел Большое Алматинское ущелье, знает – насколько мало приспособлены для ходьбы его крутые склоны на отрезке между первой и второй ГЭС. Однако другого выхода не было. Эта дорога заняла у нас около 6 часов. Только после полудня мы оказались над второй ГЭС, где нашим глазам предстала удручающая картина опустошения, произведенного селем. Густой облепиховый тугай по руслу под Промежуточной станцией физиков был уничтожен, и русло

оказалось полностью оголённым до самой конечной остановки нашего любимого городского автобуса. На правом берегу (окраина 2-й ГЭС), где размещался пионерлагерь, все бараки были разрушены, и везде валялись полосатые матрацы, одеяла, простыни. В самом русле валялись многометровые бывшие когда-то ажурными опоры ЛЭП, завитые спирально... На левом берегу часть домов, выше метеостанции, также были разрушены, а около двери сохранившейся половины дома ГМС стоял знакомый метеоролог и рассказывал, как пришлось вылезать в окно, потому что дверь подпёрло принесенной с берега лодкой...

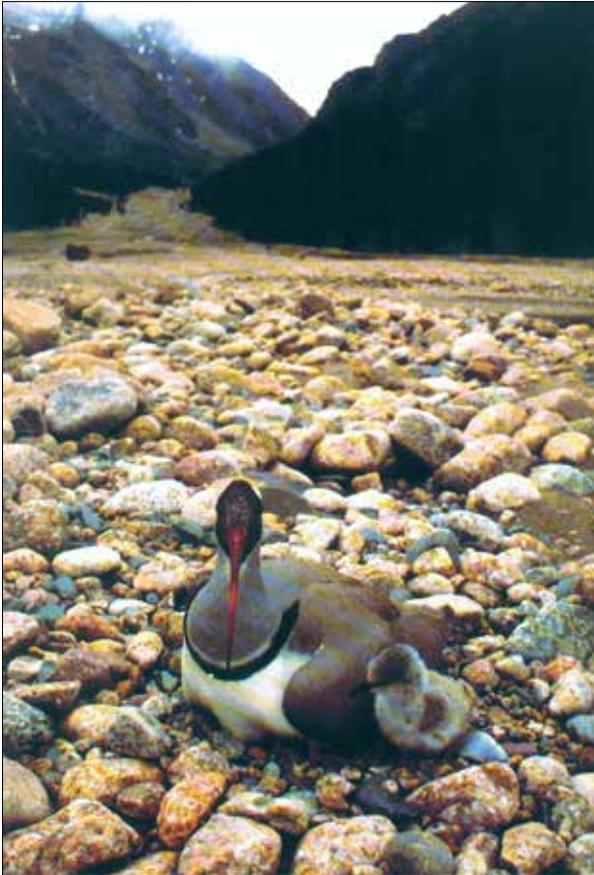
Везде было много военных машин и солдат, которые встречали спускавшихся с гор людей и отводили к полевой кухне, расположившейся на треугольнике между руслами Алматинки и Алмарасана. Накормили и нас, а главное – удалось вдоволь попить воды. Уже в городе я стал наводить справки о судьбе моей синей птицы, которую мне пришлось оставить на попечение Виктора Степанова. Ей пришлось прожить у него долго, потому что дорога была налажена ещё не скоро. Кончилось тем, что он спустил её вместе с клеткой прямо по крутому склону т.н. «бремсберга» вдоль трубы на первую ГЭС, куда стали ходить машины. Так она благополучно вернулась в город, где прожила ещё 5 лет, выезжая со мной на лето в горы.

Отшельник высокогорных галечников¹ – серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*). В 1971-1976 гг. каждый раз, проходя по галечниковому руслу реки Озёрной в месте впадения её в озеро, я мечтал, что вот сейчас из-за камней взлетит с криком серпоклюв, который когда-то здесь жил, но после того, как в 1957 г. убили одну птицу из единственной пары, он перестал встречаться. Больше его ни разу не видели ни наши орнитологи, работавшие в 1964-1967 гг., ни мы в 1971-1976 гг. И когда в июле 1977 г. гостившие у нас орнитологи-киевляне, возвращаясь с перевала Озёрный, встретили на этом галечнике серпоклюва, я им не поверил. Тут же пошли вместе за озеро и стали бродить по галечнику. А когда он с криком взлетел – это было настолько неожиданно!!! Тут же созрело решение: до конца сезона – ни ногой на галечник! Пусть птицы привыкнут, что здесь безопасно. Может тогда со следующего года снова начнут гнездиться?..

Рис. 144 и 145. Серпоклюв в полёте и на кормёжке. Б. Алматинское озеро, июнь. Фото О.В. Белялова

¹ Под таким названием опубликовал я очерк о серпоклюве в научно-популярной книге «Тропинки в загадочный мир» (1988), давно ставшей библиографической редкостью. Привожу его здесь как не потерявшего актуальности – АК

Рис. 146. Серпоклов на гнезде, рядом птенец. Река Озёрная, БАО. Июнь 1980 г. *Фото В.А. Морозова*

Рис. 147. Полная кладка в гнезде. . **Рис. 148.** Вылупление первого птенца. *Фото В.А. Морозова*

Рис. 149 и 150. Устье р. Озёрной (фото автора) и путешествие по воде трёхдневного птенца. *Фото В.А. Морозова*

Чем же так привлекала меня (и не только меня, но и большинство орнитологов!) эта птица? Прежде всего своей экзотичностью, редкостью и не изученностью. Этот эндемик южной части центральноазиатских высокогорий, поселяющийся на галечниках горных рек и озёр, в пределах нашей страны обитает только в некоторых хребтах Внутреннего, Центрального и Северного Тянь-Шаня (в Западном Тянь-Шане его нет)

и, как выяснилось совсем недавно, – также Джунгарского Алатау. Биология серпоклюва в Тянь-Шане и вообще в Средней Азии долгое время оставалась совсем не известной: первое в Тянь-Шане гнездо его было найдено на р. Атбаши во Внутреннем Тянь-Шане только 26 мая 1957 г. (Птицы Киргизии, 1959), а до начала наших работ на БАО их было известно всего три – и все на территории Киргизии. В Казахстане же были лишь редкие встречи птиц...

Не без трепета весной следующего года ступил я на знакомый галечник, где в августе 1977 г. мы впервые за последние 20 лет видели серпоклюва. Было ясное, но сырое и холодное утро 24 мая 1978 г. В окрестном ельнике пели дрозды-дерябы и синицы-московки, заливались крапивники и зелёные пеночки, от домика гидролога доносилась булькающая песня обыкновенной горихвостки. Жизнь была ключом. Я пришел один, чтобы наедине с биноклем не спеша во всем разобраться. Экскурсия вверх по правому берегу реки ничего не дала. На камнях у воды то и дело встречались с кормом горные и маскированные трясогузки (*Motacilla cinerea*, *M. personata*), трижды пролетела бурая оляпка (*Cinclus pallasi*), один раз – пара красных уток-атаек (*Tadorna ferruginea*). Серпоклюва не было.

Но вот на обратном пути я услышал знакомый крик! И тотчас характерный силуэт серпоклюва прочертил светлую бирюзу неба, а затем темно-зелёную стену елового леса. И никаких полётов по кругу, никаких тревог и причитаний. Значит, я не опоздал, птенцов у них ещё нет! Стараясь не потерять ориентиры в однообразно-пёстрой массе галечника, осторожно иду к месту, с которого поднялся серпоклюв. Где-то здесь должно быть гнездо, если оно вообще есть (ох уж это «если», как оно мешает в поисках!). Но как его обнаружить, по каким признакам? Из литературы я знал, что так называемое гнездо серпоклюва – это всего лишь небольшая ямка среди гальки, без растительной выстилки, а яйца его, как и у других куликов, пятнистые и заметить их на фоне режущей глаз пестроты мелких камней галечника почти невозможно.

Не менее часа всматривался я в окружающие камни – ничего! Потеряв надежду, собрался уже уходить, как вдруг заметил того, кого так тщетно высматривал. Невесть откуда взявшийся серпоклюв в какой-то нерешительной, напряжённой позе стоял среди камней всего в тридцати-сорока метрах от меня. Вся его согбенная, как будто скорбная, фигурка выражала напряжённую внутреннюю борьбу: ему явно надо было куда-то пройти, но грозная опасность в виде торчавшего вблизи человека с биноклем заставляла подавлять в себе это желание.

Каждый, кто хоть раз в жизни искал гнездо птицы, поймёт моё ликование. Всем своим поведением серпоклюв подтверждал: гнездо есть, и оно где-то близко! Теперь – только терпение. От мысли, что скоро я увижу гнездо серпоклюва, сердце забило чаще. Но ликование было преждевременным. Постояв минут десять на одном месте, птица сделала короткую пробежку и снова застыла в той же нерешительной позе. Через четверть часа все повторилось, затем ещё и ещё. Спустя час серпоклюв стал разнообразить маневры. После очередной пробежки он вдруг сел и, распушив перья, как это делают наседки, застыл на несколько минут. Неужели гнездо? Но внутренний голос предостерегал: не торопись, если это гнездо – оно куда не денется, а если нет? И действительно, просидев минут пятнадцать, серпоклюв как ни в чем не бывало, встал и, перебежав метров на пять-семь, снова уселся поудобнее. Это был хитрый манёвр, рассчитанный на нетерпеливого врага. Прошло полтора часа. Прилетел второй серпоклюв, и тактика отвода от гнезда опять изменилась. Теперь птицы двигались каждая в своем направлении, иногда навстречу друг другу. Поравнявшись, продолжали свой путь, и следить за обеими удаляющимися (каждая в свою сторону) птицами становилось невозможно. А попробуй угадай – какая из них пойдёт к гнезду?

Между тем резко ухудшилась погода. От ясного безоблачного неба не осталось и следа. Тяжелые свинцово-серые тучи затянули гребни окружающих хребтов и постепенно спускались всё ниже. Вот уже отдельные разорванные клочки их поползли по галечнику, время от времени скрывая от глаз птиц. Утренняя прохлада сменилась промозглым холодом, пробиравшим до костей. Продолжать наблюдения стало не только бесполезно, но и опасно: птице срочно надо пройти на гнездо, а то яйца остынут.

Покидая в спешке галечник, я уносил с собой невольное уважение к этим самоотверженным родителям, восхищение их изобретательностью в защите своего ещё не родившегося потомства. К вечеру пошёл снег, и наутро вся речная долина была покрыта сплошным белым покрывалом. Первым моим желанием было бежать на галечник и посмотреть, как там серпоклювы? Прельщала и лёгкая возможность найти гнездо: ведь сидящую на нём птицу должно быть хорошо видно на фоне белого снега.

Но боязнь погубить яйца или птенцов одержала верх, и на галечник я пришёл только в полдень, когда солнце уже достаточно прогрело воздух, а от снежного покрывала остались отдельные клочья и лоскуты. От земли и камней поднимались густые испарения, они тут же скапливались в какое-то подобие микрооблаков, а те в свою очередь – в настоящие облака, которые «пешком» передвигались по дну долины, скрывая на время то один, то другой участок галечника. Подходя к вчерашнему месту, я как раз и попал в такое густое «пешее» облако. Видимость внутри него была не более тридцати-сорока метров, и я не без труда нашел свои ориентиры – три валуна у излучины реки и рядом с ними колышек, специально вбитый накануне.

Тотчас поставил палатку, забрался в неё и привёл в «боевую» готовность 60-кратную подзорную трубу. Теперь густой туман, бывший ещё несколько минут назад моим верным союзником, стал помехой. Пришлось ждать. Когда туман стал редеть и видимость увеличилась, я начал тщательный осмотр галечника. И вот после получаса бесплодных поисков долгожданная удача: в поле зрения трубы явственно видны спина, шея и голова сидящего серпоклюва! Птица не отличалась от окружавших её камней, и даже яркая чёрная подковообразная полоса поперек зоба и «маска» вокруг клюва воспринимались как глубокие тени между камнями. Особенно незаметным становился сидящий серпоклюв, когда прятал под крыло свой длинный изогнутый клюв. Радость тут же сменилась сомнением: а вдруг это опять уловка, как и вчера? Оставалось ждать, используя время для твёрдого запоминания ориентиров: по опыту я знал, как трудно будет найти это место, когда птицы на нём не будет. А ошибка, даже на один метр, может привести к гибели содержимого гнезда под каблуками сапог.

Минуты ожидания казались долгими. Сидящую птицу несколько раз скрывал туман, но она и не думала покидать свой пост. Через час в поле зрения трубы появился другой серпоклюв, направлявшийся в сторону первого. Сидящий встал, потянулся и быстро отбежал. Пришедший сел на его место, распушил перья и сделал несколько качков взад-вперёд, как делают обычно наседки, усаживаясь на гнездо (для лучшего контакта наседных пятен с яйцами). Сомнений быть уже не могло – это гнездо!

Но даже подойдя на два-три метра к месту, которое я запоминал в течение добрых полутора часов, я долгое время ничего, кроме камней, не видел. Лишь через несколько минут как будто кто-то навёл фокус в моём глазу: прямо передо мной чётко обозначилась маленькая круглая ямка с четырьмя пятнистыми яйцами, лежавшими острыми концами к центру. Она была вымощена мелкими, не больше лесного ореха, камешками, по всей вероятности, принесенными самой птицей, так как рядом с гнездом в таком количестве мелких камешков не было. Хозяйки гнезда и след простыл. Она убежала, как только я вышел из палатки. В течение нескольких минут, которые ушли на измерение и описание гнезда и яиц, серпоклювы не подавали никаких признаков жизни – видимо, молча наблюдали за мной со стороны.

Эта «вежливость» хозяев навела на мысль провести у гнезда суточное дежурство. Попросив направлявшегося в лагерь практиканта (это был Алтын Джаныспаев, впоследствии известный орнитолог, всю жизнь проработавший в Алматинском заповеднике) принести мне к вечеру сухой паёк и спальный мешок, я поспешно забрался в палатку, плотно застегнул её и принялся за наблюдения.

Едва стихли шаги уходящего человека, серпоклюв показался в поле зрения трубы всего в пяти-семи метрах от гнезда. Не обращая внимания на палатку, он смело прошёл к яйцам и деловито, по-хозяйски уселся на них. Несколько минут он сидел ещё настороженно, высоко подняв голову и держа клюв чуть наклонно вниз. Но вскоре, как бы устав, уронил голову на грудь, а затем положил её на спину, спрятав под крыло. С этого мгновения птица буквально «растворилась» среди камней, большинство из которых были такого же светло-серого цвета, как её спина, и такого же размера, как её туловище.

Особенно трудно было увидеть её после очередного отдыха от трубы, смотреть в которую, не отрываясь, не было никаких сил: глаза начинали слезиться и контуры предметов постепенно расплывались. Несколько секунд передышки восстанавливали зрение, но вселяли сомнение – птица ли этот серый округлый предмет? Сомнение исчезало, но вскоре снова набегала слеза – и все повторялось сначала. Потянулись томительно долгие часы ожидания. Странная вещь человеческая психика: наблюдение за поведением птицы на гнезде, само по себе очень увлекательное, становится невыносимым, если птица ничего не делает. Полное отсутствие какого бы то ни было действия со стороны наблюдаемого объекта способно вывести из себя даже самого спокойного и терпеливого человека.

В этот раз серпоклюв просидел на гнезде совершенно неподвижно 40 минут. Затем он развернулся головой в другую сторону и снова замер на такое же время. Только через полтора часа его сменила вторая птица, которая вела себя так же, как и первая. Заступившая на вахту в 18 часов 20 минут самка осталась в гнезде на ночь. Около 19 час солнце ушло за ошетилившийся остроконечными тяньшанскими елями западный склон. На галечник легла тень, и царившая здесь сырость стала ощущаться острее. Вскоре с верховий ущелья потянул ветерок, и стало по-настоящему холодно. Кое-как дождавшись густых сумерек, когда и птица и камни в объективе слились в однообразную серую массу, я с облегчением забрался в спальный мешок...

Утром самец сменил самку на гнезде только в 7 часов 24 минуты. В дальнейшем «смена караула» происходила раз в один-два часа. Всего за сутки птицы сменились на гнезде семь раз, при этом яйца оставались без обогрева не более одной-двух минут. Самка провела на гнезде примерно вдвое больше времени, чем самец. Обе птицы сидели в гнезде неподвижно, лишь изредка принимались чистить перья или, не вставая, подбрасывать под себя мелкие камешки, до которых могли дотянуться клювом. За сутки наблюдений я ни разу не слышал голоса серпоклювов, так как их ничто не беспокоило. Все эти «мелочи семейной жизни» серпоклюва были новыми для науки, так как никто ещё не дежурил сутками у его гнезда.

В последующие дни, стараясь как можно меньше досаждать птицам, я навещался к ним через день и всего на несколько секунд, чтобы мимоходом заглянуть в гнездо – не вылупились ли птенцы. И вот утром 5 июня в гнезде вместе с тремя яйцами лежал только что вылупившийся, ещё не совсем обсохший птенец. Он был густо покрыт пухом, светло-серым на спине и белым на брюшке, имел чёрный, почти прямой клювик длиной 18 мм и огромные светло-серые лапы, в которых один только средний палец был длиннее клюва в полтора раза.

Спустя полтора часа я уже снова сидел в палатке на прежнем месте, готовый к суточному дежурству. И в этот раз птицы регулярно сменяли друг друга на гнезде до 11 часов 15 минут следующего дня, когда самка увела весь свой выводок за 100-150 метров от гнезда. Ещё за час-два до этого птенцы по одному или по два уходили из гнезда на расстояние до 10 м, но вскоре возвращались под наседку. Когда эти прогулки участились, самка и увела трёх пуховичков, оставив в гнезде яйцо-болтун – как будто догадалась, что из него ничего не выведется. В первые 20 минут семейство ушло за 40 метров, и самка сразу же села греть птенцов. Здесь к ней присоединился самец. При встрече оба родителя молча приветствовали друг друга поклонами, чего в другое время не наблюдалось. В дальнейшем около птенцов находилась одна из птиц, а вторая отдыхала, кормилась или чистилась на другом конце галечника; затем они менялись.

Кормятся птенцы с первого же дня сами, но обогревают их родители ещё очень долго – даже в 23-дневном возрасте. В это время птенец ещё покрыт пухом, только на крыле и хвосте появляются кисточки крупных перьев. В возрасте 40 дней он ещё не летает, но уже оперён и от взрослой птицы издали отличается лишь тем, что у него нет чёрного цвета у основания клюва на боках головы, а сам клюв без красного. Летать начинает примерно на 45-й день.

С вылуплением птенцов поведение серпоклювов-родителей, обычно молчаливых, резко изменилось. Когда в гнезде появился первый птенец, взрослая птица встретила меня криком уже за 300 м от гнезда, а во время его осмотра атаковала, как это делают некоторые чайки и крачки. При этом серпоклюв, заходя с 200-300 метров, летит молча прямо на человека не выше полутора метров над землей. Не долетев 10-15 м, он резко сворачивает в сторону, взмывает вверх и, непрерывно крича «кикикики...кикикики», облетает его по кругу радиусом 30-40 метров. Сделав четыре-пять кругов, птица приземляется в 50-70 м, пробегает еще 10-15 м и молча садится. Через несколько минут атака возобновляется – и так несколько раз, только число кругов с каждым разом уменьшается. Если же человек не уходит более получаса, серпоклюв делает продолжительный перерыв, во время которого его не видно и не слышно, а если и это не помогает, он начинает кричать и на земле. Такой прием защиты потомства серпоклювы применяют вплоть до подъёма молодых на крыло. Делает это всегда одна птица, второй в это время не видно. Только однажды на первый крик взятого в руки птенца взрослый серпоклюв реагировал необычно: сел в 10 м, поднял вверх крылья и, притворившись раненым, начал биться. При повторных криках птенца ничего подобного уже не было.

В первые 40 дней жизни птенцы, услышав предостерегающий крик родителей, ложатся среди галечника, вытянув вперед клюв и широко открыв глаза. В таком положении птенец может пролежать

полчаса и даже час, не шелохнувшись. Благодаря покровительственной окраске, он настолько сливается с окружающей обстановкой, что увидеть его почти невозможно, а вот наступить на него при поисках очень даже легко (что и произошло у киргизских орнитологов). Чтобы избежать этого, мы применили специальный приём, без которого повторные осмотры птенцов были бы невозможны. Обнаружив со склона, на расстоянии 300-400 м, выводок серпоклювов на галечнике, один из наблюдателей следит за ним в подзорную трубу, и, выбрав момент, когда птенцы находятся в наиболее открытом месте, подает сигнал второму, чтобы тот двигался к ним. За двести метров родители издают предупреждающий крик, и птенцы, разбежавшись в разные стороны, затаиваются. По сигналу первого наблюдателя второй останавливается в семи-восьми метрах от птенца и ждет, пока подойдет первый и укажет точное место.

Даже хорошо запомнив ближайшее окружение, не сразу удастся рассмотреть птенца. Затаившийся, он никак не реагирует на приближение человека. Один птенец в возрасте сорока дней даже не моргнул, когда мы при фотографировании убирали камешки, закрывавшие клюв и часть головы. Взятые в руки, птенцы ведут себя довольно спокойно, почти не пытаются вырваться, но при выпуске моментально выскакивают из рук и с криком бегут, высоко подняв голову. Один 40-дневный птенец при преследовании после выпуска ни разу не пытался взлететь и даже не расправил крыльев, а бросился в бурную речку и, переплыв её, залёг между камнями. Привычка затаиваться сохраняется в какой-то мере и у поднявшихся на крыло молодых, даже в возрасте пятидесяти дней. Справедливости ради, надо сказать, что даже с применением всех описанных предосторожностей однажды я, не разобравшись в жестикологии напарника, подававшего мне знаки со склона в 500 м (мобильных телефонов тогда ещё не было!), наступил на пуховичка, сделав неосторожно всего полшага назад!..

Из трех вылупившихся в 1978 году птенцов выжил только один. Он начал летать в возрасте 45 дней и до начала октября встречался с родителями на том же галечнике. Зимой всё семейство провело здесь же, на высоте 2500 м, что было для нас неожиданно: до сих пор считалось, что эти птицы на зиму спускаются вниз по долинам горных рек. Летом следующего года пара серпоклювов снова вывела здесь птенцов (двух из них мы окольцевали, как и прошлогоднего), а еще через год, в 1980 г. Вячеслав Белялов снял у очередного гнезда прекрасную короткометражную ленту «Дом для серпоклюва». На этот раз серпоклювы гнездились не далее 40-50 м от позапрошлого гнезда. И в этом году также толстый слой снега на несколько часов припорошил насиживающую птицу. Эти кадры в фильме – одни из самых красивых и впечатляющих...

Каждый год на знакомом нам галечнике в устье реки Озёрной гнездится одна-единственная пара, которая откладывает четыре яйца, а выращивает в конечном счете одного-двух птенцов. Куда же деваются молодые? Неизвестно. По-видимому, отправляются бродить в поисках пары и новых галечников: для возмужавшей молодежи родительский дом всегда становится тесным. Найдут ли – и пару, и подходящее место? Чем меньше становится серпоклювов, тем труднее им подыскать себе пару.

Не лучше положение и с местами, удобными для их гнездования. Это должен быть не просто галечник, а достаточно обширный по площади, обязательно с многочисленными ручьями и речными рукавами, образующими множество галечниковых островков. Только на островке, окружённом со всех сторон бурным потоком, гнездо серпоклюва находится в относительной безопасности от лис, горностаев, куниц, от копыт скота. Надежное укрытие для серпоклюва представляют лишь те островки галечника, на которых камни средних размеров, примерно равные самой птице. Как на мелкой гальке, так и среди крупных валунов серпоклюв сразу же становится заметным. Очень трудно этим птицам найти подходящее место для вывода потомства. Иногда серпоклювы проявляют удивительную терпимость к человеку. Приходилось видеть, как они кормились в каких-нибудь 200 м от проезжающих автомашин или работающих тракторов. В августе и сентябре 1978 года строители автодороги, пролегающей на границе склона и галечника, провели серию взрывов. Серпоклювы, птенцы у которых давно уже хорошо летали, никуда не ушли. Только при каждом взрыве они с криком улетали на противоположный склон галечника, но пределов его не покидали и вскоре возвращались на прежнее место.

К сожалению, не всякая человеческая деятельность безвредна для этих птиц. Отара овец, идущих сплошной стеной, легко может растоптать яйца в гнезде или затаившихся птенцов, а сопровождающие отару собаки не преминут полакомиться ими. Очень опасен резкий подъём воды в горных реках, когда бурные потоки заливают островок, смывая яйца или птенцов. Для этого достаточно сильного паводка, не

говоря уже о настоящем селе. Не меньшую опасность представляет и осушение галечника, исчезновение его многочисленных рукавов и островков. Именно это несчастье и обрушилось на знакомую нам пару.

Весной 1981 г. в дельте р. Озёрной, где жили серпоклювы, строители противоселевой плотины стали брать гальку. Появились земснаряд и бригада мощных самосвалов. Птицам пришлось оставить гнездо, в котором уже появилось одно яйцо. Более того, для удобства работы строители по середине дельты провели глубокий канал, в который отвели воду с восточной ее половины, где находилось жилое гнездо. Осушенная таким образом часть галечника стала непригодной для гнездования серпоклюва. В результате впервые за пять лет серпоклювам совсем не удалось вывести потомство. Всё лето мы встречали здесь только двух взрослых птиц. Поэтому очерк в книге «Тропинки в загадочный мир» заканчивается грустной зарисовкой:

«Ясное августовское утро. По свежепроложенной дороге, то и дело сторонясь грохочущих встречных КраЗов, иду я к знакомому галечнику. Знакомому ли? То, что открылось моим глазам, выглядит странно и непривычно. Посередине широкой дельты, как огромный рваный рубец, оставленный неумелым хирургом, тянется канал, разделивший её на две половины: правую, живую, по которой струятся блестящие ручейки, и левую – мёртвую, сухую, без единого проблеска. После часа упорных поисков нахожу одинокую пару серпоклювов на самом берегу озера, на узкой полосе галечника, оставленной им людьми. Оба кулика стоят метрах в десяти друг от друга, как каменные изваяния. За полтора часа – ни единого движения, никаких признаков жизни. Рядом суетится перевозчик, с характерным мелодичным призывом пролетела пара клушиц, над лесом раскричался дербник. Но серпоклювы безучастны ко всему. Молча и неподвижно стоят они, повесив свои красные носы, как будто решают невеселую и сложную задачу: как же им жить дальше?»

К счастью, конец этой истории более оптимистичен. После нескольких наших безуспешных попыток воззвать к совести руководства Казселезащиты мой коллега орнитолог Борис Губин опубликовал в газете очень резкую статью на эту тему, после чего «плохие» райкомы и обкомы *своими методами* повлияли на это, казалось бы, никому неподвластное ведомство, и на следующую весну галечник на речке Озёрная был восстановлен в своём прежнем виде! Серпоклювы снова стали здесь гнездиться ежегодно, причём в иные годы кроме одной пары (за 30 лет найдено около десятка их гнёзд) были явные указания на наличие если не ещё одной пары, то по крайней мере дополнительных взрослых холостых птиц.

И в «лихие 90-е» годы, когда Большое Алматинское озеро стало одним из важнейших и постоянных маршрутов бурно развивавшегося в нашей стране зарубежного орнитологического туризма (бёрдвотчинга), не одна сотня истинных любителей и ценителей птиц имела возможность наблюдать здесь столь любимого ими Ibisbill, как называют бёрдвотчеры серпоклюва. А казахстанские орнитологи-профессионалы обязаны ему своим заработком в качестве орнитологических гидов в эти тяжёлые годы. Как можно забыть восторженные глаза участника группы из Японии, сфотографировавшего в середине 90-х гг. у меня на глазах группу из четырёх серпоклювов и всё спрашивавшего меня, пожимая с благодарностью руку: «А правда ли, что я первый японец, сфотографировавший Ibisbill?», на что пришлось честно ответить, что среди моих групп – он действительно первый и пока единственный.

Прощание с высокогорьем: первое гнездо жемчужного вьюрка (*Leucosticte brandti brandti*). Последний 1980 год работы на нашем высокогорном стационаре, несмотря на свою относительную краткость (большую часть мая мне пришлось провести в Москве) и долгожданные съёмки фильма о серпоклюве, ознаменовался также двумя орнитологическими новинками. Первая из них – расписная синичка (*Leptopoeile sophiae*), практически исчезнувшая после многоснежной зимы 1968/69 г. Впервые после многолетнего отсутствия её гнездо нашли в 1979 г., что позволило мне дать эту тему для дипломной работы студенту КазГУ Сергею Складенко. Риск оправдался: весной и летом 1980 г. расписная синичка появилась в таком количестве, что сразу же обратила на себя внимание. В стелющихся арчевниках южного склона Мраморного (рис. 130 и 131), на месте работы И.А. Нейфельдт в 1968 г., удалось найти 6 гнезд, принадлежавших двум парам. Проводя по очереди дежурства у гнёзд, мы старались обращать особое внимание на те стороны биологии, которые слабо представлены в предыдущих работах 60-х гг. (Гаврилов и др., 1968; Neufeldt, 1970). Особенно интересным оказалось гнездо с птенцом кукушки в Мраморном,

которое Слава Белялов великолепно снял на кинокамеру и смонтировал в фильм о серпоклюве. Результатом всех этих наблюдений стала статья о расписной синичке (Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982), дополнившая прежние публикации. Одновременно на Космостанции (3300 м) другой студент-дипломник Алтай Жатканбаев вел наблюдения у гнёзд краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*).

Но главная удача 1980 года, как прощальный привет этому изумительному в орнитологическом отношении месту, – жемчужный вьюрок (*Leucosticte brandti*), за которым я «охотился» с 1972 года. Это одна из наименее изученных птиц высокогорий Центральной и Средней Азии. В 1958-1961 гг. на Памире были найдены 5 гнёзд памирского подвида (*L.b. pamirensis* Severtzov) и проведены первые наблюдения за размножением этой птицы (Потапов, 1963). С тех пор сведений о находках гнёзд жемчужного вьюрка не появлялось. По Тянь-шаньскому подвиду (*L.b. brandti* Bonaparte), обитающему в высокогорьях Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау, имелись только два упоминания о гнёздах в Заилийском Алатау (Штегман, 1954) и в Терской-Алатау, близ Хан-Тенгри (Винокуров, 1961); однако сами гнезда жемчужного вьюрка на Тянь-Шане так и не были описаны; даже в биотопическом размещении этих птиц не всё было ясно.

Поэтому 31 июля 1972 г. мы с Анатолием Левиным предприняли первую попытку поиска гнёзд этой птицы в районе северного склона пика Озёрный с ледником Моренным – наиболее постоянном месте встреч жемчужных вьюрков (рис. 136-137, 151-152). Первые вьюрки, собиравшие корм между камнями у нижнего края морены (3100 м н. у. м.), были замечены в 10 ч утра. В одном месте одновременно можно было видеть до 10 особей, прилетающих и улетающих поодиночке. Наполнив подъязычные мешки, птицы явно уносили корм к гнёздам. Все вьюрки летели по одной «трассе» – в направлении скал на западной оконечности ледника Моренный. Продвигаясь вслед за ними, мы к 18 ч достигли скального выступа на высоте 3680 м, откуда было ясно видно, как птицы переваливают заснеженный основной гребень Заилийского Алатау в месте, где высота его не превышает 3800 м. Из-за гребня птицы летели на кормежку. Весь путь их от этой перевальной точки до места сбора корма составлял не менее 5 км. Одиночные жемчужные вьюрки летели на кормежку на очень большой высоте, регулярно издавая свою журчащую позывку. Услышав ответное «джурр», птица, как будто споткнувшись об этот сигнал, круто пикировала вниз с огромной высоты и сразу же принималась за поиски и сбор корма.

Рис. 151. Наблюдения за жемчужными вьюрками на морене пика Озёрный. 31 июля 1972 г.

Рис. 152. Жемчужный вьюрок с наполненными кормом подъязычными мешками. Фото А.В. Коваленко

Вот так, потратив целый день, мы всего лишь убедились, что жемчужные вьюрки носят корм за гребень хребта, и что гнёзда искать надо где-то там, в районе перевала. А так как Левин скоро уходил в армию, мы решили, что после его возвращения обязательно поднимемся на перевал Озёрный в такое же время и найдем-таки эти гнёзда.

Рис. 153. Ледник Чёрный у перевала Озёрный. **Рис. 154.** Место гнезда выюрка под скалой с человеком.

Прошло 8 лет. В конце июля 1980 года мы решили осуществить свой замысел. Для этого надо было попасть на гребень хребта на несколько дней – хотя бы на два, чтобы иметь возможность искать гнезда в утреннее и вечернее время. Стало быть, нужны, как минимум, спальные мешки и палатка. К тому же выразил желание присоединиться к нам поднявшийся на стационар Борис Губин. Унести на такое расстояние, да ещё на высоту выше 3500 м, всю поклажу всего на трёх спинах нечего было и думать. Вспомнили, что для таких случаев в Гималаях используют шерпы. И они нашлись: трое студентов с готовностью согласились разделить нашу поклажу на 6 человек.

Рано утром 29 июля мы вшестером, навьюченные основательно, покинули лагерь и уже после полудня были на перевале Озёрном (3500). Лагерь разбили у гребня немного западнее перевала – как раз против красивого пика с ледником под названием Чёрный (рис. 153). Попив чайку, «шерпы» налегке скатились вниз, чтобы до темноты вернуться на стационар. А мы пошли обозрывать окрестности с их скалами и осыпями, между ними на северном склоне залегали фирновые поля. Встреченные в полёте одиночные выюрки подтвердили, что мы попали в нужное место и завтра имеем шанс найти их гнёзда.

На следующий день мы обследовали юго-восточный и восточный, а 31 июля – южный и юго-западный склоны массива Озёрный. В первый день найдено одно, а во второй – два гнезда с уже оперившимися птенцами!!! Все три гнезда находились в цирках с характерными кулуарами, днища которых заполнены крупнообломочными осыпями. Крутизна склонов 45-50° и более. Скалы сильно разрушены, с массой трещин различной ширины и глубины (рис. 154). Травяного покрова как такового нет, лишь кое-где попадаются небольшие куртинки типчака, тонконога, примул, эдельвейсов, низкорослых астрагалов и остролодочников. Описание найденных гнёзд мы опубликовали (Ковшарь, Левин, Губин, 1982). Это было достойным прощанием с птицами высокогорья...

Двадцать и тридцать лет спустя. Тогда, в июле 1980 года, я и предположить не мог, что прощаемся мы с Большим Алматинским озером всего на 11-12 лет. За это время в поисках редких птиц мы исколесили значительную часть аридной зоны Казахстана – пустынь и полупустынь, реже работали в горах. Изменения произошли и на БАО: здесь учреждён Иле-Алатауский национальный парк, о создании которого мы не только мечтали, но и принимали активное участие в обследовании территории и подготовке документов.

Рис. 155 и 156. Бёрдвотчеры наблюдают птиц на ГАИШ (2700 м) и Космостанции (3300 м) Май.

Рис. 157 и 158. В середине мая после снегопада на Космостанцию приходится подниматься пешком.

Рис. 159 и 160. А у верхней границы леса в мае нередки туманы (низкие облака). 2400 м.

После объявления в декабре 1991 года государственного суверенитета Казахстана и открытия его границ для иностранцев в страну хлынул поток иностранных туристов, среди которых бёрдвотчеры и цветочные туристы были в первых рядах. Уже в июне 1992 г. в Большом Алматинском ущелье побывал в сопровождении Андрея Гавриленко первый Birdwatcher – г-н Minoru Tomiyama, директор японского Planning&Marketing Nature Club «Shinva Tourist». Два дня мы с Андреем сопровождали этого милейшего и отменно вежливого японца, а он плёнку за плёнкой тратил на съёмку жёлтых и голубых фиалок, которые цвели во множестве на субальпийских лугах. На мой недоумённый вопрос – почему только фиалки (*Viola*) и в таком большом количестве – господин Томияма охотно пояснил, что этот цветок – «биора» (так на японский лад он произносил родовое название фиалки) станет эмблемой его фирмы, которая

занимается орнитологическим и цветочным туризмом. Этот визит имел далеко идущие последствия – вскоре организованные группы японских туристов стали приезжать в Казахстан ежегодно и мне не раз приходилось их сопровождать в качестве гида. Но чаще это были смешанные туры (орнитологи и ботаники) и сопровождали их мы с лучшим флористом Казахстана Анной Андреевной Иващенко, причём посещали они сначала заповедник АксуДжабаглы, а потом – Заилийский Алатау и прилегающие пустынные территории.

Следующей была группа шведских бёрдвотчеров, которых летом 1993 г. привёз из Акмолинска (ныне Астана) мой знакомый охотовед Александр Тагирович Пивоваров. Они прибыли на двух УАЗ-452 и сразу же внесли оживление в нашу тихую мирную жизнь на стационаре, где мы вместе с Викторией и студенткой из Караганды Таней Кочетовой наблюдали за семьёй серпоклювов. Проехав более 1000 км по степям и пустыням, эта небольшая группа представляла собой уже настоящий полевой коллектив (насколько последнее слово применимо к жителям свободного мира), а один – какой-то сельский учитель, маленького роста, но самый шустрый – уже почти изучил русский язык (в части ненормативной лексики).

В эти же годы Большое Алматинское озеро включила в число обязательных пунктов фирма «МАЛ (Международный альпинистский лагерь) Хан Тенгри» (братья Казбек и Даурен Валиевы). В первых маркетинговых шагах альпинистам, только начинавшим заниматься орнитологическим туризмом, помогал Олег Белялов, изготовивший великолепную рекламную фотопродукцию. Потом они привлекли к разработке маршрутов и к работе гидами меня и мою дочь Викторию. И с 1997 года, после заключения «Хан-Тенгри» договоров с рядом зарубежных клубов, начался регулярный и ежегодный поток групп бёрдвотчеров, которые я сопровождал до 2008 г., а Виктория водит их и в настоящее время (2023).

Рис. 161 и 162. Группа на маршруте и подснежник (*Crocus alatavicus*). Середина мая, ГАИШ.

Рис. 163. Б. Алматинское озеро, середина лета. Рис. 164. Заполнение чеклиста. У камина В.А. Ковшарь

Это нисколько не мешало другим фирмам параллельно направлять свои группы в знаменитое БАО, которое оказалось незаменимым местом для знакомства с птицами высокогорья Северного Тянь-Шаня – после посещения расположенных вблизи пустынных участков в долине реки Или. Вскоре в эту индустрию включились и астрофизики ГАИШ, переоборудовавшие часть служебных помещений своего стационара на высоте 2700 м под некое подобие гостиничных номеров, без чего ночёвки в этих климатических условиях (см. рис. 161-162) были бы просто нереальны. Были также расширены возможности столовой ГАИШ, а по вечерам для желающих (за вполне умеренную плату) проводились лекции о звёздном небе с использованием стационарных телескопов и прочей техники. После проживания в палатках (в пустыне) это был комфорт.

Рис. 165. Облака над ГАИШ 24 мая 2005 г. Вид с Космостанции. **Рис. 166.** Туристы из Японии. 20 июня 2007 г.
Рис. 167. Гиды: А.Ф. Ковшарь, А.А. Иващенко (цветочные туры) и В.Г. Колбинцев. ГАИШ, 20 июня 2007 г.
Рис. 168. Гид Виктория Ковшарь и менеджер Хан-Тенгри Юлия Екимсеева. Чарын, 8 мая 2004.

Несмотря на некоторые сложности, связанные с прохождением через БАО государственной границы с Кыргызстаном, это ущелье до сих пор остаётся важным для орнитологического туризма как по причине обитания здесь целого ряда ключевых видов птиц (серпоклюв, улар, бородач, высокогорные вьюрки и ряд видов высокогорных горихвосток и завирушек, расписная синичка, джунгарская гаичка и многие другие), так и по доступности альпийского высокогорья для неподготовленного человека – возможность добраться на автотранспорте до абсолютной высоты 3300 м над уровнем моря.

25 марта 2023 г. – 25 февраля 2024 г.

05. Малое Алматинское ущелье (Медео, Чимбулак)

Рис. 169. Верховья Малого Алматинского ущелья, вид с плотины Медео. Сентябрь 2005 г.

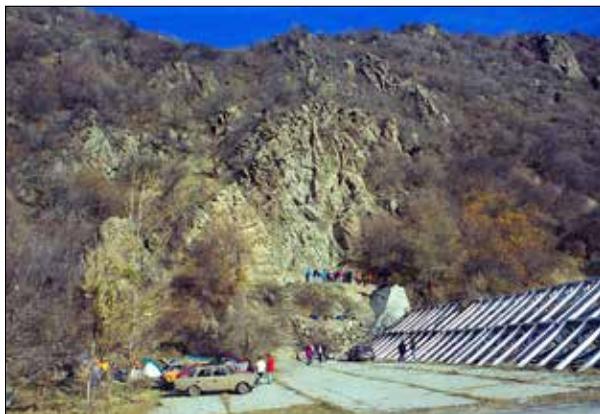

Рис. 170. Вид на спорткомплекс Медео и лесопосадки в средней части ущелья. Июнь 1995 г.

Река Малая Алматинка, по имени которой названо ущелье, начинается с ледника Туюксу и, протекая по восточной части города Алматы, в 40-50 км севернее его в полупустыне впадает в реку Каскелен – левобережный приток Или. Именно на этой реке зародился в середине XIX века город Верный (нынешний Алматы), который до Большой Алматинки на западе «дорос» только к середине XX столетия.

Вот как описывает эту речку и одноименное ущелье автор интересного исторического справочника «Город Верный и Семиреченская область»: «Являясь источником энергии, привлекала купцов, строивших здесь свои кустарно-промышленные предприятия. На ней стояло несколько десятков мельниц, от неё начинался Головной арык, она была средоточием садов и дач горожан, она дала начало первому водопроводу Верного (см. «Водоснабжение»), она же являлась купелью (Иорданью) на Крещение и Водосвятие... Она же являлась одной из главных угроз Верному, что подтвердилось в июле 1921 года, когда сель разрушил одну четверть города и унёс жизни нескольких десятков человек» (Лухтанов, 2009, с. 114). И тем не менее с самого начала существования города ущелье Малой Алматинки было излюбленным местом отдыха горожан: «В конце XIX века в ущелье была проложена колёсная дорога. В ущелье Сарысай и у подножья Мохнатой сопки были построены в 10-20-е годы монашеские скиты, местные туристы поднимались на гору Кумбель... в урочище Медеу в 1915 году построена лесная школа... Верненские садоводы, среди которых был и знаменитый Э. Баум, заложили в ущелье рощи: Берёзовую, Дубовую, Карагачёвую существующие и поныне» (там же, с. 114).

Наличие колёсной дороги, которая со временем превратилась в прекрасную автотрассу, положило начало капитальному строительству, результаты которого мы наблюдаем сейчас: дома отдыха, гостиницы, рестораны. На высоте 1690 м уже с 1951 года существовал высокогорный каток с естественным льдом, который в 1975 году приобрёл современный вид крупнейшего в мире высокогорного спорткомплекса, работающего на искусственном льду круглый год. Здесь происходят международные соревнования и устанавливаются мировые рекорды (что никак не лишает горожан возможности пользоваться этим катком для отдыха). С середины XX столетия каток защищала от возможных селей возведенная над ним дамба, высота которой в апреле 1967 г. двумя уникальными направленными взрывами одновременно с восточного и западного склонов была наращена на десятки метров, после чего была укреплена бетоном и выдержала крупный селя 1973 года.

Рис. 171. Нижняя часть М. Алматинского ущелья: скала для занятий альпинистов и противоселевое ограждение. 2000 г.

Рис. 172. Верхняя часть ущелья: горнолыжный комплекс Чимбулак, 2300 м. Декабрь 2000 г.

Выше дамбы, в 4.5 км от спорткомплекса Медео, на абсолютной высоте 2300 м с 1955 г. работает горнолыжная спортивная база Чимбулак (Шымбулак), на которой после реконструкции 1976-1983 гг. проводятся крупные международные горнолыжные соревнования. При реконструкции построен спальный корпус на 200 мест, сооружены инженерные коммуникации, линии электропередач и смонтированы четыре подъёмника длиной 4930 м, позволяющие в настоящее время подниматься от спорткомплекса Медео (1690 м) до Талгарского перевала (3200 м) и к месту старта скоростного спуска на горных лыжах.

Всё сказанное свидетельствует о максимальной освоенности этого ущелья. И даже нахождение его внутри созданного 20 лет назад Иле-Алатауского парка не снижает антропогенной нагрузки на ландшафт, что привело к уникальному решению – созданию вокруг двух названных спорткомплексов ещё одной охраняемой зоны – национального парка «Медеу» (национальный парк внутри национального парка).

Относительно мало затронутыми антропогенным воздействием остаются только верховья ущелья – выше горнолыжного комплекса Чимбулак. Здесь из круглогодично действующих служб – высокогорная гидрометеостанция, снеголавинная станция и пункты, обслуживающие альпинистов.

После такого вступления можно перейти и к моему личному знакомству с этим ущельем. Впервые его я увидел в августе 1960 г. вместе с друзьями Игорем Кривицким и Борисом Абатуровым, зоологами из Кургальджинского заповедника – такими же, как и я, участниками 2-й Всесоюзной зоогеографической конференции, проходившей в здании Академии наук Казахстана. Добрались в ущелье мы на рейсовом городском автобусе № 6 по такому же асфальтированному шоссе, как и сейчас, только машин по дороге встречалось по крайней мере на порядок меньше, чем сейчас. Выйдя из автобуса ниже катка Медео, мы направились к речке, около которой и на крутых поросших стройными тянь-шаньскими елями склонах увидели и услышали многих интересующих нас птиц: белобрюхих оляпок, маскированных и горных трясогузок, зелёных пеночек и тусклых зарничек, черногорлых завирушек, седоголовых горихвосток, белых лазоревок (тянь-шаньских князьков), желтоголовых корольков, дроздов-деряб, седоголовых щеглов и др. За несколько часов, проведенных здесь, мы встретили едва ли десяток горожан, отдыхающих около речки, и вдоволь насладились той особой тишиной, которая свойственна именно горным склонам и ущельям.

Более близкое знакомство с этим ущельем состоялось через семь лет, когда я начал работать в Институте зоологии Академии наук Казахстана, буквально через 3 месяца после тех уникальных взрывов, которые заложили основу современной плотины над катком Медео. Об этом стоит рассказать подробнее.

В начале августа 1967 г. нас с Э.И. Гавриловым (1933-2011) вызвал только что ставший директором Аркадий Александрович Слудский (1912-1978) и велел завтра утром прийти в гостиницу «Казахстан»² – будем сопровождать на экскурсию в горы американских орнитологов-любителей, членов знаменитого Одюбоновского орнитологического общества. И добавил при этом: «Только не вздумайте вырядиться в белые рубашки с галстуками, форма одежды – полевая». Это были первые настоящие бёрдвотчеры в нашей жизни и вообще в Казахстане. Уму непостижимо, как они пробили брешь в советской «круговой обороне», когда даже учёным было почти невозможно получить визу в нашу Алма-Ату, где иностранцам разрешалось посещать только озеро Иссык и Дом-музей Джамбула (и добавлялось: «без права остановки в пути!»).

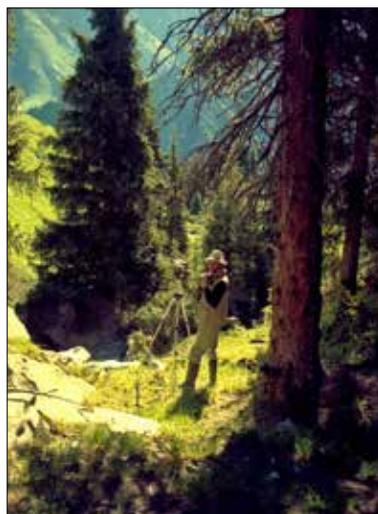

Рис. 173 и 174. Ельники в верховьях Малой Алматинки и наблюдатель птиц с трубой. 2500 м.

Утром мы все трое встретились в холле гостиницы (Аркадий Александрович тоже пришел в лёгкой полевой рубашке и с биноклем), откуда автобус повёз нас с гостями в Малое Алматинское ущелье – до катка

² Нынешняя гостиница «Казахстан» тогда ещё не была построена, и этим именем называли небольшую трёхэтажную гостиницу на Коммунистическом проспекте (ныне проспект Аблайхана) напротив универмага (ныне «Зангар») – АК

Медео. Дальше пошли пешком – через Чимбулак, ворота Туюксу до скал альпийского пояса. Вся экскурсия, включая и обратный путь, заняла не менее 6-7 часов. Я впервые в жизни был в роли орнитологического гида и даже незнание языка не мешало, поскольку группа попала грамотная, хорошо знающая латинские названия птиц – и это здорово выручало. Более того, один из группы очень интересовался растениями, и Эдик буквально «подставил» меня, сказав, что я хорошо знаю флору. Вот где я добрым словом поминал наших «заповедных ботаников» – и Нуранию Халиловну Кармышеву, и Севу Утехина, и Галю Иващенко, благодаря которым мог ориентироваться в хаосе латинских названий хотя бы родов растений.

Аркадий Александрович резво шёл наравне со всеми, разговаривал, шутил и вообще был весел – как человек, вырвавшийся на волю из тесных стен своего кабинета. Американцы то и дело спрашивали: «Профессор, а сколько Вам лет?» и говорили ему комплименты относительно его физической формы. Вот таким бодрым, энергичным и веселым – совсем не таким, как в кабинете – он мне и запомнился.

За эти несколько часов мы вволю насмотрелись птиц, характерных для верхней границы лесного пояса, и среди них таких желанных для иностранных туристов как джунгарская гаичка (*Parus songarus*), седоголовая и красноспинная горихвостки (*Phoenicurus coeruleocephalus*, *Ph. erythronotus*), черногорлая и бледная завирушки (*Prunella atrogularis*, *Prunella fulvescens*), крапивник (*Troglodytes troglodytes*), индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*), красношапочный и гималайский вьюрки (*Serinus pusillus*, *Leucosticte nemoricola*), арчовый дубонос (*Mycerobas carnipes*), арчовая чечевица (*Carpodacus rhodochlamys*) и другие. Несколько раз видели и самых крупных и красивых наших пернатых хищников – беркута (*Aquila chrysaetos*) и бородача (*Gypaetus barbatus*).

На обратном пути мы проходили около остовов двух многоэтажных зданий, построенных до начала взрывов всего в 100 м ниже катка Медео на берегу речки (400-500 м от места взрыва западного склона) для испытания на прочность. Каркасы эти с честью выдержали испытание – толчок, равный 7-8 баллам землетрясения, – дав тем самым «зелёную улицу» строительству многоэтажных домов в Алматы: уже в следующем году напротив Оперного театра возвели 9-этажную гостиницу «Алма-Ата»! Это был прорыв!

Но не только сели угрожают нашим горным ущельям. Так, 2 июня 2009 г. в Алматы наблюдался ураганной силы ветер, ворвавшийся в Мало-Алматинское ущелье и поваливший много леса (рис. 175-180).

Рис. 175 и 176. 2 июня 2009 г. Огромная туча над городом Алматы, породившая ураганный ветер. Фото из интернета

Рис. 177 – 180. Масштабы стихийного бедствия – поваленный лес. 19 июля 2009 г.

Вот так, в одночасье, целые склоны лишаются леса, украшавшего их десятилетиями, а само ущелье сразу преобразуется, не говоря уже о том, какие глубокие изменения происходят во всём биоценозе. Потребуются снова десятилетия, чтобы вырос такой же спелый лес и восстановилась эта красота.

Рис. 181. Следы естественных сукцессий и лесных посадок на склонах Медео. Июль 1995 г.

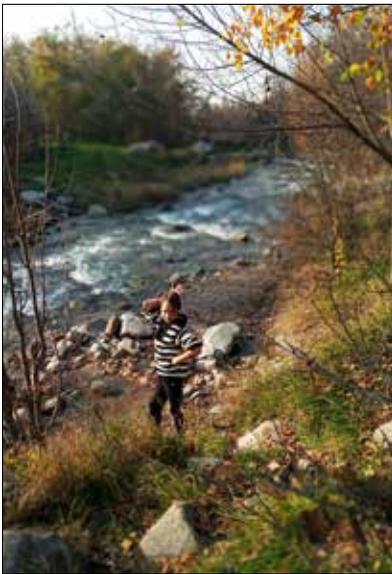
Но несмотря ни на природные катаклизмы, ни на всё усиливающееся антропогенное воздействие – Малое Алматинское ущелье остаётся украшением города Алматы и излюбленным местом отдыха горожан. Оно прекрасно в любое время года, но особенно – золотой осенью (рис. 182-187).

Рис. 182. Урочище Медео и высокогорный каток в разгар осени. 4 октября 2015 г.

Рис. 183-184. Средняя часть ущелья ниже Медео, около 1500 м над ур. моря. 4 октября 2015 г.

Рис. 185 и 186. На речке Малая Алматинка ясным тёплым днём 22 октября 2023 г.

Рис. 187. Этот огромный валун выше человеческого роста мог принести сюда только сель. Там же, 22 октября 2023 г.

27 мая – 22 октября 2023 г.

06. Талгарское ущелье Заилийского Алатау

Рис. 188. Талгарский пик (5018 м, в центре) и прилавки Заилийского Алатау. Середина мая 2004 г.

Рис. 189. Старый еловый лес выше Полевой базы. Правый Талгар, 1800 м. 13 июня 2011 г.

Рис. 190. Талгарский пик (справа). Вид с Кульджинской трассы вечером 17 мая 2009 г.

Рис. 191. Река Талгар перед выходом из ущелья (после слияния трёх Талгаров). 13 июня 2011 г.

Рис. 192 и 193. Правый Талгар близ полевой базы в ясную погоду и при облачности. 13 июня 2011 г.

Рис. 194 и 195. Окрестности Полевой базы. Правый Талгар, среднее течение. 13 июня 2011 г.

Немного истории с географией. Поскольку названное ущелье в настоящее время является не просто заповедным, а центральной частью Алматинского заповедника, начнём с истории этого многострадального заповедника, которую мало кто помнит. Обратимся к монографии «Заповедное дело в Казахстане» (1982): «**Алматинский заповедник.** Этот третий³ заповедник Казахстана, организованный в хр. Заилийский Алатау Северного Тянь-Шаня, прошёл длинный путь превращений и преобразований. В 1931 г. он был организован на площади **15 тыс. га** в пределах ущелий Большой и Малой Алматинки близ Алма-Аты. В 1935 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в состав заповедника включены Талгарская, Иссыкская, Тургенская, Маловодненская, Чиликская, Чилик-Ассинская, Таучиликская и Табан-Карагайская лесные дачи; в 1936 г. Постановлением КазЦИК и СНК КазССР к нему присоединена также Сюгатинская долина с прилегающими горами Сюгаты, Богуты и Турайгыр. Общая площадь заповедника стала 856 680 га. К 1941 г. он занимал большую часть Заилийского Алатау, часть Кунгей-Алатау и пустынно-степной участок до берегов реки Или. Площадь его равнялась почти **1 млн га.**

Однако уже в 1941 г. по решению СНК СССР Малое Алматинское ущелье было сдано в аренду Алматинскому горсовету сроком на 5 лет для проведения мероприятий по защите города от селевых потоков. Спустя 5 лет Таучиликская лесная дача решением Совета Министров КазССР передана Министерству лесной промышленности, а вскоре за заповедником были оставлены только Чиликская лесная дача и степные участки. Главная усадьба была перенесена в с. Чилик. В 1952 г. по настоянию Министерства лесного хозяйства заповедник был **ликвидирован.**

И только благодаря настойчивым требованиям учёных и общественности Алматинский заповедник был вновь восстановлен Постановлением Совета Министров Казахской ССР № 5 от 11 января **1960** года, которым под заповедник отводилась территория **128 тыс. га** в пределах Табан-Карагайской лесной дачи с центральной усадьбой в с. Чилик. Однако, как выяснилось, эта территория входит в постоянное и долгосрочное пользование 13 колхозов и 6 совхозов и не может быть изъята без частичной ликвидации этих хозяйств и значительного уменьшения планов производства сельскохозяйственной продукции. Поэтому в 1964 году заповедник был **перенесён (!)** в ущелья Правого и Левого Талгара, а через год к нему присоединён также участок «Поющая гора» на пустынном берегу реки Или. Таким образом, длительность существования заповедного режима на территории современного Алматинского заповедника всего 16 лет в горной части и 15 лет – в пустынной.» (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 16-17).

Таким образом, как принято сейчас говорить, «бренд» «Алматинский заповедник» в разные годы относился к *разным* территориям, а продолжительность непрерывного заповедного режима **современной** его территории, включая и Талгарское ущелье, с 1964 года составляет 59 лет, хотя сам заповедник в 2021 году отпраздновал свой 90-летний юбилей. Пустынный участок «Поющий бархан» ещё в 80-х гг. у заповедника «отвоевал» энергичный директор Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства Александр Филиппович Тарасов, а сейчас вместе со всем упомянутым хозяйством это территория Алтын-Эмельского ГНПП.

Эту многократную смену территорий заповедника необходимо знать и учитывать при пользовании научными трудами этого заповедника. Так, замечательный орнитолог Леонид Михайлович Шульпин (1905-1942), написавший «Экологический очерк орнитофауны Алма-Атинского Государственного заповедника (по наблюдениям в августе-сентябре 1932 г. и в мае 1933 г.)», опубликованный в 1939 г. как первый том Трудов Алматинского заповедника⁴, работал именно в Малом Алматинском ущелье (меньше времени – в Большом Алматинском ущелье). А Мстислав Николаевич Корелов (1911-1995) работал в заповеднике в 1937-1941 гг., когда Алматинский заповедник занимал территорию в Таучилике (Кунгей Алатау).

Один день в Талгарском ущелье Алматинского заповедника (13 июня 2011 г.)

Ущелье названо по имени речки, берущей начало с Талгарского горного узла, в котором находится высшая точка Заилийского Алатау – Талгарский пик (по разным измерениям от 4973 до 5017 м). Начинаясь тремя истоками (Левый, Средний и Правый Талгар) с ледников мощного горного узла, река покидает горы в городе-спутнике Талгар (бывшая станица Софиевская) и, пройдя 117 км к северу, впадает в Капчагайское водохранилище на реке Или около бывшего Илийского выселка (ныне – город Конаев).

В отличие от Мало-Алматинского ущелья Талгарское совсем не обжито людьми. Помимо альплагеря в верховьях и полевой базы Алматинского заповедника в лесном поясе здесь нет никаких поселений. Более

³ Фактически Алматинский заповедник – **второй** после Аксу-Джабаглинского, потому что Наурузумский заповедник, хотя и учреждён на год раньше (1930), но фактически начал существовать с 1933 г., а научно исследовательская работа в нём началась только летом 1934 г. – *Примечание автора*

² Опечатка в Предисловии к этой книге на с. 3 («До 1922 года заповедник не обследовался...») иногда приводила некоторых читателей к неправильной оценке возраста этого заповедника – *Примечание автора*

того, поскольку с 1964 года это территория Алматинского заповедника, здесь более полувека соблюдается заповедный режим: вход и въезд только по специальным пропускам. Поэтому экосистемы в нём находятся в естественном состоянии, что хорошо заметно по частым встречам крупных диких животных. Не редкость здесь косуля, марал, кабан, сибирский горный козёл (таутеке) и даже рысь, медведь и снежный барс, о чём свидетельствуют научные исследования и печатные труды научных сотрудников заповедника зоологов В.А. Жирякова, А.Д. Джаныспаева и других.

Мне не часто (в 1980, 1985, 2002 и 2011 гг.) доводилось бывать в этом ущелье, но при каждом таком кратковременном посещении возникало ощущение, что находишься в дикой нетронутой природе, – одно из самых приятных ощущений зоолога-полевика. В июле 1980 года мы заехали на экспедиционной машине на полевую базу заповедника, чтобы забрать одного члена нашей экспедиции в Джунгарский Алатау; в июне 1985 г. я сопровождал на экскурсию в это ущелье известного московского профессора Андрея Григорьевича Банникова, у которого при фотографировании синей птицы река Талгар унесла крышку от дорогого фотоаппарата... В конце июля 2002 года мы заночевали в этом ущелье всем составом международной казахско-киргизско-германской зоологической экспедиции, возвращаясь из маршрута по Джунгарскому Алатау и Кетменю. И тогда красоту и своеобразный первозданный уют этого ущелья оценили все члены нашей экспедиции, повидавшие за три недели маршрута много разных красот. И только 13 июня 2011 г. я вместе с дочерью Ириной специально приезжал на Полевую базу к орнитологу заповедника Алтынбеку Даутбековичу Джаныспаеву и провёл здесь один день, в течение которого не раз вспомнил свой родной Аксу-Джабаглы: есть всё-таки какой-то общий дух у этих старых тянь-шаньских заповедников...

Рис. 196 и 197. Правый Талгар. А.Д. Джаныспаев и И.А. Ковшарь на экскурсии. 13 июня 2011 г.

Рис. 198 и 199. Долинные ельники в окрестностях Полевой базы. Правый Талгар. 13 июня 2011 г.

Алтынбека Даутбековича (для друзей и близких знакомых он просто Алтын) я знаю уже больше 45 лет, с тех пор как он после окончания в 1976 году кафедры зоологии КазГУ (ныне КазНУ) проработал год в заповеднике Аксу-Джабаглы (изучая копытных), откуда перевёлся в Алма-Атинский заповедник, где ему предстояло изучать птиц, и летом 1978 года оказался на стажировке в нашем орнитологическом стационаре «Большой Алматинское озеро». Это он помогал мне устанавливать палатку около первого в Казахстане гнезда серпоклюва, приносил спальный мешок и еду во время моих круглосуточных наблюдений, а потом как прекрасный рисовальщик сделал рисунок поз серпоклюва, насиживающего кладку; рисунок этот опубликован в первой статье «О биологии серпоклюва» (Ковшарь, 1980). После этого Алтын более 40 лет проработал в Алматинском заповеднике, изучая не только птиц, но и зверей, в том числе копытных и крупных хищников – одним из первых увидел в Правом Талгаре снежного барса, о котором опубликовал много интересных биологических наблюдений. Среди почти сотни его научных публикаций – интересные статьи о беркуте, бородаче, расписной синичке и многих других малоизученных птицах. Особенно много интересного нашли они вместе с Олегом Беляловым, с которым очень подружились, например – первую в Заилийском Алатау колонию кумаев (гималайских сипов или снежных грифов) в Талгарском горном узле.

В этот наш приезд 13 июня 2011 г. Алтын познакомил меня с молодым зоологом заповедника, прекрасным фотографом Салторе Сапарбаевым, который рядом с полевой базой нашёл гнездо синей птицы с яйцами, в этот день из них вылуплялись птенцы (рис. 201 и 202).

Рис. 200. Синяя птица. Фото Аскара Исабекова (рис. 200 и 202). **Рис. 201.** И её гнездо над водой.

Рис. 202. Синяя птица при ярком свете. **Рис. 203.** В гнезде (рис. 201) вылупляются птенцы. 13 июня 2011.

Сейчас наступила эра новых технологий, и Салторе Сапарбаев вместе с коллегами, териологами Института зоологии, где он сейчас работает, использует современные автоматические фотоловушки, которые фиксируют встречи крупных животных круглосуточно. Особенно часто они фотографируют копытных (косуль, горных козлов, маралов) и крупных хищников – рысь, медведя, снежного барса. И уже горячие головы готовы заявить, что этих зверей у нас слишком много и не пора ли начать их опромышлять... Но будем надеяться, что скоро мы научимся давать правильную оценку результатам автоматической съёмки животных и верно рассчитывать по этим результатам их численность. К тому же нельзя забывать, что наши заповедники занимают лишь незначительную часть горных ландшафтов страны, и сохранившиеся в них и размножившиеся дикие животные должны расселяться из них на другие, не заповедные территории.

Рис. 204. Вид в верховья Правого Талгара со склона над полевой базой. 13 июня 2011 г.

Рис. 205. Талгарский горный узел вблизи, фрагмент. 18 июля 1989 г. Снимок с вертолѐта МИ-8.

Рис. 206 и 207. Ельники на крутых склонах и эрозия почв. Верхняя часть правого Талгара. 13 июня 2011.

Рис. 208 и 209. Еловый лес разного возраста. Правый Талгар выше Полевой базы. 13 июня 2011 г.

А закончить знакомство с этим замечательным заповедным ущельем я хочу рассказом об одном из его старожилов – Алтынбеке Даутбековиче Джаныспаеве. И не только потому, что 31 июля 2023 года ему **исполнилось 70 лет**, с чем все мы, алматинские зоологи, его дружно и искренне в этот день поздравили.

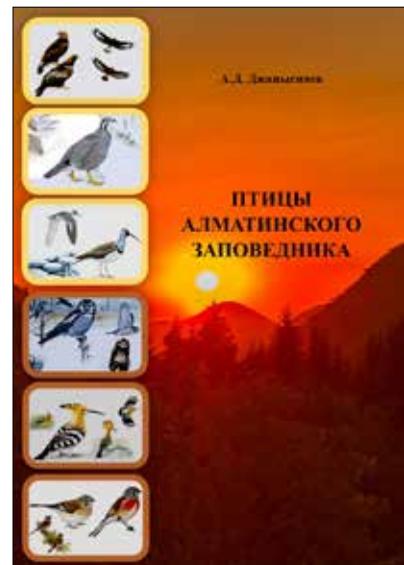
Я не случайно назвал Алтына (так привыкли называть его все мы – старые знакомые и друзья) *старожилом* – он проработал здесь почти 40 лет! До сих пор пальму первенства в деле «долгожительства» его научных сотрудников держал первенец казахстанских заповедников – Аксу-Джабаглы, в котором ботаник Нуралия Халиловна Кармышева проработала 20 лет (с 1939 по 1959), ботаник Анна Андреевна Иващенко – 22 года (1963-1985) и зоолог Елена Сергеевна Чаликова – 33 года (1982-2015).

Алтын не просто проработал в заповеднике четыре десятилетия, посетив за это время практически все его уголки, в том числе и самые труднодоступные. Он жил здесь, в горах, проводя в них большую часть года – в том числе и в зимнее время. А постоянное проживание в горах даёт возможность видеть многое такое, что недоступно человеку, приехавшему на короткое время. Поэтому природа Алматинского заповедника для него – открытая книга, которую он выучил наизусть. А выучив, почувствовал потребность поделиться своими знаниями с другими. В этом ему помог талант рисовальщика. Задуманное им учебное пособие для школ он сумел иллюстрировать прекрасными рисунками, широко используя для этого перерисовки из фотографий птиц и опубликованных рисунков их в особых, наиболее характерных позах.

Рис. 210. Алтын на научной базе. 2011 г. **Рис. 211** В верховьях Среднего Талгара. Ноябрь 2010 г. *Фото С. Сапарбаева*

К сожалению, здоровье Алтынбека Даутбековича оставляет желать лучшего – ему, прожившему в горах большую часть своей жизни, в последние годы много времени приходится проводить на больничной койке. В таких условиях его детище – задуманная им книга о птицах заповедника – приобретает особое значение. И не только для него! Сельские школы Алматинской области испытывают острый дефицит наглядных пособий о природе и животном мире края на казахском языке. Именно для них и задумал книгу Алтын Джаныспаев. Но средств на её издание у него нет. Поэтому я хочу обратиться ко всем, кому не безразлична судьба школьников родного края: может найдутся меценаты-спонсоры для издания этого красочного школьного пособия? Это было бы лучшим подарком и для автора – скромного орнитолога и териолога, отдавшего больше половины жизни делу изучения животного мира родного края.

Рис. 212-214. Авторский макет обложки книги Алтынбека Даутбековича Джаныспаева – пособия для школ области

27 мая – 6 ноября 2023 г.

07. Озеро Иссык (Есик) и Иссыкское ущелье

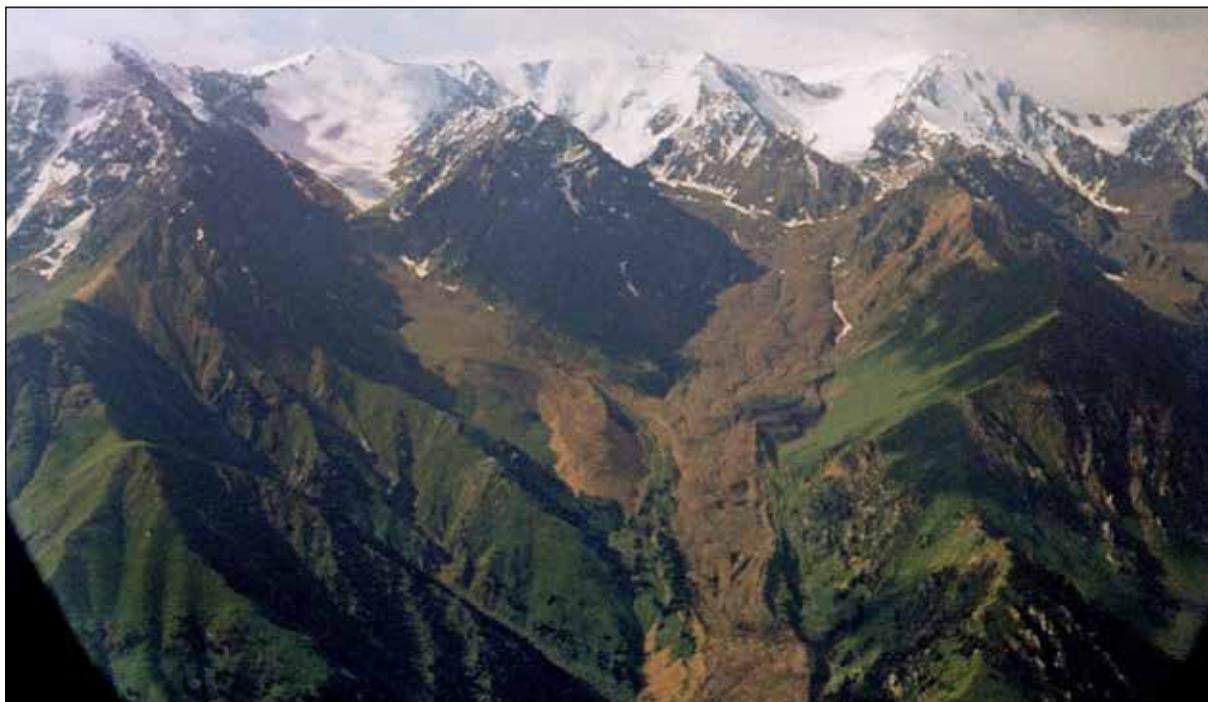

Рис. 215. Верховье ущелья и истоки реки Иссык. 19 июля 1989 г. Снимок с вертолѐта МИ-8. Фото А.Ф. Ковшаря

Рис. 216. Озеро Иссык почти через 60 лет после катастрофы. 30 октября 2022 г. Фото Ирины Ковшарь

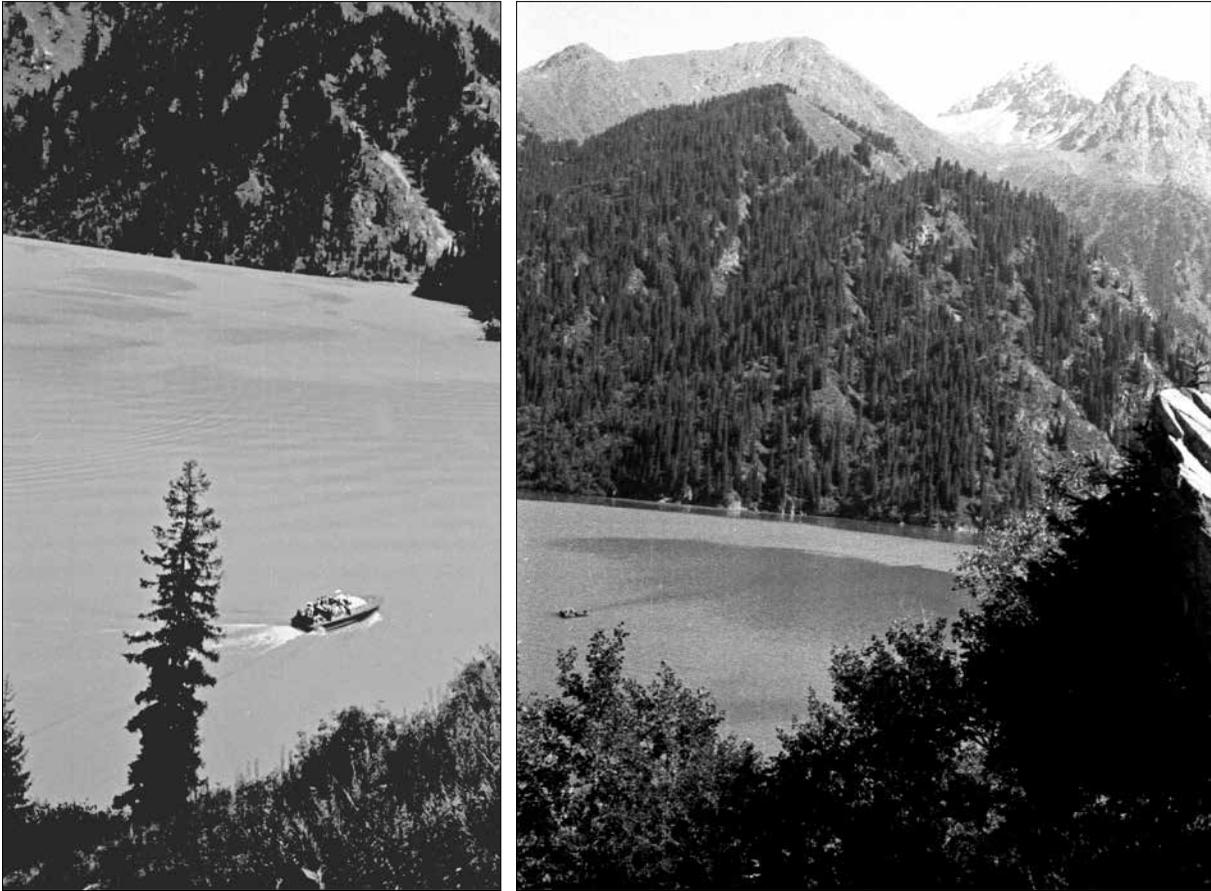

Рис. 217 и 218. Озеро Иссык за три года до катастрофы. Август 1960 г.

Иссыкское ущелье находится в 40 км восточнее Алматы – оно следующее за Талгарским ущельем. Прославило его знаменитое своей красотой озеро Иссык, расположенное в лесной зоне на высоте 1760 м над уровнем моря. Вообще у этого озера было несколько имён. О названии Жасыл-Коль (зелёное), полученном за изумительный цвет воды, упоминал в середине XIX века ещё Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский. Второе название происходит от казахского слова «есік» («дверь, узкое ущелье»), которое очень созвучно названию знаменитого соседа – озера Иссык-Куль (горячее озеро). Хотя не исключено, на мой взгляд, и такое толкование названия: холодная вода обоих этих озёр как будто обжигает тело впервые погружившегося в неё человека, создавая впечатление *горячего* (что, впрочем, быстро проходит). Жаль, что 60 лет назад у нас ещё не была развита цветная фотография, да и качество самой фотоаппаратуры оставляло желать лучшего; поэтому мне в своём архиве удалось найти только два черно-белых снимка (рис. 217-218).

Само озеро Иссык (длиной 1850 м, шириной 500 м, а глубиной до 80 м) образовалось в результате грандиозного обвала около 8 тысяч лет назад. Причиной возникновения озера специалисты считают мощное землетрясение, во время которого в реку сорвался, перегородив её, крупный осколок скалы, создавший естественную плотину высотой 300 м. Крутые склоны узкого ущелья поросли еловым лесом, а зубчатые верховья ущелья покрыты белоснежными фирновыми полями и ледниками. Из одного из них, по названию ледник Кассина, берёт начало река Иссык.

Красота озера и живописные горные окрестности издавна снискали ему громкую славу жемчужины Заилийского Алатау, «бриллианта в гранитной оправе», казахстанской Рицы. В 1939 г. на берегу озера начала работать первая турбаза. Весной 1958 г. вышло постановление Совета министров Казахской ССР

«Об обеспечении культурного отдыха трудящихся на озере Иссык». В 1959 г. открыт парк озера Иссык с гостиницей и рестораном. К озеру проложили широкое асфальтированное шоссе и построили автовокзал с большой автостоянкой. Из столицы Казахстана города Алматы почти до самого озера можно было добраться на рейсовом автобусе, причём в выходные дни автобусы отправлялись от автостанции возле Центрального колхозного рынка через каждые полчаса. Тысячи алматинцев и гостей города отдыхали в окрестностях озера. Его изображение печаталось на открытках и в туристических брошюрах.

Поскольку вода была холодной, купаться в озере отваживались немногие. В основном загорали на прибрежном песке, который встречался в отдельных местах (Малиновая бухта, устье реки Иссык на южном берегу озера). Катались на катерах, лодках, речном трамвайчике. За безопасностью следили спасатели.

Любопытно, что с 1959 года посещение озера Иссык входило в программу визита высоких гостей из разных стран. Так, на Иссыке любил бывать Н.С. Хрущев (1894-1971), на речном трамвайчике по озеру в 1959 г. катался вьетнамский лидер Хо Ши Мин. Привозили сюда и группу американских губернаторов⁵.

Поэтому не удивительно, что в воскресенье **7 июля 1963 г.** на озере оказался Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин (1904-1980) в сопровождении казахстанского лидера Динмухамеда Ахмедовича Кунаева (1912–1993) и ожидался приезд первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. Однако Терешкова свой визит отложила, а Д.А. Кунаев описал свои впечатления в мемуарах «От Сталина до Горбачёва» (Кунаев, 1994). Вот что он пишет: «В воскресный день мы приехали на высокогорное озеро Иссык, находящееся в шестидесяти километрах от города в отрогах Тянь-Шаня. На озеро мы приехали в полдень. На берегу озера и в лодках было очень много отдыхающих. День был ясный, красота неописуемая. Косыгин озером и природой был восхищён. Мы собирались ехать на другой берег, Косыгин взял в эту поездку своего внука Алексея. Тут я вижу — что-то неладное: с гор несётся коричневый поток. Сомнений нет, это дело мне слишком знакомо. Сель! Поток обрушился в озеро. Вода помутнела и будто кипит. Удар селя поднял мощную волну, лодки отдыхающих стали переворачиваться. Сель ударил в пирс, я видел, как подбросило вверх человека, стоявшего на нём... — Пока мост на реке не сорвало, — говорю, — надо уезжать! Косыгин — ни с места. Происходящее как бы заворожило его. Я говорю, что дорога каждая секунда. К тому же надо организовать немедленные спасательные работы... Только миновали мы мост, и он рухнул за нами под напором грязи и камней. Как потом выяснилось, в считанные минуты в озеро Иссык ворвалось около шести миллионов кубометров камней, воды и грязи».

Рис. 219, 220, 222. Движущийся сель и принесенные им деревья на берегу озера. 7 июля.1963 г. Фото из интернета

⁵ Forbes.kz, 7 juli 2013.

Рис. 221. Поклонный крест в память о погибших во время селя 1963 г. Установлен в 90-х гг. Фото из интернета

Но эти строки воспоминаний Д.А. Кунаева были написаны годы спустя. Тогда же, сразу после 7 июля 1963 г. в казахстанской прессе целых две недели царило гнетущее молчание. Это было характерно для того времени: чтобы не «сеять панику», все ждали указаний сверху. Первая статья в областной газете «Огни Алатау» под характерным заголовком «Что такое селевой поток?» за подписью председателя исполкома Алма-Атинского городского совета Е. Дуйсенова появилась только 25 июля 1963 г. Она имела цель – успокоить горожан и содержала самую общую информацию о селях вообще, в том числе заверения в том, что население города будет оповещено за полтора-два часа до грозящей опасности, а уровень воды в моренных озерах пока не вызывает беспокойства. Были и рекомендации жителям, что делать, чтобы селя не застал их врасплох, и что предпринять в случае движения селевого потока. Селю 7 июля на озере Иссык в статье отведено три абзаца, о жертвах и разрушениях – ни слова. И только 21 августа в московской газете «Труд» появился подробный очерк об этой катастрофе (затем он был перепечатан в «Огнях Алатау»).

После этого в различных газетах и журналах, а позднее – и в интернете – появилось много информации, часто противоречивой, но чаще – повторяющейся в разных вариациях: рассказы и интервью очевидцев и «очевидцев», пересказы услышанного от других и т.д. А через год приехавшая ко мне на практику в заповедник Аксу-Джабаглы студентка КазГУ Галя Полетаева, оказавшаяся 7 июля 1963 года на озере Иссык, много рассказала о том, что ей довелось увидеть в этот день. Из всей массы опубликованного и прочитанного в интернете приведу всего лишь один отрывок, на мой взгляд, наиболее достоверный.

«Сель зародился высоко в горах. Талые воды с Жарсайского ледника стекали в горное озеро Жарсай. Когда оно наполнилось водой, то прорвало естественную гранитную перемычку. Гигантский селевой поток из камней и грязи пошёл на нижнее озеро. На своем пути «чёрный дракон» всасывал каменные осыпи, подхватывал гигантские валуны, вырывал с корнями вековые ели. Вся эта масса обрушилась в озеро Иссык. Удар был такой силы, что оно выплеснулось из берегов, а катера и лодки с людьми волны разбили о берег. По рассказам очевидцев, сразу после каждого селевого вала озеро «кипело». Начался интенсивный размыв естественной плотины, и через несколько часов оба озера, верхнее и нижнее, перестали существовать.

Затем селя прорвался вниз, в Иссыкскую долину. Пионерский лагерь успели эвакуировать. А грязекаменная лава тем временем ворвалась на улицы Иссыка, развалила множество домов, водозаборные сооружения ГЭС и подвалы знаменитого винзавода «Иссык». На спасение отдыхающих по тревоге была поднята ближайшая войсковая часть. Солдаты спасли **около 2000** отдыхающих. Голодных измученных людей находили в горах даже спустя несколько дней после трагедии. В основном это были грибники, которые в момент прохождения селя забрались выше озера. Уцелевших людей от озера выводили через горы проводники. По официальным данным, опубликованным тогда в печати, погибли сто человек, по неофициальным, жертв было гораздо больше – от двух до трёх тысяч» (Forbes.kz, 7 juli 2013).

Эти же два абзаца слово в слово повторены другим источником: <https://pkzsk.info/gibel-ozera-issyk/> © Петропавловск.news. И точно так же – третьим: <https://tonkosti.ru/excursii/Ozero-Issyk-i-gosudarstvennyi-Almatinskij-zapovednik-241233779>. И каждый из них грозитя санкциями за использование без ссылки!..

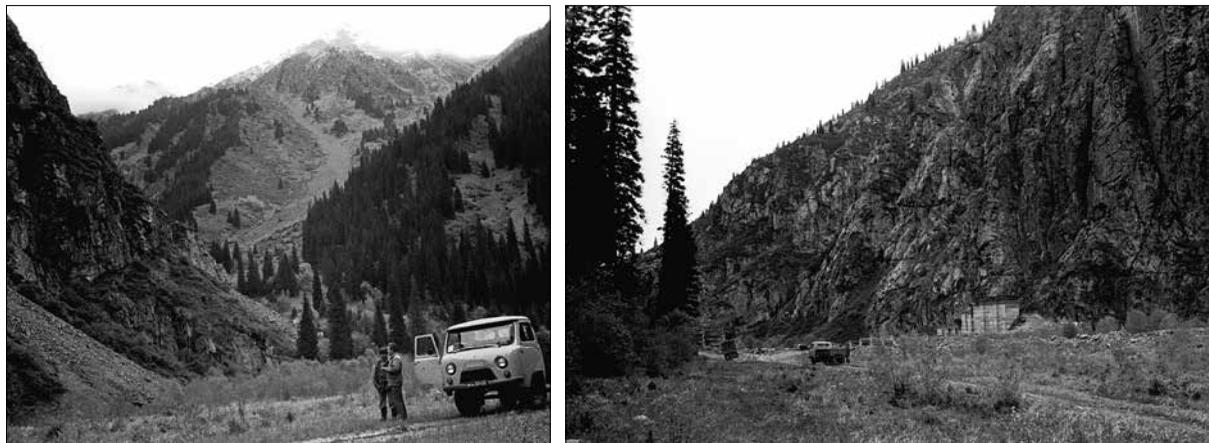

Рис. 223 и 224. В заповеднике выше озера. Справа – «Кремлёвская стена». 3 июня 1981 г. Фотографии автора

Иссыкский сель 7 июля 1963 года был одним из самых крупных и разрушительных селевых потоков на территории СССР. После него правительство Казахской ССР поручило казахскому филиалу института “Гидропроект” разработать новый проект плотины в долине Малой Алматинки, где поставили четыре металлических селеуловителя, в том числе два 10-метровых сооружения для защиты от мелких селей строительной площадки на Медео и два сооружения ниже – для перехвата грязевых потоков на реках Кимасар, Казачка, Батарейка (<https://tonkosti.ru/excursii/Ozero-Issyk-i-gosudarstvennyj-Almatinskij-zapovednik>). В содружестве с новосибирскими математиками начаты расчёты, а в урочище Медео – подготовка склонов, бурение скважин и завоз взрывчатки для уникальных направленных взрывов, прозвучавших в апреле 1967 г.

На месте же бывшего Иссыкского озера работы по его восстановлению начались только в середине восьмидесятых годов: экскаваторы вычерпывали со дна бывшего озера то, что принёс туда сель, самосвалы отвозили и укладывали эту галечниково-песчаную массу в тело новой плотины. Лишь к концу 80-х гг. чаша бывшего озера постепенно стала наполняться водой (см. рис. 227-230). И даже в начале XXI века, через 40 лет после катастрофы, она была заполнена едва ли на $\frac{3}{4}$ бывшей площади водного зеркала. Что же касается глубины озера (и объёма водной массы), то восстановить прежнюю уже никогда не удастся...

Судя по тому, как выглядят верховья разных истоков Иссыка (см. рис. 215, 225 и 226), это ущелье по-прежнему остаётся селеопасным и требует постоянного мониторинга ледниковых озёр – скорости и степени их наполнение в весенне-летний период. Некоторое успокоение вызывает то обстоятельство, что всё ущелье выше озера является заповедной территорией и доступ людей сюда запрещён. Хотя окрестности самого озера снова становятся очень привлекательными для отдыхающих и туристов, о чём свидетельствует высокая активность специализированных компаний, на многочисленных сайтах настойчиво призывающих жителей Алматинской области и гостей посетить красивейшее место Северного Тянь-Шаня.

Рис. 225 и 226. Верховья ущелья Иссык с вертолётa МИ-8, 19 июля 1989 г.

Рис. 227 и 228. Последствия селя в средней и нижней части ущ. Иссык, вид с вертолѐта. 19 июля 1989 г.

Рис. 229 и 230. Степень заполненности озёрной чаши 19 июля 1989 г. Вид с вертолѐта МИ-8.

Живописное Иссыкское ущелье выше озера и до 1963 года мало посещалось людьми, а после того, как оно стало территорией заповедника, посещаемость его практически прекратилась, и кроме сотрудников заповедника здесь мало кто бывает. Природа ущелья на протяжении последних десятилетий остаётся почти не затронутой деятельностью человека и принадлежит диким животным. В здешних лесах ещё обитают медведи и рыси, множество птиц; а в скалистых верховьях – горные козлы и снежные барсы, гималайские улары (горные индейки), бородачи, беркуты и кумаи, или гималайские сипы.

На образовавшихся после селя 1963 г. галечниковых отмелях орнитолог заповедника Алтынбек Джаныспаев обнаружил появившихся здесь серпоклювов. Первое гнездо, в котором было три яйца, он нашёл 27 мая 1997 года в 2 км выше озера на абсолютной высоте 1850 м, а в июле на этом же месте встретил семью серпоклювов – двух взрослых и двух молодых. В дальнейшем он отмечал гнездование серпоклювов в этом месте ежегодно, в том числе в 2002 году: 7 апреля видел пару, а 7 августа – взрослого и трёх птенцов (Джаныспаев, 2003). По всей вероятности, живут здесь серпоклювы и сейчас.

Здесь же, в нижней части Иссыкского ущелья, на так называемой Кремлёвской стене чуть выше озера (рис. 224), в 1987 г. Алтынбек Джаныспаев впервые для хребта Заилийский Алатау нашёл гнездо другой очень редкой птицы, занесённой в Красную книгу Казахстана – рыжеголового или пустынного сокола, раньше считавшегося подвидом сапсана, а сейчас именуемого шахином (*Falco peregrinoides babylonicus*). У этого гнезда орнитологам удалось провести интересные наблюдения, результаты которых опубликованы в ряде статей (Джаныспаев, 1989, 1994, 1999; Пфедфер и др., 1989; Пфедфер, 1991).

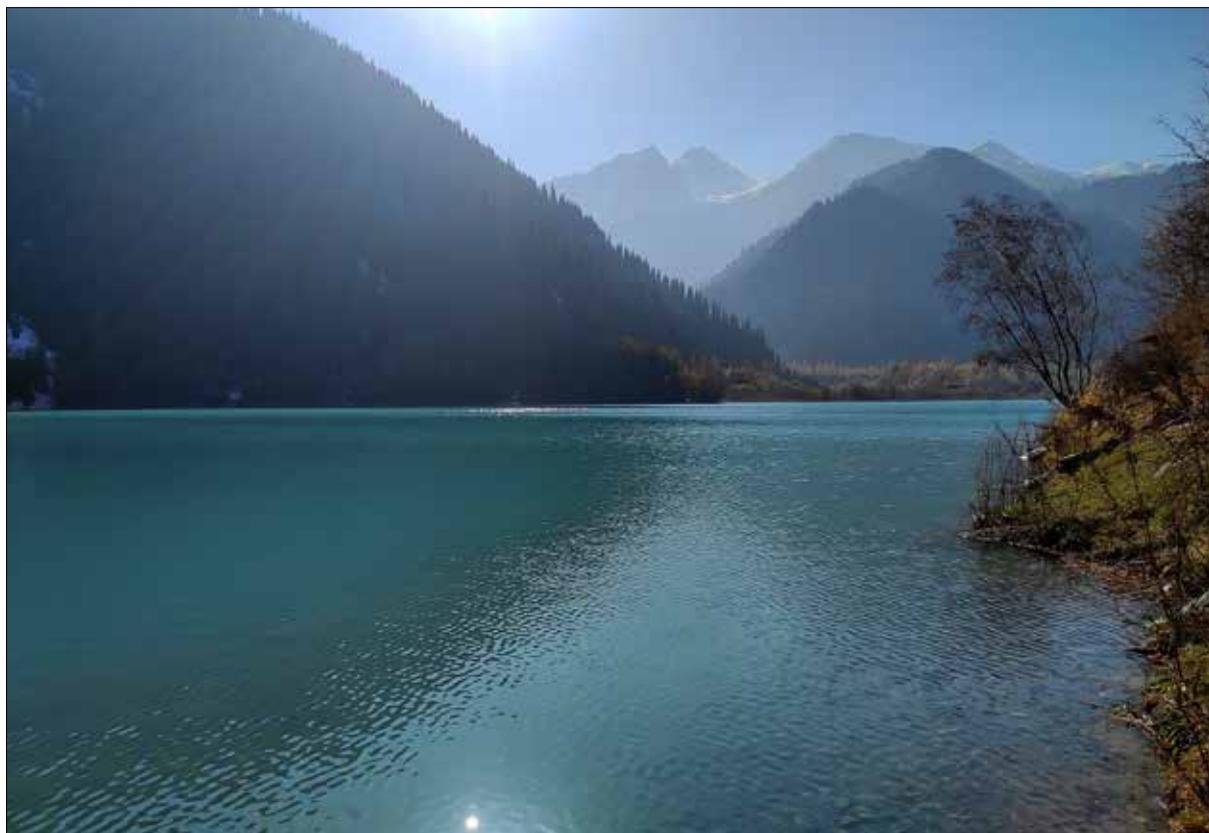
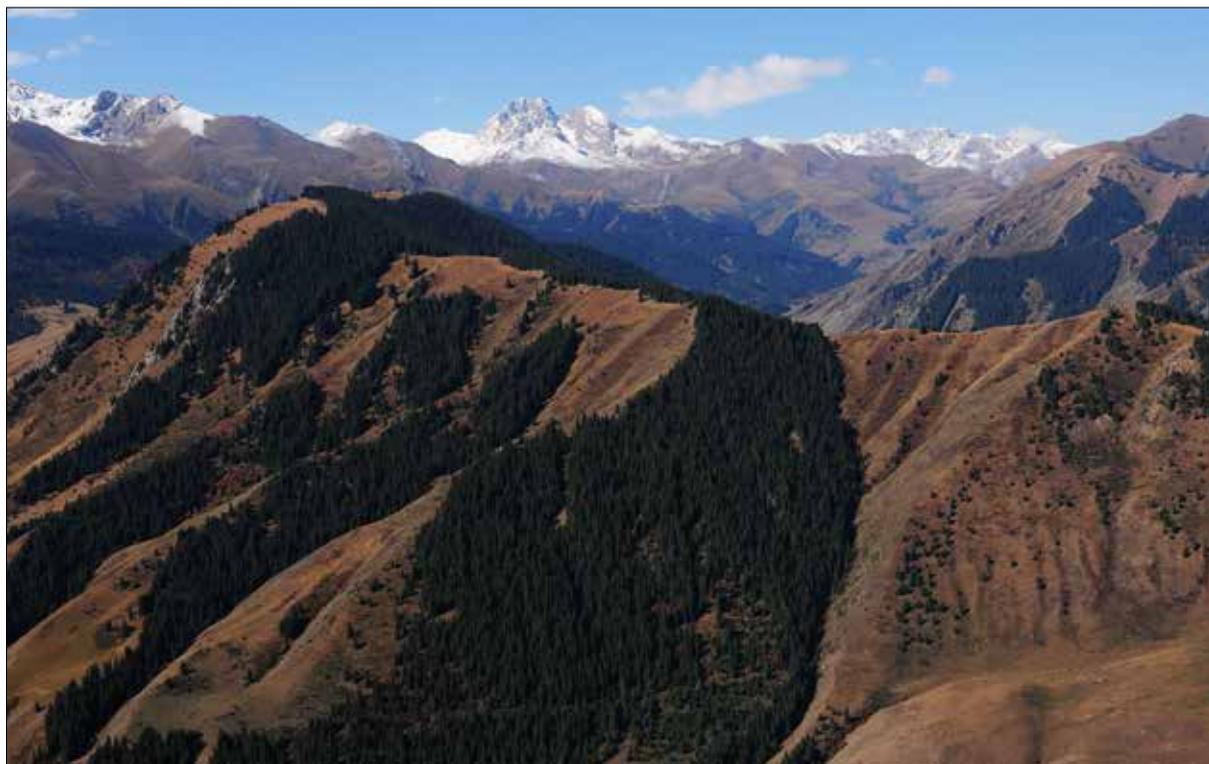

Рис. 231 и 232. Озеро Иссык 30 октября 2022 г. Рис. 233. Памятник жертвам селя 7 июля 1963 г. Фото Ирины Ковшарь

28 мая 2023 г.

8. Ущелье Кульсай (хребет Кунгей Алатау)

Рис. 234. Распределение ельников на северном склоне хребта Кунгей Алатау. *Фото Олега Белялова*

Рис. 235. Озеро Кульсай (нижнее), вид с северного берега. 12 июня 1968 г.

Неудавшаяся экспедиция 1968 года

Рис. 236. Озеро Кульсай (нижнее) 12 июня 1968 г. заполнено полностью. Дороги по берегу нет.

После столь удачного полевого сезона 1967 года с красным вьюрком (см. рассказ о БАО) я собирался продолжать изучение биологии горных птиц и против этого в лаборатории никто не возражал. Не могли сойтись только на том – где этим заниматься? Эдик Гаврилов (1933-2011) и Эвальд Родионов (1926-1992) убеждали меня: «Не морочь голову, садись стационарно на Большом Алматинском озере и работай от души». Мне же казалось, что они там за три сезона всё уже сделали и даже опубликовали. Кроме того, хотелось поработать во всех хребтах Тянь-Шаня, познакомиться со спецификой каждого, а также уловить географическую изменчивость основных показателей размножения птиц (планы генеральские!). Поэтому всю зиму мы обсуждали разные варианты, я приставал к Валентину (Эвальду) как самому знающему казахстанскую географию – где лучше начать работать. В конце концов, основываясь на личных впечатлениях, он назвал два места – Тополёвка в Джунгарском Алатау и озеро Кульсай на северных склонах Кунгей Алатау. Решили начать с последнего, более близкого. Мне так расписали красоты этого озера, что я не мог дожидаться середины июня, на которую был намечен наш с Юрой Грачёвым выезд. Для Юры, мечтавшего заняться изучением биологии любимых им куриных птиц (особенно кеклика), эта поездка была «в нагрузку». К тому же до поездки на Кульсай нам надо было отработать *обязательную* программу.

Полевые работы 1968 года начались в феврале выездом на Чокпак, где третий год разворачивал свою работу институтский стационар по отлову и кольцеванию птиц. В этот раз Эдик с Юрой Грачевым поехали в долину Или (урочище Аяккалкан) наблюдать весенний пролёт птиц, а заодно – и поискать гнёзда саксаульных воробьев. Э.Ф. Родионов уже работал в Музее природы КазГУ и никак не мог вырваться, а лаборанта Лёшу Нестерова забрали в армию, где он попутно с несением службы искал гнёзда желчной овсянки под Самаркандом (ребята шутили: «Лёшка пишет книгу «Птицы Советской Армии»).

Поэтому мы с Икаром Бородихиным работали вдвоём. Свято выполняя уговор (ему – сети, а мне – записи наблюдений в общий журнал – так называемую «разноску»), мы с ним прекрасно провели почти три месяца, к 20 мая сняли и высушили сети, а приехавший на грузовой машине Юра Грачёв увёз нас

в Алма-Ату. По дороге, лёжа в кузове, мы с Юрой, кроме его рассказов о работе в Аяккалконе, обсуждали планы, как будем работать вдвоём в Кунгей-Алатау. Но до этого оставалось ещё целых полмесяца!

В конце мая – первых числах июня на Большое Алматинское озеро приехали из Ленинграда Ирэна Анатольевна Нейфельдт (1929-2020) и Борис Владимирович Некрасов (1929-2012). Основной целью поездки было изучение биологии расписной синички (*Leptopoeile sophiae*), а результатом этого изучения явилась блестящая статья И.А. Нейфельдт, опубликованная в немецком орнитологическом журнале «Der Falke» (Neufeldt, 1970). Мы с Эдуардом и жёнами посетили их 8-9 июня. В разговоре Ирэна Анатольевна пожаловалась, что красных вьюрков они не встретили, и с присущей ей иронией заметила: «Похоже, что вы их совсем *изучили*». Пришлось нам, взяв с собой в свидетели Борю Некрасова (и на всякий случай – верёвку) потратить один день на поход в верховья Серкебулака и на Долгушинскую поляну. Здесь, в скалах, мы слышали и видели одного вьюрка, однако верёвка не понадобилась – гнезда мы не нашли. Зато Боря по пути на перевал Озёрный нашёл гнездо синей птицы намного выше известной для неё верхней границы (2700 м), и помещалось оно не на скале, а на земляном обрыве над рекой. Эта вылазка состоялась буквально за два дня до отъезда на Кульсай. И вот, наконец, настало долгожданное 11 июня 1968 года!

Рис. 237 и 238. Озеро Кульсай (нижнее) вблизи и с верховьев ущелья Кульсай. Июнь 1968 г.

Рис. 239 и 240. Зарастающие многолетние вырубki в ущелье Курмунты. Середина июня 1968 г.

Рис. 241 и 242. Нетронутый рубками лес в верховьях ущелья Кульсай. Июнь 1968 г.

Рис. 243. Субальпы и верхняя граница леса между ущельями Курменты и Кульсай. Июнь 1968.

Я так много лестного слышал о красотах Кульсай, что когда 11 июня 1968 года наш (вернее – юркиного «кума») старенький ГАЗ-69 остановился на берегу небольшой горной речки среди открытого склона, то я был немало разочарован. Озера не было видно, оно располагалось выше, и нам предстояло перенести наш скарб на себе. Хорошо, что это помогли сделать «кум» и сопровождавший его студент Володя Сулов. Только поднявшись на берег озера и поставив лагерь на ближнем, северном берегу, мы осмотрели окрестности и убедились, что панорама, расстилавшаяся к югу от нас, действительно привлекательна – повсюду в озеро спускались довольно крутые покрытые хвойным лесом склоны, местами со скалами и осыпями. Берега озера были безлюдны – даже охранник, инспектор по фамилии Сырочев, жил внизу, в ближайшем селе Курменты. Раз в день он приходил на озеро, заплывал на его середину и рыбачил с удочкой. В первый же день он угостил нас форелью, которую как раз и охранял. За несколько лет до этого в озере Кульсай была акклиматизирована форель, и теперь ихтиолог КазГУ Антонина Фёдоровна Сидорова уже несколько лет вела научный мониторинг приживаемости этих ценных вселенцев.

На первой же экскурсии по берегам озера меня поразило обилие зайцев (*Lepus tolai*), я нигде не видел их так много в горах, а в Аксу-Джабаглы вообще не встречал ни разу, хотя в списке млекопитающих он числился. Ещё больше поразили меня часто раздававшиеся песни белошапочных овсянок (*Emberiza leucosephalos*), которые оказались здесь обычными, тогда как в предгорьях других хребтов Тянь-Шаня эти сибирские птицы встречались только на пролёте и зимой. И хотя я уже слышал, что Николай Николаевич Скалон (брат профессора В.Н. Скалона) обнаружил её где-то на территории Алматинского заповедника, но их с женой публикация появилась только через два года (Скалон Н.Н., Скалон И.Н., 1970).

Однако меня интересовало высокогорье, куда надо ещё добраться – от нижней границы леса, у которой располагался наш лагерь, до верхней, которая проходила где-то между вторым и третьим озёрами (название ущелья Кульсай означало «озёрный сай»). Будучи без транспорта в этой инициативной «экспедиции», мы имели минимальные возможности для передвижения – в виде небольшой полевой ставки временного лаборанта и такой же примерно суммы на наём гужтранспорта (лошади). Желательно было обе суммы объединить, наняв человека вместе с лошастью. В селе Курменты мы нашли желающего по имени Мынказ («тысяча гусей») – старик из числа недавно эмигрировавших из Китая. По этой причине сельчане его недолюбливали (здесь всегда недоверчиво относились к людям «оттуда»). Однако выбора у нас не было, пришлось договариваться с ним (знал бы, чем это обернётся для меня – сто раз поискал бы другой вариант).

Поскольку по Кульсайскому ущелью тропа между нижним и средним озерами была малопроездимой (а местами её и вовсе не было), то в верховья Кульсай все местные поднимались по соседнему ущелью Курменты, где долгое время велись лесозаготовки и туда была проложена неплохая колёсная дорога. Этим же ущельем по привычке кочевали и чабаны на джайляу, переваливая выше леса в ущелье Кульсай. Увезти весь наш скарб на одной лошади нечего было и думать, пришлось обратиться с просьбой к чабанам, которые кочевали на джайляу из села Курменты по одноименному ущелью. Для этого нам пришлось спускаться от озера и кочевать к селу Курменты. Здесь погрузили свой скарб на лошадей чабанов, которые согласились довести нас до верхней границы леса ущелья Кульсай за две бутылки водки, и направились вверх по ущелью: Мынказ на своей молодой кобыле, а мы с Юрой – пешком.

Дорога оказалась затяжной, и только к вечеру мы достигли субальпийских лугов, причём последние километры подъёма были очень крутыми и утомили как лошадей, так и нас. Но до цели нашего путешествия оставалось еще километров десять. Решив здесь заночевать, чабаны разгрузили лошадей и потребовали расчёт. Здравомысленно решив, что вторую бутылку лучше отдать в конце пути, я выдал им только одну, чему они откровенно возмутились, так как «душа горела» именно сегодня.

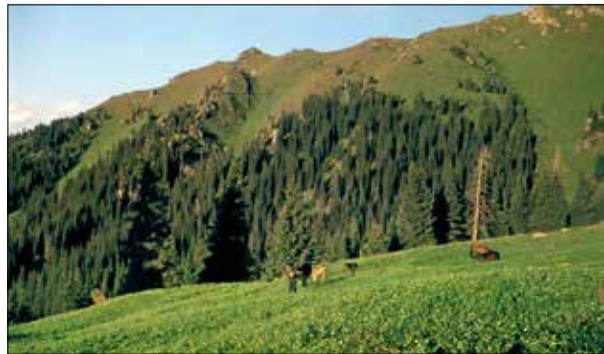
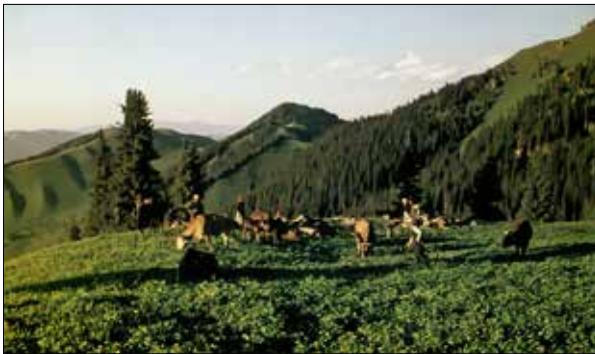

Рис. 244 и 245. Ночёвка с чабанами в пути: накануне вечером и на следующее утро (чабаны ушли).

В результате утром, чуть свет, они снялись и ушли, оставив нас с нашим скарбом. Такого я никак не ожидал: в Южном Казахстане, где я работал до этого, чабаны никогда бы не оставили людей в горах! Пришлось послать Мынказа к ближайшей юрте за помощью. С грехом пополам за день мы несколькими рейсами перевезли на двух лошадях своё лагерное имущество к месту, где тропа пересекала небольшую речку, питающую среднее озеро. Здесь, на крохотной полянке среди елового леса, всего в 200-300 м от его верхней границы мы и разбили свой небольшой лагерь: две маленьких палатки и кухня в виде очага среди крупных камней (рис. 247).

Первая же экскурсия вниз, к среднему озеру, принесла интересную находку – гнездо синей птицы на небольшой скалке у крохотного ручья. Правда, гнездо оказалось пустым, но это как раз тот случай, когда гнездо важнее, чем встреча самой птицы, так как оно бесспорно означало гнездование её здесь, почти в 200 км восточнее известной границы! А на второй день удалось найти и гнездо расписной синицы (*Leptopoeile sophiae*), которое я видел впервые в жизни. И хотя птенцы его уже покинули (видимо, сегодня, так как весь выводок держался в том же роскошном кусте арчи), но я был на седьмом небе от счастья, что вижу всё это своими глазами! Тусклых зарничек (*Phylloscopus humei*), или юмок, как называли эту птицу алматинцы, здесь было неисчислимое множество на лесных полянах и опушках, а в самом русле, с сырыми обомшелыми камнями, нередко были и зелёные пеночки (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) а также крапивники (*Troglodytes troglodytes tianschanicus*), распевавшие во весь голос. В общем хоре лесных птиц часто слышны были песни черногорлых завирушек (*Prunella atrogularis*), джунгарских гаичек (*Parus songarus*) и седоголовых горихвосток (*Phoenicurus coeruleocephalus*) – птиц, не гнездившихся в Аксу-Джабаглы и поэтому для меня особенно интересных.

Одним словом, перспективы целого месяца работы здесь были радужными. Угнетало лишь одно – погода. Дождь шёл ежедневно (позже я подсчитал, что за три недели было всего 4 дня без дождя) и всё вокруг было пропитано влагой. Тем не менее, мы с Юрой выбрали один день для похода на основной

гребень хребта Кунгей Алатау. Поднялись на него только к вечеру, причём по пути пару раз приходилось прятаться от дождя под ёлками. Зато полчаса полюбовались панорамой восточной части Иссык-Куля с его Тюпским заливом. И весь обратный путь снова проделали под дождём...

Рис. 246 и 247. Наш лагерь выше среднего Кульсайского озера и его окрестности. Июнь 1968 г.

Рис. 248 и 249. Ущелье Кульсай, среднее озеро, июнь 1968 г.

После прошлогодней эпопеи с гнездом красного вьюрка мне не давали покоя скалы, где могла быть эта птица. Такие скалы были над стойбищем чабана, у которого мы брали вторую лошадь для «допеезда» к месту лагеря. Юрта его стояла на субальпийском лугу недалеко от этих скал, примерно в 10 км от нашего лагеря. И я решил съездить туда с ночёвкой. Когда я стал седлать кобылу нашего Мынказа, она так плясала, что её едва сдерживали хозяин с Юрой. «Ох, убьёт она тебя» – засомневался Юра. Но я, привыкший к седлу за 7 лет работы в заповеднике, только ухмыльнулся: «Ещё посмотрим, кто кого», хотя видел по спине лошади, что она ещё практически не знала седла – значит, молодая, необъезженная.

Приторочив курджун и спальный мешок, я постелил сверху, как обычно, ватную телогрейку, вскочил на лошадь, и она тут же понеслась. Пришлось развернуть её вверх по крутому склону, и через несколько минут бока её покрылись мыльной пеной, она стала задыхаться и умерила свою прыть. Такие маневры пришлось повторять несколько раз за дорогу. К юрте мы уже прибыли шагом, и я думал, что лошадь поняла бесполезность своих «выступлений». Хозяин юрты стреножил кобылу и пустил её пастись, а я, выпив чаю, пошёл к долгожданым скалам. В одном месте мне послышался голос красного вьюрка (когда очень хочется, то всё можно услышать!) и я даже принял было за него вылетевшую из-за скалы альпийскую завирушку, которая планировала в токовом полёте, расставив крылья. Остальные птицы были обычными жителями нижней границы альпийского пояса, но это меня не расстраивало: записанные в виде учётных данных за каждые полчаса, они давали представление о населении птиц данного высотного пояса – а это тоже важный научный материал.

Рис. 250 и 251. Последние ёлки среди арчи («арчель») и приютившая меня юрта. Июль 1968.

Рис. 252. Скалы с осыпью над юртой, на высоте чуть ниже 3000 м. Июль 1968 г.

Рис. 253. Вид к северу – на долину Чилика и южные склоны Заилийского Алатау. Июль 1968 г.

Рис. 254. Субальпийские луга и степи. Кульсай, начало июля 1968.

Рис. 255. Цветущая сверхколочная *Caragana jubata* – бич лугов и лесных опушек, июль 1958.

Вечером хозяева юрты угостили меня деликатесом – супом из сушено-вяленых бараньих кишок. Возможно, от этой непривычной еды, а больше – из-за того, что собаки несколько раз тявкали, почуяв волка, и хозяин переставал шушукаться с женой, выходил и стрелял в воздух, ночь оказалась беспокойной.

После небольшой утренней экскурсии я решил ехать в лагерь. Кобылу опять седлали с трудом – вела себя она так, как ведут кони, которым перед продажей цыган насильно влил в рот бутылку водки. С первых же шагов она порывалась перейти на галоп, и мне снова не раз приходилось применять всё тот же приём – разворачивать её на крутой подъём вверх, пока хлопья пены не начинали слетать с её раскрытой пасти. Через несколько километров удалось её уговорить, и на крутом спуске я её пожалел. Зная, как трудно приходится лошади в таких местах переминаясь с ноги на ногу, пока всадник съезжает ей почти на голову, я решил на этом крутом участке повести её в поводу. Закинул ружье на плечо и повёл, оставив ватник расстеленным на седле.

Рис. 256 – 259. Скалы на разных высотах (1800-2900 м) и жизнь на них, июнь-июль 1968 г.

Однако уже через сотню шагов я услышал шум и одновременно удар в спину, уздечка выскользнула у меня из рук (я всегда предусмотрительно держал её слабо после того, как одному наблюдателю у меня на глазах лошадь сломала палец, на который он намотал конец уздечки), а я покатился по склону вниз. Когда вращение прекратилось, я увидел убегающую галопом кобылу, у которой курджун и ватник развевались по бокам, как крылья. Потом я обратил внимание на то, что моя левая нога как-то неестественно сложена вдвое – носком под колено! И только попытавшись поставить ее на место, я почувствовал пронзительную боль. Обе кости голени – большая и малая берцовые – были сломаны в нижней трети...

Ещё хорошо, что перелом был закрытый. Чтобы отломанная часть не вращалась вправо-влево, вызывая нестерпимую боль, я обложил её с двух сторон крупными комками земли, благо после ежедневных дождей они были не редкость по краям тропы. Ещё не вполне отдавая себе отчёт о происшедшем, я закурил и стал себя успокаивать, что лошадь прибежит в лагерь, Юра всё поймет и выедет (нет, выедет) мне навстречу. А, кроме того, у меня есть ружье, которым я могу дать сигнал, хотя до лагеря далековато и звуку будет мешать вон тот косогор, на который поднимается моя тропа метрах в 300 впереди.

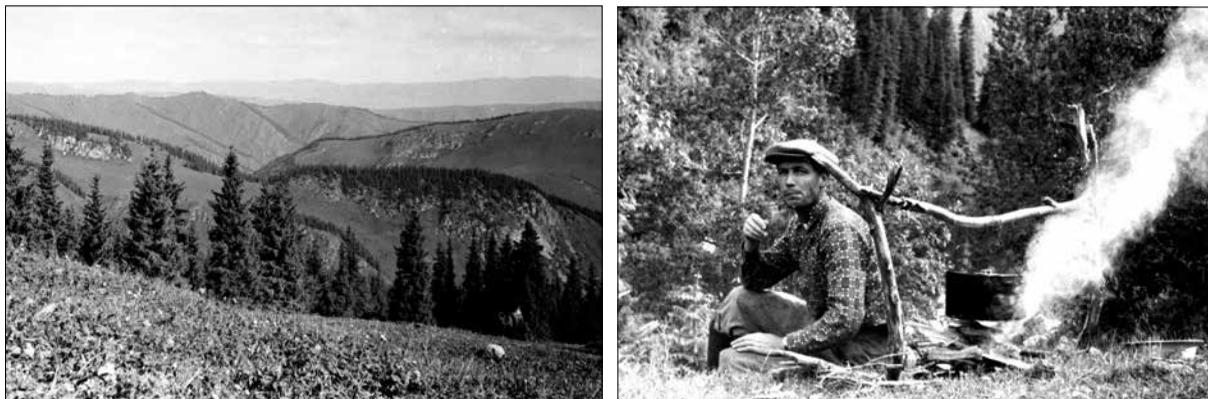

Рис. 260. То самое несчастливое место, вид с тропы. Рис. 261. Мой спаситель Юра Грачёв (1936-2020).

На всякий случай выстрелил дуплетом вверх и стал ждать. Но когда через час ничего не изменилось, я понял, что шанс услышать выстрел из того косогора у Юры намного выше. Хочешь не хочешь, а придётся ползти. О том, чтобы перевернуться на живот, и думать было нечего – я мог двигаться только на спине назад, растягивая место перелома. Так и пришлось делать: упираясь в землю обеими руками, в одной из которых было ружьё (его я бы ни за что не бросил!), я попробовал подтянуть непослушное тело. Удалось раз, потом второй – и потихоньку пошло! Но очень уж потихоньку: эти несчастные 300 метров я одолел часа за три! А была уже вторая половина дня и погода, как и во все дни до этого, начинала портиться.

К сожалению, дуплет с достигнутого с таким трудом косогора имел те же последствия (вернее – никаких), а из почерневшего неба вот-вот мог хлынуть дождь. Необходимо было искать укрытие, а ближайшие ёлки были ниже меня метрах в 100 (рис. 260). Но ползти напрямую по столь крутому склону вниз головой нечего было и думать, поэтому пришлось брать наискосок, что удлиняло путь. Вскоре дождь всё-таки пошел, и до крайней ёлки я добрался уже весь мокрый. Хорошо, что она была достаточно мощная и с раскидистой кроной, непробиваемой дождем! Однако любой дождь на высоте 2700 м всегда понижает температуру, и я почувствовал озноб. Попытка согреться, разведя хоть небольшой костёр, едва не стоила мне жизни: вспыхнула не только собранная мной хвоя, но и сам смолистый ствол дерева! Понимая, что ещё пару минут и я не смогу загасить этот «костёр», а тем более – быстренько выбраться из огня – я тут же стал гасить едва начавший разгораться огонь. Удалось это не полностью – часть его ушла вглубь толстой подстилки из многолетнего опада хвои, и оттуда ещё долго сочился дым, вызывая кашель.

Ночь прошла в полубредовом состоянии, и в минуты просветления у меня в ушах всё время звучала недавно услышанная песенка: «Города, в которых я не побывал; девушки, с которыми я не танцевал». И мысли: даже если и выживу, то ходить вряд ли смогу; какие уж там новые города, какие танцы... Здесь, под елью, меня никто никогда не найдет, а до лагеря я сам не доберусь. Какие ещё варианты?

Поэтому, как только забрезжил рассвет, я покинул своё ставшее таким уютным убежище и тем же путём стал возвращаться на тропу, где был хоть какой-то шанс кого-нибудь встретить, и которая хотя бы теоретически вела к нашему лагерю. Всего через 100 метров «передвижения» по тропе я наткнулся на свой спальный мешок! Эту драгоценность (сколько ещё ночей мне предстоит здесь?) нельзя было бросать, и она заняла вторую руку. Очень хотелось пить и совершенно бесценной оказалась манжетка (*Alchemilla* sp.), круглые гофрированные листочки которой содержали несколько капель дождевой воды! Так и продвигался, слизывая капли с листьев манжетки и отдыхая через каждые 10-15 «шагов».

Появилась надежда, что так можно и до лагеря... Когда из приподнимающегося над травой тумана послышались голоса, я подумал, что начинаются галлюцинации. Но голоса приближались и уходили куда-то вправо – это ехали два всадника по параллельному участку тропы, чуть выше меня. Страх, что они минуют меня, не заметив в тумане, заставил меня крикнуть. Они остановились, заметили и один из них с акцентом спросил: «Ти пьяний, што ли?». Тогда я уже более громко сказал: «Менеке аяк ульген» (ничего другого не мог вспомнить) и для убедительности обеими руками поднял вверх ногу, которая сразу же сложилась вдвое. Они тут же подъехали и по-деловому, быстро вырезали ветки и сделали мне что-то вроде шины, которую примотали с двух сторон к поломанной ноге обрывками моей рубашки – тем, что от неё осталось.

Оказалось, что это ветеринары, ездившие вверх проверять отары. Рассказав им, кто я, и что здесь недалеко с моим сотрудником находится Мынказ из Курменты, я попросил их вернуться и привести их сюда. Они выполнили просьбу, предварительно запихнув меня в спальный мешок. Успокоившись и согревшись, я тут же уснул. Проснулся от встревоженного голоса Юры. Привезли меня в лагерь, уложили в палатку, накормили – и Юра ушёл пешком в село Курменты, чтобы оттуда по телефону вызвать вертолёт. Слабая надежда на это была, поскольку тесть Юры работал управделами Совета Министров Казахстана. Однако и такие высокие должности не всемогущи. Сначала Юре пообещали, что вертолёт будет, и он ждал несколько часов окончательного решения вопроса, но вернулся в лагерь поздно вечером с плохими вестями: вертолёта не будет, поскольку погода нелётная, и их не выпускают. Ему обещали, что завтра утром в Курменты приедет машина скорой помощи, а его задача – любым способом доставить меня к этой машине. Перспектива спускаться 20 км по горам, пусть даже верхом (Юра приехал из села на лошади), была не из приятных, но другого выхода не было.

Рис. 262. За день до аварии – никаких предчувствий...

Рис. 263. Аппарат Илизарова в действии. Декабрь 1968 г

Рано утром, позавтракав, мы с Юрой отправились в путь: я – на лошади, которую он вёл под уздцы. К моему поясу была прикреплена фляжка с холодной водой, которую я за дорогу успел несколько раз осушить. И когда через три-четыре часа внизу показалась автомобильная дорога со стоящей на ней машиной, от неё отделились две фигуры (это были наши териологи Александр Кириллович Федосенко и Юрий Серафимович Лобачев) и пошли нам навстречу. До меня донесся

их разговор: «А говорили, что у него перелом. Разве с переломом поедешь на лошади?». И в ответ: «А ты посмотри – у него на поясе фляжка со спиртом, это его анестезия» ... Даже тогда это показалось смешным.

Переночевали в больнице села Саты, где врач областной скорой помощи настойчиво предлагал мне остаться, но я настоял, чтобы меня везли в город. Причина его настойчивости стала ясна на второй день, когда мы подъезжали к Чарыну. Один из наших сотрудников спросил меня, как я себя чувствую и могу ли потерпеть лишние час-полтора. И тут же пояснил, что этого врача удалось уговорить ехать за 300 км, только пообещав ему рыбалку в Чарыне... Пришлось терпеть (у меня как раз прутья наложенной вчера шины стали врезаться в уже сильно отёкшую ногу), а Саша Федосенко и Юра Лобачёв отвлекали меня анекдотами...

За два года лечения (4 операции) при помощи недавно вошедшего в медицинскую практику аппарата Илизарова (прославившего себя тем, что вернул в спорт даже чемпиона мира по прыжкам в высоту Валерия Брумеля!) меня поставил на ноги прекрасный молодой хирург, мой ровесник **Вадим Рейнгольдович Комник**, которого я никогда не забуду...

Больше я в Кульсае не был. И лишь двадцать лет спустя, 8 июля 1990 г., пролетая над Таучиликом на вертолёте МИ-8 по пути в Джунгарский Алатау, я сделал несколько снимков (рис. 264 – 268) ...

Рис. 264 и 265. Безлесные хребты Таучилика и скала с колонией кумаёв. С вертолёта 19 июля 1989 г.

Рис. 266-268. Озеро Нижний Кульсай, снятое с вертолѐта в разных ракурсах. 19 июля 1989 г.

Вместо эпилога

Спустя 40 лет после нашей поездки постановлением Правительства РК № 88 от 7 февраля 2007 года в этом ущелье создан государственный национальный природный парк «Кульсайские озѐра» («Кульсай кольдері») площадью 1 619 км², и сейчас моя дочь Ирина вот уже несколько лет занимается проектом по оборудованию экологических троп и экологическому образованию в этом парке. Но это уже совсем другая история, со своими проблемами и героями. И я надеюсь, что когда-нибудь Ира напишет об этом.

Рис. 269. На нижнем озере в Кульсайском национальном парке. Лето 2019 г. Фото Ирины Ковшарь

Рис. 270. ГНПП «Кольсай кольдері», место парковки перед спуском к озеру. 2019 г. Фото Ирины Ковшарь

7 апреля 2023 г. – 27 февраля 2024 г.

9. Бартогайское водохранилище на месте бартогайского тугая (р. Чилик)

Рис. 271. Общий вид Бартогайского вдхр. и гор Турайгыр. Лагерь бёрдвотчеров, май 2007 г.

Рис. 272. Вечернее составление списка птиц, встреченных за день. Бартогай, 14 мая 2004 г.

Этому новому элементу ландшафта нет ещё и 40 лет. Вот его дословное описание в Казахской Национальной энциклопедии: «**Бартогайское водохранилище** расположено в Енбекши-казахском районе Алматинской области, в 10 км от а. Асысага. Протяжённость с С. на Ю. 6 км, ширина 3 км, средняя глубина 25 м. Площадь 13 км², объём воды 320 млн. м³ (используемый объём 250 млн. м³). Полностью сдано в эксплуатацию в 1986. Орошает 150 тыс. га земли у подножья Иле-Алатау. Средний годовой объём воды, поступающей в Б. в., составляет 1 млрд. м³. Из Б. в. берёт начало канал Улькен Алматы. В Б. в. обитают сазан, карась, карп, форель» (КНЭ, том 1, 2004, с. 367). Если из этого описания убрать форель, которой в этом водохранилище наверняка нет (есть голый осман) и добавить, что водохранилище создано на реке Чилик в её горной части (Таучилик) – от выхода её из каньона, пропиленного в западной части гор Турайгыр, на западную окраину Сюгатинской долины и входа в узкий каньон Сюгатинских гор (где и сооружена плотина водохранилища) – тогда станет более ясной картина этого водоёма, зеркало которого расположено на крайнем западе Сюгатинской долины.

До 70-х гг., когда начались подготовительные работы по созданию водохранилища, Бартогайское урочище, как называлась эта часть долины Чилика, было занято великолепным тугайным лесом из тополей, ив, лоха, барбариса и облепихи. Расположенное в живописном месте, урочище это издавна славилось среди охотников как одно из лучших охотничьих угодий. Об этом много писал в своих рассказах народный писатель Казахстана Максим Дмитриевич Зверев (1896-1996), часто приезжавший сюда к своему другу егерю Мартыну Павловичу Петренко – одному из лучших персонажей его литературного творчества. Нередко вместе с ним приезжал молодой зоолог, будущий академик Евгений Васильевич Гвоздев (1918-2012). Бывал здесь и основоположник казахстанской орнитологической школы Игорь Александрович Долгушин (1908-1966); здесь впервые для Заилийского Алатау они наблюдали тягу вальдшнепа и высказали предположение о его гнездовании, что позднее подтвердили находки гнёзд в центральной части хребта.

А с 21 по 29 июня 1955 г. в урочище Бартагой Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986) среди встреченных здесь птиц 48 видов, помимо вальдшнепов, видела голубей-клинтухов (здесь обитала микропопуляция горного подвида *Columba oenas yarkandensis* – единственная во всём Северном Тянь-Шане) и даже двух дроф-дудаков (*Otis tarda*); в тугае были обычны совы-сплюшки, иволги, черноголовые ремезы (Кузьмина, 2009). После поглощения бартагойского тугая водами водохранилища всё это исчезло. В том числе и популяция клинтуха, насчитывавшая всего около десятка пар (Долгушин, 1962; Ковшарь, 2019).

Взамен появились водные и околоводные птицы. Когда водохранилище полностью наполнилось, на нём стали останавливаться пролётные утки и кулики, а со временем некоторые из них стали гнездиться.

Рис. 273-274. Полевой лагерь фирмы Хан-Тенгри в разные годы (май 2005-2007).

Рис. 275-276. Снятие лагеря, на заднем плане – хребет Турайгыр. Наблюдение птиц на фоне гор Сюгаты.

Уже в первые годы XXI столетия Бартогайское вдхр. стали посещать орнитологические туристы. Место это оказалось удобным для постановки лагеря, из которого, помимо пеших экскурсий вблизи водохранилища можно совершать однодневные выезды в горы Богуты и разные участки Чарынского каньона. На самом водохранилище и его берегах всё чаще стали встречать различных уток, причём помимо обычных пролётных чирков и крякв – таких интересных как большой крохаль (*Mergus merganser*): 1 августа 2002 г. – 10 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003), в мае 2003 г. – одиночку. Здесь же 16 мая и 14 июня 2004 г. встречен одиночный горный гусь (*Eulabeia indica*) – редчайшая птица, эта встреча всего третья для Казахстана (Ковшарь, 2005аб). Но появившись на водохранилище, эти водные птицы не заменили горный тугай с его обитателями: никогда уже не будет здесь голубя клинтуха яркандского подвида, исчезнувшего вместе с тугайным лесом... Даже хороших фотографий этого леса не сохранилось – только словесные описания в рассказах М.Д. Зверева.

Надо сказать, что здесь не всегда так красиво и приятно, как на приведенных выше фотографиях, которые сделаны в ясные солнечные дни. В дождливую или ветренную погоду бывает очень неудобно. Так, вечером 1 августа 2002 года, возвращаясь из трёхнедельной экспедиции по Джунгарскому Алатау, мы с зоологами из Киргизии и Германии разбили лагерь на восточном берегу Бартогайского водохранилища. На следующее утро, вначале ясное и свежее, поднявшийся вдруг из ущелья сильный ветер понёс мелкую пыль – настоящая «пыльная буря» (рис. 277). Вода в реке Чилик и водохранилище стала очень грязной, как желто-коричневая взвесь, буря нарастала, и нам пришлось в спешном порядке сворачивать палатки...

Второй раз, ясным утром 17 мая 2006 года мы, оставив лагерь на попечение дежурных, уехали на весь день в верховья Чарына смотреть колонию кумаев, а вернувшись, застали такую картину (рис. 278).

Рис. 277. Начало пыльной бури на Бартогайском вдхр. 2 августа 2002 г. (лагерь экспедиции).

Рис. 278. Лагерь бёрдвотчеров, разрушенный сильным ветром на Бартагое 17 мая 2006 г.

Сильный ветер, ворвавшийся в долину среди дня, разметал все палатки и их конструкции. Поскольку был уже вечер и до темноты восстановить лагерь не было никакой возможности, пришлось нам в срочном порядке грузить остатки лагеря в автобус и спускаться с гор в уйгурское село Байсеит, куда добрались уже в темноте и где нас приютили в недостроенном доме знакомые хозяев нашей фирмы, принимавших этот тур. На этот раз обошлось, как говорится, «малой кровью» ...

*****

А каким всё-таки был этот бартагойский тугай, как выглядел этот лес? Неужели никаких фотографий не сохранилось? Эти вопросы не давали мне покоя, как и запоздалое сожаление о том, что не расспросил обо всём этом Максима Дмитриевича Зверева, с которым в 70-90-х гг. тесно сотрудничал, нередко бывая у него дома, хорошо зная его детей и внуков. Но уже более четверти века нет с нами Максима Дмитриевича, а его улица Грушова давно носит его имя; даже сына его Володи, моего ровесника, нет уже почти 20 лет... Но есть ведь дочь Татьяна Максимовна, есть внуки и среди них – Наташа (Наталья Владимировна), наиболее активная. Решил позвонить по домашнему телефону, на улицу Максима Зверева, 50. Трубку взяла мама Наташи – Галина Павловна Зверева, которая сразу же узнала мой голос, и разговор у нас получился непринужденный, как будто и не было этих нескольких лет ковидной изоляции... Обе заинтересовались моим вопросом и начали поиски фотографий в семейных альбомах. Целую неделю длились эти настоящие исследования, при этом, кроме альбома, была найдена курсовая работа Володи – Владимира Максимовича – для написания которой он в 1963 году проходил практику в Бартагое. Вот дословно из его введения: «Под руководством доктора биологических наук профессора Скалон В.Н. и кандидата биологических наук, доцента КазГУ Мазунина Н.А. с 15 июля по 15 октября 1963 года я проходил учебно-производственную практику в Бартагойском специализированном охотхозяйстве Совета Министров Казахской ССР, работал там в качестве егеря-практиканта. Бартагойское охотхозяйство находится в Чиликском районе Алма-Атинской области на высоте около тысячи метров над уровнем моря и занимает площадь в 560 га (фото 1)» (см. рис. 279). И вот, наконец, результат этих поисков. За нахождение этих бесценных снимков благодарю Галину Павловну и Наталью Владимировну Зверевых. Ниже приведены фотографии из семейного архива Г.П. и Н.В. Зверевых.

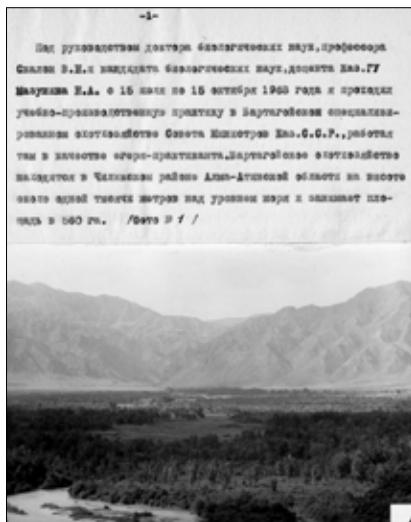

Рис. 279. Первая страница курсовой работы В.М. Зверева с фотографией Бартагоя 1963 г., сделанной В.М. Зверевым
Рис. 280. Общий вид Бартагойских тугаёв в июле 1963 г. В окопчике-скрадке – практикант В.М. Зверев, автор снимка

Рис. 281-283. Максим Дмитриевич Зверев в бартагойских джунглях, 50-е гг. В центре они с егерем М.П. Петренко

Рис. 284 и 285. Общий вид Бартагойского охотхозяйства и реки Чилик до затопления, 1963 г. Фото В.М. Зверева

Так вот, оказывается, как выглядел этот сказочный бартагойский лес – настоящее чудо среди совсем безлесной Сюгатинской долины! Не зря столько проникновенных художественных строк посвятил его описанию Максим Дмитриевич Зверев. И хотя нужды экономики страны всегда будут на первом месте для её руководства, и тот же Большой Алматинский канал (БАК) тоже внёс неоспоримую лепту в экономику, глядя на этот чёрно-белый снимок далеко не лучшего качества, так и хочется сказать: насколько же он ближе душе человека, чем безукоризненно красивый и яркий цветной снимок водной глади среди безлесной долины и таких же безлесных горных склонов....

2 мая 2023 г.

**10. Сюгатинская долина и окружающие её горы
(Сюгаты, Богуты, Турайгыр)**

Рис. 286. Сюгатинская долина и горы Турайгыр по её южному краю. 28 мая 1999 г.

Рис. 287. Горы Богуты по северному краю Сюгатинской долины. Кокпекское ущелье. 27 мая 1999 г.

Сюгатинская (Согетинская) долина находится на крайнем востоке Северного Тянь-Шаня, между горами Сюгаты, Богуты и Турайгыр. Ограничена долинами рек: с запада Чилик (теперь Бартогайское вдхр), с востока Чарын. Длина 50-60 км, ширина 20-25 км, абс. высота 1100-1400 м, при этом долина вогнута с севера на юг, от гор Сюгаты и Богуты к подножью Турайгыра. На полупустынных бурых почвах здесь развита каменистая полынно-солянковая пустыня и полупустыня. Южные предгорья сухих гор Сюгаты и Богуты также заняты пустынной полынной растительностью. Восточная часть долины, постепенно расширяясь, упирается на востоке в Чарынский каньон и здесь, в средней части долины, её равнинный характер нарушается небольшим мелкосопочником.

Рис. 288. Характер растительности долины. **Рис. 289.** Восточная часть долины, виден мелкосопочник.

Рис. 290 и 291. Восточный край долины. Биотоп чернобрюхого рябка и его гнездо. Апрель 1989 г.

Рис.292. Пёстрые глины гор Богуты. Май 1988 г. **Рис.293.** После селя у подножий Богутов. Апрель 1997.

Рис. 294. Май 2001 г. в Кокпекском ущ. **Рис. 295.** Поиски соловья-белошейки. Кокпекское ущ. 21.05.2005.

С юга Сюгатинская долина ограничена хребтом Турайыр – восточным отрогом Заилийского Алатау. Это невысокий (до 2200 м) ксерофитный хребет, северные склоны крутые, с округленными очертаниями. Обнажения горных пород есть только близ вершин и по западным склонам ущелий. Растительные пояса (в т.ч. и лесной) слабо выражены, фрагментарны. Восточная часть этих гор, сильно пониженная в районе Чарынского каньона, носит степной характер. Северные подножья Турайгыра, переходящие в Сюгатинскую долину, покрыты полынно-ковыльной и полынно-типчаковой степью, а по сухим ложкам и руслам ручьёв – пустынная растительность: боялыч, терескен, карагана.

С севера Сюгатинская долина отделена от Илийской долины сухими низкогорьями Сюгаты и Богуты. Сюгаты, или Согеты (достигающие всего 1858 м) – невысокие, сухие и скалистые горки между р. Чилик и каньоном р. Чарын, считаются восточными отрогами Заилийского Алатау. Сложены каменноугольными, пермскими отложениями. Ландшафт пустынно-полупустынный, редкие кустарники встречаются лишь на дне ущелий. Богуты (Большие и Малые) – невысокие скалистые горки восточнее гор Сюгаты, продолжение северного обрамления Сюгатинской долины; они немного не доходят до Чарына. Пространство от восточных подножий Богуты до поймы Чарына занято гамадой, полого спускающейся к выположенному каньону. Покрытый пустынным загаром мелкий щебень с очень редкими куртинками тасбиюргуна (*Nanophyton erinaceum*) поражает своей безжизненностью, но именно здесь можно встретить замечательных пустынных птиц – саджу и чернобрюхого рябка. А в понижениях, переходящих по мере приближения к Чарыну в глубокие овраги, наряду с терескеном, боялычём и караганой появляется саксаул. Северные подножья Богуты и Сюгаты, полого спускающиеся в долину реки Или (вернее, к старому руслу Сары-Чаган), представляют собой глинистую пустыню с белой полынью, местами лишённую всякой растительности, с широкой полосой такыров (рис. 293), иногда протяжённостью до 12 км.

В первой половине XX ст. в пустынной Сюгатинской долине обитало много джейранов – настолько, что в годы Великой Отечественной войны здесь проводились их заготовки для фронта. Так, в диссертации «Влияние охоты на охотничье-промысловую фауну Казахстана», изданной отдельной книгой (Смирнов, 1965), читаем: «Был разрешён отстрел 7 тысяч джейранов (фактически отстреляно 11 тысяч) в Сюгатинской долине. Проводился отстрел горного козла, маралов и архаров пограничными частями» (Смирнов, 1965, с. 158). Там же говорится, что охота во время войны и в первые послевоенные годы велась в небольших масштабах, что не снижало численности животных. Но когда после окончания войны было привезено много охотничьих ружей иностранных марок, а отечественные оружейные заводы также переключились на выпуск охотничьих ружей, которые вместе с малокалиберными винтовками стали продаваться без ограничений (параллельно с 1948 г. стали продавать в личное пользование легковые автомобили), число диких копытных стало таять на глазах, тем более, что до 1952 г. охрана охотничьего фонда в Казахстане находилась на низком уровне.

В итоге уже в первом выпуске Красной книги Казахстана в очерке о джейране (*Gazella subgutturosa*) значится: «В Сюгатинской и Джаланашской долинах полностью истреблён» (Красная книга КазССР, 1978, с. 73). После того, как Сюгатинскую долину пересекли две автостреды, идущие из Алматы на Нарынкол и

на Джаркент, никто в ней джейрана не встречал. И только из долины Или они заходят в северные предгорья Богutow, что наблюдал Давид Бланк в апреле-ноябре 1984 и в мае-июне 1987 гг. (Бланк, 1990, с. 58). За большое число посещений долины в 1981-2008 г. я только раз – 20 апреля 1989 г. – встретил двух самцов на самой восточной её окраине – у Чарынского каньона (куда легко проникнуть по гамаде из долины Или).

Сейчас самый многочисленный зверёк в Сюгатинской долине – большая песчанка (*Rhombomys opimus*) – колониальный грызун, норами которого изрыта большая часть территории долины, что особенно хорошо видно с вертолёта (см. рис. 296). Поскольку на этих колониях всегда большое количество блох, которые заражены возбудителями различных зоонозных инфекций – от туляремии до чумы, лучше такие колонии обходить стороной, чтобы избежать контакта с этими переносчиками болезней.

В свою очередь песчанка является хорошей кормовой базой для пернатых хищников, которых здесь, в окружающих долину горах, немало. И среди них – сокол-балобан (*Falco cherrug*), одна из лучших ловчих птиц, так высоко ценимая на арабском Востоке, что послужило ей плохую службу. Сокол этот занесен в Красную книгу Казахстана с самого первого издания (1978 год) и с этого же времени наши орнитологи уделяли ему особое внимание. Сотрудник лаборатории охраны диких животных Института зоологии Ральф Пфеффер в 80-х гг. специально изучал этого сокола в пустынных горах Казахстана. По его наблюдениям (Пфеффер, 1986, 1990), в горах Турайгыр в 1983-1988 гг. ежегодно гнездились от 3 до 6 пар балобанов. После объявления в Казахстане суверенитета и открытия границ на его территорию устремились не только туристы, но и арабские эмиссары по отлову балобана, за которого они платили местным ловцам (особенно находившим гнёзда соколов) большие по тем временам деньги, а пресса, публикуя заведомо завышенные цены, только подогревала ажиотаж. И за последнее десятилетие XX ст. балобан здесь почти исчез.

В низкогорьях Северного Тянь-Шаня и Чу-Илийских гор регулярные учёты численности гнездящихся здесь балобанов проводил А.С. Левин (1999, 2001, 2008, 2009, 2012). Эти публикации содержат много информации, приведу лишь главное. Из 30 известных до 1993 г. гнезд балобана в горах Кендыктас, Анархай, Серектас, Малай-Сары, Богуты и Турайгыр к 2005 г. осталось только 5 (Левин, 2009). В 2009 г. эти горные массивы были повторно обследованы и из 28 постоянно контролируемых гнёзд, жилыми оказались лишь 2 (7.1%), причём во всей Сюгатинской долине удалось найти 4 жилых гнёзда и один занятый гнездовой участок в районе, который ранее не посещался (Левин и др., 2010). В целом численность балобана сократилась на 92.8% при размерах всей популяции не более 50 пар (Левин, 2009; Левин и др., 2010). В 2005 году плотность на гнездовании в Чу-Илийских горах, Сюгатах, Богутах и Турайгыре достигла критически низкого уровня – всего 0.3 пары/100 км² (Левин, 2009). При помощи мечения микрочипами установлено, что 10% молодняка и 20% самок от гнёзд из этого региона оказались на соколиных рынках Ближнего Востока (Левин, 1999). За 30 лет, минувших после этого «избиения», популяция балобана в районе Сюгаты – Богуты – Турайгыр так и не восстановилась: десятки бёрдвотчеров, приезжающих сюда в надежде посмотреть на эту птицу, уезжают, так её и не увидев. Известны лишь единичные встречи раз в несколько лет...

Рис. 296. Оголённые бугры – колонии песчанок. Рис. 297. Вечером у восточного конца Турайгыра.

Рис. 298. Пара журавлей-красавок в Сюгатинке. **Рис. 299.** Колония розовых скворцов, Турайгыр. Май.

Рис. 300. Гости «Хан-Тенгри» у северных подножий Богуты, близ с. Бурандысу. 28 мая 1999 г.

Рис. 301. Группа «Sunbird» (Англия) со Steve Rook (в центре) и три поколения казахстанских гидов. 18 мая 2005 г.

Тем не менее зарубежные орнитологические туристы с интересом посещают Сюгатинскую долину и сухие горы Сюгаты и Богуты, поскольку здесь можно увидеть журавлей-красавок, розовых скворцов (рис. 298 и 299), садж, чернобрюхих рябков, степных пустельг, краснокрылых чечевичников, монгольских вьюрков (*Bucanetes mongolicus*), скальных овсянок (*Emberiza buchanani*), а также недавно появившихся здесь овсянку Стюарта (*Emberiza stewarti*), певчую славку (*Sylvia hortensis*), соловья-белошейку (*Irania gutturalis*).

30 мая 2023 г. – 27 февраля 2024 г.

11. Река Чарын и её каньоны

Рис. 302. Вид на реку Чарын с вершины Долины Замков Красного каньона. 27 мая 1999 г.

Рис. 303. Старый мост через Чарын по Нарынкольской (Кегеньской) дороге. Май 2002 г.

Чарын (Шарын) – река, левобережный приток р. Или. Длина 427 км. Питание снеговое, ледниковое и грунтовое. В верхнем течении, начиная от истоков на южных склонах центральной части хребта Кетмень, река течет на юго-запад и носит название Чулкудысу (Шолкудысу); в среднем течении она течёт в целом на запад и называется Кегень, а западнее посёлка того же названия, после впадения Каркары, резко сворачивает вправо, на север и принимает название Чарын (Шарын). Здесь она вначале течёт в долине с пологими травянистыми склонами, но в нижнем течении река пропилила в восточной оконечности хребта Турайгыр глубокий каньон, известный под названием Чарынский каньон. Здесь река течёт по галечниковому ложу, образуя многочисленные рукава и протоки. Островки тугая, состоящего из перевитых ломоносом ив и тополей разных видов; лоха и облепихи, образуют местами непроходимые заросли.

В нижней части, перед выходом в долину р. Или, глубина каньона снижается, а его расширенное днище занимает ясеневая роща из реликтового *Fraxinus sogdianus* с примесью туранги и тугайных зарослей (рис. 317, 318, 320, 322, 323). Деревья ясеня растут на сравнительно большом расстоянии друг от друга, подлесок отсутствует, а поляны поросли мягким травянистым покровом. Тёмная зелень ясеня резко контрастирует с серебристыми кронами деревьев лоха. С 1964 г. эта ясеневая роща охраняется как памятник природы. Она вошла в состав национального парка, созданного здесь на рубеже XX и XXI столетий.

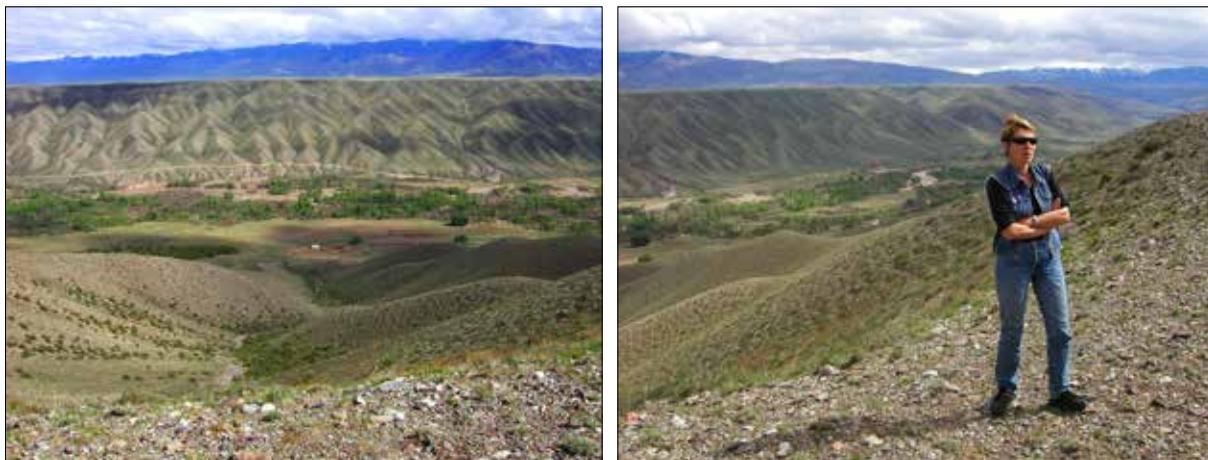

Рис. 304 и 305. Долина реки Чарын выше начала образования каньонов. 8 мая 2004 г.

При подготовке научного обоснования для создания этого парка (раздел «Фауна», февраль 1999 г.) мне удалось выяснить, что летний аспект авифауны Чарынского каньона и его ближайших окрестностей состоит из представителей по крайней мере 110 видов птиц, что составляет 28,5% от всех птиц, гнездящихся в Казахстане. Среди них немало редких, малоизученных и подлежащих особой охране. Так, скалы каньона – потенциальные места гнездования беркута, бородача, стервятника; четырёх видов соколов (балобана, шахина, обыкновенной и степной пустельги), кеклика, сизого голубя, филина, чёрного и белобрюхого стрижей; скальной, рыжепоясничной и городской ласточек; розового скворца, каменки-плешанки, пёстрого и синего каменных дроздов; скального поползня, каменного воробья. Вдоль речки и около её стариц много птиц, тяготеющих к воде и речным берегам: малый зуёк, перевозчик, зимородок; три вида трясогузок – маскированная, черноголовая и горная; обыкновенная оляпка, синяя птица.

Рис. 306 и 307. Самый верхний каньон Чарына под названием «Сартагой». 8 мая 2004 г.

Рис. 308. Самый верхний каньон Чарына в сухом боковом отщелке левобережья. 8 мая 2004 г.

Рис. 309. Жёлтый каньон. Правобережье Чарына в 10 км ниже нарынкольского моста. Май 1999 г.

В ясеновой роще гнездятся чёрный аист, коршун, голуби (вахирь и возможно клинтух), ушастая сова и сплюшка, вальдшнеп, иволга, чёрный дрозд, южный соловей, большая синица, князёк и др. А в низовьях реки, где ясеновая роща уже наполовину заменяется туранговыми рощицами с примесью других лиственных пород и обширными луговинами, гнездятся также: фазан, перепел, тювик, белокрылый дятел и др. птицы.

Рис. 310-312. Красный каньон вечером. Май 1999 г. (верхний снимок), июнь 1993 г.(нижние)

Рис. 313-314. Дорога по сухому логу, лендровер Даурена в трудном месте. Красный каньон, май 1997 г.

Рис. 315-316. В долине замков Красного каньона и река Чарын в этом месте. Май 1997 г.

Рис. 317-318. Чарынская реликтовая ясеневая роща издалека (с борта каньона) и вблизи. Май 1988 г.

Рис. 319. Вид с левого (западного) борта каньона на место, где его пересекает шоссе. Апрель 1989 г.

Рис. 320. Нижняя часть Чарынской рощи с преобладанием ксерофитных деревьев и кустарников.

Рис. 321. Шоссе «Алматы – Джаркент» пересекает каньон у верхнего края ясеневой рощи. Май 1988 г.

Рис. 322. Лагерь представителей турфирм на берегу Чарына у яseneвой роши, май 1997 г. Здесь подписаны контракты с МАЛ «Хан Тенгри» на проведение ежегодного приёма бёрдвотчеров и утверждены их маршруты.

Рис. 323. Река Чарын среди яseneвой роши в период половодья. Конец мая 1995 г.

Учитывая такое удачное сочетание красот ландшафта и богатого населения птиц, место это, начиная с 1997 года, после личного ознакомления с ним представителей иностранных турфирм (рис. 322) стали ежегодно посещать организованные группы клубов бёрдвотчеров в сопровождении казахстанских гидов.

15 апреля 2023 г. – 27 февраля 2024 г.

Центральный Тянь-Шань

Цифрами в кружочках обозначены места, которым посвящены рассказы: 12 – хребет Кетмень, 13 – Ой-Карагай (хребет Каратау), 14 – долина Чулқудысу, 15 – Каркара, 16 – озеро Тузколь (Борадобусун)

12. Загадочный Кетмень: редкие попутные встречи...

Рис. 324. Заснеженный северный склон Кетменя с узким лесным поясом. 18 апреля 1989 г.

Рис. 325. Южный склон Кетменя в верховьях реки Чулкудысу: спуск в долину. 30 июля 2002 г.

Этот небольшой (и по высоте и по протяжённости) хребет принято причислять к Центральному Тянь-Шаню как северное его окончание, однако с равным правом Кетмень можно считать и восточным окончанием Северного Тянь-Шаня, продолжающим его сразу же за Чарынским каньоном по левобережью Или на 150 км до государственной границы Казахстана⁶ и столько же – на восток по китайской территории, за 82° в.д. (тогда как Центральный Тянь-Шань с востока ограничен пиком Хан-Тенгри, лежащим на 80° в.д.). Самое краткое и точное описание этого хребта дано в Краткой географической энциклопедии: «**Кетмень** – горный хребет в Тянь-Шане. Западная часть в СССР⁷, восточная – в Китае. Дл. около 300 км, выс. до 3638 м (г. Небесная). Сложен эффузивами и известняками, местами гранитами. Вершины плоские, склоны крутые, расчленены глубокими ущельями. В нижней части склоны покрыты степной растительностью, на сев. (преим. крутых) склонах – еловые леса, черед. с лугами» (КГЭ, т. 2, 1961, с. 271). При дальнейшем использовании этого текста в упомянутых выше казахстанских энциклопедиях (1988, 2005) даны изменения названия хребта: «Кетпеньский (Кетменьский) хребет» (Энциклопедия, 1988, с. 259) и «Кетпенский хребет, Узынкара» (КНЭ, 2005, с. 215), а также уточнено название высшей точки хребта: «наиб. высота г. Аспан 3652 м (на казахст.-кит. границе)» (КНЭ, 2005, с. 215) и добавлено существенное уточнение: «Вершины не достигают снеговой линии и не имеют ледников» (Энциклопедия, 1988, с. 259; КНЭ. 2005, с. 215).

Такое слишком краткое описание хребта вызывало любопытство. И каждый раз, глядя из Илийской или Сюгатинской долин на тёмную громаду этого хребта, я испытывал желание посмотреть на всё это вблизи. Однако экспедиционные маршруты как-то пролегли мимо, чему способствовал тот факт, что в 1953 году в одном из ущелий южного склона Кетменя (Кумурчи) хорошо поработал Мстислав Николаевич Корелов (вместе с очень наблюдательным лаборантом Э.Ф. Родионовым) и результаты этой работы были опубликованы в капитальной статье «Материалы к авифауне хребта Кетмень» (Корелов, 1956), занявшей почти полсотни страниц в очередном томе научных Трудов Института зоологии, после чего птицы Кетменя долгое время среди орнитологов считались *изученными* и поездки в этот хребет не планировались.

Впервые я попал в Кетмень (всего на два дня!) 27-28 апреля 1978 года вместе с кинематографистами Славой Беляловым и Ларисой Мухамедгалиевой, которые направлялись в Нарынкол в поисках беркутчи – людей древней профессии, занимающихся дрессировкой беркутов и проведением охоты с ними. Слава, которого я знал уже не один год и который три года назад доверил мне как орнитологу своего сына Олега, на сей раз запланировал фильм о людях этой профессии, а поиски их оказались не таким простым делом.

Кроме помощи Славе в качестве консультанта фильма у меня была ещё одна причина для поездки: в одном из ущелий южного склона гор Кетмень, которые были как раз по пути следования, наши териологи видели клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) и утверждали, что они гнездятся под крышами зимовок для скота. И хотя для Монголии такие случаи были известны давно, но в хорошо знакомых мне хребтах Тянь-Шаня – Таласском и Заилийском – эти птицы гнездились только в скалах высокогорья, где добраться до их гнёзд нечего было и думать. За 5 дней, с 25 по 30 апреля, мы проделали маршрут: Алма-Ата – Нарынкол – р. Текес – р. Чулкудысу – хр. Кетмень (ущелья Жиланды и Кисык) – с. Сарыджаз – с. Кегень – пойма р. Темирлик – с. Чилик – Алма-Ата.

После двух дней, проведенных в Нарынколе и долине Текеса, утром 27 апреля мы направились в долину р. Чулкудысу, чтобы найти на южном склоне Кетменя маленькое ущелье Жиланды («Змеиное»), в котором якобы живут клушицы. Чулкудысу – широкая межгорная долина, образованная южными склонами хребта Кетмень и северными склонами небольшого хребтика Каратау; протекающая по её днищу речка того же названия является, в сущности, истоками реки Чарын (средняя её часть известна под названием Кегень). Дорога здесь идёт по высокотравным пойменным лугам с зарослями кустарников вдоль речки.

Сёла и возделанные земли встречаются до 2000 м и даже немного выше. К сожалению, саму долину мы пересекли без остановок, так и не узнав, какие птицы живут здесь (а зря! – через 15 лет мы обнаружили здесь, правда, в верхней части долины, хорошую популяцию серпоклюва).

⁶ Приводимая в обоих казахстанских энциклопедиях (1988, 2005) протяжённость 300 км по территории Казахстана завышена вдвое – это общая длина хребта в Казахстане и Китае – АК

⁷ Теперь вместо СССР следует читать: Казахстане – АК

Торопились к клушице. Кстати, в самом Жиланды мы её так и не нашли, зато в соседнем ущелье Кисык обнаружили полную кладку из 5 яиц под шиферной крышей нежилой зимовки! Я не зря употребляю уменьшительные слова для ущелий этого хребта. За счёт большой абсолютной высоты самой Чулкудинской долины относительная высота хребта Кетмень здесь небольшая и все его южные склоны, и прорезающие их ущелья кажутся миниатюрными, хотя вверху, у гребня хребта, местами имеются вполне солидные скалы. Кстати, на них клушицы тоже гнездились: работавшие здесь в марте и апреле зоологи Л.В. Спивакова и Г. Арндт нашли в скалах 5 строящихся гнёзд, располагавшихся в щелях на высоте от двух до 20 м от подножия скалы. По их наблюдениям, траву для выстилки гнезда носили обе птицы, при этом брали её в верхней части склона и доставляли к гнезду характерным для них красивым парящим полётом, хотя рядом у скал росла такая же с виду трава. Когда я наблюдал за клушицами у найденных нами гнёзд с кладками, я всё время ловил себя на мысли, что своими движениями они напоминают чёрных чаек... В отличие от других вороновых птиц, в окраске яиц клушицы нет голубовато-зеленоватых тонов, а крупные серые и бурые пятна разбросаны на кремово-белом общем фоне. Между прочим, еловый лес есть не только на северном макросклоне этого хребта, как гласят все три энциклопедии. Только на южном макросклоне участки ельников прячутся в узких ущельицах – почти одинаково часто на микроклонах западной и восточной экспозиции (рис. 326, 327 и 329). А местами даже довольно густыми массивами они поднимаются до уплощённого гребня самого хребта, как видно на рис.328.

Рис. 326 и 327. Ущ. Кисык на южном склоне Кетменя – место гнездования клушиц. 27 апреля 1978.

Рис. 328 и 329. Распределение ельников в ущельях южного макросклона Кетменя. 27 апреля 1978 г.

Переночевав в пустой зимовке, под крышей которой жили клушицы, утром мы не без сожаления покинули эти красивые места и отправились в обратный путь – снова по долине Чулкудысу, а затем – через Кегенький перевал к Чарыну. Для последней ночёвки расположились в живописном урочище Темирлик, которое так любил Павел Иустинович Мариковский (1912-2008), в книгах его впоследствии я не раз читал описания этого каньончика. Но первое впечатление было самое яркое: небольшая речка в невысоком, но живописном каньоне, дно которого заросло высокотравьем и деревьями с шарообразными кронами. Душноватый влажный воздух, напоенный ароматами цветущих трав и песнями соловьев, которых здесь такое множество! Все это, вместе с криками сплюшек ночью, воспринималось особенно остро на крыше камервагена, к которой я так успел привыкнуть за эти дни...

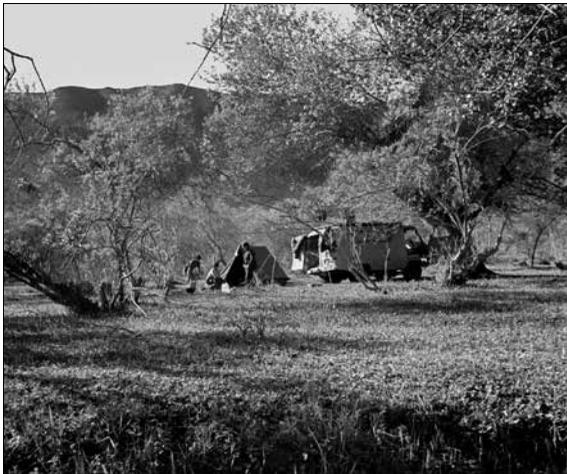

Рис. 330 и 331. Ночёвка в райском месте – Темирликском каньоне. Утро 29 апреля 1978 г.

*****

Второй раз я оказался на обратной, северной стороне хребта Кетмень через 11 лет, когда приехал в среднее течение реки Или, где наши орнитологи Николай Березовиков и Анатолий Гисцов уже неделю искали места массового пролёта красавки. Я выехал к ним 18 апреля 1989 г. на присланной ими нашей экспедиционной машине с водителем Андреем Крупой в самый разгар похолодания: с утра шёл дождь, который днём перешёл в снегопад. Хорошо помню, какая настоящая метель разыгралась в Сюгатинской долине, когда мы проезжали по бетонированной дороге перед Чарынским каньоном! Хребет Кетмень покрылся снегом до самых подножий (рис. 324). В Чундже снегопад закончился, но холодный западный ветер преследовал нас по пути на Кольжат практически до самой Дубунской переправы, где Коля и Толя обосновались в какой-то заброшенной зимовке без окон. Выяснилось, что пролёта журавлей здесь нет.

После полудня 19 апреля выехали из лагеря обратно – к подножию Кетменя. К вечеру стали лагерем в 10 км ниже села Сункар, в высоких северных предгорьях Кетменя, и под морозящим дождём поставили палатку в какой-то пустой избушке из камыша!.. Место ночёвки – глинисто-щебенистый покатый подгорный шлейф с очень редкой полыньей, объеденной скотом до самой земли, местами – отдельные кустики таволги.

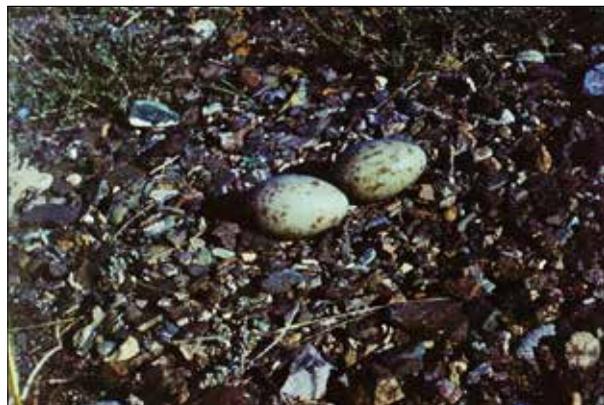

Рис. 332. Гнездо журавля-красавки. Кетмень, северные предгорья западной часть хр. Кетмень, 20 апреля 1989 г.

В такой обстановке и нашёл я (после двух часов упорных наблюдений за одной парой) гнездо журавля-красавки (*Anthropoides virgo*) с двумя яйцами. На следующее утро в районе шоссе мы видели, наконец, первую и единственную стаю журавлей из 80 птиц, пролетевших высоко на восток-северо-восток после долгого набора дополнительной высоты.

На следующий год, в начале июля 1990 г., возвращаясь с аэровизуального учёта в Джунгарском Алатау, мне удалось с вертолёта МИ-8 сделать пару снимков – центральной части хребта Кетмень и его северных предгорий, покрытых белыми барашками облаков (рис. 333, 334).

Рис. 333. Центральная часть сев. склона Кетменя. **Рис. 334.** Северные предгорья Кетменя. Июль 1990 г.

Следующее и последнее моё свидание с Кетменём состоялось 29-30 июля 2002 года, на обратном пути Джунгарской зоологической киргизско-немецкой экспедиции. Вечером 28 июля, проделав путь от ущелья Тышкан (хр. Борохоро) через город Джаркент на левый берег Или и миновав пос. Чунджа, уже в сумерках мы разбили лагерь в русле реки Б. Аксу, примерно в 3 км выше лесника у нижней границы леса. Утром 29 июля, едва позавтракав, отправились вдоль северных подножий Кетменя на восток, в сторону Кольжата. Перед этим удалось увидеть трёх чёрных грифов (*Aegypius monachus*) и 6 кумаев (*Gyps himalayensis*), из которых три взрослых, белоснежно белых, и три – потемнее, видимо, молодые. Сначала летали, а потом сели на скалы у вершины левобережного склона (восточной экспозиции, хорошо освещён). Расстояние до них – не более 500 м. Рассмотрели их достаточно хорошо все участники экспедиции.

За селом Тигермень и одноименной речкой дорога круто, под углом примерно 60°, свернула влево, к северу, от гор, и вышла на основную трассу, которая идёт из Чунджи на Кольжат. Здесь хорошее покрытие, дорога обсажена молодой карагачёвой посадкой. Вскоре она разделилась: вправо пошла вдоль гор на село Актам, а влево (прямо вниз) – на село Узунтам (24 км).

Здесь очень пологий шлейф – спуск от гор, и прямая, как стрела, дорога идёт среди низкотравной полевой степи (полупустыня на глинах со щебенкой). Из птиц здесь встречались в основном малые жаворонки (*Calandrella cinerea*) и два вида каменок – плюсуны (*Oenanthe isabellina*) и обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*). В полдень остановились на часок у слабо-тёплой скважины с островком деревьев. Кроме группы насаженных старых тополей здесь ещё были молодые карагачи, заросли тамариска, заросли чингила (*Halimodendron halodendron*), а вдоль текущей воды – высокие заросли мяты и пр. Здесь оказалось много насекомых и птиц! Среди них – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*), сизоворонка (*Coracias garrulus*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), буланые вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*), удод (*Upupa epops*). Более 200 полевых воробьёв (*Passer montanus*) копошились в тополях и в карагачах. Там много гнёзд этого года постройки, и воробьи не то разбирали их, не то достраивали. Гнёзда среди ветвей, но одиночные и не такие громоздкие, как у испанского воробья (*Passer hispaniolensis*).

Дальше трасса вела на восток, в сторону Дубунской переправы. На свёртке на эту переправу, в 5 км от основной дороги, среди саксаульника среднего возраста и густоты, мы увидели горячий источник. Температура воды в нём оказалась около 35°! Здесь устроили настоящую баню для всех, а через час

направились на Большой Кетмень, до которого оставалось всего 22 км. Здесь, на щебенистой полупустыне на полпути от трассы до гор нам попался первый двупятнистый жаворонок (*Melanocorypha bimaculata*).

Закупив в селе Большой Кетмень продукты, в т.ч. айран для окрошки, которую немцы за время наших путешествий очень полюбили, мы направились в сторону перевала через Кетмень (село – в предгорьях, между 1370 и 1450 м над ур. м.). Несмотря на длительные расспросы, мы умудрились поехали не по той дороге, которая, в конечном счёте, завела нас в тупик. Кроме колонии каких-то роющих ос ничего хорошего нам не попало. Пришлось вырывать в соседнюю балку, через какого-то фермера-пчеловода.

Здесь – великолепные флёмисовые луга, цветущие шалфей и тысячелистник, сенокосы, пасеки. По западинам северных склонов и даже под придорожными обрывами – огромные кусты барбариса (*Berberis oblonga*). Поднялись в зону елового леса, где много посадок (это лесхоз), и в 18-30 стали лагерем на лугах близ верхней границы леса (2600 м). Это верховье речки перед серпантинном на перевал. Ущелье ориентировано с юга на север, здесь оно расширяется. На склоне западной экспозиции – ельники, на восточном – стелющаяся арча. И везде – низкотравный манжетковый луг, к тому же сильно стравленный скотом, которого здесь предостаточно! Фауна птиц здесь типична для верхней границы леса в Северном Тянь-Шане. Самые интересные встречи – выводок из четырёх расписных синичек (*Leptopoeile sophiae*), крики кедровок (*Nucifraga caryocatactes*) из леса и мелодичные голоса летающих в небе клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*).

В 9 часов начали подъём на перевал. Первую половину пути я ехал на Володиной машине (Мюллер с группой пошел поработать к снежнику на полчаса), потом часть пути прошёл пешком, а завершил подъём уже с Костей. На перевале Б. Кетмень (3033 м) кто-то соорудил статую медведя. Чёрные тучи, надвигавшиеся с запада, вынудили наших водителей торопить нас скорее спуститься с перевала, поскольку внизу – крутые глинистые склоны. На спуске в русло р. Чулкудысу перед машиной трижды взлетал чётный аист (*Ciconia nigra*). В саму Чулкудинскую долину спустились почти в том месте, где мы жили с Борисом Губиным в 1993 г. Дальнейший наш путь вдоль Чулкудысу вниз по её течению проходил под дождём и холодным ветром – работать было невозможно!

Рис. 335. У подошвы северного склона Кетменя в его центральной части. На переднем плане чингил. 29 июля 2002 г.

Лишь один раз в перерыве между приступами дождя в 13 час мы остановились на берегу Чулкудысу на полчаса. И тут же нам попались две пары серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*). По всей вероятности, здесь их и сейчас было не меньше, чем в 1993 г. Над речкой видели двух речных крачек (*Sterna hirundo*), по берегам – маскированных (*Motacilla personata*) и желтоголовых (*Motacilla citreola*) трясогузок, куликов-перевозчиков (*Actitis hypoleucos*), огарей (*Tadorna ferruginea*), коршунов (*Milvus migrans*) и канюков (*Buteo buteo*). А на разнотравных лугах, высота которых здесь – до 30 см (тысячелистник, мятлик, эдельвейсы), пели перепела (*Coturnix coturnix*). К 13 час 40 мин, миновав все подходящие для серпоклюва места, мы вышли из полосы дождя. Здесь сухо, солнышко, и пойма уже с ивняком – нет голых галечников! Ещё через час, проехав от перевала 56 км, мы добрались до озера Тузколь...

Вот такие три мимолётные встречи с Кетменём – каждая по два неполных дня. Так и остался он для меня непознанным и загадочным, этот небольшой и самый восточный из северных хребтов Тянь-Шаня.

19 апреля 2023 г. – 27 февраля 2024 г.

13. Поездка на месторождение бурого угля Ой-Карагай (хребет Каратау)

Рис. 336. Общий вид месторождения Ой-Карагай (горы Каратау). 10 сентября 1991 г.

Рис. 337. Окрестности месторождения Ой-Карагай (горы Каратау). 10 сентября 1991 г.

Как-то в конце лета 1991 г. ко мне как председателю недавно созданного Казахстанского отделения МОИП обратились представители фирмы, занимающейся разработкой проекта по добыванию бурого угля открытым способом в одном из районов Центрального Тянь-Шаня (месторождение Ой-Карагай в Каратау). Попросили дать заключение о возможных последствиях угледобычи на животный мир этого района. Это была самая первая ласточка новых производственных отношений, зарождающихся в недрах старой социалистической системы: за экспертной оценкой обращались уже не в государственные научные организации (какой была Академия наук Казахстана), а к одной из общественных организаций. Для нашего филиала это был первый заказ, суливший хоть и мизерные, но всё-таки впервые заработанные деньги.

Заключив с этой фирмой (уже не помню даже её названия!) договор, мы вдвоём с териологом нашего института Людмилой Васильевной Спиваковой (1940-2011) 9 сентября выехали на машине фирмы на Ой-Карагайское месторождение бурого угля в хребте Каратау по маршруту: Алма-Ата – Кегень – Сарыджаз – Куркульдек (р. Сумбэ) – Ой-Карагай. По пути я заехал в Чиликский табаксовхоз, где на сельхозработках в группе студентов КазГУ (ныне КазНУ им. аль-Фараби) была моя дочь Ира, в надежде «отпросить» её у преподавателей на три дня и взять с собой полюбоваться Центральным Тянь-Шанем. Однако она сама отказалась, посчитав это неудобным перед своими товарищами, которые в это время будут убирать табак. И хоть мне очень хотелось взять её с собой, но решение её вызывало уважение, и я не стал настаивать.

Когда мы только въехали в Кокпекское ущелье, меня поразили масштабы прошедшего здесь недавно дождевого злия: дорога во многих местах была размыта, асфальт уничтожен на значительном протяжении, а по всему ущелью работала техника – мощные бульдозеры, экскаваторы, тягачи. Сель этот тем более странен, что само ущелье начинается вверху Сюгатинской долиной, на высоте всего 1100 м, т.е. никаких ледников и моренных озёр здесь нет – откуда же успевают набраться селевая масса?.. Около двух часов понадобилось, чтобы проехать через это ущелье (обычно на это уходит не более 5 минут).

Угольный разрез «Ой-Карагай» располагался на высоте 2700 м над уровнем моря, как раз на верхней границе лесного пояса. Это была типичная «арчель», как мы в Заилийском Алатау привыкли называть зону смешения арчи и ели. А внешне местность очень напоминала окрестности нашего стационара на Большом Алматинском озере. И, соответственно, – тот же набор птиц. Из наиболее интересных видов упомяну кедровку (*Nucifraga caryocatactes*) и дербника (*Falco columbarius*), а также скальную овсянку (*Emberiza buchmanii*) которая могла быть и пролётной – так же, как монгольский вьюрок (*Bucanetes mongolicus*), курганник (*Buteo rufinus*) и чернозобый дрозд (*Turdus atrogularis*). Место это оказалось на самой границе с Китаем, и стекавшие ручьи уходили туда, поэтому и все экологические последствия были не для нас...

Рис. 338 и 339. Хребет Каратау, ельники у верхней границы леса близ Ой-Карагая. 10 сентября 1991 г.

Рис. 340 и 341. Верхняя граница леса и субальпийский пояс. Хр. Каратау, Ой-Карагай. 10 сентября 1991 г.

При всём сходстве ландшафта с аналогичными местами в Северном Тянь-Шане налицо было отсутствие альпийского и нивального поясов (настоящего высокогорья), и я невольно подумал, что неплохо было бы поработать здесь летом, в период гнездования птиц, и не день-два, а хотя бы с месяц. Однако жизнь распорядилась по-своему: больше ни разу в это место попасть мне так и не удалось, и все мои пожелания, как это нередко бывает, так и остались планами на будущее...

Рис. 342 и 343. Хребет Каратау. Распределение ельников на склонах разной экспозиции и крутизны.

Рис. 344 и 345. Ландшафт в окрестностях Ой-Карагая, хребет Каратау. 10 сентября 1991 г.

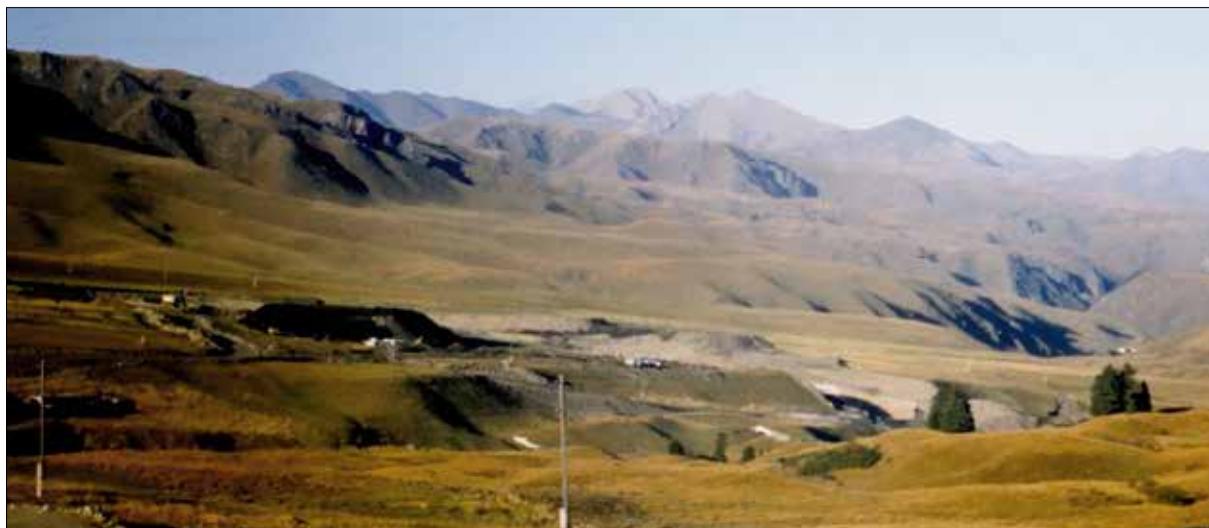

Рис. 346. Общая панорама угольного разреза Ой-Карагай. Хребет Каратау, 10 сентября 1991 г.

Рис. 347 и 348. Место добычи бурого угля открытым способом и вид на разрез из леса. 10 сентября 1991.

21 апреля 2023 г. – 27 февраля 2024 г.

14. В долину Чулкудысу за серпоклювом, июнь 1993 г.

Рис. 349. Долина Чулкудысу в верховьях, аспектируют цветущие лютики. 7 июня 1993 г.

Рис. 350. Река Чулкудысу, островок с гнездом серпоклюва. 8 июня 1993 г.

В 1993 году продолжительность моих поездок, сокращавшаяся с каждым годом, как шагреновая кожа, достигла своего минимума – всего два выезда на 9-10 дней и несколько периодических поездок на Большое Алмагинское озеро. Первый раз с 26 апреля по 9 мая мы с Борисом Михайловичем Губиным и Анатолием Петровичем Гисцовым проехали на ГАЗ-69 по маршруту: Дегерес – Копа – Жиренайгыр – Чуилийские горы в поисках мест, где ещё сохранились стрепет (*Otis tetrax*) и журавль-красавка (*Anthropoides virgo*). Здесь удалось найти несколько мест токования стрепета и несколько гнёзд красавки.

Вторую поездку на той же машине предприняли мы с Б.М. Губиным 2-10 июня в поисках серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*) по маршруту: Алма-Ата – Кегень – Каркара – Сарыджаз – р. Чулкудысу до её

Центральный Тянь-Шань

верховьев. По-сути, это было наземное обследование мест, где мы в 1989-1990 гг. провели аэровизуальные учёты этой птицы с вертолёта. Вторая цель данной поездки – сбор сведений по гнездованию серпоклюва.

Чулкудысу – широкая межгорная долина, образованная южными склонами хребта Кетмень и северными склонами небольшого хребтика Каратау. Протекающая по её днищу речка того же названия является, в сущности, истоками реки Чарын (средняя её часть известна под названием Кегень). Дорога здесь идёт по высокотравным пойменным лугам с зарослями кустарников вдоль речки. Сёла и возделанные земли встречаются до 2000 м и даже немного выше.

Рис. 351. Глинистая полупустыня в нижней части долины.

Рис. 352. Гнездовой биотоп красавки.

Рис. 353 и 354. Галечники вдоль реки Чулкудысу – гнездовой биотоп серпоклюва. 8 июня 1993 г.

Рис. 355 и 356. Цветущие луга в верхней части долины реки Чулкудысу, 2500 м. 9 июня 1993 г.

На протяжении 28 км русла реки, на высотах 2220-2600 м, 7-9 июня мы встретили 63 серпоклюва (10 одиночек, 21 пару, 2 группы по 3 и одну – в 5 особей), в том числе 8 гнёзд с кладками и 3 выводка с пуховичками (в июле 1990 г. мы насчитали здесь с вертолёта около 30 серпоклювов). Здесь река течёт в широкой, до 10 км шириной, долине, пологое днище которой покрыто роскошными разнотравными

лугами субальпийского типа, а само галечниковое русло имеет ширину 50-100 м и местами изобилует небольшими островками, создаваемыми речными рукавами и протоками. Серпокловы чаще встречались в местах впадения притоков, где расширения галечника, рукава и мелководные перекаты создают наилучшие условия для кормёжки и гнездования. Плотность на гнездовании в верховьях Чулкудысу довольно высокая, причём пары серпокловов распространены почти равномерно от высот 2300 до 2600 м над уровнем моря. Так, 7 июня, при пешеходном обследовании 7 км течения этой реки (2600-2500 м) в пасмурную с дождём погоду мы встретили 21 серпоклова и нашли два гнезда (в среднем 3 птицы на 1 км); на следующий день при такой же погоде на втором 7-километровом отрезке мы наблюдали 18 серпокловов и нашли три гнезда; а на третьем – 22 птицы и 3 гнезда. Расстояния между соседними гнёздами были 500-800 м, а в подходящих местах – 200 и даже 150 м. Гнезда располагались на галечниковых островках, в местах, где размеры камней были близки к размерам тела птицы (мест с очень мелкой галькой или крупными валунами серпокловы избегают). Подробные сведения с измерениями гнёзд, яиц, а также описанием поведения птиц, приведены в нашей статье (Ковшарь, Губин, 1994).

В эту же поездку я впервые в своей жизни видел в природе горного гуся (*Eulabeia indica*). Этот редчайший вид птиц, занесенный в Красную книгу СССР (1978, 1984), Таджикистана и Киргизии, населял высокогорные озёра Памира и центральных районов Тянь-Шаня, а на территории Казахстана известны были всего два залёта. И вдруг 8 июня 1993 г. в долине Чулкудысу (2700 м над уровнем моря) я увидел двух летящих на меня гусей и атакующего их огаря (*Tadorna ferruginea*). Это были именно горные гуси, которых я успел хорошо рассмотреть в бинокль! В азарте кричу своему напарнику: «Боря, гуси!», а он мне в ответ: «Хрен с ними, с гусями, вот около меня пара серпокловов». Лишь когда я что было мочи завопил: «Гуси – то горные!!!», Борис тоже навёл на них свой бинокль. Пара гусей села на субальпийский луг всего в 200 м от нас, и я уже предвкушал длительное наблюдение за ними. Однако неугомонный огарь согнал их и с этого места, вынудив перелететь за 500 м. Через полчаса гуси вновь прилетели сюда и сделали два круга, издавая при этом очень характерный звук – короткое отрывистое жужжание или шипение (как будто воздух с силой вырывается из сжатого шланга). Снова они были атакованы огарем и улетели в сторону верховьев реки (а прилетели снизу). Больше мы их не видели... Мысль проверить как-нибудь истоки реки Чулкудысу (массив, где смыкаются хребты Каратау и Кетмень) крепко засела в голове, но так и осталась не реализованной.

Рис. 357. Цветущие луга в верхней части долины реки Чулкудысу, 2500 м. 9 июня 1993 г.

Рис. 358. Цветущий субальпийский луг в верховьях реки Чулкудысу. 9 июня 1993 г.

Рис. 359-360. Цветущий луг и обратный путь вдоль южных предгорий Кетменя. 10 июня 1993 г.

Обратно возвращались при солнечной погоде – закончилось похолодание. Всего лишь четыре дня пребывания в Чулкудинской долине дали очень интересный орнитологический материал.

21 апреля 2023 г. – 27 февраля 2024 г

15. Ущелье Каркара (Каркыра), хребет Терской Алатау

Рис. 361. Ущелье Каркара, Турук, средняя часть (лагерь экспедиции). 31 июля 2005 г. *Фото Roland Schulz*

Рис. 362. Галечники Каркары в средней части ущелья. С борта вертолёта МИ-8, 19 июля 1989 г.

Центральный Тянь-Шань

Ущелье Каркара, по которому проходит часть границы между Казахстаном и Кыргызстаном, расположено на северном склоне восточной оконечности хребта Терской Алатау чуть восточнее перевала Санташ, где смыкаются окончания Терской и Кунгей Алатау. Название своё река и ущелье получили от киргизского имени журавля-красавки («каркыра»), который в массе пролетает через это ущелье, особенно весной. Река впадает в Кегень, которая после этого принимает название Чарын и поворачивает на север.

Впервые Каркару я увидел с кабины вертолѐта МИ-8, с которого мы 19 июля 1989 г. проводили учѐт серпоклюва (рис. 362) и на этих обширных галечниках насчитали 44 особи (не менее 25 пар). Поэтому, как только представилась возможность наземного обследования этой территории, в начале июня 1993 г. мы с Б.М. Губиным посетили это ущелье на автомобиле ГАЗ-69 по пути в долину Чулкудысу.

Рис. 363. Река Каркара, в средней части ущелья выше теснины. Начало галечников. 3 июня 1993 г.

Рис. 364. Я иду к маленькому островку, на котором гнездо серпоклюва. 3 июня 1993 г. *Фото Б.М. Губина*

Рис. 365 и 366. В средней части ущелья Каркара. Последние ели и арчовый стланик. 3 июня 1993 г.

Рис. 367. Кочковатый луг в верхней части ущелья, называемой «Турык». 3 июня 1993 г.

Рис. 368. Международный альплагерь «Хан-Тенгри» на выходе из ущелья, с борта МИ-8. 19 июля 1989 г.

В долине Каркары и её притоков нам удалось обнаружить только одну пару и найти её гнездо – в среднем течении основного русла, выше границы леса, на высоте 2600 м (рис. 363, 364), в месте впадения правобережного притока Уш-Сюлюн-Куйганы. Дальше вверх, по направлению к Сарыджазскому перевалу, на протяжении 16 км довольно пологое днище долины реки (перепад высот 2600-2740 м) занято в основном кочковатым лугом (рис. 367), где подходящих галечников нет, и самих серпоклювов мы не встретили.

Пологая равнина на выходе из гор (2000 м), где в 1989 г. мы наблюдали 13 серпоклювов, оказалась залитой водой и недоступной для автомашины. Широкое (200-300 м) галечниковое русло Жель-Каркары изобилует подходящими для серпоклюва местами на протяжении 10 км (высота 2040-2440 м), однако ни одной особи их мы здесь не встретили, что вообще трудно объяснить.

Спустя 12 лет, в конце июля 2005 года, мне посчастливилось проехать всё Каркаринское ущелье в обратном направлении, о чём стоит рассказать подробнее. Наша очередная зоологическая экспедиция с международным немецко-киргизским составом завершала свой трёхнедельный маршрут на Сарыджазских сыртах, которые я давно мечтал увидеть, а попал впервые. Поскольку добирались сюда мы кружным путём – через Иныльчек, Оттук, перевал Чон-Ашу и Тургень-Аксу – а на возвращение тем же путём времени уже не оставалось, то при въезде на сырты на погранзаставе Эчкили-таш (3020 м) мы пытались выяснить: можно ли из Сарыджаза, не возвращаясь, попасть в Каркару, чтобы оттуда вернуться в Бишкек по северному берегу Иссык-Куля. Оформлявший документы офицер Улан сказал, что на Каркару на наших машинах проехать можно, только там в одном месте болото, а в другом придётся лопаткой поработать. При этом он отметил место на сыртах, откуда по утрам при хорошей погоде бывает виден Хан-Тенгри.

Не без сожаления оставили мы свой Сарыджазский лагерь и в 11 час 30 июля 2005 г. направились искать дорогу на перевал в Каркару. Солнце сквозь мглу, но при полном штиле, пригревало хорошо – становилось даже жарко. Вернувшись на 1 км (на карте там обозначена какая-то пещера), мы стали подниматься на склон мимо будочки, от которой должен быть виден пик Хан Тенгри. Интересно, что на подъёме растительность стала выше за счёт какого-то дикого ячменя (*Hordeum* sp.) или тонконога (*Koeleria* sp.) высотой до 20-30 см. К сожалению, в 11-20 пошел дождик, и нам не удалось увидеть Хан-Тенгри. С другой точки, уже почти на уровне перевала (3 221 м), мы увидели пик Фритьофа Нансена (только его основание!). Это, по сути, сам перевал так растянулся – около километра почти горизонтальная дорога по уплощённой поверхности хребта, покрытой сыртами. Здесь нередки коньки – лесной (*Anthus trivialis*) и горный (*Anthus spinoletta*), а в небе виден чёрный гриф (*Aegypius monachus*) и в двух местах – типичные курганники (*Buteo rufinus*), светлоголовые, со светлыми хвостами.

Самого перевала, в обычном понимании этого слова, мы так и не заметили. Просто после длительного пути по практически горизонтальной сыртовой равнине с высоты 3356 м (координаты: 42° 24' 16.1" с.ш. и 79° 24' 26.3" в.д.) начался спуск. Перед этим местом мы сделали часовую остановку для сбора материала около небольшого временного озера. Здесь – стадо яков, массовое цветение белой «горечавки» и других красивых цветков; в воде растёт оригинальное, напоминающее рис растение, которое Ульф Хауке назвал как *Hepures* sp., а из птиц – всё те же коньки, рогатые жаворонки и курганники.

В 13-30 начали спуск прямо в ущелье – узкое, но открытое, с небольшими скалками, но без леса и даже без кустарников в самом начале. По дну – небольшой ручеёк. Здесь в массе цветут герань и котовник. А чуть ниже началась *Caragana jubata* и небольшие осыпи.

Рис. 369 и 370. Каркара, Турык, верхняя луговая часть. 30 июля 2005 г.

Рис. 371 и 372. Каркара, Турык, средняя часть, с кустарником и галечниками. 30 июля 2005 г.

Дорога местами отвратительная, и я не раз гнал от себя мысль: «А что, если по ней вдруг придётся возвращаться?». Ведь подниматься намного труднее. Из встреченных по пути птиц наиболее интересен был бородач (*Gypaetus barbatus*), а гималайские вьюрки попались на склоне стаей более 50 особей. К 14 час спустились уже метров на 500, а вокруг всё такие же луга, много цветущего *Aconitum* sp., но ни деревьев, ни даже приличных кустарников нет. Дно ущелья расширилось до 150-200 м и покрыто сырым кочковатым лугом. Дальше долина ещё более расширилась, а на кочкарниковом дне появилось больше мокрых мест. В одном месте наши машины прошли с трудом, в другом пришлось их выталкивать. Направление долины – прямо на север, а экспозиция склонов восточная и западная; они голые, без леса и почти без скал. Вскоре появились стелющиеся арчевники вместе со скалами.

Здесь я поймал себя на мысли о том, что это место очень похоже на то, куда мы доехали в 1993 году с Борисом Губиным снизу по Каркаре! Но тогда мы с ним и понятия не имели – куда дальше ведёт эта дорога. Догадка моя впоследствии подтвердилась. В 14-55 появился первый маленький галечник среди сплошных лугов. Всё время грозившийся пойти дождь наконец-то начался. И тут я прямо из машины увидел серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*): взрослая и молодая птицы кормились под дождём на ручье среди луга, совсем недалеко от машины, которую я тут же остановил и начал видеосъёмку.

Наши немцы зашевелились и стали доставать из рюкзаков свои фотоаппараты – каждому хочется сфотографировать такую птицу вблизи! В результате этой возни машина ходила ходуном, и мне трудно было поймать птиц в объектив – сколько я ни просил хоть немного потерпеть... Но несколько минут, которые подарила нам эта семья, были достаточны, чтобы вдоволь налюбоваться самими птицами и их приёмами добывания пищи. После окончания съёмки я вышел и вспугнул молодого – он нормально полетел!

Рис. 373 и 374. Место кормёжки семьи серпоклювов под дождём. Каркара, Турук, 30 июля 2005 г.

Всего через километр от этого места сбылось предупреждение офицера Улана: в одном узком месте дорогу размыло и оползень со склона всё-таки сделал её непроезжей! Пришлось братья за лопаты и потратить часа три на расчистку дороги в трёх местах.

Рис. 375 и 376. Каркара, Турук – ремонт дороги и вынужденная днёвка. 30 июля 2005 г.

Когда мы кое-как преодолели это препятствие, уже был вечер, и надо было разбить лагерь, тем более что рядом оказалась подходящая для него площадка (Lagerplatz – к выбору её наши немецкие коллеги относились очень тщательно!), а впереди зиял вход в узкое ущелье (я его хорошо помнил по 1993 году!). Координаты нашего лагеря: 42°36'16.6" с.ш. и 79°18'57.3" в.д.; абсолютная высота 2571 м, а всего за день мы с трудом одолели 31 км.

Сориентировавшись по карте, мы выяснили, что находимся на берегу одного из истоков Каркары, который называется Турук, а противоположная сторона ущелья (правый берег) – уже территория Казахстана (граница здесь идёт по речке!). Речка течёт на север. Склон западной экспозиции покрыт стелющейся арчой с редкими елями и «украшен» огромным обвалом как раз против нашего лагеря. Склон восточной экспозиции (левобережный) также покрыт арчой и группами елей. И то, и другое спускается до дна ущелья, ширина которого 100-150 м. Ширина речки 10 м. Везде юрты, чабаны (лошади, овцы).

Рис. 377 и 378. Каркаринское ущелье, Турык и место расположения лагеря. 31 июля 2005 г.

Рис. 379 и 380. Цветущий аконит среди арчи и гвоздика пышная (*Dianthus superbus*). 31 июля 2005 г.

Здесь мы решили сделать днёвку, т.е. провести весь день и две ночи. Наутро выяснилось, что кроме арчовых зарослей здесь много лиственных кустарников, а также – вездесущая *Caragana jubata*. Особенно много кустарниковой ивы, которая вместе с караганой идет до самой верхней границы леса. Просто удивительно! Фауна птиц была примерно такой же, как в Заилийском Алатау, но встречи некоторых птиц для меня оказались интересными. Отправившись вверх по речке, не доходя 3-4 км до места вчерашней встречи серпоклюва я встретил ещё двух – как раз в том месте, где мы вчера начали ремонт дороги (300 м ниже моста). Сначала на галечник прилетел молодой серпоклюв и стал кормиться. Вскоре сверху с криком прилетел взрослый и, сев, стал окрикивать работающего в 30 м от этого места Вернера. А через час в этом же месте взрослый серпоклюв атаковал нас с Анни, после чего сел на полузросший галечник и залёг, как на гнезде!!! Анни издалека сделала два снимка. Это тот же галечник, где было гнездо в 1993 году! Только тогда мы не знали, что это Турык, а называли просто Каркара.

Интересной была и встреча двух молодых канюков (*Buteo buteo*) – тёмных, только хвосты белые с рыжиной. С криком они прилетели и сели на склон рядом. При этом второй сел прямо на первого, при столкновении они подняли крылья с характерными белыми подмышками. Ещё несколько раз насакивали друг на друга, потом успокоились и сидели рядом, время от времени «канюча». Вездесущий Маркус над вершиной восточного склона видел двух молодых полевых луней (*Circus cyaneus*), что позволяло предположить, что они также здесь вывелись.

Любопытный разговор получился с чабаном. По его словам, ущелье называется Каратурук, а впадающий в него справа ручей – Кызылтор. Стоящие там два дома под красной крышей – это база какого-то казахского министра, он там зимой охотится и не пускает туда киргизских баранов. И вообще раньше по Каратуруку шла граница между Киргизией и Казахстаном. Оказывается, она проходит здесь и сейчас!!! Вечером мне удалось провести интересные наблюдения за семьёй жуланов, предположительно кашгарских (*Lanius isabellinus isabellinus*) гибридных с туркестанскими (*Lanius phoenicuroides*). Перед закатом удалось наблюдать за охотой курганника (*Buteo rufinus*): он висел над обрывом, как пустельга, на одном месте, но крылья держал неподвижно. Опущенная вниз голова светло-жёлтая, распущенный хвост – светло-охристый, с тёмной оторочкой на конце. Потом он сложил крылья, почти как сокол, и круто спикировал на склон...

Утром 1 августа мы продолжили путь вниз по Каркаре, чтобы через перевал Санташ спуститься в Иссык-Кульскую котловину. Вскоре после лагеря дорога вошла в ущелье со скалами и лесными склонами (именно здесь мы поднимались в 1993 г. с Губиным). Здесь прекрасный густой ельник. Дальше ущелье немного расширяется и среди елового леса довольно много рябины – как в Заилийском Алатау. Это царство двух видов пеночек – зелёной (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) и тусклой зарнички (*Phylloscopus inornatus humei*), кроме них часто видны и слышны москочки (*Parus ater*), чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и седоголовые горихвостки (*Phoenicurus caeruleocephalus*). Здесь же мы встретили двух кедровок (*Nucifraga caryocatactes*) и настоящего тёмного сарыча (*Buteo buteo*).

Спускаясь пешком, чтобы больше посмотреть птиц, я на противоположном берегу речки увидел альплагерь «Хан Тенгри», к нему как раз прилетел с гор вертолёт. Здесь ущелье превращается в широкую (до 1 км) долину, на левом (нашем) берегу какое-то селение, а к альплагерю идёт дорога через хороший мост. Однако заезжать времени у нас уже не было (я тогда ещё не знал, что вскоре побываю здесь!).

В 11-30 мы достигли перевала Санташ. В самом начале спуска к Тюпу остановились на полчаса около озера Санташ среди посевов слева от дороги. Это маленькое, вытянутое в длину до полутора километров при ширине не более 100 м озерко с открытыми берегами и с массой птицы на нём. К сожалению, от дороги это озеро отгорожено каналом, который построен в 1988 г., когда собирались перебросить воду из Каркары в Иссык-Куль (помнится, много шума было!). Теперь эта непреодолимая преграда шириной около 10 м не дала нам возможности подъехать к воде ближе. А у юго-восточной оконечности озерка – каменная гора Чингисхана, которую он создал, приказав каждому воину положить в кучу один окатанный булыжник, а на обратном пути забрать тоже один. Оставшиеся означали число погибших. Красивая легенда, впечатляет!..

*****

Через два года, 5-8 июля 2007 г., я снова оказался в Каркаре – на дне рождения Казбека Валиева. И хотя Казбека как покорителя Эвереста я знал ещё с 1983 г., когда мы вместе были в жюри республиканского конкурса школьников, проходившего в Чимкенте под девизом «Моя Родина СССР», но близко узнал его только здесь, в центре казахстанского альпинизма – альплагере «Хан-Тенгри», в который я попал впервые.

Здесь я познакомился с целым рядом интересных людей, так или иначе связанных с альпинизмом. В частности, с очень известным казахстанским журналистом Геннадием Бендицким (1970-2017), который оказался близким другом, почти родственником Анатолия Левина – одного из самых первых моих учеников и близкого сподвижника ещё с далёкого 1967 г. Автор самых острых критических материалов и фельетонов популярной в те годы в Казахстане газеты «Караван» оказался очень весёлым, остроумным молодым человеком, гитаристом, певцом. А главное – тоже альпинистом в прошлом, своим «в доску» в кругу самых именитых альпинистов Казахстана. Очень интересно было познакомиться с людьми редкой профессии – каскадёрами Бахадуром Исмаиловичем Джалметовым и его другом Макаримом Кусаиновичем Тлесбаевым. Их рассказы о разных происшествиях во время съёмок фильмов украсили наш праздник, так же как альпинистские песни, которые здесь любили все (да их и невозможно не любить).

Рис. 381 и 382. Международный альпинистский лагерь «Хан-Тенгри» в Каркаре. 5-7 июля 2007 г.

Рис. 383 и 384. Река Каркара после выхода из ущелья на подгорную равнину. 7 июля 2007 г.

Рис. 385. Дорога в ущелье Каркара, вид с альплагеря «Хан-Тенгри». 7 июля 2007 г.

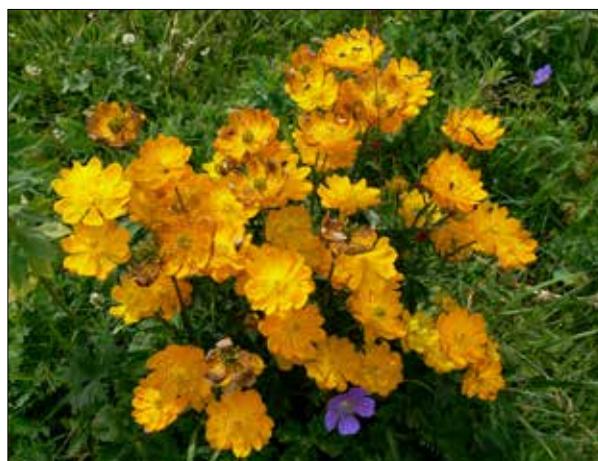
Рис. 386 и 387. Еловый лес у входа в Каркаринское ущелье. 6 июля 2007 г.

Но приехал я в Каркару не только на праздник. Давно уже братья Валиевы обещали мне возможность посмотреть вблизи знаменитый Хан-Тенгри: каждое лето они отправляли туда вертолётom группы. Уже побывал там Олег Белялов (1960-2020), которому они заказали провести фотосессию и сделать рекламные материалы для их фирмы, после него с группой туда летала моя дочь Виктория и тоже привезла прекрасные снимки – и самого пика и не менее знаменитого озера Мерцбахера. Посмотреть Хан вблизи было мечтой...

И вот в этот раз Даурен сказал, что прямо после праздника из Каркары можно будет слетать на Хан-Тенгри. Поэтому в моём рюкзаке было всё необходимое для заснеженного высокогорья – от неизменной пуховки до чёрных очков, которые я специально купил на этот случай. Однако мне не повезло: из Киргизии сообщили, что вертолётa в этот раз не будет – только через неделю. Правда, Даурен предложил мне погостить эту недельку в альплагере «Каркара», но я не смог позволить себе такой роскоши, хотя места вокруг были очень красивые. Проведя пару утренних орнитологических экскурсий, я убедился, что увидел всё, что здесь живёт, а наблюдать одно и то же ежедневно целую неделю нет смысла. Тем более, что уже 18 июля я должен был участвовать в проходящей в Алма-Ате региональной встрече по внесению Западного Тянь-Шаня как трансграничного объекта природного наследия в список Всемирного наследия ЮНЕСКО...

Рис. 388. Ельник с подлеском. Рис. 389. Геннадий Бендицкий, Бахадур Джалметов, Макарим Глесбаев.

Рис. 390-392. Цветущие луга Каркары у альплагеря. 6 июля 2007 г. **Рис. 393.** Купальница там же.

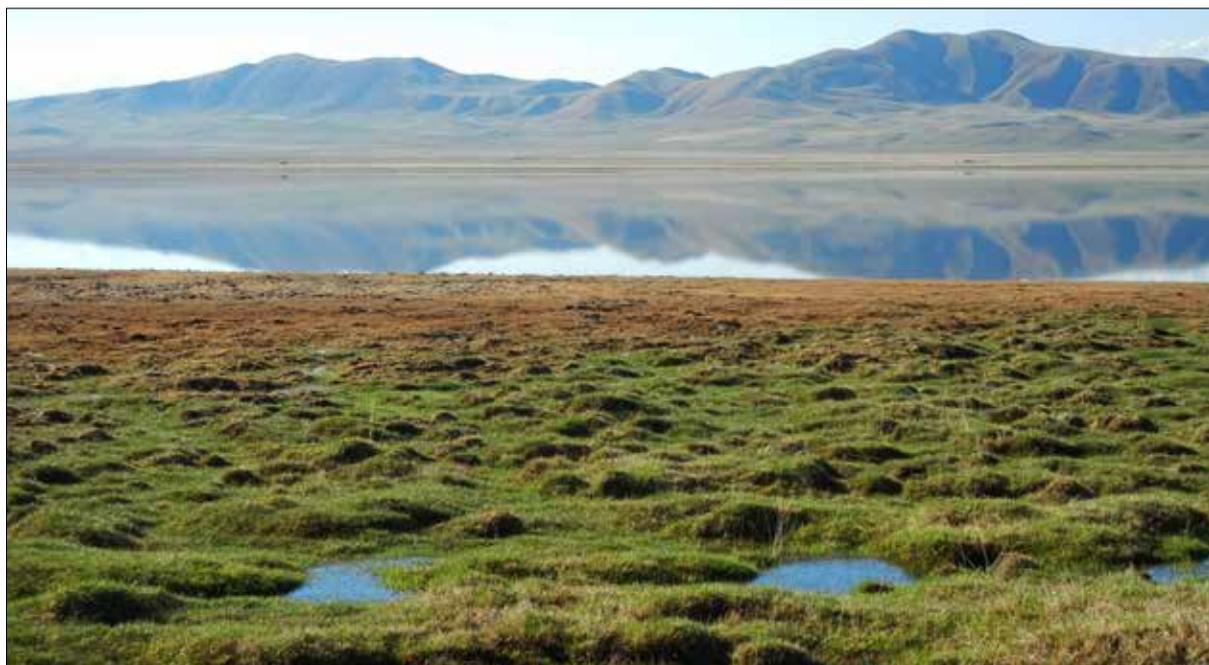
Так и не увидел я Хан-Тенгри. Но красота июльской Каркары осталась со мной навсегда.

23 апреля 2023. – 28 февраля 2024 г..

16. Поездка на озеро Тузколь в междуречье Текеса и Чулкудысу (1-2 мая 2011 г.)

Рис. 394. Озеро Тузколь (Бурадобусун) на фоне пика Хан-Тенгри. Утро 2 мая 2011 г.

Рис. 395. Заболоченный участок берега – биотоп горного подвида серого журавля. 1 мая 2011 г.

Озеро Тузколь, или Борадобусун (монгольское название) – солёное озеро в междуречье Текеса и Чулкудысу (43°00' с.ш., 79°58' в.д., абс. высота 1958 м), в остепнённой межгорной впадине между горами Ельчин Буйрюк (2978 м), Каратау (3728 м), Жабыртау (2292 м) и Айгыржал (2457 м). Длина 5.7 км, максимальная ширина 2.1 км (площадь акватории 6,65 км²). Глубина весной до 2 м, в августе около 0.5-1 м; питание снеговое, дождевое и родниковое. Берега отлогие, местами сильно засоленные, с заболоченными участками и илистыми отмелями. В местах выхода грунтовых вод – кочковатые сазовые участки с ручейками, поросшие осокой, луками, геранью, лютиками. Древесных, тростниковых и рогозовых зарослей нет. Вокруг озера – типчаково-полынная степь с зарослями чия, такырами и солончаками; у северного берега – куполообразные холмы, покрытые каменистой степью со щербёнкой.

Это озеро под названием Борадобусун часто упоминается в публикациях В.Н. Шнитникова (1873-1957), включая и его главную монографию – книгу «Птицы Семиречья» (1949). Судя по всему, Владимир Николаевич любил это место и нередко бывал здесь. Из современных орнитологов чаще других бывали на этом озере О.В. Белялов (1960-2020) и Н.Н. Березовиков (1956-2022), что хорошо прослеживается по их орнитологическим публикациям, включая и совместную обзорную статью по горным долинам Северного и Центрального Тянь-Шаня (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2005). Мне довелось побывать на Тузколе дважды – в июне 1993 г. с Б.М. Губиным на обратном пути из Чулкудысу и в конце июля 2002 г. в составе немецко-киргизской зоологической экспедиции, возвращаясь из Джунгарского Алатау; но оба раза – проездом, не останавливаясь больше, чем на полчаса-час.

Поэтому, когда Олег Белялов в 2011 г. предложил мне съездить на пару дней на Тузколь, я тут же с радостью согласился. Дело в том, что вот уже два года известный московский зоолог (а когда-то наш алматинский юннат) Валентин Ильяшенко буквально «бомбил» меня из Москвы интересной информацией о подвидовой самостоятельности высокогорных популяций серых журавлей (*Grus grus* subsp.). Побывав в высокогорье Закавказья с армянским орнитологом Мимиконом Касабяном, он описал новый подвид, назвав его в честь нашего общего друга, руководителя Международного Фонда охраны журавлей Джорджа Арчибальда *Grus grus archibaldi*. При этом он всё время высказывал идею, что серые журавли, обитающие в высокогорье Тянь-Шаня, также, скорее всего, представляют самостоятельный подвид. И предложил мне в 2010 году вместе съездить туда в апреле-мае. Даже договорились с ним, что мы съездим туда втроём на машине Олега Белялова. Однако у меня это не получилось, и вместо этого они взяли в эту поездку Бориса Жуйко. Поездка оказалась удачной, они нашли гнёзда журавлей и в результате описали подвид *Grus grus korelovi*, дав ему русское название «тибетский». Мне оставалось только сожалеть, что не смог поехать.

Через год ситуация сложилась так, что в следующую поездку 2011 года Валентин Юрьевич сам уже не смог поехать и попросил Олега Белялова хоть на день съездить на Тузколь и посмотреть там журавлей. Олег предложил поехать мне и Феде Карпову, оба мы согласились.

Эта двухдневная поездка на озеро Тузколь в Центральный Тянь-Шань запомнилась мне очень ярко. Выехали мы рано утром 1 мая 2011 г. В этот раз мы поехали с ночёвкой – значит, можно сделать две полноценные экскурсии, днём и вечером. Когда вместо своего выдавшего виды красного «Рајего» Олег предложил мне сесть в какую-то маленькую легковую машину явно городского, «паркетного» вида, я был немало удивлён, тем более что за рулём сидела молодая женщина. Это была Наташа Боровая, главный редактор журнала «Ветер странствий», увлечённая бёрдвотчингом и в последнее время принимавшая очень активное участие в орнитологических делах, в т. ч. в создании Казахстанского отделения Мензбирова орнитологического общества, которым я тогда занимался как президент этого общества.

В данном случае ни машина, ни водитель как-то не вязались с поездкой в высокогорье. Правда, вскоре за руль сел Олег, и я начал верить в успех нашей поездки. Однако, после подъёма на Кегеньский перевал, где мы дали машине время передохнуть, фотографируя степных пустельг (*Falco naumanni*) около небольшой их колонии, устроенной прямо в искусственном скальном обрыве над дорогой, – машинка стала чихать и кое-как добралась до посёлка Кегень, где её пришлось ремонтировать при помощи местных умельцев, на которых надежды было ещё меньше. Тем не менее, после часа сплошных «консилиумов» (здесь собрались водители всех местных частных такси), когда из-под капота видны были только нижние части мастеров и размахивающие руки, мы всё-таки поехали и без приключений добрались до места.

Ясная солнечная погода, свежая весенняя зелень степи и сидевшие на проводах только что прилетевшие яркие золотистые щурки (*Merops apiaster*) и коноплянки (*Acanthis cannabina*), а также песни жаворонков создавали какое-то особенное, праздничное настроение в этот день, бывший когда-то для всех нас праздником международной солидарности трудящихся (ныне – праздник единства народа Казахстана). Впереди открывались панорамы гор – одна заманчивее другой. И котловина озера Тузколь в этот раз показалась мне какой-то особенно красивой, хотя за облаками не было видно главного украшения – пика Хан-Тенгри. Впрочем, ближе к вечеру и его верхушка тоже прорезалась среди сизовой облачной массы, создавая впечатление парящей вершины (рис. 400). Вскоре на кочковатом болотистом берегу мы встретили пару серых журавлей и нашли их гнездо с двумя яйцами (рис. 405), а вокруг оказалось скопление из нескольких десятков огарей (*Tadorna ferruginea*) – день явно складывался удачно, хотя от него и оставалось всего пару часов. За это время нам надо было найти место для ночёвки, устроить лагерь и приготовить праздничный ужин – как-никак Первое мая, да и сам по себе Борадобусун для меня лично – тоже праздник.

На ночь стали около небольшого родника, вытекавшего из-под скального выступа северного берега и явно обладавшего признаками радона. За ужином вспомнили, что это место описывал в одной из своих книжек Владимир Николаевич Шнитников, ночевавший здесь около 100 лет назад. И как напоминание о том далёком прошлом из темноты вынырнул верхом на ишаке местный чабан (рис. 401), который ну никак не мог не поинтересоваться – кто же это здесь появился...

Рис. 396 и 397. Панорамы северных отрогов Терской Алатау по пути на оз. Тузколь. 1 мая 2011 г.

Рис. 398. За поворотом дороги – Тузколь. Рис. 399. Тузколь – первое впечатление.

Рис. 400. Пик Хан-Тенгри, парящий в облаках. 1 мая 2011 г. **Рис. 401.** Чабан в ночи.

А ночью в нашей машинке сработала сигнализация! Убедившись, что никто из нас ночью машину не посещал, мы только пожали плечами: чужим здесь взяться неоткуда, какая-то мистика...

Рис. 402 и 403. Олег Белялов и Федя Карпов наблюдают птиц. Скопление огарей. 1 мая 2011 г.

Рис. 404 и 405. Гнездо серого журавля и место его расположения на болоте. 1 мая 2011 г.

Рис. 406 и 407. Хозяева гнезда – серые журавли тибетского подвида. 1 мая 2011 г.

Рис. 408. Вечер в чиевниках Тузколя. 1 мая 2011 г. Рис. 409. Закат в скалах северного берега. 1 мая.

Рано утром, ещё по темноте, Олег сказал вполголоса: «А Хан уже виден». Сон как рукой сняло! Отвернув полог палатки, я действительно увидел в серых сумерках остроконечную белую пирамиду, уходящую в небо. Пока видение не исчезло, я стал лихорадочно доставать фотоаппарат. На сделанных нескольких снимках Хан-Тенгри был едва виден, но я был счастлив – ведь с восходом солнца его могли снова закрыть облака, как это обычно и бывает.

Рис. 410 и 411. Утро на озере Тузколь до и после восхода солнца. 2 мая 2011 г.

Рис. 412 и 413. Биотоп журавля-красавки. Гнездо – на вершине второго справа бугра. 2 мая 2011 г.

Рис. 414 и 415. Гнездо красавки на вершине бугра, Олег Белялов фотографирует кладку. 2 мая.

Однако не сей раз Небеса были благосклонны к нам: величественный Хан-Тенгри чётко вырисовывался на совершенно безоблачном небе ещё не менее двух часов! Только вволю наснимавши это чудо, я вспомнил о завтраке. А вокруг нас непрерывно токовала в воздухе каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*). После завтрака, обходя озеро с другого конца, на высоком бугре мы с Олегом обнаружили гнездо журавля-красавки (*Anthropoides virgo*), которое совсем потрясающе смотрелось на фоне пика Хан-Тенгри, особенно если лечь на землю! (рис. 414, 415). Олег тут же сфотографировал его крупным планом и принялся за измерения яиц (рис. 417), я же не мог удержаться от того, чтобы не снять его за этим столь привычным для нас занятием. Поневоле вспомнились многие другие аналогичные случаи, когда мы вместе занимались такой же работой с птичьими гнёздами в других хребтах Тянь-Шаня, особенно в Заилийском Алатау, на нашем любимом Большом Алматинском озере, а непосредственно с гнёздами красавки – на стационаре в долине реки Копы. Как же давно это было! ...

А хозяева гнезда – пара журавлей-красавок – в это время терпеливо, не проявляя беспокойства и не издавая никаких звуков, кормились на берегу озера у самого подножья этого холма (рис. 418), как будто понимали, что мы, орнитологи, не причиним никакого вреда их гнезду.

Утро было и впрямь волшебное: ясно, ни облачка, и абсолютный штиль; на озере – зеркальная поверхность. Так бы никуда и не уезжал! Но предстояло ещё 300 км пути в обратном направлении, так что около 11 часов нам пришлось распрощаться с Тузколем...

Рис. 416 и 417. Олег Белялов у гнезда красавки измеряет и описывает кладку яиц. 2 мая 2011 г.

Рис. 418. Хозяева гнезда журавли-красавки ждут... Рис. 419. Прощай, Тузколь. 2 мая 2011 г.

И только заехав на обратном пути в Карачингиль, к Икару Бородихину, мы узнали, что вчера, 1 мая 2011 г., было довольно сильное землетрясение! Возбуждённый Икар в красках описывал, как трещали и наклонялись соседние жилые строения, а показывая на стоящий у его ворот мощный трактор К-700, говорил, что он вдруг запрыгал, как лягушка! Так вот почему сработала сигнализация в нашей машине! А мы, спящие на земле, ничего так и не почувствовали. Оказалось, что землетрясение началось ещё утром, когда мы ехали по трассе – в таком состоянии быстрого движения его можно было легко не заметить...

*****

Прощался с Тузколем 2 мая 2011 г. только я, а Олег Белялов в последующие годы не раз приезжал сюда, чтобы поработать с журавлями. Вместе с супругами Валеи и Леной Ильяшенко из Москвы и орнитологами нашей лаборатории во главе с Андреем Гавриловым они отловили и поместили спутниковыми передатчиками журавлей и проследили пути и сроки их сезонных миграций, получив бесценную для науки, документально подтверждённую информацию. И вовсе не случайно, что, когда 22 июля 2020 г. Олег погиб от ковида, друзья установили в его честь памятный камень с изображением журавля именно на берегу Тузколя.

Рис. 420. Этот памятный знак **Олегу Белялову** установили на оз. Тузколь 19 октября 2020 г.

Место выбрано не случайно, это одно из любимых и посещаемых Олегом мест.

Автор петроглифа – Санжар Жубанов

Камень устанавливали: Канат Торейбай, Булат Нусимбеков, Санжар Жубанов, Баратжан Сидиков, Искандер Ильдатов, Николай Постников

Фото Николая Постникова

Олег Вячеславович Белялов (23 августа 1960 – 22 июля 2020) за неполные 60 лет своей жизни, большая часть которой (с 1974 года) прошла на моих глазах, успел сделать удивительно много. Увлёкшись с раннего детства птицами и имея перед глазами яркий пример своего отца, знаменитого кинооператора Славы Белялова, снявшего лучшие фильмы о природе и животном мире Казахстана, Олег свою жизнь делил между орнитологией и киносъёмкой, к ним вскоре добавилась фотосъёмка (лучшие фотоальбомы о природе и животном мире Казахстана – его, Олега Белялова!). Но и этого было мало его пытливному уму и горячей душе: познакомившись в 1975 году в заповеднике Аксу-Джабаглы с лучшим ботаником Казахстана Анной Андреевной Иващенко, Олег прилежно выучил большинство цветковых растений, растущих в наших горах, степях и пустынях, отснял их и в результате они в соавторстве создали лучшие книги о тюльпанах и других цветочных растениях Казахстана. Сколько бы ещё мог создать и в науке, и в кинематографе этот талантливый человек, если бы коварная болезнь не унесла его в самом расцвете творческих сил – буквально на взлёте!..

Подробнее об Олеге Белялове см. в журнале-ежегоднике Selevinia-2020 (с. 7-98; <https://selevinia.kz>).

Рис. 421. Олег и А.А. Иващенко. Аксу-Джабаглы. *Фото Л.Е. Ишкова*

Рис. 422. На конференции.

Рис. 423а. Первая в жизни вершина, взятая вместе с отцом. Олег и Вячеслав Беляловы на вершине пика Советов (ныне пик Сатпаева, 4200 м). Заилийский Алатау, 22 июля 1975 г. *Фото Ральфа Пфелфера*

Рис. 423б. Вячеслав и Олег Беляловы – авторы лучших фильмов о природе Казахстана.

26 апреля 2023 г. – 17 марта 2024 г.

Джунгарский Алатау

Красными цифрами в кружках обозначены места, которым посвящены рассказы:
17 – Джунгарский Алатау, первое знакомство (1979), 18 – Чулакские горы, 19 – Джунгарские ворота (2006),
20 – облёт на вертолёте МИ-8 (1990), 21 – экспедиция Тентек – Тышкан (2002)

17. Первая поездка в Джунгарский Алатау (Сарканд – Тополёвка, 1979 г.)

Рис. 424. Верхняя граница леса и субальпийский пояс. Ущелье Малый Баскан, август 1979 г.

Рис. 425. Старый елово-пихтовый лес на каменистых террасах Джунгарского Алатау. Август 1980 г.

«Джунгарский Алатау – горная система в восточной части Казахстана, по границе с Китаем, между р. Или и оз. Алаколь. Длина около 450 км. Состоит из нескольких параллельных хребтов, сложенных сланцами, известняками, песчаниками и изверженными породами (граниты, сиениты, порфиры). Высота около 4464 м (гора Бесбакан). Имеются ледники. Площадь оледенения свыше 1800 км². Характерны платообразные пространства – «сырты», лежащие на разных уровнях. Нижние склоны гор покрыты полупустынной и степной растительностью, верхние – субальпийской и альпийской. На высоте 1200-2600 м на северном склоне – пояс лесо-луговой растительности (в лесах – тянь-шаньская ель, сибирская пихта, яблоня дикая, осина)». Такая характеристика дана интересующему нас объекту в 1-м томе «Краткой географической энциклопедии» (М., 1960, с. 541).

Более подробное описание приводится во 2-м томе краткой энциклопедии «Казахская ССР» (Алма-Ата, 1988, с. 174), где указано казахское название этого хребта – Жетысуский Алатау, а главное – приводится описание двух главных хребтов, отходящих от горного узла Кокжота (в истоках рек Коксу и Боротала). *Северный Джунгарский* хребет, отходящий к востоку-северо-востоку, представляет собой обширное нагорье с отдельными вершинами, пологий северный склон его ступенчатый. Самую высокую ступень, прилегающую к главному хребту, составляют хребты Тастау, Саркантау, Баскантау, Мыншукур (абс. высоты 2800-3500 м); вторая ступень включает горы Кунгей, Жаманкотыртас, Маркатау, Жельдыкарагай, Жабьк, Ешкюльмес (2000-2500 м); третья ступень состоит из предгорных массивов Чибынды, Карасарык, Кырыкколь (1500-1600 м). *Южный Джунгарский* хр. состоит из участков Музтау, Тышкантау, Бежинтау, Токсанбай (высоты 4000-4300 м). Южные склоны хребта крутые и сильно расчленённые, от них к юго-западу отходят хребты Иштоқы, Котуркаин, Алтынэмалы (2500-3000 м) и низкие предгорные массивы – Чулак (Шолак), Катутау, Калкан (1600-1700 м), последние вплотную подходят к долине реки Или. Эти хребты разделены долинами – Коксу-Каратальской, Кугалинской, Алтынэмельской, Кобыроленской. Подробное описание растительности отдельных склонов и ущелий дали в своих научных публикациях подолгу работавшие здесь орнитологи: в 20-30-х гг. XX ст. Владимир Николаевич Шнитников и в 50-х гг. – Мстислав Николаевич Корелов (Шнитников, 1949; Корелов, 1961). Интересно, что последний исследователь относил Джунгарский Алатау к системе Тянь-Шаня (считал его частью Северного Тянь-Шаня), хотя большинство крупных географов всё же относят его к продолжению хребта Борохоро, отделённого от Тянь-Шаня долиной реки Или.

Меня давно манила эта горная страна, но стационарная работа в Тянь-Шане не давала возможности для знакомства с Джунгарским Алатау. Только в 1979 г. в лаборатории орнитологии была утверждена новая хозяйственная тема по привлечению птиц в горные леса, и первые эксперименты должны были быть начаты как раз в Джунгарском Алатау – в лесах той самой Тополёвки, которую мне так расхваливал Э.Ф. Родионов ещё в 1967 году (тогда я предпочёл ущелье Кульсай в хребте Кунгей Алатау).

Целью поездки в Джунгарский Алатау в первую неделю августа 1979 г. была разведка искусственных гнездовий для синиц по начинающейся в лаборатории хозяйственной теме. В ней участвовали исполнители темы Р.Г. Пфеффер и П.В. Пфандер, а также Б.П. Жуйко. Прежде чем выехать на восток, мы 31 июля съездили на разведку в Аксайское ущелье Заилийского Алатау, где лесник Панайот Естафьевич Захаропуло – рослый грек, уже в годах – долго и придирчиво проверял наше разрешение, прежде чем пропустить на территорию ущелья⁸. Дальнейший маршрут: Алма-Ата – Сарканд (1 августа) – Покатиловка – Тополёвка – кордон Иванова (2 августа) – урочище Раскол.

Первое, что поразило меня в Джунгарском Алатау, это крутизна его северных склонов и необычность грунтовых дорог. Начиная с Крыма (первая экспедиция в 1957 г.), я привык, что на крутых склонах дорога всегда идёт серпантином и, чем круче склон, тем чаще закладываются петли серпантина. Здесь же дорога шла в гору *без серпантина*. Впервые увидев издали такую почти прямую белесую линию на казавшемся сплошной стеной зелёном склоне, я не поверил, что это дорога. А когда мы стали по ней подниматься, то испытали немало тревожных минут: мотор машины не просто гудел, а выл и захлёбывался. Казалось – вот сейчас он заглохнет и никакие тормоза не удержат рухнувшую назад машину!..

Как-то, с трудом, удалось добраться до верхней границы леса и развесить там в еловом и пихтовом лесу наши синичники. Крутой спуск на обратном пути был тревожен не менее, чем подъём. А внизу, у заставы близ села Тополёвка, нас ожидала душная ночь с таким количеством комаров, которого я давно уже

⁸ Спустя 33 года всех нас потрясла история трагической гибели на кордоне Захаропуло и его семейства. – АК

не видел! Не прокусывали они только спальный мешок, но в нём одолевала такая духота, что приходилось расстегиваться. Чуть полегче было работать в верховьях Сарканда и в Малом Баскане, где ландшафт напоминал северный склон Заилийского Алатау: такие же ельники, а выше их – арчевники и луга.

Но хуже всего то, что это короткое знакомство с Джунгарским Алатау не оставило у меня никаких следов в виде фотографий этих прекрасных мест. Снимал я тогда много – и в основном на цветные слайды, ставшие в те годы очень модными, вот только с проявкой плёнки были большие трудности. И когда мне первые две плёнки «запорол» в одной из городских фотомастерских, я не стал больше рисковать и остальные 5 плёнок отдал на проявку знакомому фотографу. И когда он вернул их мне почти прозрачными – это был удар!.. Довершила его невозмутимость моего знакомого, который как ни в чём ни бывало спросил: «А что тебе там надо снять? Я следующим летом туда поеду, могу отснять в лучшем виде» ... Пришлось довольствоваться чёрно-белыми снимками (рис. 426-433).

Рис. 426 и 427. Река Малый Баскан в пределах лесного пояса. Начало августа 1979 г.

Рис. 428 и 429. Еловые леса и следы перевыпаса скота. Малый Баскан, начало августа 1979 г.

Рис. 430 и 431. Следы перевыпаса и прогона скота (скотобой) в М. Баскане, начало августа 1979 г.

Рис. 432 и 433. Верхняя граница леса и субальпийский пояс. М. Баскан, начало августа 1979 г.

Кое-что добавили к моему знакомству с Джунгарским Алатау и те два дня в середине августа 1980 г., на которые мы (по пути на Южный Алтай) заехали в ущелья Раскол и Солдатское около Тополёвки, чтобы проверить занятость синицами вывешенных год назад искусственных гнездовий (рис. 434-441).

Рис. 434 и 435. Елово-пихтовые леса средней террасы. Урочище Раскол, август 1980 г.

Рис. 436 и 437. Каменистая терраса с ельником и без него. Урочище Раскол, август 1980 г.

Рис. 438 и 439. Характерный элемент ландшафта – каменная терраса. Раскол, август 1980 г.

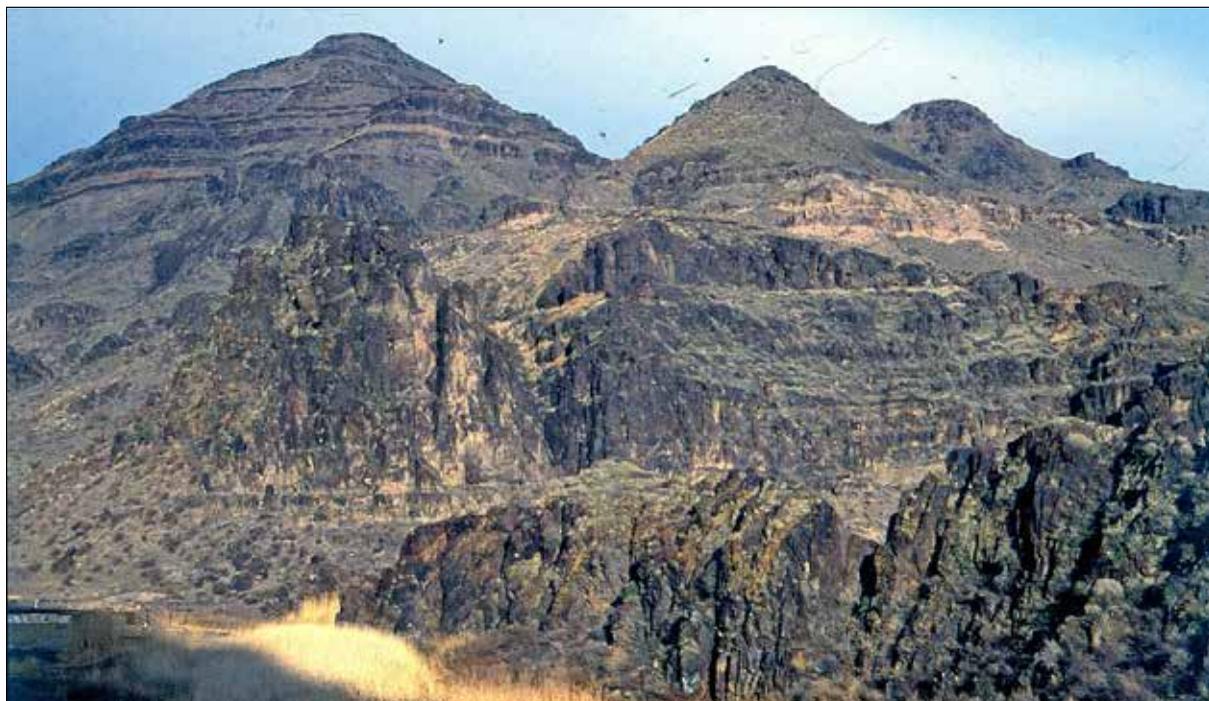

Рис. 440 и 441. Лиственный пояс. Солдатская щель Тополёвского лесничества. Август 1980 г.

За эти два дня мы ещё раз испытали всю «прелесть» крутых джунгарских дорог, да ещё с неопытным водителем за рулём, которому руководство автобазы в виде исключения доверило машину другого водителя, поскольку свою он разбил. Машину он знал плохо, в чём я убедился, когда на крутом подъёме в урочище Раскол он обратился ко мне с вопросом: «Шеф, а где тут раздатка?». В результате, из-за задержки с переключением на пониженную скорость, наша машина покатила назад, всё больше набирая скорость, и нам пришлось один за другим выпрыгивать из неё. Ральф выскочил вместе с любимой собачкой! И если бы не Борис Губин, который умудрился захватить с собой противопожарный баллон и подложить его под колесо, – то неизвестно, чем бы всё это закончилось... Зато упрёков и всяких крепких выражений Вася наслушался от нас вдоволь. А когда через полчаса всё повторилось сначала, то мы готовы были его убить, потому что езда дальше становилась по-настоящему опасной. К счастью, больше подобное не повторялось. Преодолев злополучный Раскол, мы без приключений отработали в Солдатской щели и через Тополёвку, Покатиловку и Сарканд благополучно прибыли в Уч-Арал к вечеру 19 августа. И на этот раз знакомство с хребтом не состоялось. Судьбе было угодно, чтобы с этим оригинальным хребтом (Северный Джунгарский) я познакомился с воздуха, она же распорядилась, чтобы это произошло только через 10 лет...

15 марта 2023 г – 22 февраля 2024 г.

18. Чулакские горы и прилегающая гамада (поездки в 1981, 1982, 1988, 1994 гг.)

Рис. 442. Каменистые безлесные вершины Чулакских гор. 29 марта 1994 г.

Рис. 443. Каменистый южный склон Чулакских гор восточнее Талдысая. 29 марта 1994 г.

Уже через год после неудачной попытки знакомства с *северным Джунгарским* хребтом мне удалось посетить самые юго-западные отроги *южного Джунгарского* хребта – Чулакские горы и гамаду его южных подножий, тогда – территорию Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства (ныне – Алтын-Эмельский национальный парк). Историю преобразования первого во второе я недавно опубликовал (Ковшарь, 2017). Здесь я хочу вспомнить о событиях 40-летней давности и причастных к ним людях, трудами которых была создана та природоохранная основа, которой сейчас заслуженно гордится этот национальный парк.

В третьей декаде мая 1981 г. Владимир Максимович Зверев (1938-2004)⁹, с которым мы были знакомы уже больше 10 лет, на заседании в Казглавохоте представил мне директора Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства Александра Филипповича Тарасова (1928-1983), и тот сразу пригласил к себе. Я уже не раз слышал об этом хозяйстве, которое принадлежало ХОЗУ Совмина КазССР, да и о самом Тарасове ходили слухи как о человеке, который сумел поставить там охрану по-настоящему. Кроме того, именно на территории его хозяйства наш Институт зоологии в следующем году собирался выпускать куланов, отловленных на острове Барсакельмес в Аральском море.

Выехали втроем рано утром 28 мая на служебной «Ниве» Тарасова. Только оказались за городом, Тарасов по радиации вызвал егеря кордона Тайгак и велел ему ставить коктал¹⁰ и готовить чай. Однако из-за раннего выезда мы не смогли вовремя купить «горючего» и видно было, что обоих моих спутников это удручает. Но оптимист Тарасов сказал, что купим по дороге, в Капчагае. Однако, когда он, лихо осадив свою машину, бодро зашёл в магазин, то оттуда вышел растерянным: забыл, что теперь водку продают только с 10 часов, а сейчас ещё и 9 нет!.. На что Володя, называвший его Сашкой, заметил: «Ты бы ещё ордена надел – кто же в такой форме за водкой ходит? Теперь посиди в машине, а мы с Анатолием сходим».

Сконфуженный Тарасов осмотрел свою почти полковничью униформу со всякими регалиями и эмблемами и закурил, а мы с Володей, одетым в старенький замызганный ватник, зашли в магазин. И здесь я имел удовольствие наблюдать, как он, небритый, поманил продавщицу и, подавая в зажатом кулаке деньги, глухим осипшим голосом сказал ей короткую фразу: «Сделай доброе дело?». Она понимающе кивнула, молча взяла деньги и вышла в подсобку, а оттуда вынесла завёрнутую в газетку бутылку. Это было неподражаемо – как в кино... Зная Володю уже не первый год, я никак не ожидал от него такого артистизма.

Кордон Тайгак произвёл хорошее впечатление своей ухоженностью: цветники у входа, газон, всё полито и обрезано, двор чисто выметен, между домом и банькой – летняя печка (также чисто побеленная) и около неё – небольшой стол и вкопанные в землю лавки. Во всем чувствовалась твёрдая рука хозяина и дисциплина подчинённых. Коктал, приготовленный из крупного свежего сазана, оказался удивительно вкусным блюдом – нигде больше ничего подобного мне отведать не приходилось, не зря этого егеря как умельца всю дорогу хвалили и Володя, и Тарасов. Здесь же, за столом, Тарасов обсудил всю полученную от егеря информацию о последних событиях, дал указания, и мы поехали на следующий кордон – Чулак.

Здесь царил такой же порядок, и Тарасов всё время переспрашивал меня: «Ну, где ты видел такие кордоны в заповедниках?». Пришлось признаться, что нигде – там везде пахло бедностью и запустением. Конечно, немалое значение имела и прямая подчинённость хозяйственному управлению Совета Министров, где Тарасов проработал не один год и его знали почти все. Однако главная причина заключалась в личности Тарасова, его характере и способностях. Я немало удивился, когда узнал, что он закончил мореходное училище и никакого высшего образования не имеет. Любовь к природе и убежденность в том, что её надо беречь для потомков, в сочетании с волевым характером давали свои, прямо скажем, прекрасные результаты. Володя попросил: «Саша, ты расскажи ему про танки и вертолёты».

И Александр Филиппыч, ведя машину по гамаде, поведал мне обе истории. Однажды при подготовке к очередным учениям войск Туркестанского военного округа была запланирована масштабная танковая атака на большом пространстве правобережья реки Или в её среднем течении. Танки должны были пройти широким фронтом от гор Большие и Малые Калканы на запад около 100 км – почти до первого в этом районе населённого пункта Чингильды, т.е. через всю равнинную часть Капчагайского охотхозяйства, где

⁹ Сын писателя М.Д. Зверева (1986-1996), работавший тогда директором Алматинского заказника – АК

¹⁰ Рыба горячего копчения особого, местного приготовления. – АК

концентрировалось всё поголовье джейрана (*Gazella subgutturosa*). Но им удалось пройти только первые 10 км, так как А.Ф. Тарасов добился приёма у командующего военным округом и убедил его изменить маршрут атаки, чтобы сохранить эти необжитые и с виду никому не нужные пространства гамады. Следы этой «захлебнувшейся» в самом начале атаки он впоследствии показывал мне в районе Мынбулака, у восточных границ хозяйства. Это были оставленные танковыми гусеницами глубокие параллельно идущие рвы среди редкого покрова тасбиюргуна и саксаульчика (*Nanophyton erinaceum*, *Arthrophytum* sp.); каждый такой ров служил источником эрозии почвенного покрова, и без того скудного в этой каменистой пустыне...

Не менее поучительна также история с вертолётками. Никем не контролируемые военные вертолётки летали как над равнинной, так и над горной частью хозяйства. И вот до Тарасова дошли слухи, что в горах лётчики охотятся на архаров и горных козлов. Однако поймать их за этим занятием егеря на лошади не в состоянии. Тарасов дал своим егерям строжайшее задание: записать номер вертолётки, место его приземления и точное время его пребывания на посадке. Получив эти данные, он по свежим следам отправился на приём к командующему военным округом генералу Лященко, который славился своим крутым нравом. Как говорил мне сам Филиппович, вызванные к генералу лётчики зашли к нему капитанами, а вышли рядовыми! И с тех пор вертолётки облетали эти горы стороной...

Рис. 444. Южные предгорья Чулакских гор, май 1988 г. Рис. 445. В ущелье Чулак. Май 1981.

Третий кордон, который мы посетили в этот день, был знаменитый Кызылаус («красный рот»). Находился он, в отличие от предыдущих, не открыто в предгорьях, а в глубине узкого живописного ущелья, при въезде в которое бросались в глаза выложенные на склоне побелёнными камнями слова: «Браконьер – вор!». Просто и доступно каждому. По бокам дороги, уже в ущелье, то и дело попадались небольшие навесы над зимними кормушками для кекликов. Как раз в этом ущелье проводили основные исследования биологии кекликов М.А. Кузьмина и Ю.Н. Грачёв, в один голос утверждавшие, что зима здесь бывает многоснежной и является «узким местом» в биологии этой птицы.

Наиболее интересные сведения по биологии джунгарского кеклика Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986) собрала именно в этом ущелье во время стационарных работ в 50-60-х гг. XX ст., а сын её Юрий Николаевич Грачёв (1936-2020), продолжая её исследования здесь же наблюдал феномен двойного насиживания кладок у этого вида (самец и самка одновременно насиживают две кладки!), что и описал в специальной монографии, посвящённой кеклику (Грачёв, 1983).

Рис. 446. Кордон Кызылаус, май 1988 г. Рис. 447. Гостевой домик в Кызылаусе, май 1988.

Рис. 448. Тот же домик, май 1988. Рис. 449. Тот же домик в 2016 г. Фото Виктории Ковшарь

Небольшой домик егеря (рис. 446) стоял прямо на берегу горной речки, над которой в тени старой развесистой ивы был сооружён дощатый помост как место трапезы для гостей. А метрах в тридцати стоял, как сказочный терем, бревенчатый дом с высоким крыльцом и обширной верандой (рис. 447-449). Внутреннее его убранство поражало не меньше: камин с изразцами, на стенах гостиной – рога и головы охотничьих животных, посередине – стол и старинная мягкая мебель. Довольный произведенным впечатлением, Тарасов сказал мне: «А знаешь, я ведь этот дом из города привёз!». Оказывается, как-то почти чудом на одной из улиц города он высмотрел этот дом, уже предназначенный под снос. Пользуясь связями в Управделами Совмина, он добился, чтобы его переписали на баланс хозяйства, нашёл умельцев, которые разобрали его по брёвнышку, перевезли в ущелье и собрали так же точно на месте, которое он приготовил под этот дом. Получился вполне приличный гостевой домик в правительственном охотхозяйстве, в котором он уже не раз принимал не только высоких правительственных чиновников, но и иностранных гостей. От последних он заразился идеей создать при этом домике таксидермический цех по производству сувенирной продукции – прежде всего чучел и охотничьих трофеев, о чём с жаром тут же мне и поведал. А я слушал и удивлялся: сколько же идей и энергии у этого человека!.. Ночевали мы в этом гостевом доме – в маленьких комнатах с железными кроватями.

На следующий день мы посетили четвертый, так называемый береговой кордон, на котором строился загон для куланов (*Equus hemionus onager*), которых предполагалось следующей весной завезти сюда из острова Барсакельмес, где их расплодилось больше, чем могло прокормиться, к тому же солёность воды в обмелевшем Аральском море уже приближалась к предельно допустимой для животных. Загон мне понравился, сделан он был достаточно грамотно, вплоть до создания защитной дощатой стенки, за которой

самки с детёнышами могли бы спрятаться от преобладающих холодных ветров. Отсюда мы съездили в ущелье Талдысай, на скалах которого, как и обещал нам Тарасов, увидели хищных птиц, в том числе балобана (*Falco cherrug*), белоголового сипа (*Gyps fulvus*) и чёрного грифа (*Aegypius monachus*). Не удалось увидеть только чёрного аиста (*Ciconia nigra*), который, как утверждал Тарасов, тоже встречается здесь.

Рис. 450. Вход в ущелье Талдысай, май 1981 г. **Рис. 451.** Щитомордник там же. Май.

Во время этой поездки мне запомнились два момента. При въезде в ущелье Тарасов остановил свою «Ниву» и вышел проверить, где тут, как он выразился, «заминировано». Оказывается, против браконьеров на машинах он давно уже практиковал такой приём: на дороге у въезда в ущелье (в самом узком месте, которое никак не объехать), он выкладывал так называемые «шипы» – согнутые в двух противоположных плоскостях заострённые гвозди, которые всегда переворачивались острием кверху и навстречу движению. Это давало гораздо больший эффект, чем гвозди, вбитые в доску, и к тому же выглядело, как случайно обронённый гвоздь (ведь это был нелегальный метод борьбы с браконьерством, о чём он меня сразу же и предупредил, попросив никому не рассказывать). И тут же пожаловался, что недавно сам напоролся на свой же «шип», забыв, что положил его справа от куста, а не слева, как обычно.

Второй момент – более курьёзного характера. На берегу речки в ущелье, куда мы прошли с Тарасовым вдвоём (Володя остался около машины), лежал великолепный экземпляр (рис. 451) щитомордника (*Agkistrodon halys*). Больше по старой привычке, чем по надобности, я поймал его и стал рассматривать, а Тарасов уже стоял рядом с большим камнем в руке! Он был явно недоволен, что я взял змею в руки. А когда увидел, что я после осмотра зашвырнул щитомордника в кустарник (я сделал это специально, видя, что хочет с ним сделать мой спутник), Филиппович не на шутку осерчал: «Зачем ты его отпустил? Я понимаю, что природу надо охранять, и всегда это делаю. Но змею надо всё-таки убивать». И с сожалением выбросил камень.

После Талдысай Тарасов повёз нас дальше на восток, на так называемую «каменную ограду». Это удивительное место: на плавно понижающейся к морю щебнистой равнине, поросшей тасбиюргуном, почти в одну линию от гор к воде располагались поставленные «на попу» огромные камни высотой с человеческий рост (рис. 454), причём по сторонам у каждого такого камня было по два камня поменьше. Получалось нечто наподобие бойницы, и так через каждые 30–40 м. Начиналась эта «ограда» с полкилометра от подошвы гор, именно на равнине, и до воды (бывшей реки Или, а ныне Капчагайского вдхр.) не доходила несколько километров. Показывая нам этот оригинальный памятник, Тарасов сделал предположение, что это могло быть что-то вроде пограничной заставы, например, против джунгар. Но когда я вернулся в город, профессор Павел Иустинович Мариковский объяснил мне, что это чисто охотничьи сооружения – для охоты на копытных (видимо, тех же джейранов) путём нагона их на стрелков, которые прячутся за этой оградой. И это наиболее вероятная версия. Поражало лишь то, как и чем можно было такие огромные, тяжёлые камни перевозить сюда с гор...

Рис. 452. Чулакские горы и южная подгорная щебнистая равнина. 14 октября 2016 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 453. Равнина у Бесшатыра, на переднем плане – «каменная ограда». 14 октября 2016 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 454. Ошактас – элемент «каменной ограды». 14 октября 2016 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 455. Урочище Мынбулак и кордон того же названия. 14 октября 2016 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Дальше на восток мы не поехали – вышло наше время, надо было возвращаться в город. Лишь с самого возвышенного места «каменной ограды» Филиппыч показал пять крупных курганов, назвав это место «Бесшатыр», а за ними было урочище Мынбулак (тысяча родников), на которое возлагались большие надежды по части закрепления там в будущем выпущенных куланов (как оно потом и произошло). Уже осенью этого года я смог познакомиться с этим урочищем, как и со знаменитым Поющим барханом, где потом бывал неоднократно. Но знакомству с этим удивительным местом правобережья реки Или, которое тогда именовалось «Капчагайское охотничье-заповедное хозяйство», а сейчас называют Национальный парк «Алтынэмель», положила начало эта двухдневная поездка 28-29 мая 1981 г. Кстати, джейранов мы и в те дни насмотрелись вволю – по крайней мере, несколько сотен голов встретили. Причём в двух местах удалось найти и так называемых «чебышат» – новорожденных, которые затаиваются в малейшей каменистой ложбинке, края которой поросли редким тасбиюргуном (рис. 452, 453). Увидеть такого малыша практически невозможно, пока он не выскочит прямо из-под ног – как заяц. И только потом замечаешь мать, которая всё это время одиночно маячила в 200-300 м, а то и дальше от этого места.

*****

Осенью того же 1981 года, с 13 по 19 октября, мы с герпетологами Зоей Карповной Брушко и Рудольфом Александровичем Кубыкиным (1937-2001), а также териологами Евгением Иоганновичем

Страутманом (1913-1995) и Давидом Александровичем Бланком предприняли поездку в Капчагайское ГОЗХ по маршруту: Чингильды – Кызылаус – кордон Жантугай (Береговой) – Талдысай – Бесшатыр – Мынбулак – биостанция КазГУ – Поющий бархан – Майка – Волковская партия – пески Жапалаккум – горы Катутау и Актау. Поездка захватила восточную часть охотхозяйства, заповедный участок Поющий бархан (филиал Алматинского заповедника, который А.Ф. Тарасов сумел-таки присоединить к своему хозяйству, превратив его тем самым в «заповедно-охотничье»), а также расположенные восточнее пески Жапалаккум (рис. 459) и подножья ксерофитных горок Актау и Катутау, поразивших моё воображение красивыми пестроцветными глинами. Сейчас все эти места входят в состав Алтын-Эмельского национального парка, созданного на месте Капчагайского ГОЗХ и земель Басчинского конесовхоза (горы Актау и Катутау присоединили к национальному парку немного позднее). К сожалению, джейрана на этих «восточных» землях мы так и не увидели, как и дрофу-красотку, которую специально высматривали.

В один из дней мы посетили место на правом берегу р. Или, где доживала свои последние дни биологическая станция Казахского госуниверситета имени С.М. Кирова (ныне КазНУ им. аль-Фараби). Она ряд лет верой и правдой служила гидробиологам и ихтиологам для проведения стационарных исследований и летних практик студентов, а сейчас здания её были уже пусты (рис. 456), и для обеда мы выбрали закрытое от ветра местечко под обрывом (рис. 457).

Рис. 456. Биологическая станция КазГУ им. С.М. Кирова на правом берегу р. Или, октябрь 1981 г.

Рис. 457. Чаепитие близ биостанции, октябрь 1981 г.: Е.И. Страутман, З.К. Брушко, шофёр, Р.А. Кубыкин, Д.А. Бланк

Очень понравилось мне урочище Мынбулак, где действительно было множество небольших родников и возле каждого из них произрастали небольшие туранговые рощи и кустарниковые заросли, в том числе барбарис илийский (*Berberis ilensis*), занесённый в Красную книгу Казахстана. В отличие от обычного в Тянь-Шане *Berberis oblonga* ягоды его не продолговатые, а почти круглые; цвет их не тёмный, а светло-красный, и даже на вкус они были далеко не такие кислые, как ягоды горного барбариса. Безусловно, это была хорошая кормовая база для зимующих и мигрирующих птиц. А само место смотрелось как идеальное укрытие и надёжный водопой для копытных, в частности – тех куланов, которых мы намеревались здесь выпустить в будущем году.

Запомнился и знаменитый Поющий бархан, который я видел впервые (рис. 458). Стояла ясная солнечная погода, и мы поднимались на этот бархан босиком по горячему песку (было 18 октября!). Мимо нас стремительно проносились быстрые (*Eremias velox*), линейчатые (*E. lineolata*) и средние (*E. intermedia*) ящурки, иногда удавалось увидеть крупную ушастую круглоголовку (*Phrynocephalus mystaceus*). Птиц на бархане не было. На самом гребне бархана удалось, наконец, услышать его «пение», напоминающее скорее рёв ракетного двигателя взлетающего самолёта, только заметно приглушенный. Раздавался он тогда, когда песчинки струёй скатывались с крутого склона бархана.

Рис. 458. Поющий бархан и люди на нём. Вечер 13 октября 2005 г.

Рис. 459. Пески Жапалаккум между рекой Или и горами Катутау. Май 1988 г.

Завершился год проведением 8 декабря 1981 г. первого на территории Капчагайского ГОЗХ аэровизуального учёта джейрана (участники Д.А. Бланк, А.Ф. Ковшарь и А.Ф. Тарасов). Всего видели несколько сотен голов, что вполне соответствовало данным наземного учёта, проведенного Ю.А. Грачёвым, который 15 марта 1977 г. на автомобильном маршруте 30 км насчитал 189 джейранов. Судя по этим данным, в хозяйстве обитало порядка 2-3 тысяч джейранов. Один раз на развороте наш МИ-8 пролетел над верхушками Больших Калкан, и там мы успели увидеть четырёх архаров; при другом развороте над горами Чулак мы наблюдали стадо козлов.

*****

Рис. 460. К.П. Параскив (1914-1959), И.А. Долгушин (1908-1966) и К.П. Ушаков (1920-1983), 1956 г. Автор неизвестен

Рис. 461. Куланы с молодняком в загоне перед выпуском. Андасай, 1984 г. Фото М.Н. Бикбулатова

Рис. 462. Д.А. Бланк в годы наблюдений за куланами и джейранами в Капчагайском ГОЗХ. 1988 г.

Через год на территории Капчагайского ГОЗХ состоялся первый выпуск куланов, которых на острове Барсакельмес отлавливала бригада ловцов Казглавохоты с участием зоологов лаборатории охраны диких животных Кирилла Павловича Ушакова (1920-1983), который изобрёл шприц для обездвиживания, и Володи Мурзова (1955-2005). Отлов куланов на острове и перевозка их в машинах за тысячу километров от Аральска до Капчагая достаточно подробно описаны участником этих работ В.Л. Сотниковым (1986), который в своей популярной книжке объективно описывает весь процесс репатриации, начиная с планов, которые в ходе выполнения проекта менялись. На кордоне Жантугай (Береговом) Капчагайского ГОЗХ с января 1982 г. в трёх вольерах площадью по полтора гектара каждый содержалось 23 кулана (7 самцов и 16 самок). Первый куланёнок родился 13 мая, а к 20 мая их было уже пятеро. В этот день, 20 мая, их выпустили из вольер, после чего сотрудник нашей лаборатории Давид Александрович Бланк вёл за ними наблюдения, результаты их опубликованы в интересных статьях (Бланк, 1986; Бланк, Тарасов, 1986). Одно время вместе с ним эту работу вели Алтын Джаныспаев и Максим Зверев – внук писателя Максима Дмитриевича Зверева.

В середине июля 1982 г. два московских профессора Владимир Евгеньевич Флинт (1924-2004) и Андрей Григорьевич Банников (1915-1985), бывший тогда вице-президентом МСОП, приехали в Алма-Ату, и директор хозяйства А.Ф. Тарасов повёз нас на своей «Ниве» в поисках куланов. За два дня, 15 и 16 июля, мы объехали большую часть хозяйства и в двух местах встретили две группы с уже сформированной иерархией стада и несколько одиночных самцов. Ночевали в гостевом домике в ущелье Кызылаус, где ошалевший от счастья хозяин, не знавший, как ублажить высоких гостей, всё пытался спить Банникова, который после первых двух рюмок наотрез отказался от водки. Тогда подвыпивший Тарасов буквально взмолился: «Деда, ну выпей со мной! Или ты уже больше не можешь?» (видимо, был наслышан о возможностях Андрея Григорьевича по этой части). В ответ на это Андрей Григорьевич разгладил свою бороду и, немного возвысив голос (чего за ним обычно не наблюдалось), отчётливо, с расстановкой, сказал: «Могу! И не только стакан, но и ведро. Но я **не хо-чу!**». А Флинт наклонился ко мне и тихо попросил увести куда-нибудь Филипповича, который уже был неуправляем. Кое-как с помощью егеря мы увели его спать.

Рис. 463 и 464. А.Ф. Тарасов, А.Г. Банников и Ф.Е. Флинт. Чулакские горы, Кызылаус, 15 июля 1982 г.

Эта двухдневная езда в самые жаркие дни лета в закупоренной «Ниве» на заднем сидении далась нам с Владимиром Евгеньевичем очень нелегко. Тем более, что сидевший впереди меня с телеобъективом А.Г. Банников всё время пытался фотографировать чернобрюхих рябков, подпуская машину довольно близко. Когда же я, не выдержав этих длительных задержек в душной машине, вскользь заметил, что для ускорения процесса наведения резкости можно воспользоваться автофокусом, Андрей Григорьевич ответил мне афоризмом: «С хорошим снимком, друг мой, как и с хорошей женщиной, надо повозиться. А не то, что раз-раз и на матрас». Эта шутка сразу разрядила обстановку...

*****

Из остальных поездок в Чулакские горы мне больше всего запомнилась инспекционная поездка 29-31 марта 1994 г. в организованный на месте Капчагайского охотхозяйства Алтын-Эмельский национальный парк – прежде всего тем, что мне впервые удалось посетить ущелья восточной части этих гор – напротив Мынбулака и Комсомольской базы (см. рис. 465-470). Об этой поездке стоит рассказать подробнее.

Пока был жив А.Ф. Тарасов, директор соседнего с его хозяйством Басчинского конесовхоза Галым Турганбаев (бывший секретарь райкома) мог только с завистью поглядывать на эту богатую джейранами территорию. После смерти Филипповича, особенно после того, как его хозяйством бездарно «руководили» сменявшие один другого «директора»¹¹, Турганбаеву удалось провести через Верховный Совет (он был

¹¹ Один из них, некто Красноюрченко, прославился тем, что, увидев в речке у кордона Кызылаус большое количество гаммарусов, крикнул егерю: «Ты что это развёл в речке чёрт знает что? У тебя дуст есть? А ну тащи сюда, будем травить эту нечисть!» – АК

тогда депутатом) постановление об организации на базе Басчинского конесовхоза и Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства (!) новой особо охраняемой природной территории – Алтын-Эмельского ГНПП (государственного национального природного парка) республиканского значения, хотя это шло вразрез с уже занесённым в перспективный план развития ООПТ нашим с Д.А. Бланком предложением о создании национального парка под названием «Илийская долина», включающего, помимо Капчагайского ГОЗХ, также горы Актау и Катутау с песчаными массивами правобережья, а также часть левобережья реки Или, в том числе зеркало Капчагайского водохранилища и Чарынский каньон с реликтовой рощей согдийского ясеня (Перспективы формирования..., 1989, с. 9). Нам пообещали, что это будет вторая очередь...

После создания национального парка «Алтын-Эмель» настал черёд завидовать другим (также из числа бывших партийных руководителей районного масштаба), и в результате появилась большая газетная статья с подписями учёных и писателей (в том числе М.Д. Зверева, Е.В. Гвоздева и моей¹²) с критикой в адрес руководства нацпарка. Немедленно была создана правительственная комиссия во главе с замминистра экологии Майрой Жунусовой, в которую вошли: сам Галым Турганбаев, областной охотинспектор Сеитпек Курманалиев, начальник отдела заповедников Казглавохоты Тлеубек Рымжанов (1951-2011), начальник отдела учёта животного мира Эрнар Ауэзов (1943-1995), главный редактор газеты «Экокурьер» Эдуард Олегович Мацкевич (1939-2014), руководитель организации «Экопроект» Юрий Исакович Эйдинов, главный охотовед «Казохотрыболовсоюза» Виктор Георгиевич Егоров и заведующий лабораторией охраны диких животных А.Ф. Ковшарь. В день выезда на территорию парка, 29 марта 1994 г., председатель комиссии, сославшись на занятость, объявила, что не может участвовать в поездке и всецело доверяет своему заместителю, т.е. мне...

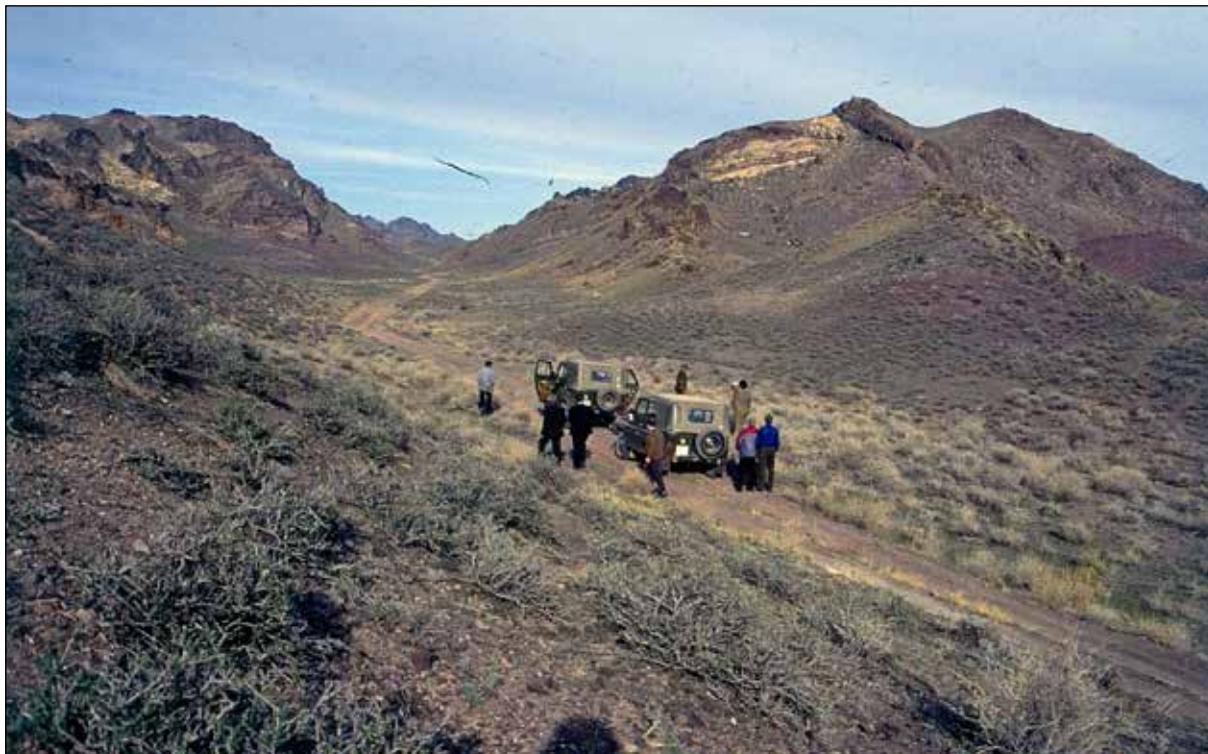

Рис. 465 и 466. В ущелье Шолбер восточной оконечности гор Чулак. Вечер 30 марта 1994 г.

Рис. 467 и 468. В сухих ущельях восточной оконечности Чулакских гор. 30 марта 1994 г.

¹² С тех пор я не подписываю т.н. коллективные письма, которые стряпают ловкие люди, владеющие целым арсеналом приёмов получения подписей у легковёрных и занятых людей, далёких от политики – АК

Рис. 469. В ущелье Шолбер, 30 марта 1994 г.

Рис. 470. В сухом ущелье в конце лета, 1995 г.

Поездка была трёхдневной. В первый день нашу машину в посёлке Чингильды встретил директор нацпарка Галым Турганбаев со своей свитой, и мы колонной из трёх машин посетили кордоны Чулакэспе и Жантугай, где и заночевали. На равнине между Тайгаком и Кызылаусом насчитали 142 джейрана (*Gazella subgutturosa*) и встретили группу из 5 сайгаков (*Saiga tatarica*), а в горах близ кордонов – несколько групп сибирских горных козлов (*Capra sibirica*) общей численностью 36 особей. На второй день, посетив ущелья Кызылаус и Талдысай, мы «прочесали» всю подгорную территорию до урочища Бесшатыр на востоке. А там Галым Турганбаев провёл наши машины в ущелье Шолбер, в котором я раньше не бывал. Перевалив верхнюю часть этого ущелья, мы оказались в другом ущелье, по которому спустились до так называемой Комсомольской базы. В горах мы встретили около 20 групп сибирских горных козлов общим числом 92 особи, а на равнине насчитали более 200 джейранов. С куланами нам повезло гораздо меньше: за два дня встретили две группы (12 и 21) и двух одиночек.

На кордоне Мынбулак нас ожидали представители областной инспекции по охране животного мира, областной экологии и районной администрации. Такой представительной компанией, отобедав на кордоне Мынбулак (запомнился глубокий бассейн, в котором плавали крупные сазаны!), мы осмотрели Поющий Бархан при вечернем освещении (в 19 час он был особенно красив) и отправились в контору национального парка – село Басчи, насчитав по пути около 470 джейранов.

Вечером состоялось столь обязательное застолье с речами, преподношением чапанов и прочими атрибутами, что я начал понимать: исход работы комиссии уже предрешён. На следующий день, 31 марта, после бесед в кабинете директора, завершившихся обильным обедом, комиссия выехала в Сарыозек. Здесь, в здании районной администрации в 16 час состоялся доклад у первого заместителя районной администрации, где много внимания было уделено подчинённости этого национального парка (местное руководство явно пыталось доказать, что парк должен подчиняться местным властям и доходы от него должны поступать в местный бюджет). В конце концов, согласившись в целом с В.Г. Егоровым, что охрана природы и коммерция несовместимы, большинством голосов пришли к выводу, что этим национальным парком не должен распоряжаться только ХОЗУ Совмина и доля области в получении доходов должна превалировать. И все пропустили мимо ушей слова Ю.И. Эйдинова о том, что сейчас в первую очередь от национального парка потребуются большие капиталовложения, а отдача будет не раньше, чем через 15-20 лет...

Обратно в Алма-Ату ехали в полной темноте, и Глеубек Рымжанов, которого я знал по работе в нашем институте как скромного, тихого и трезвого человека, в каждом посёлке останавливал автобус, чтобы купить очередную бутылку. А Эдуард Мацкевич всё приставал к Юрию Исаковичу с одним и тем же вопросом: как это он не знает какого-то Изю. Словом, поездка удалась на славу и результат её был предрешён... Как и следовало ожидать, Турганбаева на посту директора вскоре сменил С. Курманалиев, проработавший в этой должности более 10 лет и заведший здесь драконовские порядки, направленные на получение с посетителей национального парка (в том числе и учёных!) максимальной прибыли.

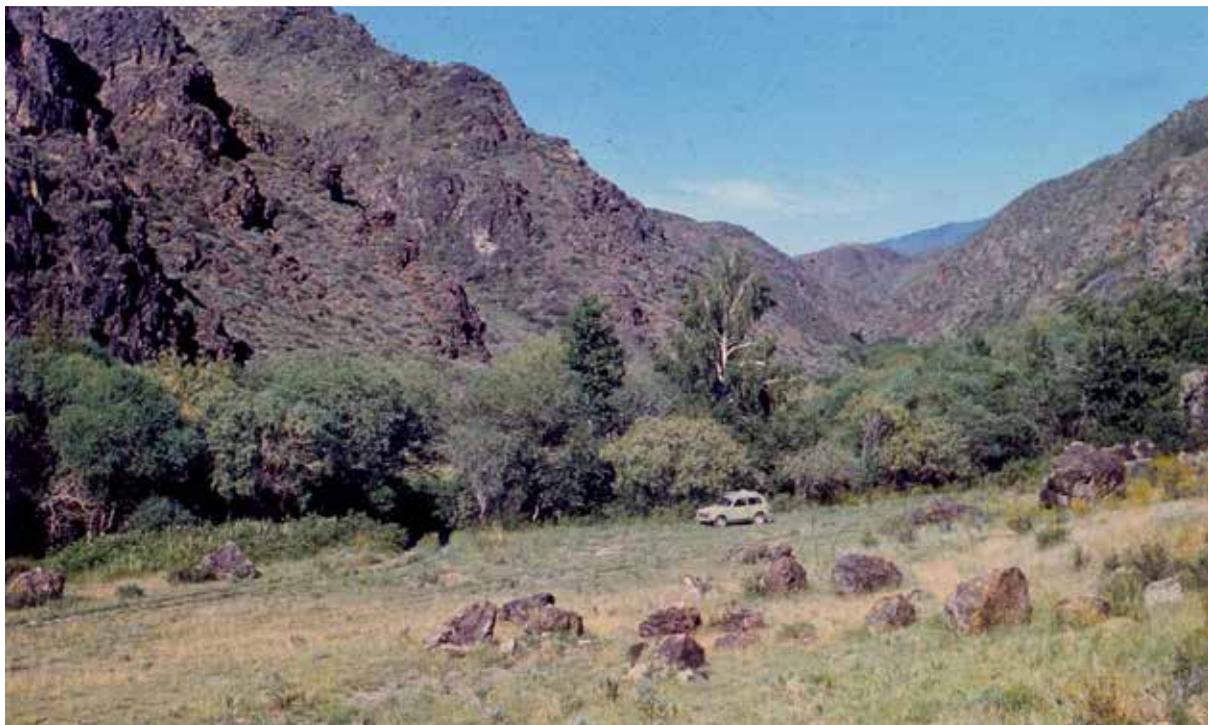
И когда осенью 2016 года я присутствовал на праздновании юбилея Алтын-Эмельского ГНПП, то в праздничных речах ораторов резало слух не только чрезмерное преувеличение заслуг современного руководства – в пику первому десятилетию правления Галыма Турганбаева (который сделал для только что созданного национального парка много!), – но и *полное забвение* того неопровержимого факта, что основу всей этой работы ещё с 70-х гг. заложил директор Капчагайского ГОЗХ *Александр Филиппович Тарасов* – скромный морской офицер, сохранивший для потомков (и будущего ГНПП) эти горы с их предгорьями и всеми населяющими их животными, включая джейранов, куланов, архаров и горных козлов...

30 апреля 2023 г. – 28 февраля 2024 г.

19. Поездка в Джунгарские ворота (23-26 июня 1986)

Рис. 471. Восточная часть северного Джунгарского хребта, ур. Сарыбухтёр, 25 июня 1986 г.

Рис. 472. Ущелье р. Тахты (нижняя часть) на востоке Джунгарского Алатау, 24 июня 1986 г.

Официальная справка: «Джунгарские ворота – горный проход между хребтами Джунгарский Алатау на З. и Барлык и Майли на В. Соединяет Балхаш-Алакольскую впадину (СССР) [теперь: Казахстан – АК] с котловиной оз. Эби-Нур (на З. КНР). Самое узкое место (в районе оз. Жаланашколь) – ок. 10 км, самое широкое (у оз. Алаколь) – 40 км. Издавна служил проходом для кочевых народов из Центр. Азии в Казахстан. Через Д.В. пройдёт строящаяся (1960) ж.д. от ст. Актогай в Китай» (Краткая географическая энциклопедия, том 1, М.,1960, с. 541). В изданном через 28 лет справочнике «Казахская ССР, краткая энциклопедия, том 2», к этому тексту добавлено: «Находятся на берегу оз. Эби-Нур (Зап. Китай) и соединяют Балхаш-Алакольскую впадину с Джунгарской равниной. Высота 300-400 м, ширина в наиболее узком месте 10 км. В Казахстан заходит северо-западная часть Д.В. Эби и Сайхан ветры дуют на Д.В. в противоположных направлениях, образуя «сквозняки». Преобладает полупустынный ландшафт, пригодный для пастбищного животноводства. В разное время Д.В. посетили П.П. Семёнов-Тян-Шанский, Ч.Ч. Валиханов, Н.М. Пржевальский, Л.С. Берг и др. учёные-путешественники» (Казахская ССР, 1988, с. 174).

Летом 1986 г. мне удалось, наконец, попасть в Джунгарские ворота, где за 5 дней (20- 26 июня) Борис Павлович Анненков, работавший тогда на звероферме в Учарале, на своей «Ниве» провёз меня по маршруту: Учарал – Горький ключ на оз. Алаколь (20/21) – Учарал (21-23) – горы Кайканы – р. Жаманты – с. Коктума – застава Чиндала (23/24) – выезд за систему – возвращение – Джунгарские ворота – р. Тахты – (24/25) – подъём в горы – р. Оленты – Испул – гора Сандыктас – застава Сарыбухтер (1740 м над ур. м.) – предгорья у Тополевой щели на полпути между 19 разъездом и оз. Джаланашколь (25/26) – озеро Джаланашколь – Учарал. В виду краткости срока, я прилетел в Учарал и улетел обратно самолётом ЯК-40.

Поездка в сами ворота была запоминающейся. На заставе Чиндала, где Бориса все офицеры хорошо знали, нас покормили, определили на ночь в комнату отдыха, а утром даже пропустили с машиной за систему (!), предупредив, что к обеду мы должны вернуться обратно. Первое ощущение, когда мы оказались за колючей проволокой, было особенным – каким-то тревожным. Но вскоре я привык, и за полдня больше ни разу об этом не вспомнил. Гораздо больше меня занимало другое: в низких сухих горках, которые мы пересекали, чтобы выйти на равнину, росли отдельные, но довольно высокие кусты саксаула (рис.475 и 476) и весь склон между ними был буквально изрешечен норами большой песчанки (*Rhombotus opimus*). Я впервые видел этих представителей пустынной флоры и фауны в горных условиях! Кроме того, сама дорога ранним утром между сглаженными холмами, которые в лучах восходящего солнца казались светящимися каким-то ореолом (рис. 473), была очень впечатляющей и запоминающейся. Много лет спустя я не раз испытывал подобное ощущение, проезжая в такое же время суток по низкогорью Богутов или Турайгыра...

Рис. 473 и 474. Низкогорное окончание Джунгарского Алатау – северный и южный склон. 24 июня 1986.

Рис. 475 и 476. Саксаульник и колония большой песчанки на южном склоне края хребта. 24 июня 1986.

Когда из очередной долинки мы выехали на открытый равнинный простор, Борис сказал: «Ну, вот перед нами Китай: если сейчас дать газку, то через полкилометра мы уже будем на их территории». Вдали узкой полоской блестело озеро Эби-Нур, но посмотреть на него в бинокль Боря мне не дал, сказав, что из любого ДОТ’а могут сделать выстрел на отблеск стекла бинокля. В указанном им направлении я увидел только бугорки ДОТ’ов. Взлетевшая перед нашей машиной пара чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) улетела прямо в том направлении – на юг (рис. 479). Глядя ей вслед, Боря сказал, что сейчас эти наши рябки приземлятся уже в Китае. И я вспомнил, как мы ещё в 1981 г. при обсуждении Закона Казахской ССР об охране животного мира спорили по поводу первой его фразы: «Животный мир в Казахстане является *исключительной* собственностью государства». Видимо, эта пара рябков не читала нашего Закона...

Рис. 477 и 478. Южный склон низкогорья, спуск в котловину оз. Эби-Нур. 24 июня 1986 г.

Рис. 479. Южное подножье восточного окончания Джунгарского Алатау. Впереди – оз. Эби-Нур.

Мы выдержали отведенное нам время и ровно в 13 час пересекли КСП (контрольно-следовую полосу) в обратном направлении, при этом я неожиданно для самого себя испытал облегчение – значит, где-то глубоко тревога всё-таки сидела, хотя казалось, что я избавился от неё ещё утром. Тут же, перекусив солдатской

каши, мы поехали в Джунгарские ворота – уже с нашей стороны. Не могу сказать, чтобы они произвели на меня какое-то особое впечатление: голая щелбнистая равнина с редким полукустарничком солянок и чуть более высокими кустиками вдоль сухих русел временных весенних водотоков. А в самом пониженном её месте – какая-то железнодорожная станция, в районе которой видны движущиеся автомашины. Почти то же, что Чокпакские ворота, только там больше жизни. Кстати, насчёт жизни. Сколько мы ни старались, но джека так и не увидели. Парочка пустынных славок (*Sylvia nana*) и пустынных каменок (*Oenanthe deserti*) – вот и всё пернатое население «ворот».

Рис. 480 и 481. Полупустыня Джунгарских ворот. Впереди – горы Барлык и Майли. 24 июня 1986 г.

Рис. 482 и 483. Восточная оконечность хребта Северный Джунгарский Алатау. 25 июня 1986 г.

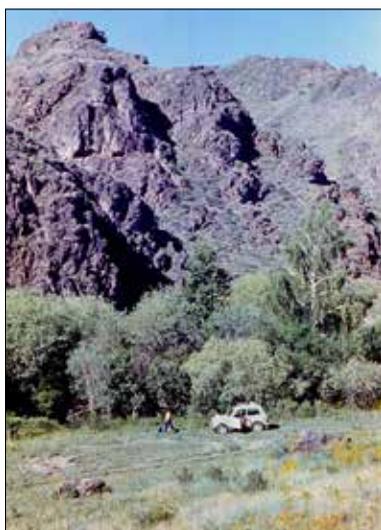

Рис. 484 и 485. Ущелье р. Тахты (место ночёвки) и путь в урочище Сарыбухтёр. 25 июня 1986.

Рис. 486 и 487. В урочище Сарыбухтёр: автор на фоне Сандыктаса и КСП на горных лугах. *Фото Б.П. Анненкова*

Вечером того же дня мы переночевали между 19-м разъездом и озером Джаланашколь, а 26 июня, посетив это озеро, на котором из-за сильно разыгравшегося ветра никаких птиц не было видно, вернулись в Учарал.

Рис. 488 и 489. Ур. Сарыбухтёр, гора Сандыктас и место ночёвки 25/26 июня над озером Джаланашколь. *Фото АК*

4 мая 2023 г. – 28 февраля 2024 г.

20. Облёт Джунгарского Алатау на МИ-8 (6-8 июля 1990)

Рис. 490. Верховья Тышкана в южном Джунгарском хребте. Снято с вертолёта МИ-8, 6-8 июля 1990 г.

Рис. 491. Между верховьями Тентека и Лепсы. Снято с вертолёта МИ-8, 6-8 июля 1990 г.

Джунгарский Алатау

Летом 1990 г., наконец-то, сбылась моя мечта увидеть Джунгарский Алатау во всей его красе с воздуха: с 6 по 8 июля мы впятером (кроме нас с Викторией – также Борис Губин, Федя Карпов и Рудольф Кубыкин) повторили аэровизуальный учёт серпоклюва, на сей раз – начиная с северо-восточных отрогов Терской-Алатау и хребта Кетмень, заканчивая Джунгарским Алатау. В этот раз мы обнаружили хорошую популяцию этого кулика (больше 20 пар) в истоках реки Чулкудысу между хребтами Кетмень и Каратау и не обнаружили его в западной половине Джунгарского Алатау. В сущности, облёт последнего, учитывая большую протяжённость горного маршрута, преследовал более скромные цели: поиски галечников, которые могли бы служить местами гнездования этого кулика. В ряде ущелий такие галечники были найдены, ниже они будут показаны. Но для меня главным результатом явилось общее знакомство с ландшафтами этого столь интересного хребта: казалось бы, близкого к Тянь-Шаню, но и явно от него отличающегося.

Рис. 492 и 493. Между Тышканом и Большим Усеком. С борта МИ-8. 6 июля 1990 г.

Рис. 494 и 495. Юго-западная оконечность южного Джунгарского хребта. 6 июля 1990 г.

Рис. 496 и 497. Вид на главный хребет северного Джунгарского Алатау с борта МИ-8. 6 июля 1990 г.

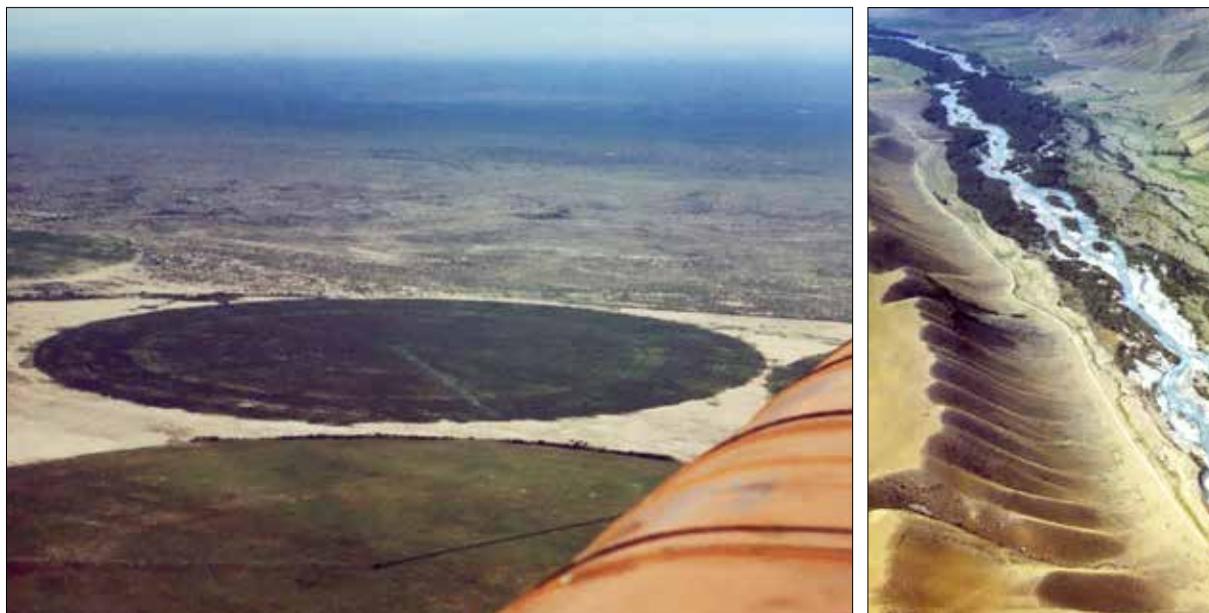

Рис. 498. Круги от дождевальных установок вблизи Усекского озера в долине Или. 6 июля 1990 г.

Рис. 499. Долина Малого Усека с галечниками и кустарниковыми зарослями. 6 июля 1990 г.

Рис. 500 и 501. Галечники реки Борохудзир, южный Джунгарский хребет. 6 июля 1990 г.

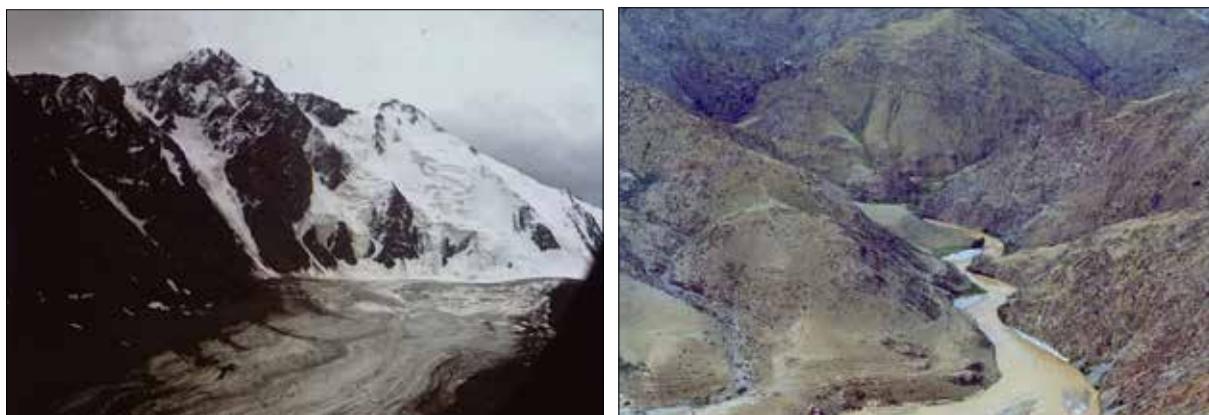

Рис. 502 и 503. Истоки и верхнее течение реки Аксу (сев. Джунгарский хребет). 6 июля 1990 г.

Рис. 504 и 505. Озерко в истоках реки Аксу и галечники в её нижнем течении. 6 июля 1990 г.

Рис. 506 и 507. Город Текели и терраса в горах западнее города. 6 июля 1990 г.

Рис. 508 и 509. Истоки реки Сарканд и каменная терраса западнее. С борта МИ-8. 7 июля 1990 г.

Рис. 510 и 511. Река Сарканд в каньоне (среднее течение). С борта МИ-8. 7 июля 1990 г.

Рис. 512 и 513. Каменистая терраса восточнее Саркандского ущелья. С борта МИ-8. 7 июля 1990 г.

Рис. 514 и 515. Город Сарканд в предгорьях северного хребта и горы Каракунгей. 7 июля 1990 г.

Рис. 516. Река Лепсы на выходе из гор. **Рис. 517.** Река Тентек на выходе из теснины. 8 июля 1990 г.

Рис. 518 и 519. Лесные и безлесные склоны междуречья Лепсы – Тентек. 8 июля 1990 г.

Рис. 520 и 521. Хвойный лес в междуречье Лепсы и Тентека, с борга МИ-8. 8 июля 1990 г.

Рис. 522 и 523. Междуречье Лепсы и Тентека в высокогорье и в лесном поясе. 8 июля 1990 г.

Рис. 524. Горный массив истоков рек Лепсы и Тентек (с борга МИ-8). 8 июля 1990 г.

Рис. 525 и 526. Фрагменты истоков рек Тентек и Лепсы (с борта МИ-8). 8 июля 1990 г.

6 мая 2023 г. – 28 февраля 2024 г.

21. Экспедиция от Тентека до Тышкана (июль 2002)

Рис. 525. Смешанный лес по р. Верхний Тентек (северный Джунгарский хребет). 20 июля 2002 г.

Рис. 526. Ельники в верховьях Тышкана (южный Джунгарский хребет). 28 июля 2002 г.

В 2002 году в составе очередной международной зоологической экспедиции (11 энтомологов из Грайфсвальдского университета Германии под руководством профессора Gerd Müller-Motzfeld, двух киргизских зоологов – гидробиолога Л.А. Кустарёвой и орнитолога В.И. Тороповой) мне удалось за 10 дней проехать северный и южный Джунгарские хребты, посетив ряд ущелий, в которых я не бывал раньше.

На двух машинах УАЗ-452 (батон, или таблетка, как их называют в народе), управляемых двумя казахстанскими водителями-ассами (алматинец Костя Всеволодов и житель Талгара Володя Бауман), мы выехали из Алматы 18 июля и, переночевав на р. Биен близ с. Сагабиен, вечером следующего дня стали лагерем на верхнем Тентеке близ с. Дзержинки (координаты: 45°50'59.5» с.ш. и 081°06'15.8» в.д.; абс. высота 1000 м), откуда отправились в обратный путь с остановками на ночь в следующих местах: р. Тентек у с. Кокжар (б. Константиновка), 20-22.VII.2002; р. Сарканд около города Сарканд, 22/23.VII.2002; р. Кора близ города Текели, 23-25.VII.2002; р. Коктал в 2 км выше входа в ущелье, 25-27.VII.2002; р. Тышкан 2 км выше заставы (40 км от Джаркента), 27-29.VII.2002 (44°29'48.7» с.ш. и 080°04'12.5» в.д.; абс. высота 1745 м).

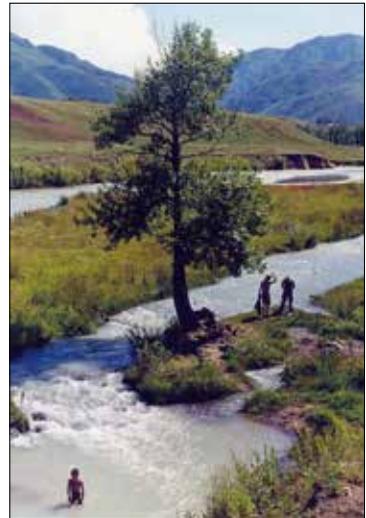

Рис. 527 и 528. На Верхнем Тентеке, в месте первой стоянки у с. Дзержинки. 20 июля 2002 г.

Рис. 529. Галечник на р. Орта Тентек, где 20 июля встречена первая пара серпоклювов.

Рис. 530. Галечник на р. Тентек вблизи с. Константиновка, где 21 июля встречена вторая пара.

В районе лагеря на правом притоке Верхнего Тентека (рис. 529) утром 20 июля первая пара серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*) взлетела и с криком отлетела на противоположный берег! Здесь – обширный галечниковый остров, восточная часть которого поросла травой и даже одиночный старый тополь растёт у его восточного берега. Западная часть – хороший галечник с небольшими участками песка. Через полчаса та же пара взлетела с другого места. Наверняка эта пара здесь гнездилась.

Вечером того же дня стали лагерем на Тентеке близ с. Константиновка, а утром на одной машине под морозящим дождиком (по пока ещё сухой дороге) съездили к Орта-Тентеку через Караой (здесь Орта Тентек называют Вторым Тентеком). Дорога идет по всхолмленному плато, среди буйного разнотравья (цикорий, коровяк, герань, гречишники), много цветущей мальвы, цветущего зверобоя и душицы. Больше всего гречишника типа *Polygonum hissaricum*. Местами вероника. Очень густая и высокая трава. Это низкотравные луга выше 2000 м: флёмис, вероника, тысячелистник и какой-то злак мелкий типа мятлика; по западинам – ежа сборная. В 12²⁰ дождь застал нас на спуске в малый Караой и заставил повернуть назад. По пути встретили много перепелов (в т.ч. выводок), несколько раз – тетеревов (и тут же – голоса фазанов!), выводок из трёх молодых луней (похоже – полевых).

А вернувшись в полдень 21 июля в районе нашего лагеря видели двух взрослых серпоклювов – около небольшого галечникового островка чуть ниже села. Место это вполне подходящее для гнездования. Здесь Тентек, выйдя из узкого ущелья, проходит 2 км по равнине и снова входит в узкую теснину, из которой он выходит внизу уже около села Герасимовка. Подходящий для гнездования галечниковый островок (на нём-то и встречена эта пара) находится перед следующей тесниной, метров 100 выше слияния двух речек. Размеры островка 10x30 м, он почти посередине водотока (20 и 30 м до берегов). Островок абсолютно голый, только на краю его нагромождены сухие ветки сплавины. Координаты: 45°39'19.4" с.ш. и 80°53'35.4" в.д.; высота 1050 м над уровнем моря.

Весь день 22 июля под дождём – переезд в Сарканд, куда прибыли в 18 час и даже палатки ставили под дождём – на р. Сарканд над городом, у выхода её из узкого ущелья (так называемое здесь Синегорье). И весь следующий день, только уже без дождя, добирались до ущелья р. Кору (за городом Текели), где стали лагерем к вечеру 23 июля. Ущелье р. Кору здесь очень узкое, крутые склоны его поросли берёзовым лесом, который спускается и на дно ущелья. Все поляны заняты цветущей душицей и цветущим зверобоем.

Рис. 531. Лиственный лес между Тентеком и Лепсы. **Рис. 532.** Выход реки Лепсы на равнину.

Рис. 533. Лагерь 5 на реке Сарканд над городом (т.н. «синегорье»). Утро 23 июля 2002 г.

Рис. 534. Река Кора в среднем течении. 24 июля 2002 г.

Рис. 535 и 536. Ущелье реки Кора: цветущие крестовник и дельфиниум (высота!). 24 июля 2002 г. Фото В.И. Торповой

Рис. 537 и 538. Река Кора в средней части и лагерь экспедиции в берёзовом лесу. 24 июля 2002 г.

Рис. 539 и 540. Галечниковые острова на реке Кора и цветущее высокогорье открытых склонов.

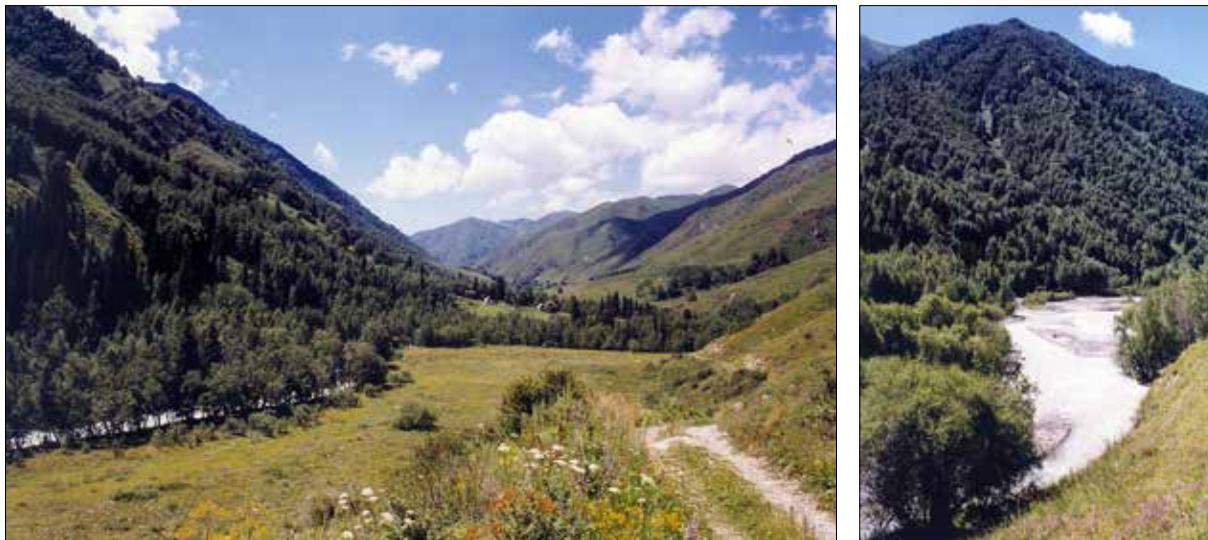

Рис. 541 и 542. Верхняя часть долины Кору (1590 м) и участок густого ельника. 24 июля 2002 г.

Лесные участки долины – царство зелёной пеночки (*Phylloscopus viridanus*), песни которой слышны отовсюду весь день, а в двух местах замечены выводки вылетевших птенцов, которых кормили родители. Не меньше здесь, видимо, и тусклых зарничек (*Phylloscopus inornatus humei*), которых я встретил несколько раз, но они при выводках молчат, поэтому и малозаметны. Несколько раз от каменистых участков слышны были песни и третьей пеночки – индийской (*Phylloscopus griseolus*). Из других поющих птиц обычны чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и синицы двух видов – большая (*Parus major*) и князёк (*Parus cyanus*).

В 9 час утра на одной машине выехали в верхнюю часть долины Кору. Проехали всего 6 км, остальные 8 км прошли пешком. Координаты крайнего пункта пешего маршрута: 44°59'33.5"с.ш. и 79°00'03.4" в.д., абсолютная высота 1591 м. Погода замечательная: яркое солнце, тихо, но утром было +8°! По долине везде – берёзовый лес, мокрый, с мочажинами. А на полянах на склонах – цветущая душица и зверобой (рис. 535). По низу – высокие цветущие акониты и живокости (см. рис. 536) – до 3 м высотой.

Из птиц нередко хищники: дважды видели в полёте беркутов и пару орлов-карликов, в лесу – ястреб-перепелятник и сокол-чеглок; несколько раз – летающие с криком тёмные канюки (*Buteo buteo*). Никаких признаков обитания серпоклюва не обнаружено, хотя все галечники мы с Маркусом просмотрели очень тщательно. Даже перевозчика нет – за весь день встретили всего одну пару!

Утром 25 июля мы не без сожаления расстались с гостеприимной Корой и, преодолев ряд водных преград (см. рис. 543 и 544) через город Текели и посёлок Рудничный на р. Коксу прибыли на р. Коктал, где и стали лагерем в 1-1.5 выше входа в ущелье.

Рис. 543 и 544. Форсирование водных преград в западной части северного Джунгарского хребта.

Рис. 545 и 546. Река Коксу в предгорьях северного Джунгарского хребта. 25 июля 2002 г.

Рис. 547. Река Коктал на выходе в предгорья. Береговые обрывы красные, как в Коксу. Июль 2002 г.

Рис. 548. Эндемик Джунгарского Алатау семиреченский лягушкозуб (*Ranodon sibiricus*). Фото Дмитрия Сагурова

Перед этим три часа, с 13 до 16, мы потратили на пограничной заставе у моста через реку Коксу, на которой мы намеревались поработать хотя бы день. Выслушав все наши просьбы и доводы, нам отказали под тем предлогом, что в наших пропусках не указан Кербулакский район. Но как дал нам понять один из офицеров, главная причина в том, что по ущелью Коксу теперь открыта дорога в Китай и нам с нашими иностранцами сейчас там не место. Мне жаль было Герда Мюллера, который, как я об ущелье Кору, мечтал поработать именно в ущелье Коксу, где он ожидал найти новые виды жужелиц, ради которых приехал сюда.

Река Коктал здесь течёт почти прямо на запад. Левобережный склон (северной экспозиции) средней крутизны, относительная его высота 400-500 м, покрыт кустарником и островками елового леса, скал нет. Правобережный (южной экспозиции) склон более пологий (30-40°) и повыше – 600-700 м; открытый, полностью поросший травой, высота которой внизу достигает 20-30 см (тысячелистник, герань, душица, зверобой, полынь и др.). Нижняя треть склона – сиреневая от цветущей душицы, а верхняя – жёлтая от зверобоя. Скалки наверху не очень большие. Сама речка шириной 6-8 м, бурная, пенястая. Вдоль водотока узкой (10-20 м) растут ивы, тополь, берёза, не образующие зарослей. Ельники спускаются прямо к воде.

Состав птиц примерно такой же, как в ущелье Кору. Некоторые интересные наблюдения удалось провести лишь за двумя тёмными канюками (взрослым и молодым), а также за охотой сокола-чеглока на летающих прямо над нашим лагерем стрекоз, которых в воздухе собрались тысячи (!!!). Соколик ловил их в воздухе лапами и подносил к клюву налету. Через час – то же самое, но уже в 500 м от прежнего места. Кроме того, Маркус Ланге дважды встретил ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis*), а в верхней части ущелья на боковом ручье, впадающем в Коктал среди ёлок, видел 3 молодых личинки по 5 см длиной семиреченского лягушкозуба (*Ranodon sibiricus*) – тритона, эндемика Джунгарского Алатау (рис. 548).

Уже на следующий день, 27 июля 2002 г., через Кугалинскую долину и посёлок Кугалы мы вышли на трассу «Сарьозек – Джаркент» и через Алтынэмельский перевал добрались до города Джаркент, откуда

Джунгарский Алатау

поднялись в Тышканское ущелье – последний пункт работы нашей экспедиции в Джунгарском Алатау. По пути в предгорьях Кугалинской долины наиболее интересные орнитологические встречи – семья журавлей-красавок с одним птенцом, также молодая и взрослая серые куропатки, индийский жаворонок (*Alauda gulgula*) – совершенно без белого по заднему краю крыла; домовый сыч и козодой, погибшие на асфальте скоростной трассы «Сарьюзек – Джаркент». В ущелье Тышкан въехали уже в 19 час вечера.

Рис. 549. Ковыль по ложбинам северных предгорий Джунгарского Алатау. 25 июля 2002 г.

Рис. 550. Западные отроги Джунгарского Алатау, вид с долины реки Или. Конец июля 2002 г.

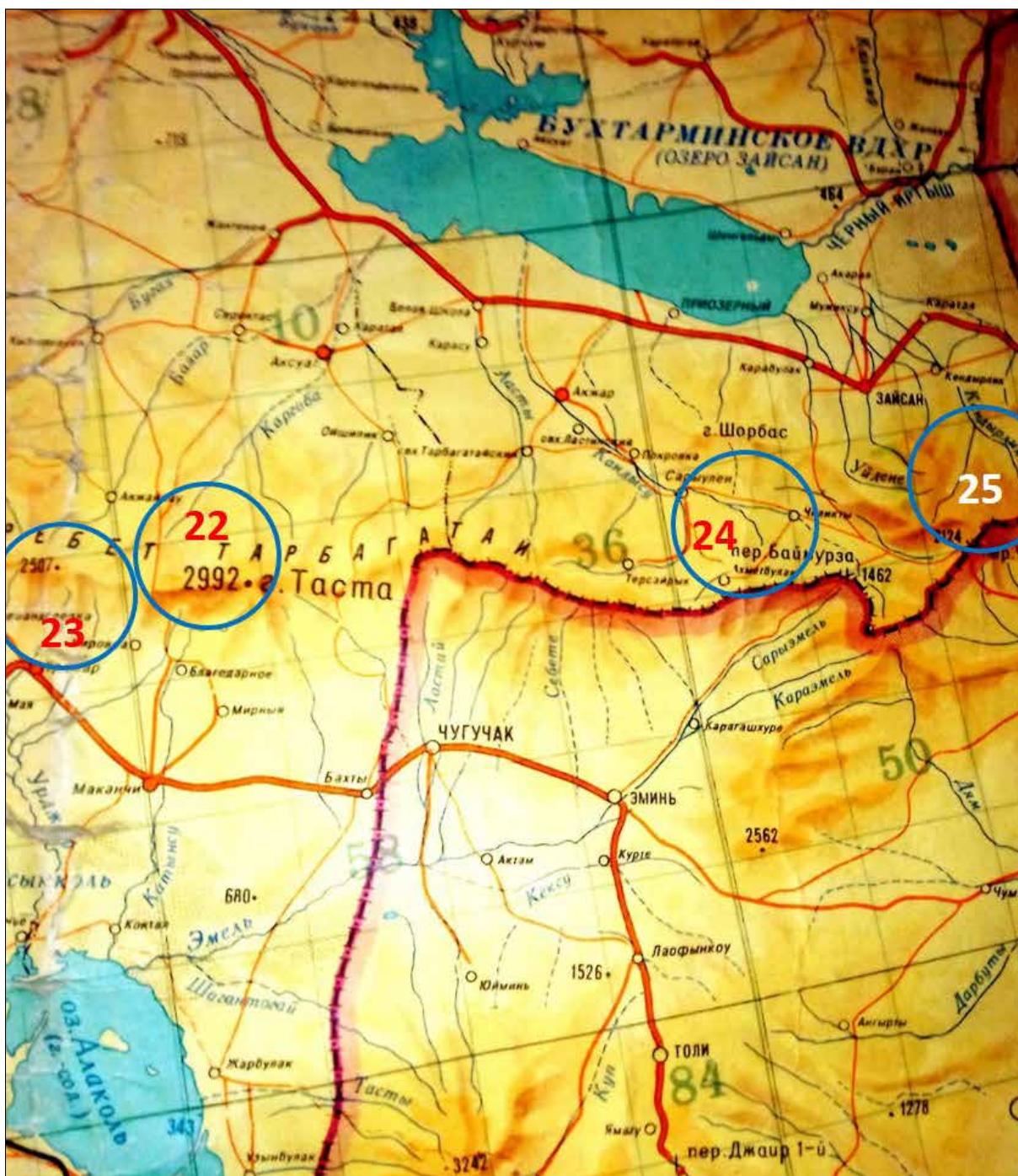
Рис. 551 и 552. Вход в Тышканское ущелье и последний лагерь экспедиции там же. 28 июля 2002.

Рис. 553 и 554. Еловые леса и скалы Тышканского ущелья. 28 июля 2002 г.

8 мая 2023 г. – 29 февраля 2024 г.

Тарбагатай – Манрак – Саур

Цифрами в кружках обозначены места, которым посвящены рассказы:
22 – первое знакомство с Тарбагатаем (июнь 1985), 23 – Западный Тарбагатай (2001),
24 – Манрак – Чиликтинская долина, 25 – поездка в Саур (2001)

22. Первое знакомство с Тарбагатаем (конец июня 1985)

Рис. 555. Тарбагатай, общий вид центральной части хребта. 27 июня 1985 г.

Рис. 556. Экспедиционная машина на горных лугах Тарбагатая, 2000 м. Конец июня 1985 г.

Краткая географическая справка: «Тарбагатай (от тюрк.-монг. Тарбаган – сурок) – горная страна у границы СССР с Китаем (Семипалатинская и Восточно-Казахстанская области КазССР). Отделяет Зайсанскую котловину от Балхаш-Алакольской. Дл. ок. 300 км. Выс. до 2991 м. Т. сложен сланцами, конгломератами, известняками (прорванными интрузиями гранитов), вулканич. породами. В нижних частях склонов – полупустынная растительность, переходящая выше в степную и на высоте более 2000 м – в горно-луговую. По долинам – древесная растительность» (Краткая географ. энциклопедия, т. 4, 1964, с. 80). Национальная энциклопедия «Казахстан» (т. 5, Алматы, 2006) дополняет эту характеристику: «На В. соединяется с хр. Сауыр. В пределах Казахстана находится западная половина хребта – от перевала Хабарасу до р. Аягоз и вост. половина сев. склона. Относится к области каледонской складчатости. Климат засушливый. С сев. склонов Т. берут начало многочисл. реки, большинство из к-рых иссякает при выходе на равнину. Питание рек преим. снеговое... Склоны расчленены ущельями. Ниж. ч. склонов заняты полупустынями и степями. Древесная растительность распространена по долинам рек, на юж. склоне степей – кустарники. В 1855 г. учёный Ш. Уалиханов детально исследовал окрестности оз. Алаколь. Им составлены схематич. карты Тарбагатайского региона, ставшие картографич. основой при составлении первых карт этого края» (Казахстан, 2006, с. 163-164).

Несмотря на то, что фауну Зайсанской котловины и Тарбагатая в первой четверти XX ст. ряд лет изучал профессор Томского университета Виталий Андреевич Хахлов (1890-1983), опубликовавший первую часть своих исследований отдельной книгой (Хахлов, 1928), главным источником сведений о птицах этого хребта для орнитологов вот уже более полувека является статья «К орнитогеографической характеристике Тарбагатая» (Бибиков, Корелов, 1961), написанная по сборам Дмитрия Ивановича Бибикова (1916-1997) во время экспедиции Среднеазиатского противочумного института в Тарбагатае с 10 мая по 15 июля 1956 г.

В этой блестяще написанной статье пять страниц убогистого текста посвящены описанию природных условий Тарбагатая (включая и Саур), в том числе и такого парадоксального явления как большая сухость северных склонов по сравнению со склонами южной экспозиции, что было отмечено ещё первыми исследователями этого хребта (Струве, Потанин, 1867), а впоследствии подтверждено геоботаническими исследованиями Е.Ф. Степановой (1956), показавшей, что на северном склоне Западного Тарбагатая границы растительных поясов проходят выше, чем на южных. В статье Д.И. Бибикова и М.Н. Корелова природные условия этого хребта описаны предельно ясно: «Несмотря на относительно северное положение (47°с.ш.) в Тарбагатае *совершенно нет хвойных и лиственных лесов* (курсив мой – АК). Лишь на более крутых южных склонах по ущельям встречаются небольшие обособленные осинники и отдельные рощицы дикой яблони. Стелющаяся арча также сосредоточена на южных склонах, но и она нигде не образует сплошных зарослей. Вместо лесного пояса на южных склонах представлен очень своеобразный пояс кустарников. Северные же пологие склоны, постепенно поднимающиеся от равнины Зайсанской котловины к сглаженным вершинам гребня, – господство степей. Здесь в нижней части в области предгорий хорошо выражены сухие степи, переходящие ниже в пустыни Зайсанской котловины, а выше, местами вплоть до самого гребня, идут сплошные степи, смыкающиеся на самом верху с альпийскими лугами» (Бибиков, Корелов, 1961, с. 16).

Рис. 557 и 558. Общий вид Тарбагатая с запада на восток и северный склон. Конец июня 1985 г.

Рис. 559. Бивуак зоологической экспедиции в Тарбагатае. Конец июня 1985 г.

Эта статья входила в перечень главных источников по Тарбагатаю при написании нами последних трёх томов сводки «Птицы Казахстана» (1970, 1972, 1974), и в процессе этой работы мы выучили её почти наизусть. И каждый раз возникало естественное желание посмотреть этот самый Тарбагатай как переходную ступень между горами центрально-азиатского типа (Тянь-Шань, Джунгарский Алатау) и сибирского типа (Алтай). Но только через десять лет мне представилась, наконец, такая возможность.

На 1985 год мы запланировали большую экспедицию на восток – в Алакольскую и Зайсанскую котловины, где собирались поработать комплексно: орнитологи, териологи и герпетологи. Обследование Алакольской котловины мы закончили 26 июня в Урджаре. Дальнейший путь экспедиции пролегал в Зайсан. Автомобильная трасса в Восточный Казахстан проходит по равнине вблизи подножий, а сам хребет Тарбагатай остаётся справа. В этот раз мы решили проехать через горы, тем более что нам сказали, будто дорога на джайляу вполне сносна и ГАЗ-66 пройдёт без проблем. Поэтому вскоре за селом Некрасовка, расспросив у местных жителей, как ехать, мы свернули с трассы на просёлочную дорогу, ведущую в горы.

Рис. 560 и 561. Подъём на хребет Тарбагатай за Некрасовкой. Конец июня 1985 г.

Рис. 562 и 563. Выезд на джайляу (субальпийский пояс, 2000 м и более). Конец июня 1985 г.

После затяжного подъёма, петляний и ухабов, дорога вышла на «высокогорные» луга и пошла вдоль верхней границы кустарникового пояса, оказавшейся чуть ниже нас слева. А справа всего на несколько сотен метров возвышался крутой склон самого хребта, покрытый изумрудной зеленью субальпийских лугов вперемежку с более тёмными пятнами зарослей кустарника – по всей вероятности, арчи. Никаких каменистых обнажений, лишь только сам гребень хребта выделялся на фоне неба в виде зубчатых скал.

Рис. 564 и 565. Относительная высота гребня Тарбагатая от субальпийского пояса. Июнь 1985 г.

Рис. 566. Скот на джайляу (субальпийский пояс). **Рис. 567.** Вид из кабины на гребень хребта.

Рис. 568. Лилия кудреватая (*Lilium martagon*) занесена в Красную книгу Казахстана. июнь 1985.

Рис. 569. Северный склон Тарбагатай, начало спуска в Зайсанскую котловину. Конец июня 1985.

Рис. 570. Конец спуска, на границе с Зайсанской котловиной. Конец июня 1985 г.

Всё это создавало у меня впечатление, что это горы в миниатюре – красивые, почти игрушечные. Ведь высшая точка Тарбагатая, гора Таста, имеет высоту 2992 м, а мы ехали на высоте около 2000 м. Слегка всхолмленную поверхность луговой террасы, по которой проходила дорога, местами прорезали стекающие с крутого склона речки и ручьи, у каждого из них стояла юрта. Многие переезды через воду были оборудованы хильми мостиками. Проезжая по одному из таких мостиков, водитель резко дал газу, машина рванулась на крутой подъём и тут же раздался крик: «Губина потеряли!». Остановились, оглянулись: действительно, Борис идёт по дороге. Подойдя, сказал, что он сам спрыгнул на сильном ухабе...

Птиц на этом участке маршрута мы видели очень мало. Только у самого гребня хребта иногда парили силуэты крупных хищников, которые почти всегда оказывались беркутами (*Aquila chrysaetus*), реже – грифами (*Aegypius monachus*). На лугах изредка попадались черноголовые чеканы (*Saxicola torquata*) или вылетевшие из соседнего островка «леса» на кормёжку дрозды-дерябы (*Turdus viscivorus*). И всё же эта дорога была захватывающе-интересной хотя бы тем, что обстановка вокруг было совсем не похожа на привычные нам горы Тянь-Шаня, а миниатюрные вершины гор были по-своему красивы. Из цветущих растений мне очень понравилась лилия кудреватая (рис. 568), она же – «царские кудри»...

Миновав высшую точку хребта, мы начали затяжной спуск в Зайсанскую котловину, которая была вся перед нами, как на ладони. Несколько раз казалось, что мы уже на равнине, но потом опять начинался пологий спуск. В одном из таких мест мы встретили сапсана (*Falco peregrinus*) – впервые за три года странствий в поисках редких видов птиц.

Вскоре показался посёлок Аксуат, расположенный уже в самой котловине, но от него мы ещё долго ехали по равнине до села Белая школа, за которым проходит основная автотрасса на город Зайсан. Это непривычное название «Белая школа», корни которого уходят, видимо, к временам установления здесь советской власти и началу кампании по ликвидации безграмотности, знакомо каждому, кто посещал южную часть Зайсанской котловины. Дальнейший наш путь проходил по маршруту: с. Белая школа – Тополев мыс – Приозёрное – предгорья хр. Монрак – с. Каратал – пески Айгыркум – р. Черный Иртыш – с. Буран – гора Карабирюк – с. Манукой на северном берегу озера близ дельты Черного Иртыша – город Зайсан.

Из Зайсана я улетел в Алма-Ату самолётом ЯК-40 и в обратном пути экспедиции не участвовал.

12 мая 2023 г. – 25 августа 2023

23. Западный Тарбагатай (экспедиция 2001 года)

Рис. 571. Западный Тарбагатай, лагерь экспедиции в долине р. Егинсу выше вдхр. 3 августа 2001 г.

Рис. 572. Южные предгорья Тарбагатая восточнее сёл Благодарное и Петровка. 4 августа 2001 г.

Маршрут международной казахско-киргизско-немецкой зоологической экспедиции «Тарбагатай-2001» (17 июля – 11 августа 2001 г.) был довольно сложен и включал в себя, помимо собственно Западного Тарбагатая, также посещение Зайсанской котловины с песками Айгыркум, Чёрного Иртыша, Саура и Чиликтинской долины. Это был плод многолетних размышлений профессора-энтомолога Грайфсвальдского университета (Германия) Герда Мюллера-Мотцфельда (1941-2009), который уже во время первой нашей тьянь-шаньской экспедиции в 1998 году предупредил меня, что его давнишняя мечта – сделать сборы его любимых *Bembidion* (род жужелиц) именно в Тарбагатае, а главное – увидеть его собственными глазами.

Впечатления от поездки в Саур и Чиликтинскую долину будут описаны в рассказах, посвящённых им, а здесь я приведу только материалы западно-тарбагатайской части маршрута экспедиции. Выйдя из Алматы 17 июля 2001 г. на двух машинах УАЗ-452 с теми же водителями-ассами Костей Всеволодовым и Володей Бауманом, о которых уже упоминалось в рассказе о Джунгарском Алатау, экспедиция в составе 16 человек после двух ночёвок (в предгорьях Архарлы и среднем течении реки Лепсы) третий свой лагерь разбила уже 19 июля на реке Каракол выше с. Таскескен (Западный Тарбагатай). Здесь мы отметили 60-летний юбилей профессора Герда Мюллера-Мотцфельда – инициатора и руководителя международных тьянь-шаньских зоологических экспедиций Грайфсвальдского университета (рис. 575).

Широкое ущелье р. Каракол ориентировано с севера на юг. Верхняя половина склонов – скалы, нижняя часть – бугристая степь с обширными зарослями таволги и шиповника. Высокая белая полынь, берега реки обрывисты, местами – скалы до 50 м высотой (у лагеря). Густой ивово-тополевый тугай протянулся сплошной лентой шириной до 10-20 м вдоль всей реки. Есть кусты *Myricaria*.

Рис. 573 и 574. Западные предгорья Тарбагатая и р. Каракол на южном склоне. 19 июля 2001 г.

Рис. 575 и 576. Чествование проф. Мюллера на фоне гребня Тарбагатая. 19 июля 2001 г. Фото 575 В.И. Тороповой

Рис. 577 и 578. Западный Тарбагатай (южный склон) и лагерь на реке Каракол. 20 июля 2001 г.

Из птиц здесь постоянно было слышно пение широкохвостки (*Cettia cetti*), также нашли мы жилые гнёзда ремеза и зимородка. Но самое главное – в скалах над лагерем обитали две семьи соколов-балобанов, в одной было 4 вылетевших птенца, у другой видели двух. Утром к речке прилетал чёрный аист, а Йохен Родер и Маркус Ланге видели на ней выводок большого крохалея (*Mergus merganser*) из 5 птенцов.

После одной днёвки на Караколе мы уже 21 июля стали лагерем на северном склоне Тарбагатая напротив сёл Аксуат и Шибунды, а следующую ночёвку (22/23.07.2001 г.) провели на реке Кусты против Приозёрного (Зайсанская котловина). Всю следующую неделю мы работали в восточной части Зайсанской котловины с посещением гор Саур и Чиликтинской долины, а к северному подножью Тарбагатая вернулись только 30 июля, проведя днёвку (по 1 августа) на погранзаставе на речке Орта-Ласты (Уласты) южнее сёл Акжар и Куйган (989 м над уровнем моря). Следующая стоянка (1/2.08.2001) – урочище Гатай на сев. склоне Тарбагатая, 20 км западнее с. Кызылкесек (1055 м над уровнем моря). После этого 2 августа мы перебрались на южный склон Тарбагатая и стали лагерем на реке Егинсу выше водохранилища (613 м н.у.м.; рис. 571).

Рис. 579. Место первой днёвки в Западном Тарбагатае над рекой Каракол. 20 июля 2001 г.

Рис. 580 и 581. Река Каракол в западной оконечности Западного Тарбагатая. 20 июля 2001 г.

Рис. 582 и 583. Гребень хребта Западного Тарбагатая в Каратале и восточнее. Июль 2001 г.

На погранзаставе Орта-Ласты представляющей собой островок высоченных (до 30-40 м) тополей среди ивовой поймы с травянистыми полянами (а вокруг – открытые склоны с кустарниками, глинистые бугры) на вынужденную днёвку нас задержал непрерывный морозящий дождь, не дававший возможности ни ехать по раскисшей дороге, ни экскурсировать, ни фотографировать. Но несмотря на это, удалось всё же наблюдать интереснейшее явление – миграцию на ночь в этот лесной островок степных пустельг (*Falco naumanni*), обитавших рядом в каменистых участках северного склона Тарбагатая. В первый день 30 июля лёт их с ущелья на заставу начался около 19 час 30 мин: по одному и тому же маршруту, мимо вышки, группами по 2-5-9. Считать мы их начали к сожалению, не сразу, а только с 20 час – и до заката. За это время на заставу прилетело 508 степных пустельг (и около 100 нами упущено). Лейтенант Саша сказал мне, что на заставе на ночь собираются **сотни** мелких соколов. Говорит, что так всё лето, с мая по август. Пасмурным морозящим утром 31 июля все пустельги были здесь, на ночёвке: при первом же выстреле из стартового пистолета в 7 час сотни пустельг поднялись в воздух! Большинство из них тут же вернулись на деревья. И только в 14 час пустельги стали постепенно разлетаться – так же, как и слетались: группами и одиночками! А с 19 час снова начался лёт на ночёвку в единственный здесь тополиный лесок заставы. По словам того же лейтенанта, горы здесь, далее в глубину, красивые, скалистые. Есть водопады. Довольно много крупной дичи и птицы. Все это, к сожалению, за системой пограничной зоны, поскольку граница с Китаем проходит по гребню хребта Тарбагатай. Это уже Восточный Тарбагатай...

Рис. 584. Орта-Ласты, северные предгорья Восточного Тарбагатая. 31 июля 2001 г.

Рис. 585. Заросли татарника и лужицы с ковылём на гребне передового хребта северного склона.

На южном склоне Тарбагатая 3 августа в ясную жаркую погоду мы перебазировались по маршруту Егинсу – Урджар – Маканчи – Благодарное и за последним поднялись в горы, стремясь подняться на плато, о котором нам рассказали местные жители. За селом – огромные поля подсолнуха на буграх, а на северном склоне бугров местами – густые островные заросли миндаля почти в рост человека! Сенокосы. Низкорослая карагана – целое поле. В горы поднимались по узкой долинке ручья Кызылсай, протянувшейся с востока на запад, восточнее сёл Благодарное и Петровка; в ней же и заночевали перед подъёмом на плато (рис. 586). Координаты места ночёвки: 47°03'06.9»с.ш. и 082°18'04.1»в.д.; абс. высота 1123 м. Каменистые склоны, вверху – скалы, ниже – заросли кустарников (таволга – карагана – шиповник). По дну вдоль ручья – густые заросли ив и ленточные осиновые леса шириной до 20-30 м.

Утром 4 августа вся наша команда пешком (для облегчения машин на крутом подъёме) поднялась на плато близ реки Коктерек, где был разбит последний в пределах Тарбагатая лагерь (рис. 587). Координаты этого лагеря: 47°07'07.5»с.ш. и 082°22'22.0»в.д.; абс. высота 1734 м.

Рис. 586 и 587. Долинка, ведущая на плато над с. Благодарное. Лагерь экспедиции на плато. 4 августа.

Плато покрыто роскошным высокотравным лугом – ежа сборная, мятлик, тысячелистник, лапчатка, клубника или земляника, конский щавель; а ближе к основному хребту – каменные «лбы» и между ними – синими пятнами заросли иссопа! Лагерь мы поставили у родника среди этих лугов, расположенных перед основным скалистым хребтом. Наблюдениям нашим способствовала наконец-то установившаяся погода – сухая, ясная, с переменной облачностью и абсолютным штилем.

Рис. 588 и 589. Общий вид плато и южного склона Тарбагатая восточнее Благодарного. 5 августа.

Рис. 590 и 591. Заросли кустарников по балкам высокогорья южного склона. 5 августа 2001 г.

Рис. 592 и 593. Подушки цветущего иссопа (*Hyssopus officinalis*); синяк (*Echium vulgare*) и *Althaea* sp.

Среди высокотравья плато мы наблюдали много поющих перепелов и полевых жаворонков, полевых коньков (*Anthus campestris*), коноплянок (*Acanthis cannabina*), обыкновенных сверчков (*Locustella naevia*); черноголовых чеканов (*Saxicola torquata*), пару серых славок (*Sylvia communis*) с кормом, обыкновенного жулана (*Lanius colurio*) – последний мог быть уже и пролётным. На более сухих каменистых местах встречены пара монгольских пустынных снегирей (*Bucanetes mongolicus*), там же – молодая скальная овсянка (*Emberiza buchanani*), у воды – горная трясогузка (*Motacilla cinerea*); на степных склонах чуть выше – горный конёк (*Anthus spinoletta blakistoni*), а в скалах высокогорья – беркут (*Aquila chrysaetus*) и два улара (*Tetraogallus himalayensis*). Полной неожиданностью для меня была встреча лугового луня (*Circus pygargus*) и трёх степных орлов (*Aquila nipalensis*). В воздухе обычны степные пустельги (*Cerchneis naumanni*) и только раз встречен чеглок (*Falco subbuteo*). А Johan и Reinhold видели у воды желтоголовую трясогузку (*Motacilla citreola*), дрозда-дерябу (*Turdus viscivorus*) и даже горного дупеля (*Capella solitaria*). В полдень, с 13 до 14 час, я предпринял экскурсию вверх, на гребень ближнего скалистого хребта. Южный склон – каменистая степь, а северный – сплошные заросли стелющейся арчи (казацкой и туркестанской) и такие же заросли шиповника с красноватыми листьями (см. рис. 589 и 591 – ярко-зелёный ковер с ржавчато-красноватыми пятнами). Здесь с противоположного склона я видел, как в заросли стелющейся арчи залетела птица с чёрно-белым хвостом, очень похожая на нашего тянь-шанского соловья-красношейку (*Calliope pectoralis*), но это могла быть уже и сибирская красношейка (*Calliope calliope*), живущая на Алтае.

12 мая 2023 г. – 29 февраля 2024 г.

24. Три поездки в Манрак и Чиликтинскую долину (1980, 1988, 2001)

Рис. 594. Горы Манрак. Дорога из города Зайсан в Чиликтинскую долину. 27 июля 2001 г.

Рис. 595. Горы Манрак, северный склон. Водохранилище на реке Уйдене. Вечер 26 июля 2001 г.

Манрак (Монрак, Манырак) – невысокие (менее 1900 м) безлесные горы юго-западнее города Зайсан, отделённые от Тарбагатая на юге Чиликтинской (Шиликтинской) долиной. Оба эти географические понятия (Манрак и Чиликтинская долина) по своим масштабам столь незначительны, что им не нашлось места на страницах энциклопедий, в том числе и Краткой географической (М., 1964). И только в последнем издании казахстанской энциклопедии первому из них уделено несколько строк: «**МАНЫРАК**, низкий массив в Саурском хр. Высокая точка – г. Шорбас (2035 м). Хр. М. растянут на 65-70 км с С.-З. на Ю.-В., шир. 15-25 км. Поверхность гор плоская. М. образовался из пород верх. палеозоя. Сев. склон хребта расчленён низкими горными надрезами. Юж. склон с крутым наклоном соединяется с поймой р. Шиликти. На склоне и у подножия растут полынь, караганник, пырей, ковыль, овсец и др. растения» (Казахстан. Национальная Энциклопедия, том 3, 2005, с. 482).

Однако для зоологов оба эти названия хорошо знакомы и представляют большой интерес в плане распространения животных, а статья «Орнитологический очерк Чиликтинской долины и прилежащего Тарбагатая» (Плотников, 1893) вот уже 130 лет используется орнитологами России и Казахстана.

Краткую, но выразительную характеристику Чиликтинской долины дал И.А. Долгушин, посетивший её 10-12 июля 1963 г.: «Чиликтинская долина – обширная межгорная долина (20-30x50-60 км) между западными склонами Саура, южными Манрака и восточными Тарбагатая на абсолютных высотах от 1000 м на северо-западе до 1600 м в юго-восточной части. Вдоль южной окраины Чиликтинской долины простираются низкие сухие горы Салмас-Джилытау, соединяющие южные отроги Саура и Тарбагатая. Чиликтинский грабен является естественной границей между двумя этими хребтами. В долине развиты типчаковые и полынные степи, встречаются солончаки, а вдоль р. Кандысу распространены болота и галечниковые участки» (Долгушин, 2003, с. 61-62). Ничего удивительного нет в том, что мне давно хотелось попасть в эту долину, тем более что там ещё могла сохраниться дрофа, или дудак (*Otis tarda*), занесённая в Красную книгу Казахстана как исчезающий вид.

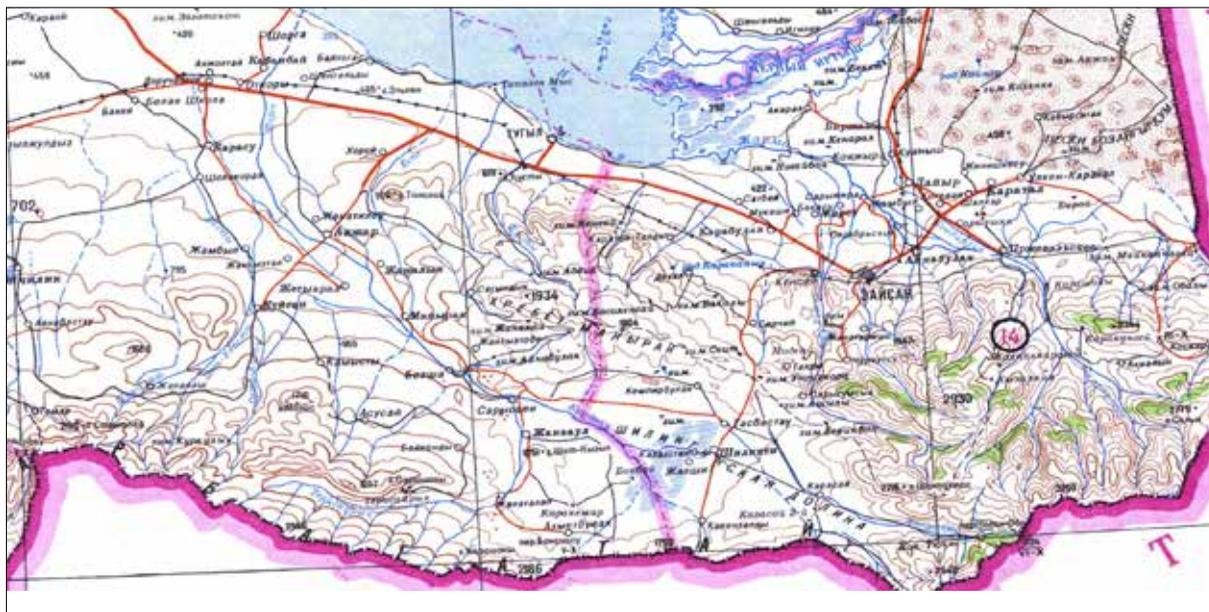

Рис. 596. Географическое положение гор Манрак, Чиликтинской долины и Саура (взято из Карты Вост.-Каз. области)

Первая такая возможность представилась в конце августа 1980 г., когда мы возвращались из поездки на озеро Маркаколь. Озеро Зайсан встретило нас безбрежной и безмятежной голубизной – стоял штиль и ярко светило солнце. Остановились на Тополевом мысу, о котором я много слышал ещё от И.А. Долгушина, любившего это место. Купаться здесь было очень хорошо, не хотелось даже выходить на берег. Но вот птиц было мало – одни чайки над водой да трясогузки по берегам. Вся водоплавающая птица собралась далеко от берега, особенно много уток видели мы в месте впадения в озеро реки Кендерлик, куда нас свозил на моторной лодке егерь Александр Карамышев.

Он же предложил поездку в Чиликтинскую долину, от которой мои спутники тут же отказались, предпочтя рыбалку на Зайсане. Оставив их рыбачить, мы с Борисом Васильевичем Щербаковым последние два августовских дня потратили на эту поездку. Конечно, это была почти сплошная езда, но, во-первых, по совершенно новым для меня местам, которые довольно часто упоминались в орнитологической литературе. Во-вторых, мы всё же посмотрели интересных птиц. Больше всего по пути было степных орлов (*Aquila nipalensis*), нередко попадались центральноазиатские мохноногие канюки (*Buteo hemilasius*), несколько раз – сокол-балобан (*Falco cherrug*). Но самое великолепное зрелище – три взрослых дрофы (*Otis tarda*), спокойно кормившиеся прямо около колючей проволоки, идущей вдоль государственной границы! Это уже были долгожданные объекты нашей новой тематики, которая начиналась с будущего года.

Большое эмоциональное напряжение вызвала длительная (несколько десятков километров) езда вдоль пограничной колючей проволоки. Дорога здесь шла всего в 10-15 м от «колючки», а местами – еще ближе. И всё это время я не мог отделаться от мысли, что у нашего водителя нет пропуска в погранзону...

Но всё обошлось. На ночёвке в Чиликтинской долине Саша Карамышев угостил нас великолепной ухой из сазана, сваренной в ведре, подвешенном на заводную ручку машины (источником огня была паяльная лампа). Меня удивило, что он порезал туда два помидора. На мой вопрос – зачем? он так же удивлённо ответил: «А какая же уха без помидора?». И добавил, что если нет помидора, то можно (и нужно!) вылить в уху рюмку водки – оба эти ингредиента придают «кислинку». Но уха действительно оказалась божественной! А наутро в ведре поверх остатков ухи была не менее как в палец толщиной «корка» из застывшего жира... Жаль только, что от этой поездки не осталось ни одной фотографии, так как это был самый конец экспедиции и все запасы фотоплёнки давно уже были израсходованы.

Вторая возможность посетить эти места появилась у меня через 8 лет, когда в конце мая 1988 г. мы с Давидом Бланком и двумя сотрудницами ИЭМЭЖ (Институт эволюционной морфологии и экологии животных Академии наук СССР, Москва) Марией Кирилловной Поздняковой и Натальей Владимировной Паклиной прилетели в Восточный Казахстан для поиска степных участков, подходящих для выпуска лошади Пржевальского (тогда наша лаборатория охраны диких животных была подключена к выполнению этой тематики, которой руководила комиссия Академии Наук СССР по лошади Пржевальского).

Напомню основные моменты той конфликтной ситуации, которая сложилась в Комиссии АН СССР по вопросу репатриации в Казахстане лошади Пржевальского. Заместитель председателя этой комиссии профессор В.Е. Флинт (представлявший Институт ВНИИ Природа) предложил выпустить лошадей Пржевальского на полупустынной территории Капчагайского ГОЗХ (ныне Алтын-Эмельский нацпарк), считая эти условия приемлемыми для данного вида на фоне неизбежного исчезновения настоящих степей. Председатель комиссии академик В.Е. Соколов (директор академического института ИЭМЭЖ – ныне ИПЭЭ РАН), считая кормовую базу полупустыни недостаточной для дикой лошади, прислал двух сотрудниц для поисков степных участков – более подходящих для лошади Пржевальского.

Прилетев в Усть-Каменогорск, мы обратились в областную госохотинспекцию, которую тогда возглавлял наш зоолог Борис Васильевич Щербаков. При его помощи арендовали в охотинспекции УАЗ-452 с водителем-инспектором (с орнитологической фамилией – Иволга) и вместе с самим Б.В. Щербаковым и С.В. Стариковым в течение недели совершили 1200-километровый маршрут: Усть-Каменогорск – Кулуджунский заказник (Буконьские пески) – Казнаковская переправа – с. Курчум – урочище Киин-Кириш – гора Карабирюк – урочище Чакельмес – р. Чёрный Иртыш – с. Буран – урочище Май-Капчагай – город Зайсан – горы Манрак – Чиликтинская долина (реки Чаганобо – Кандысу) – с. Чиликты – с. Акжар.

Должен сказать, что орнитологические наблюдения в этой поездке велись попутно. Из них наиболее интересным для меня было нахождение гнезда центральноазиатского канюка (*Buteo hemilasius*) на горе Карабирюк, там же – гнёзд монгольских пустынных снегирей (*Bucanetes mongolicus*); встреча краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*) в Манраке и сокола-балобана (*Falco cherrug*) в Чиликтинской долине. Очень запомнилась первая встреча со степным коньком (*Anthus richardi*), которого показал мне Боря Щербаков в долине речки близ Курчума, и я битый час пытался запомнить не только его внешний вид, но и песню, позывку и др. сигналы. Конечно, незабываемое впечатление произвели пестроцветные ландшафты Киин-Кириша – особенно вечером, на закате, и во время ночёвки в этом фантастическом месте.

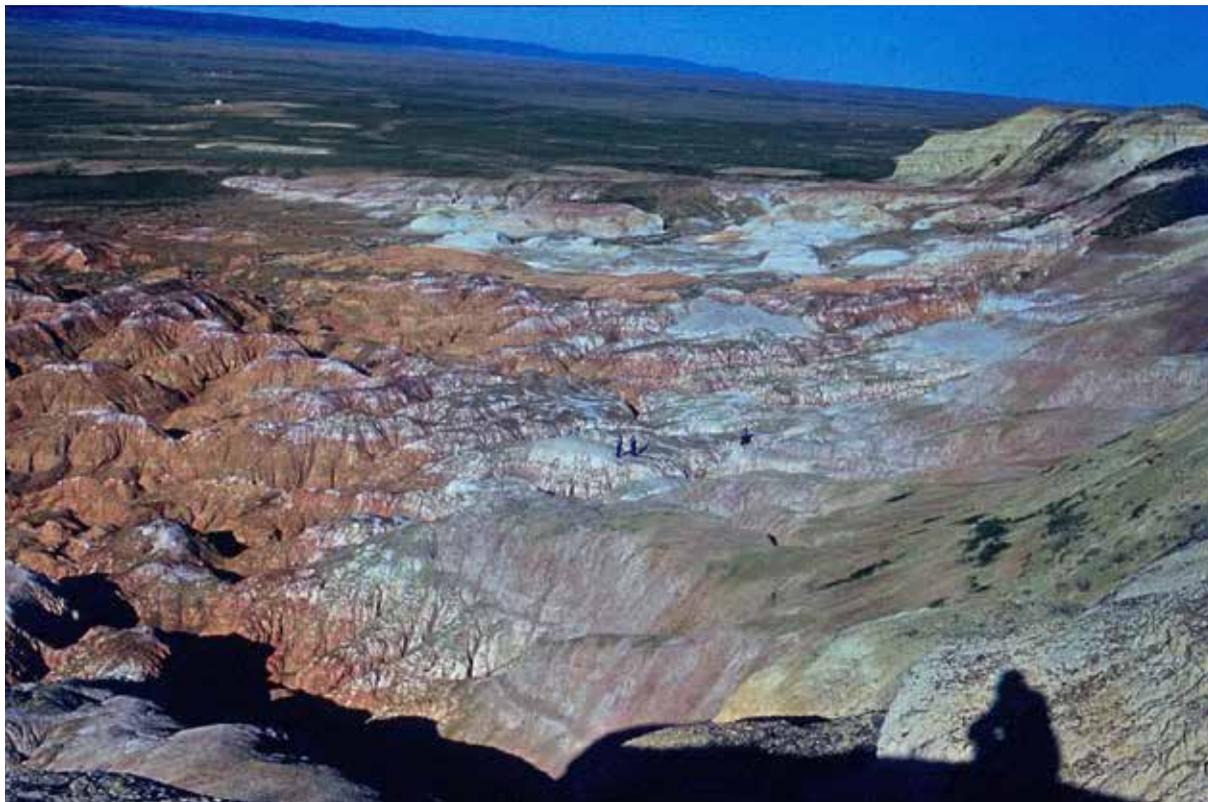

Рис. 597. Космические ландшафты ур. Киин-Кириш на закате и люди на них. Конец мая 1988 г.

В степи между Киин-Киришем и горой Кара-Бирюк, где основу растительности составляет полынь с терескеном (*Eurotia ceratoides*) и редким старым ковылём (*Stipa* sp.), помимо вездесущих малых жаворонков (*Calandrella brachydactyla*) нам часто попадались чёрные жаворонки (*Melanocorypha yeltoniensis*), а однажды – белокрылый (*Melanocorypha leucoptera*). Часто встречались пары садж (*Syrnhartes paradoxus*): за час пути мы насчитали с машины 23 пары, а в одном месте прямо на дороге поймали двух пуховичков весом 26 и 29 грамм. За посёлком Аманат (Манукой) мы поднялись в урочище Чакельмес, белые накипные обрывы которого напоминают соляные горы (хотя в действительности это пестроцветные глины ашутасской свиты), и на горе над Бакланьим мысом заночевали. Ночью был дождик, и в женскую палатку пришёл емуранчик (*Stylodipus telum*), который здесь переночевал, а утром спокойно ушёл – зверёк оказался почти ручным!

В последующие дни нас преследовала плохая погода и, когда в ночь на 1 июня мы остановились на высокой террасе прямо над заставой Май-Капчагай (за ней хорошо была видна китайская застава Зимунай), всё небо было забито грозными чёрными тучами, а холодный западный ветер не сулил ничего хорошего. Даже экскурсировать в такую погоду было бесполезно – разве что для ознакомления с заброшенными ДОТ'ами и ДЗОТ'ами, рядом с которыми мы остановились. Что же касается основной цели нашей поездки, то и эти места никак нельзя было считать подходящими для выпуска лошадей Пржевальского (нераспаханной здесь была только полоса шириной 6-7 км).

Вернувшись в город Зайсан, мы познакомились с его главной достопримечательностью – краеведческим музеем и стоящим рядом «домом Хахлова», где неоднократно останавливались русские путешественники, исследователи Центральной Азии. Именно отец Виталия Андреевича Хахлова (1990-1983) помогал им всем снаряжаться в дальнейший нелёгкий путь. Об этом мне не раз говорил когда-то И.А. Долгушин, а сейчас подробно рассказала экскурсовод музея Ольга Фёдоровна Зайцева и кое-что добавил от себя знаток этого края Боря Щербаков.

В тот же день мы отправились через Манрак в Чиликтинскую долину и к вечеру достигли межгорной степной долинки, которую местные чабаны называли «Алтыбайдын-ой» (яма Алтыбая). Здесь мы заночевали и полдня 2 июня знакомимся с её флорой и фауной – как с первым на нашем маршруте более или менее подходящим местом для выпуска лошади Пржевальского. Эта холмистая ковыльная степь, практически без каменистых обнажений, имела всего два недостатка: относительно небольшая площадь и то, что здесь уже выпасают домашних лошадей. Кстати, на трупe лошади в полдень здесь собралось 9 белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), часть из которых могли быть молодыми кумаями (*Gyps himalayensis*), 16 черных грифов (*Aegypius monachus*) и 12 воронов (*Corvus corax tibetanus*).

Рис. 598 и 599. Участники экспедиции начинают маршрут через Манрак в Чиликты. 2 июня 1988 г.

Спустившись в широкое (20-30 м) галечниковое русло многоводной речки Чаган-обо, мы вдоль неё вышли в место слияния её с рекой Керегетас, после чего она называется уже Кандысу – главная река Чиликтинской долины. Она очень полноводна – перед нами в ней утонул бензовоз.

Дальше вниз мы ехали под сплошным дождём, который прекратился только в Акжаре, где мы остановились на ночёвку у старожила этих мест Дмитрия Фёдоровича Горбушкина – давнего знакомого Бориса Щербакова. Дмитрий Фёдорович рассказал нам много интересного. Так, по его словам, ещё в прошлом году около 20 дроф (*Otis tarda*) жило за системой против совхоза Комсомол (т.е. там же, где мы видели их в 1980 году!), но их сильно потравили гербицидами: знакомый прапорщик рассказывал, что в последние 3-5 лет нередко находил их трупы. Губительны гербициды и для журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), но за последние три года численность их в заказнике увеличилась с 10-15 пар до 50, причём много их стало в Чиликтинской долине вдоль Кандысу – как на целинных участках, так и на полях. Кстати, мы и сегодня встретили пару под дождём. По словам Горбушкина, уларов (*Tetraogallus himalayensis*) здесь ловят волосяными петлями на искусственных солонцах (точно так же отлавливали их наши паразитологи на Большом Алматинском озере!), а архары (*Ovis ammon*), которых здесь около полусотни, а к осени – под сотню, переходят из Манрака через Чиликтинскую долину в Тарбагатай и обратно.

На следующий день, 3 июня 1988 г., мы проехали машиной от Акжара до пристани посёлка Приозёрное на Зайсане, а оттуда на «Метеоре» через весь Зайсан и Бухтарминское вдхр. – до Аблакетки (Усть-Каменогорск) и уже в 19 час были на станции юннатов. Вечером того же дня, в 21 час 45 мин, рейсом № 7274 улетели в Алма-Ату.

*****

Третья поездка по этому маршруту состоялась в 2001 г. в составе международной зоологической экспедиции «Тарбагатай-2001». Вечером 26 июля 2001 г. в 16 час 30 мин в хорошую солнечную погоду мы выехали из города Зайсан на водохранилище р. Уйдене (рис. 595, 601) и уже через час стали там лагерем. Утро 27 июля выдалось абсолютно ясным и тихим. Вокруг – обширная долина со степной растительностью на пологих сглаженных склонах, на дне – луговины. По западинам склонов – заросли шиповника. Само водохранилище не больше Б. Алматинского озера. Наш берег высокий, в виде глинистого обрыва с выходами друз кристаллов («бриллианты») горного хрусталя. Из птиц на водохранилище: большой баклан, речная и малая крачки, огари, лысухи, травники, перевозчики, малые зуйки – но всего этого единицы.

В 9 час 30 мин вернулись в город Зайсан, а оттуда в 11 час через с. Кенсай выехали на Чиликты. Дорога – грейдер – идёт на запад-юго-запад по предгорьям, почти по подножью гор. Через 30 км начался подъём в горы (рис. 602-605) и уже к 12 час мы достигли так называемого «ресторана» – удобного места для ночёвки перед подъёмом на перевал; здесь мы также разбили лагерь (рис. 605).

Рис. 600. Северные предгорья Сайкана и мазары. **Рис. 601.** Водохранилище на р. Уйдене. 27 июля 2001.

Рис. 602 и 603. Дорога через Манрак к перевалу в Чиликтинскую долину. 27 июля 2001 г.

Рис. 604 и 605. Манрак, сев. склон и место ночёвки перед перевалом («ресторан»). 27 июля 2001 г.

Из орнитологических наблюдений представляет интерес встреча двух взрослых европейских жуланов (*Lanius collurio*) с одним молодым. Самец типичный, с двухцветным хвостом, у самки хвост бурый. Молодой уже летает, но родители его ещё кормят. Очень красивые воздушные эволюции проделывал беркут (*Aquila chrysaetus*): пикирует, прижав крылья к туловищу, метров 15-20, и снова взмывает вверх. Так сделал раз 5 и ушел за хребет. В это время, в 14 час, жара достигла своего апогея при полном штиле. Чёрные тучи

с запада и в 15 час. – гром. Раскат грома такой, что никогда ничего подобного не слышал: небо со страшным треском расколосось прямо над дорогой у лагеря!!! С 16 до 18 час – дождь в несколько приемов и в 20 час. снова каплет. И ночью дождь. Вечером у нас были гости – поднимавшиеся следом за нами с какого-то праздника: участковый милиционер и аким из села Чиликты, угостившие свежей бараниной (непременное казахское гостеприимство!) и обещавшие нам помощь проводником для проезда как можно выше по реке Чаган-обо. Утром 28 июля выехали в 9 час 30 мин (немецкая пунктуальность!) и в 12 час уже были в селе Чиликты. Участковый позвонил акиму, тот – своему коллеге акиму села Карасай, чтобы он показал нам дорогу в Матугул, что на р. Чаган-обо. Так мы всё и сделали, а в Карасае взяли ещё проводника – подростка Ришата, без которого мы бы не нашли дорогу. Погода не радовала: пасмурно, сыро, временами дождь.

Выехали из села Чиликты на восток-юго-восток, вверх по реке Чаган-обо. Под дождём на проводах вдоль дороги насчитали больше десятка намокших пустельг и труп одной молодой на дороге, а на сенокосе видели пару серых журавлей (*Grus grus*).

При въезде в суживающуюся часть долины реки Чаган-обо (я узнал это место – сюда мы проезжали в 1988 г. с москвичками в поисках мест для лошади Пржевальского) дождик нас снова догнал. Ширина долины здесь не более 500 м. Высокие злаки – не степь, а луг. Пырей, костры, шалфей. Высота до полуметра. Есть немало очагов коноплевидной крапивы. Много клубники и часто встречаются её сборщики. Дождь усилился и под этим дождём мы свернули влево, вдоль правобережного притока Чаган-обо – ручья Матугул, на котором через каждые 300-500 м стоят юрты. Раскисшая дорога здесь практически закончилась и нам пришлось подниматься пешком выше последней юрты – до видневшегося сквозь дождь пятна снега.

Следом за нами наши ассы-водители каким-то чудом по раскисшему склону подогнали машины и в 15 час мы стали лагерем в урочище Матугул, у пятна снега близ опушки лиственничного леса. Дождь продолжается, всё вокруг мокрое, раскисшее. В 17 час снова дождь. Облака – до 1/3 склонов сверху. 18 час ужин под дождем (тент), дождь стихает лишь ненадолго. Это уже юго-западная окраина Саура!!! От села Чиликты, судя по спидометру, мы прошли на восток 37 км, а от с. Карасай – всего 17 км.

Рис. 606. Манрак, перевал в Чиликтинскую долину. **Рис. 607.** Лагерь в Матугуле. Утро 29 июля 2001.

Рис. 608 и 609. Лиственничный лес в Матугуле (юго-западная окраина Саура). 29 июля 2001.

Рис. 610 и 611. Лагерь на Матугуле и наши асы-водители Костя и Володя у снежника. 29 июля 2001.

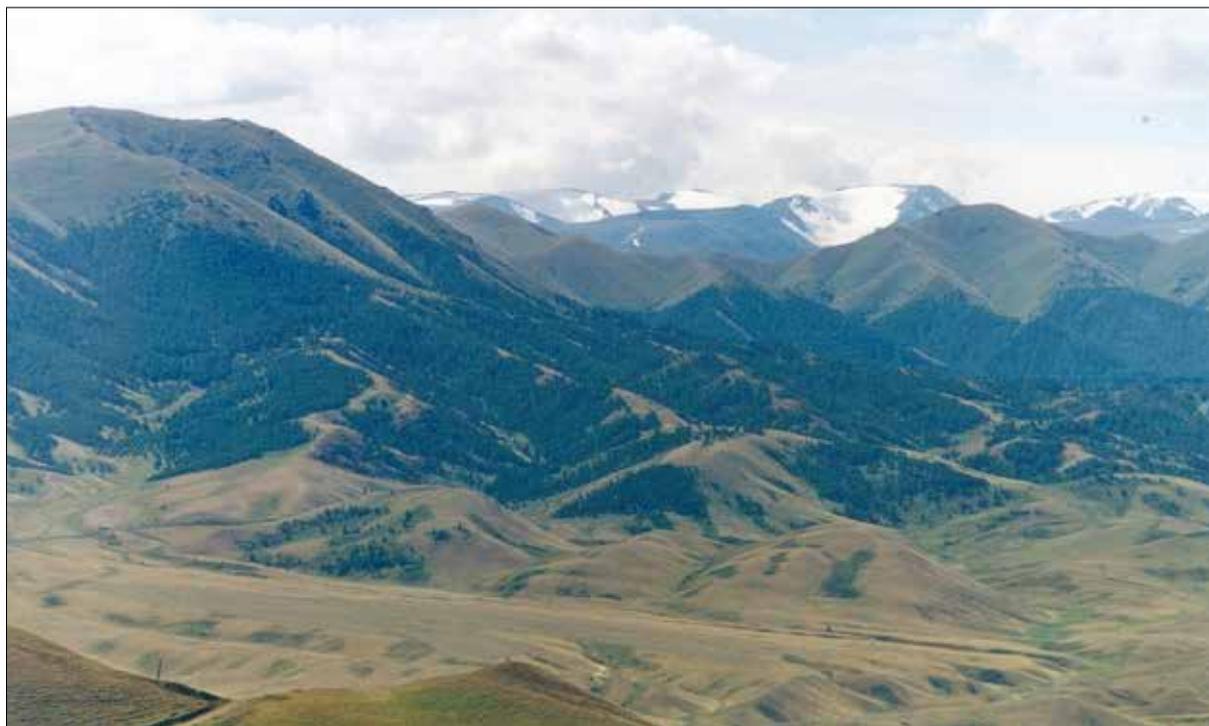
Всю ночь 28/29 июля – туман и дождь, утром – то же, с перерывами. Палатка вся промокла. Всё, что нам удалось увидеть в этой окраине Саура – коршун и три чёрных вороны около юрты; да ещё слышны песни обыкновенных чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) сквозь туман из лиственничного леса. В 13 час так же под туманом выехали в обратный путь! Под дождём проезжали сёла Карасай и Чиликты, насчитав на проводах 23 пустельги (вид у этих мокрых потемневших птиц определить невозможно), а на столбах – степного орла (*Aquila nipalensis*) у с. Чиликты и балобана (*Falco cherrug*) напротив с. Тасбастау.

Через 88 км пути от места нашей ночёвки закончилась Чиликтинская долина и начался подъём на перевал через Манрак. А ещё через 18 км, за перевальчиком, на бетонном столбе – гнездо орла-могильника (*Aquila heliaca*) с двумя птенцами. В 5 км отсюда стали лагерем на правом берегу речки Кандысу, у плотины выше с. Покровка (теперь Манырак). Биотоп: широкая степная долина с красными глинами после перевала через Манрак. По пойме – редкие кусты тamarиска (или мирикарии?). Рядом хребет Манрак (сухие горки с кустарниками), а в 10-15 км к югу – хребет Тарбагатай. Здесь отметили половину срока экспедиции...

На следующий день 30 июля через 26 км мы приехали в с. Акжар, а это уже не горы, а Зайсанская котловина и вода здесь, как нам сказали, продаётся (правда, в погранотряде нас заправили водой бесплатно). А Чиликтинская долина и в этот раз не дала себя толком рассмотреть из-за сплошного дождя...

14 мая 2023 г. – 29 февраля 2024 г.

25. Поездка в Саур (23-25 июля 2001)

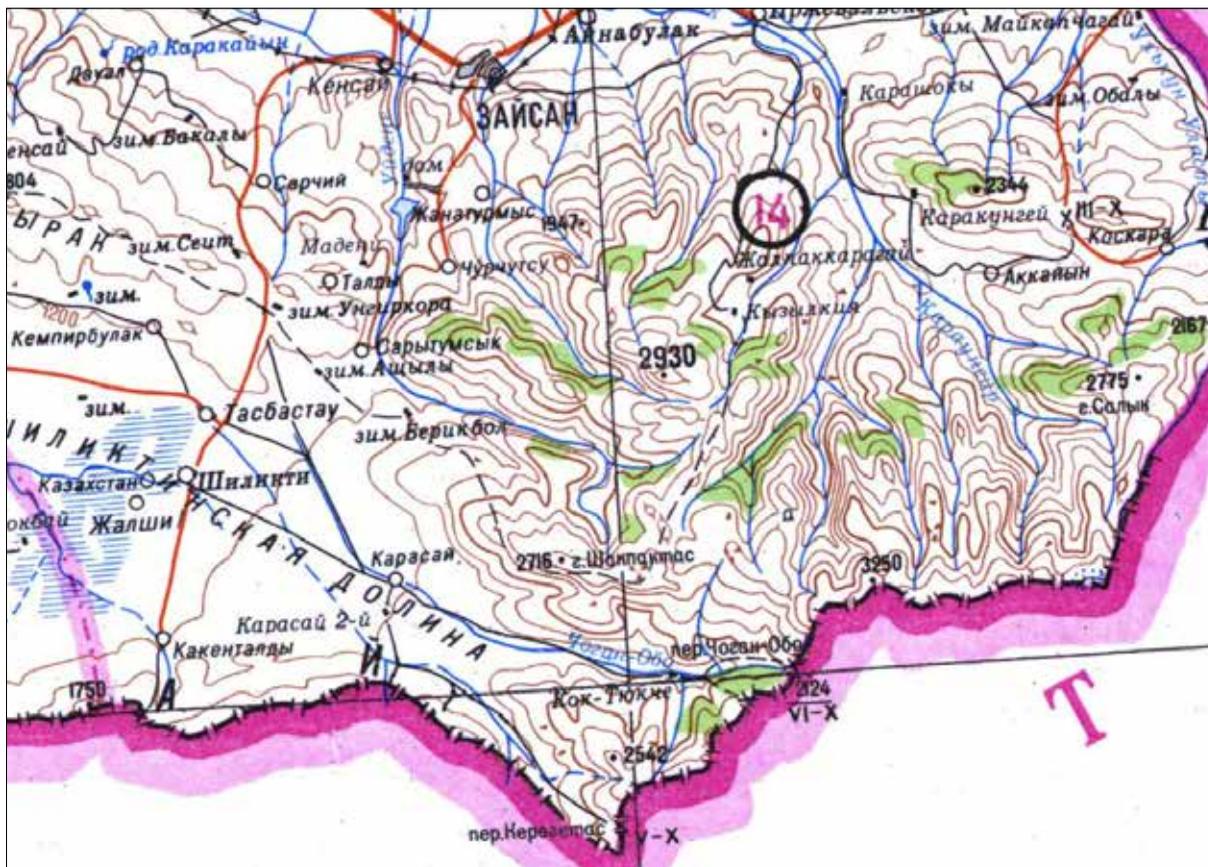

Рис. 612. Панорама лесного пояса Саура с перевала хребта Сайкан. 23 июля 2001 г.

Рис. 613. Панорама наименее облесённой части Саура с хребта Сайкан. 23 июля 2001 г.

Горный хребет Саур примыкает к Тарбагатаю с востока, разделяет их Чиликгинская долина. Раньше некоторые географы рассматривали их как единую горную систему, однако Саур отличается как гораздо большей высотой, так и наличием хорошо развитого лесного пояса. Вот краткая географическая справка: «Саур – горный хребет в КазССР и Китае. Дл. ок. 150 км (в СССР¹³ – 25-30 км). Выс. 3816 м. Сложен вулканогенными отложениями, сланцами, известняками, песчаниками. Южные скалистые склоны характеризуются причудливыми формами выветривания. На сев. склонах – лиственные¹⁴ леса; подошвы гор и южных склонов покрыты степной и полупустынной растительностью. Снеговая граница на высоте 3300 м. Имеются ледники (наибольший из них до 5 км дл.)» (Краткая географическая энциклопедия, том 3, М., 1962, с. 423).

Национальная энциклопедия «Казахстан» 44 года спустя уточняет это описание: «Сауыр – хребет в Казахстане и Китае, к Ю.-В. от оз. Жайсан. Дл. 140 км, в пределах Казахстана 50 км. Самая выс. точка – в Китае 3816 м (г. Музтау), в Казахстане – 2930 м. Снежники на выс. 3150 м. На вершине С. (на терр. Китая) неск. ледников общ. пл. 16,6 км². На С. начинаются рр. Кендерлик (Караунгир), Теректы, Улькен Жемене, Уйдене и др. Сложен вулканогенными отложениями, сланцами, известняками, песчаниками, гранитоидами. На сев. склоне – леса из лиственницы, тьянь-шанской ели и сиб. пихты; на Ю. – гор. степи и полупустыни. Высокогор. луга. Ледники. М-ния угля (в басс. Кендирлика) и горючих сланцев» (Казахстан. Национальная энциклопедия, т. 4, Алматы, 2006, с. 496).

Некоторые сведения о птицах Саура приводил в своей обобщающей работе «Зайсанская котловина и Тарбагатай» В.А. Хахлов (1928), а более свежие исследования птиц провёл здесь Игорь Александрович Долгушин (1908-1966), посетивший низкогорья Саура в августе 1946 и 1955 гг., а затем предпринявший специальное двухмесячное обследование Саура в июне-июле 1963 г. К сожалению, эти

¹³ Следует читать: Казахстане – АК

¹⁴ По-видимому, опечатка. Следует читать: лиственничные – АК

его данные почти 40 лет хранились в дневниках и лишь благодаря Николаю Николаевичу Березовикову (1956-2022) были опубликованы в журнале «Selevinia» за 2002 год – к 95-летию со дня рождения И.А. Долгушина.

В этой статье, помимо очень интересных сведений о 114 видах птиц, Игорь Александрович приводит свою, более полную характеристику природных условий Саура, которую больше нигде не найти. Поэтому я позволю себе привести здесь пространную выдержку из этого интересного описания.

«Саур – самый высокий хребет в Саур-Тарбагатайской горной системе, с плоскими платообразными вершинами – «саурами» (3000-3500 м н.у.м.), на которых в течение лета сохраняется снег, а в истоках рек имеются небольшие ледники. Наивысшая вершина – гора Мустау (3816 м). На высотах 2000-2400 м альпийские выровненные поверхности хребта резко переходят в среднегорный рельеф с крутыми склонами, на уровне 1400-1600 м сменяется на среднегорный, а ниже местами переходит в предгорный сопочный ландшафт. Вдоль северного подножия Саура в виде барьера возвышается небольшой хребет Сайкан, отделённый долиной р. Кендерлык, и пустынная гряда Кишкенетау. Западнее находится хребет Манрак (2058 м), являющийся отрогом Саура. Суровые альпийские водоразделы Саура, совершенно лишённые кустарниковой растительности, представляют собой осоково-злаковые сырты с заболоченными участками по руслам ручьёв, обширные каменистые пустоши, древние морены и осыпи. Альпийская зона в Сауре начинается с высоты 2350 м над уровнем моря. Крутые северные склоны Саура и Сайкана занимает пояс лиственничного леса, местами со значительной примесью осины. В двух местах Саура на днище глубоких ущелий рек Теректы (ур. Чад) и Уйдене (ур. Батпак-Карагай) встречаются реликтовые насаждения ели Шренка. Кустарниковый подлесок представлен можжевельником, спиреей, шиповником, красной смородиной. Наличием хвойных лесов Саур существенно отличается от Тарбагатая, что накладывает свой отпечаток и на фауну этих хребтов. Вдоль нижней границы леса широкой полосой простирается кустарниковый пояс – «тарначи», представляющий собой высокие заросли из боярышника, барбариса, жимолости, черёмухи, шиповника, крыжовника, спиреи и караганы. Вдоль подножия хребта распространены степи. С северных склонов основного хребта стекают реки Кендерлык, Теректы, Темирсу, Жеменей и Уйдене. Все они протекают через узкие горные долины и труднопроходимые скальные теснины, образуя пойменные леса из тополя, берёзы, тальников, зарослей барбариса, шиповника, караганы и жимолости (Хахлов, 1928)» (Долгушин, 2003, с. 61).

Моё многолетнее желание посмотреть Саур исполнилось, когда оно совпало с желанием Герда Мюллера-Мотцфельда, с которым мы в составе тарбагатайской экспедиции в июле 2001 г. вояжировали по Зайсанской котловине. Вечером 23 июля, почти в 19 час, мы оставили город Зайсан и направились на восток в сторону с. Каратал и уже к 20 час, проехав от Зайсана всего 60 км, достигли подножья Сайкана. Подъём на перевал шёл по узкому ущелью, склоны его до половины снизу заросли кустарником, особенно по отрицательным формам рельефа, а верхняя половина покрыта хвойным лесом. После 40 минут подъёма с перевала (высота 1830 м) нам открылась панорама Саура (рис. 612 и 613). Уже в 21 час 30 мин стали лагерем за перевалом, на спуске к угольным шахтам. Удивительно – здесь нет ни одной речки – все балки сухие! Склоны – глина со щебёнкой, задернованные типчаковой степью.

Утром 24 июля, удивившим меня обильной росой (палатки мокрые, как после дождя!) и встречей с чернобрюхим рябком (*Pterocles orientalis*) и семейством кашгарских жуланов (*Lanius isabellinus isabellinus*), мы проехали вниз до шахт, а потом – обратно вверх до перевала и на заставу Аккайын. Из птиц, как и следовало ожидать, чаще других попадались каменки трёх видов (обыкновенная, плясунья и плешанка), коньки (полевой и лесной), маскированная трясогузка, коноплянка и монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*). То же самое видели мы и в селе Аккоин, состоящем из 5-6 домиков (отсюда уходила дорога на заставу Обалы).

После беседы на погранзаставе Аккайын стали лагерем между заставой и селом Коскара. Склон северной экспозиции хребта Сайкан очень каменистый, сухой. Верхняя половина его – разрушенные скалы (рис. 614 и 615), нижняя – степь с мелкими кустами по западинам. Северный склон основного хребта Саура – сглаженные степные склоны с большими массивами-островами лиственничного леса. Скал нет, кроме самого гребня хребта. Долина речки в месте лагеря расширяется до 200 м (выше, на уровне заставы, это узкое ущелье с очень крутыми склонами). Пойменный лес шириной 20-30 м состоит из ивы, отдельных тополей и кустов *Myricaria*. Ширина речки 3-5 м, галечника – до 40 м (порос кустами таволги и шиповника).

Рис. 614 и 615. Нижняя и верхняя часть северного склона хребта Сайкан. 25 июля 2001 г.

Рис. 616 и 617. Вид на основной хребет Саура с южного склона хребта Сайкан. 24 июля 2001 г.

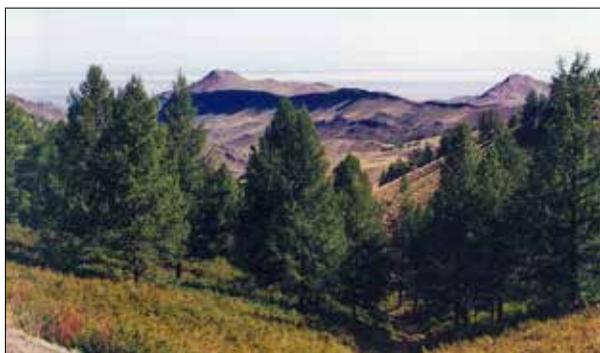

Рис. 618. Саур, лиственничный лес у перевала Сайкан, выс. 1831 м. Вдали пески Айгыркум.

Рис. 619. Саур, ленточные лиственничные редколесья. 25 июля 2001 г.

Рис. 620 и 621. Саур: дорога в межгорной долине и дальняя перспектива на восток. 25 июля 2001.

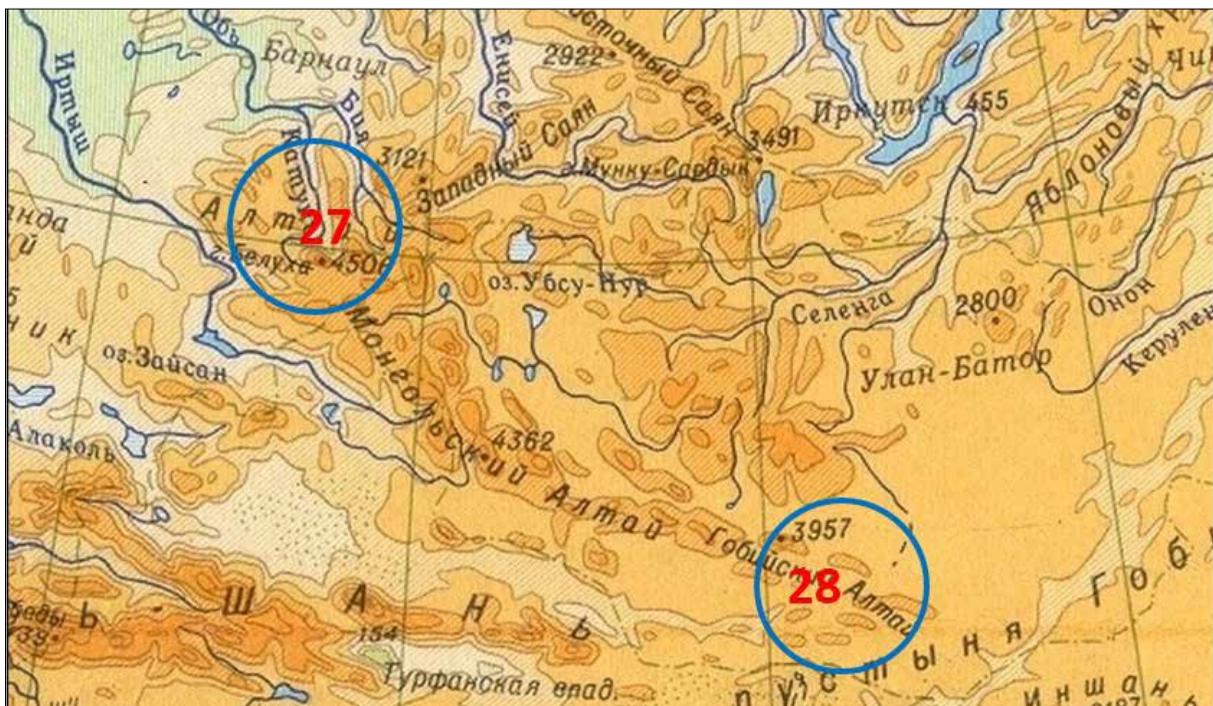
Рис. 622 и 623. Субальпийская долина и выход в Зайсанскую котловину через Сайкан. 25 июля.

Из птиц в пойме обычны два вида пеночек (тусклая зарничка и зелёная пеночка, кормящие уже вылетевших птенцов), белошапочная овсянка (*Emberiza leucocephalus*), садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*), серая славка (*Sylvia communis*), черноголовый чекан (*Saxicola torquata*); в небе – чёрный коршун (*Milvus migrans*) и пустельга. Самой интересной для меня была встреча европейского белохвостого жулана (*Lanius collurio*), две пары которых обитали в окрестностях нашего лагеря, а Йохену Родеру удалось даже наблюдать гибридную пару, в которой самец был европейский жулан (*Lanius collurio*), а самка – кашгарский (*Lanius isabellinus*). Теоретически мы знали о широком распространении в этих местах среди жуланов межвидовой гибридизации, но наблюдать это явление воочию всегда интересно.

Уже в 9 час утра 25 июля мы выехали в обратный путь и с 10 до 11 час сделали остановку на перевале через Сайканский хребет. А ещё через час, спустившись к подножию хребта, уже в пределах Зайсанской котловины, наблюдали сизоворонок (*Coracias garrulus*), грачей и чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). Дальнейший путь наш лежал в пески с оригинальным названием «Айгыркум» (айгыр – жеребец). Так закончилась эта короткая, но очень приятная поездка в оригинальный и красочный ландшафт.

17 мая 2023 г. – 29 февраля 2024 г.

Алтай

Красными цифрами в кружках обозначены места, которым посвящены рассказы:

26 – поездка на озеро Маркаколь (1980), 27 – конференция в Горно-Алтайске и Телецкое озеро (1983),

28 – один день в Гобийском Алтае (2015)

26. Поездка в Южный Алтай на озеро Маркаколь (август 1980)

Рис. 624. Озеро Маркаколь с востока на запад (длина 37 км, ширина 12 км). Снимок с вертолѐта *С.В. Старикова*

Рис. 625. Село Урунхайка на берегу Маркаколя (усадьба заповедника). 23 августа 1980 г.

Алтай – огромная горная страна в центре материка Евразия, занимающая юг Сибири, север Монголии, северо-запад Китая и восток Казахстана. Он протянулся более чем на 2000 км от равнин Гоби на юго-востоке (106°в.д.) на северо-запад до Западно-Сибирской низменности (82°в.д.), причём наиболее высокие вершины находятся в западной части Алтая (Белуха – 4506 м; Хыйтун, или Куйтун – 4355 м).

Благодаря растянутости территории Алтай подразделяют (помимо обычно принятых: Западный, Южный, Центральный, Восточный, Юго-Восточный) также на Монгольский и Гобийский. В Казахстане находится самая западная часть этой горной страны, которая делится на Южный и Западный Алтай, а вся вместе получила название Рудный Алтай – из-за богатства полезными ископаемыми. Описанию природных условий Алтая в Краткой географической энциклопедии (том 1, 1960: 77-80) посвящено три страницы и три карты, а самую краткую характеристику Алтая слышал я от своего учителя И.А. Долгушина: «Алтай – это тайга, положенная на горный рельеф». К этому можно добавить, что рельеф этот довольно молодой: он сформировался в начале четвертичного времени в результате сводового поднятия с последующими разломами, оледенением и интенсивной эрозией. Климат континентальный, довольно суровый, с продолжительной холодной зимой (средняя температура января от минус 15° в предгорьях до минус 32° в межгорных котловинах); в высоких хребтах имеется до 800 ледников, а общая площадь современного оледенения – более 600 км². Считается, что на Алтае более трёх тысяч озёр (в основном карового и моренно-подпрудного происхождения), самые крупные из них – Телецкое и Маркаколь – занимают тектонические котловины (Краткая географическая энциклопедия, том 1, 1960, с. 77-80).

Об озере Маркаколь, расположенной в Южном Алтае на территории Казахстана, я не раз слышал от старших товарищей-орнитологов Марии Алексеевны Кузьминой (1910-1986) и Эвальда Фёдоровича Родионова (1926-1992), работавших там в 50-х гг. XX ст., а в 1966 году завидовал им и другим коллегам из лаборатории орнитологии, выехавшим на два месяца в специальную экспедицию на Маркаколь, которую спланировал и тщательно подготовил Игорь Александрович Долгушин для сбора дополнительного свежего орнитологического материала для оставшихся томов сводки «Птицы Казахстана» (1970, 1972, 1974).

Возможность увидеть это знаменитое озеро своими глазами появилась у меня только после того, как там был организован Маркакольский заповедник (1976 год) и с 1978 г. в нём начал работать выпускник Усть-Каменогорского пединститута Николай Берёзовиков, научным руководителем которого попросил меня быть Борис Васильевич Щербаков, воспитывавший этого талантливого парня с юннаты до студента, а утвердила это решение Казглавохота. Вскоре Коля закрепил это руководство также поступлением в заочную аспирантуру к нам, в Институт зоологии. А в 1980 г. для такой поездки появились и финансы в виде хозяйственной темы по привлечению синиц в горные леса Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Алтая.

Экспедиция в Джунгарский Алатау и на Южный Алтай состоялась с 14 августа по 2 сентября 1980 г. Всё складывалось как нельзя лучше: командировка запланирована, деньги на неё и на оплату машины предусмотрены, состав (А.Ф. Ковшарь, Б.М. Губин, Р.Г. Пфедфер и П.В. Пфандер) готов к выполнению задания. Но тут появилось неожиданное препятствие: в автобазе Академии наук, призванной обеспечивать наши экспедиции транспортом (здесь было около 200 автомашин) сказали, что свободной машины у них нет и стали, как говорится, водить меня за нос. Умели здесь ставить людей в положение «просителей»...

Пришлось прибегнуть к «тяжёлой артиллерии» – обратиться за помощью к первому вице-президенту Академии, директору нашего института академику Евгению Васильевичу Гвоздеву (1918-2012). После его звонка сам директор автобазы Евгений Степанович Митюшников примирительно сказал мне: «Ну, зачем Вы так? Ведь можно было решить всё это между нами», после чего вызвал главного инженера и вдвоём стали искать варианты. Они, конечно же, нашлись – УАЗ-таблетка, который нас вполне устраивал. Однако оказалось, что его водитель ушёл в отпуск. Тогда Митюшников вспомнил, что есть водитель, который отстранён от вождения за совершение наезда и временно посажен в яму (!), где он занимается ремонтом машин. Но уже прошло больше месяца, так что его можно было бы снова посадить за руль. Велел вызвать Васю Романюту. Пришёл молодой, рано располневший парень в грязной рабочей робе. Директор спросил его: «Осознал?», тот кивнул. «Хочешь поехать в экспедицию?». Парень, конечно же, хотел! «Тогда принимай временно машину такого-то (назвал фамилию), пока он в отпуске. Проверь её и будь готов к выезду через два дня». Вот так, в спешном порядке, был решён вопрос с транспортом.

Я не случайно описываю это столь подробно, потому что в дальнейшем нам это «икнулось» не один раз – и личность самого Васи Романюты, и то, что из-за такой скорости решения этого вопроса пропуск в погранзону на него оформлять было уже некогда!.. Машина, принадлежавшая, видимо, хорошему водителю, украсившему все дверцы коллекцией спичечных коробков, нареканий у нас не вызывала, но вот Вася Романюта всё же, видимо, пересидел в своей яме. О том, к чему это привело, я написал в предыдущих рассказах – о поездках в Джунгарский Алатау и в Чиликтинскую долину.

Прибыв в Усть-Каменогорск 21 августа, мы заночевали у Бориса Щербакова, где узнали, что умер Владимир Высоцкий. Сообщивший эту скорбную весть алматинский писатель Валерий Михайлов весь вечер читал стихи Высоцкого и рассказывал о нём много нового для меня. Дальше с нами поехал Борис Щербаков, который был нам очень полезен как старожил и знаток этих мест и фауны. В Курчуме пришлось остановиться около автомастерских, чтобы хоть немного, как говорят шофёры, «подшаманить» нашу машину, так как, по словам Щербакова, подъём на гору Мраморная у Алексеевки довольно крут и небезопасен. Зашли и в погранотряд, где я передал полковнику привет от генерала, с которым специально встречался в Учарале у Бориса Анненкова по вопросу пропуска для нашего водителя. Он сказал, что всё понял, записал фамилию Васи, но, как и генерал в Учарале, бумаг нам никаких не дал, сказав, что они предупредят своих по средствам связи. Сейчас, по прошествии более 40 лет, я прекрасно понимаю, что такой способ (не оставлять письменных улик) был для них единственным безопасным, но тогда мне было очень тревожно: будет ли выполнено это устное обещание или будет забыто в суете сует?..

Подъём на гору Мраморная действительно оказался крутым и затяжным. Но меня поразили здесь две вещи. Во-первых, типичные «камикадзе», мчавшиеся без тормозов на предельной скорости навстречу нам по серпантину на мотоциклах, у которых вместо коляски была сделана деревянная площадка для перевозки сена. Когда такой красавец (обычно два – второй сидит сзади) вырывался из-за крутого поворота, сердце каждый раз ёкало – и за него, и за себя (ведь у нас за рулём – Вася Романюта!). Во-вторых, по мере подъёма всё больше открывалась перспектива вниз, где уже был Китай. Там были видны лишь обширные массивы сыпучих песков, которые так контрастировали с той зеленью, что была на склонах гор вокруг нас! Впечатление было очень сильное, и я даже испытывал какое-то чувство неловкости, как будто это я «наградил» соседей безжизненными песками (рис. 633), забрав себе зелёные склоны...

Урунхайка (рис. 625) мне понравилась – типичная русская деревня на берегу красивого озера Маркаколь, окружённого ожерельем гор. У Николая Березовикова, жившего в небольшой бревенчатой избе, только недавно родилась дочь, даже кратковременное пребывание такого количества людей в этом доме было нежелательно. Поэтому он разместил нас в такой же избе неподалёку. Кажется, это был дом зоолога заповедника Юры Зинченко, во всяком случае, он жил здесь вместе с нами. Гостеприимство ребят очень напоминало мне мой родной заповедник Аксу-Джабаглы, только там я был в роли хозяина, а здесь как-то непривычно было чувствовать себя гостем, которого принимают и потчуют. Особенно запомнилась мне баня по-чёрному, о которой раньше я только читал, а здесь вкусил все её «преlestи».

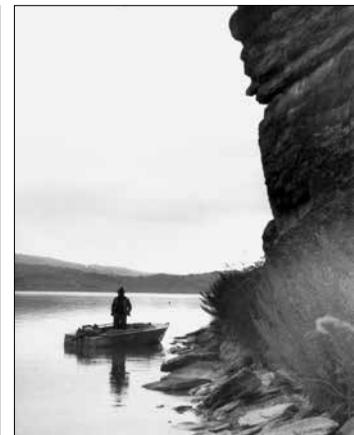

Рис. 626 и 627. Матрацевидные граниты выше леса и урочище «Голубиный утёс» на озере. Август 1980.

Рис. 628 и 629. Исток Кальджира. Автор, Б.В. Щербakov и Н. Березовиков (справа). Конец августа 1980 г.

Несмотря на август (в Урунхайке мы были с 23 по 28 число), здесь несколько дней шли дожди. Однако мы успели за два дня объехать на лодке озеро по маршруту: Матабай – Кальджир – Голубиный утёс – Тополиха – Жиренька – Урунхайка. «Круиз» этот оставил неизгладимые впечатления, особенно истоки Кальджира: как-то странно и непривычно было видеть, как из огромной водной глади *начинается* река.

Возвратившись в село, мы вдвоём с Николаем поднялись на Сорвенковский белок (это название меня интриговало еще с 1966 г., после рассказов Эдуарда Гаврилова и Эвальда Родионова) и посетили Холодную долину; по пути видели заросли маралевого корня (левзея сафлоровидная – *Rhaponticum carthamoides*) и золотого корня (*Rhodiola rosea*). Из птиц большое впечатление осталось от скопы (*Pandion haliaëtus*) и чёрного аиста (*Ciconia nigra*), а также их гнёзд, которые показывал мне Коля на берегах Маркаколя. Очень хотелось бы увидеть алтайского улара, но он был далеко – где-то там, за озером. Но и без него впечатлений за эти 5 дней накопилось много.

Рис. 630. Лиственничный лес над Урунхайкой. Рис. 631. В высокогорье Сорвенковского белка. 1980 г.

Жаль только, что ни одного цветного снимка от этой поездки не сохранилось: все они погибли при проявке цветной плёнки в Алма-Ате... Поэтому я очень благодарен нашему герпетологу Татьяне Николаевне Дуйсебаевой, поделившейся прекрасным снимком Холодной долины, снятой с Сорвенка (рис. 632), и особенно Сергею Васильевичу Старикову, сменившему во второй половине 80-х гг. Колю Березовикова на посту орнитолога заповедника и проработавшему там ряд лет. Он представил мне для этого очерка целую серию великолепных снимков, часть из которых (см. ниже) выполнены с вертолётa и могут служить прекрасной отправной точкой для выяснения будущими фотографами-краеведами изменений берегового абриса самого озера Маркаколь, границ застройки села Урунхайка и прочих естественных и антропогенных изменений.

Рис. 632. Восточная часть озера Маркаколь, Сорвенг и «Холодная долина». 18 июля 2001 г. *Фото Т.Н. Дуйсебаевой*

Ниже привожу иллюстрации С.В. Старикова, начиная со столь запомнившегося мне при подъёме на гору Мраморная вида китайских песков по правому берегу р. Белезек – притока Чёрного Иртыша.

Рис. 633. Вид с горы Мраморная на сыпучие пески правобережья Чёрного Иртыша (Китай). *Фото С.В. Старикова*

Рис. 634. Озеро Маркаколь и хребет Азутау. *Фото С.В. Старикова*

Рис. 635 и 636. Маркаколь и исток Кальджира в разных ракурсах с воздуха. Снимок с вертолѐта *С.В. Старикова*

Рис. 637. Озеро Маркаколь, ЮЗ берег. Матабай. Снимок с вертолѐта *С.В. Старикова*

Рис. 638. Озеро Маркаколь, СВ берег. Устье реки Жиренька. Снимок с вертолѐта *С.В. Старикова*

Рис. 639 и 640. Село Урунхайка на берегу озера Маркаколь. Снимок с вертолѐта *С.В. Старикова*

Рис. 641 и 642. Село Матабай на южном берегу озера Маркаколь. 2006 г. Фото *С.В. Старикова*

Рис. 643 и 644. Забока в устье р. Урунхайка (2022 г.) и само устье этой реки, 2023 г. Фото С.В. Старикова

Рис. 645. Ускуп, ленок (*Brachymystax lenok*) на нересте в устье реки Тополёвка. Июнь 1980 г. Фото Ю.К. Зинченко

Рис. 646. Устье реки Тополёвка – место нереста ускуца. 2006 г. Фото С.В. Старикова

Рис. 647 и 648. Чёрные аисты (*Ciconia nigra*) в устье реки Урунхайка. Фото С.В. Старикова

*****

Что касается Николая Николаевича Берёзовикова (1956-2022), светлой памяти которого посвящается этот рассказ, то уже через 6 лет после нашего посещения, собрав замечательный научный материал по птицам Маркакольской котловины, он перешёл на работу в нашу лабораторию охраны диких животных Института зоологии, в котором проработал до конца своей жизни. В 1989 г. он издал лучшую свою книгу «Птицы Маркакольской котловины», на эту же тему защитил кандидатскую диссертацию, объездил весь Казахстан и стал самым плодовитым орнитологом Казахстана, опубликовав за следующую четверть века *сотни* научных статей и заметок в различных журналах и сборниках. Кроме того, он написал множество

художественных рассказов о природе и животных. Эти рассказы его друзья С.В. Стариков и М.Т. Баймуканов подготовили к изданию в виде двух книг – «Таёжная заповедь» и «Рясный дождь», выставленных на вебсайтах Института зоологии и АСБК.

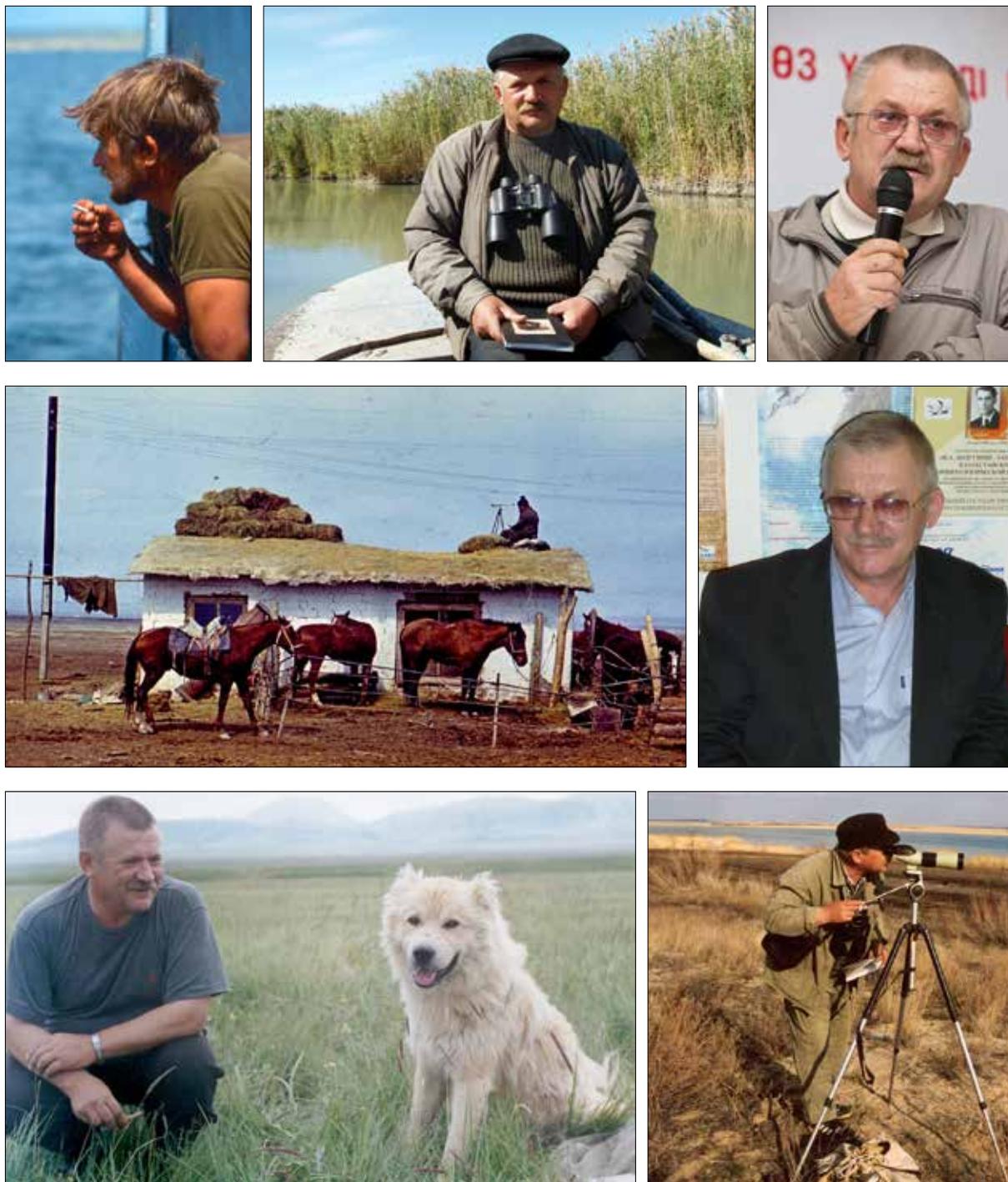

Рис. 649-655. Н.Н. Берёзовиков – от Маркаколя и Алаколя до Наурузума, 1986-2011 гг.: Зайсан, Алаколь, выступление на конференции, 2011; наблюдения за журавлями, Копа, 1987; в лаборатории орнитол.; в Наурузумском заповеднике, 1999 г.

18 мая 2023 г. – 27 мая 2024 г.

27. Поездка в Горно-Алтайск и на Телецкое озеро (12-15 сентября 1983)

Рис. 656. Покрытые лесом сопки в районе Золотоборска на Телецком озере. 14 сентября 1983 г.

Рис. 657. Телецкое озеро. Теплоход «Пионер Алтая» – наш транспорт. 15 сентября 1983 г.

Город Горно-Алтайск – административный центр Алтайского края, входящего в состав Российской Федерации, и прочитать о нём можно в любой энциклопедии, в том числе и географической. Казалось бы, ему не место на страницах рассказов о ландшафтах Казахстана. Но в данном случае я хочу сделать своего рода исключение, объяснив это двумя причинами. Во-первых, это Центральный Алтай, которого нет на территории Казахстана и привести его рядом с описанием казахстанского Алтая вполне уместно. Главное же – *во-вторых*: данный рассказ больше посвящён самой «подвижной» составляющей части уходящей природы – людям, для которых 40 лет, прошедших со времени описываемого события (в данном случае – научной конференции), больше половины средней продолжительности жизни и здесь изменения очень заметны...

В сентябре 1983 г. в Горно-Алтайске состоялась вторая Сибирская орнитологическая конференция, на которой от Казахстана присутствовали мы с Валерием Васильевичем Хроковым. До Барнаула мы добирались поездом, а последний отрезок пути – самолётом ЯК-40. Я впервые летел этим маленьким самолётом и хорошо запомнил этот полёт благодаря тому, что проходил он на относительно небольшой высоте, что позволяло любоваться ещё неизвестными мне ландшафтами Центрального Алтая.

В Горно-Алтайском пединституте Алексей Петрович Кучин (1924-2008) оказал нам очень радушный приём (как и проводы – каждый увёз бутылку великолепного алтайского бальзама!). Из старых знакомых приятно было пообщаться с Сергеем Степановичем Москвитиным (1936-2020), Николаем Николаевичем Даниловым (1920-1987) и Татьяной Николаевной Гагиной (1925-2014), с которой мы за эти дни просто подружились: она рассказала мне практически всю историю иркутской кафедры охотоведения...

Жили мы в одном номере с москвичом В.К. Рахилиным (1932-2003) и Р.Н. Ворониным (1939-1996) из Сыктывкара. Меня поразило рассказ Рудислава Николаевича о его «знакомстве» с медведем в берлоге, после объятий которого он еле выжил. А Валентин Рахилин оказался непревзойдённым рассказчиком – смешные истории лились из него непрерывно, как из рога изобилия. Эту весёлую атмосферу омрачила внезапная болезнь Н.Н. Данилова, которого увезли посередине конференции с острой пневмонией ...

Рис. 658 и 659. Горно-Алтайск. Участники конференции на улицах верхней части города. Фото из архива автора

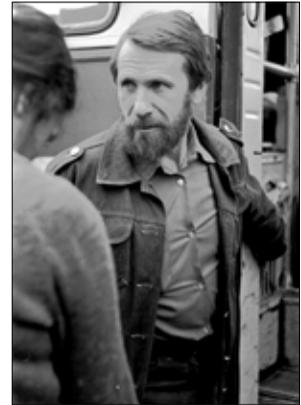
Рис. 660 и 661. На улицах Горно-Алтайска. Слева Р.Н. Воронин, В.В. Хроков, В.К. Рахилин.

Рис. 662. Р.Н. Воронин (2-й слева), Э.А. Ирисов (4-й), М.И. Брауде (5-й), Н.П. Малков (1-й справа). Горно-Алтайск.

Рис. 663. Б.А. Воронов (4-й слева), М.В. Сони́на (5-я слева) и Ю.А. Дурнев (2-й справа) там же.

Городок, прижатый к горам (верхние улицы граничили прямо с лесом) почему-то напомнил мне Пятигорск, хотя на этой близости к горам их сходство и заканчивалось. Благодаря хорошей ясной погоде вечерами мы небольшой группой прогуливались по городу, поднимаясь и к лесу, откуда был хорошо виден весь город. Иногда образовывалась крупная компания. Мне было интересно познакомиться с сибирскими орнитологами: местным жителем Николаем Петровичем Малковым (моим ровесником, инициатором создания Красной книги Алтая), Александром Алексеевичем Барановым из Красноярска, Борисом Александровичем Вороновым из Хабаровска, Михаилом Иосифовичем Брауде из Свердловска. Кулуарные разговоры значительно дополняли то, что мы слышали днём на заседаниях. Запомнился великолепный голос Бориса Воронова и мастерское исполнение им старинных русских романсов.

Рис. 664-666. Горно-Алтайск: В.К. Рахилин, М.И. Брауде, А.А. Назаренко, А.П. Крюков, С.С. Москвитин.

Рис. 667 и 668. В автобусе на Телецкое озеро: В.Д. Сонин (1928-2016), М.В. Сони́на и Т.Н. Гагина.

Рис. 669 и 670. Телецкое озеро, на борту «Пионер Алтая»: Н.П. Каверкина (1952-2003) и С.С. Москвитин.

После окончания конференции состоялась незабываемая экскурсия в Алтайский заповедник, на Телецкое озеро. Прибыв в Золотоборск автобусами 14 сентября, мы пересели на катер «Пионер Алтая» – настоящий небольшой теплоход, который несколько раз причаливал к наиболее интересным местам заповедника, начиная с центральной усадьбы и кончая великолепным фруктовым садом, выращенным местным энтузиастом-мичуринцем в суровых условиях Центрального Алтая. Хозяин (Николай Павлович Смирнов) прочитал нам целую лекцию о том, как это всё начиналось, и при помощи каких приёмов удалось вырастить это чудо среди алтайской тайги. Впечатление этот сад произвёл довольно сильное.

Рис. 671 и 672. Участники конференции у офиса Алтайского заповедника. 15 сентября 1983 г.

Рис. 673. На центральной усадьбе заповедника. **Рис. 674.** Сад Н.П. Смирнова на берегу озера.

Рис. 675 и 676. Николай Павлович Смирнов рассказывает нам о создании сада. 15 сентября 1983.

Но мне особенно врезались в память красавцы-кедры, возвышавшиеся на целую «голову» (крону) выше сплошного леса по склонам гор. При виде их мне пришло неожиданное сравнение кедров с людьми: вот так и отдельные столетние старцы живут среди остальных людей, которые моложе их на 20-30, а то и 50 лет. И до сих пор, когда я сталкиваюсь с редкими случаями настоящего долгожительства (как например, крупнейший российский гляциолог Леонид Дмитриевич Долгушин или не менее крупный почвовед Мария Альфредовна Глазовская, оба москвичи, перешагнувшие столетний рубеж в добром здравии и рабочем состоянии), я вспоминаю те исполинские золотоборские кедры...

В Алтайском заповеднике мы провели два дня, переночевав на базе центральной усадьбы. Запомнились беседы с герпетологом заповедника, тогда ещё молодым Владимиром Александровичем Яковлевым (1949-2020), и его рассказы о чёрных гадюках заповедника. Познакомились мы ближе и с Натальей Петровной Каверкиной (1952-2003), с которой до этого мельком встречались в Самарканде в 1979 году, когда она была аспиранткой Людмилы Вениаминовны Фирсовой (1941-2020) и изучала крачек на Командорских островах. Рассказы её о работе на этих островах, а также в заповеднике «Семь островов», были очень интересны, даже не верилось, что такая молоденькая и хрупкая девушка могла работать в нелёгких условиях Севера. Словно уловив эту тень сомнения, Наташа вдруг сказала, что хотела бы поработать с чегравой в Казахстане и могла бы в следующем году приехать на Алаколь или Капчагай, где живут эти птицы. Посоветовавшись зимой с Эрнарм Ауэзовым (1943-1995), я послал ей в ЗИН положительный ответ. Весной следующего года она приехала в Алма-Ату и весь сезон самостоятельно работала на Капчагае. К сожалению, ни я, ни Эрнар так и не выбрали времени, чтобы съездить туда к ней. На мой вопрос, как там работает Наташа, Эрнар ответил, что она подружилась с местными жителями и вообще чувствует себя нормально. А когда через 17 лет в Казани нижегородские орнитологи сообщили о тяжёлой болезни Наташи, я отказывался в это верить. К сожалению, её давно уже нет с нами... Так же, как многих других участников этой памятной конференции: *Рудислава Николаевича Воронина, Татьяны Николаевны Гагиной, Николая Николаевича Данилова, Эдуарда Андреевича Ирисова, Алексея Петровича Кучина, Сергея Степановича Москвитина, Валентина Константиновича Рахилина, Виталия Дорощеевича Сони́на*, памяти которых посвятил я этот рассказ-воспоминание...

На обратном пути нам с В.В. Хроковым пришлось ночевать в одной из гостиниц Барнаула. И тут нам повезло – в городе демонстрировалась передвижная выставка картин отца и сына Рерихов! И хотя год назад я смотрел её в Алма-Ате, тем не менее с огромным интересом постоял и около волшебных пейзажей вечерних Гималаев Николая Константиновича, и у филигранно выписанных портретов Джавахарлала Неру и Индиры Ганди кисти Святослава Николаевича Рериха. Это был очень щедрый подарок на прощанье...

21 мая 2023 г. – 1 марта 2024 г.

28. Один день в Гобийском Алтае (11 сентября 2015)

Рис. 677. Пустыня Гоби. Впереди – Гобийский Алтай. 11 сентября 2015 г.

Рис. 678. Члены экспедиции в одной из долин Гобийского Алтая. 11 сентября 2015 г.

О том, чтобы увидеть Монголию с её знаменитой пустыней Гоби, я мечтал с детства, когда на уроках географии в школе был поражён тем, что на обширной территории этой страны, раскинувшейся на полтора миллиона квадратных километров между нашей страной (СССР) и Китаем проживает *всего около 1 млн человек*, тогда как в крохотном южно-европейском государстве Албания (28.7 тыс. км², что в 53 раза меньше, чем Монголия) живёт *полтора миллиона!* Значит, обширные пространства Монголии просто безлюдны и на них обитают дикие животные в дикой природе! Эта мысль будоражила воображение. А позднее к ней добавились описания впечатлений русских путешественников XIX века. Гоби представлялась сплошной пустынно-степной равниной, где бегают дикие лошади и газели-дзерены. Сочетание «Гобийский Алтай» нарушало эту идиллию: как же могут сосуществовать сибирские лесные горы и пустыня?

Уже взрослым я смог прочитать в Краткой географической энциклопедии: «ГОБИ (от монгольского говь – безводное место) – пустынная и полупустынная область на Ю и ЮВ МНР и в прилегающей части Китая. Плоскогорье выс. в осн. 900-1200 м. Поверхность плоскогорья слагается гл. обр. из наклонных равнин и широких пологих долин и впадин с каменистым и глинистым грунтом. Значительно меньшую площадь занимают горы, поднимающиеся в виде коротких хребтов и отдельных вершин до 2500 м и выше при относит. высоте над равнинами до 1000-1500 м» (том 1, М., 1960, с. 467). И далее на той же странице: «ГОБИЙСКИЙ АЛТАЙ – цепи горных хребтов и массивов, разделённых сухими долинами и котловинами на юго-вост. продолжении Монг. Алтая в МНР. Длина более 500 км, преобл. выс. 1500-2500 м. Наиболее высокая вершина Ихэ-Богдо, 3700 м. Горы сложены гранитами, песчаниками, известняками. Р-н Г.А. сильно сейсмичен. Растительность в ниж. поясе пустынная, в верхнем степная».

Во второй половине XX ст. на территории Монголии многие годы работала советско-монгольская экспедиция, в которой участвовали мои коллеги-орнитологи. Рассказы их только подогревали мой давний интерес к этой стране, а в 80-х гг. мне даже предложили принять участие в работе этой экспедиции, но как-то не сложилось. В конечном счёте я смирился, что не увижу ни пустыни Гоби, ни Гобийского Алтая.

И вдруг в 2015 году, когда, казалось бы, уже и «возраст вышел», я получаю заманчивое предложение от Любови Васильевны Маловичко из Тимирязевской сельхозакадемии (Москва) принять участие в поездке по пустыне Гоби (включая Гобийский Алтай) в составе группы из четырёх орнитологов и двух ботаников. Маршрут был намечен из Улан-Батора, начало его приходилось на первую половину сентября. Как раз в это время в Даурском заповеднике проходила очередная конференция Рабочей группы по журавлям Евразии (РГЖЕ), по окончании которой мы с Еленой Ивановной Ильяшенко и с нашими монгольскими коллегами планировали проехать по местам скопления журавлей в северной части Монголии, закончив эту поездку в Улан-Баторе. Оставалось только подогнать сроки окончания первой и начала второй поездки, что и было сделано организаторами в самом лучшем виде.

На закате 7 сентября 2015 г. наша «журавлиная команда» въехала в столицу Монголии Улан-Батор (Улаанбаатар), о котором заранее возвестили участвовавшие пробки на дорогах, задымлённое небо, а затем предстал и сам город, раскинувшийся в межгорной котловине с огромными трубами, извергающими в небо клубы дыма и пара, чего я никак не ожидал. Как не ожидал и того, что расположен он на склонах гор, на высоте 1300 м над уровнем моря. Долина реки Туул, проходящей через город, занята густым пойменным лесом, а над самим почти полуторамиллионным¹⁵ городом (1 млн 318 тыс. чел.), прямо в его черте, нависает священная гора Богд-Хан-Уул, которая внесена в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Узкие улицы города с трудом вмещают мощный поток транспорта, в основном грузового. Въезд же во дворы многоэтажек и выезд из них требует от водителя просто цирковых навыков, а от пешеходов – необходимости «быть на-чеку» и хорошей физической подготовки¹⁶.

Потратив не менее часа, наши друзья Цэвээн и Нямбаяр, наконец высадили нас в одном из таких дворов, где в квартире родственников Цэгмид Намсрайжав (аспирантка Л.В. Маловичко) нас ожидали члены предстоящей гобийской экспедиции. Помимо самой хозяйки, а также Любови Васильевны Маловичко и Татьяны Константиновны Железновой (Блиновой), с которыми мы расстались на границе три дня назад,

¹⁵ Время, когда население всей Монголии исчислялось 1 млн чел., осталось в 50-х гг. XX ст. – АК

¹⁶ Следующий ниже текст печатался в журнале «Ветер странствий» (2016, № 4 (59), с. 76-85) под названием «Пустыня Гоби глазами орнитолога» – АК

здесь были ещё двое прилетевших сегодня из Москвы ботаников – Наталья Геннадьевна Куранова и Николай Евгеньевич Шевченко. В этот экспедиционный коллектив и влились мы с Еленой Ивановной Ильяшенко. Завершали «девятку» два водителя – муж Цэгмид Сонинбаатар и их сын Хилийнчулуун, которые должны были посменно обеспечивать непрерывность нашего маршрута.

Выяснилось, что количество взятого каждым из нас груза значительно превышало скромные возможности нанятого микроавтобуса типа «Delica», поэтому весь вечер и часть ночи ушли на ревизию экспедиционного имущества. По крайней мере, мне пришлось оставить половину того, что я привёз из Алматы (однако спальный мешок, вопреки уговорам Любы, я всё же взял с собой – и он однажды очень пригодился). Как водится, часть времени заняло знакомство с предстоящим кольцевым маршрутом, который сулил нам не только саму Гоби, но и хоть кратковременное знакомство с Гобийским Алтаем. Уже потом, знакомясь с литературой и благодаря рассказам Цэгмид, я понял, что мы повторили часть маршрута экспедиции Русского Географического общества 1923-1926 гг., которую совершила легендарная Елизавета Владимировна Козлова – классик советской орнитологии и жена великого путешественника Петра Кузьмича Козлова. Для начала нам предстояло проехать по холмам Хангая и цветущей монгольской степи. Я не оговорился, поскольку, несмотря на осень, монгольские степи, как и даурские, которые мы посетили перед этим, буквально благоухали цветами – как будто это была весна... Секрет этого феномена был прост: после знойного и сухого лета в этом году первые дожди пошли только в августе. Поэтому в степи наблюдалось массовое цветение гетеропаппусов, и менее массовое – других растений (вплоть до одуванчиков).

Солнечным свежим утром 8 сентября, подгоняемые ледяным северным ветерком, мы покинули Улан-Батор и направились по горам-холмам почти прямо на юг. Каменистые склоны гор поросли караганой, и птицы здесь были самые обычные: стаи грачей, домовых и полевых воробьёв, одиночные сороки, пустельги и чёрные коршуны. Большой удачей была встреча ещё в черте города яркого самца сибирской горихвостки (*Phoenicurus auroreus*), которого поначалу чуть было не приняли за высокогорную краснобрюхую (*Phoenicurus erythrogaster*). Оживление среди орнитологов вызвала первая встреча центральноазиатского курганника (*Buteo hemilasius*) и клушиц (*Pyrhacorax pyrrhacorax*). Последние встречались парами и залетали под крыши строений, в частности, столовой, у которой мы остановились на обед. На более открытых склонах попадались одиночные малые (*Calandrella* sp.) и рогатые (*Eremophila alpestris*) жаворонки, обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а однажды – стайка монгольских земляных воробьёв (*Pyrgilauda davidiana*).

К полудню вышли в холмистую карагановую полупустыню с цветущим гетеропаппусом (рис. 679) на глине со щебёнкой. Здесь уже царство жаворонков – рогатого и монгольского (*Melanocorypha mongolica*) в соотношении примерно 2:1. Высоко в небе кружились одиночные степные орлы (*Aquila nipalensis*), всё чаще встречались курганники (*Buteo hemilasius*), в одном месте встретили сразу 6 чёрных грифов (*Aegyptius monachus*) – два летали и 4 сидели на земле. Но чаще других среди крупных птиц попадался ворон (*Corvus corax*) – одиночки или пары их можно было видеть повсюду (у нас это редкая птица!). На столбах дважды видели соколов-балобанов (*Falco cherrug*) и один раз – большого подорлика (*Aquila clanga*); однажды пролетел амурский кобчик (*Falco amurensis*). Низко над землёй летали ласточки (*Hirundo rustica*).

К вечеру, на закате, достигли центра сомона Хулд (здесь нет сёл, любое селение – это центр сомона) и здесь закончился асфальт. Цэгмид с Любой торжественно объявили, что это уже Северная Гоби (рис. 680). Найти ночлег удалось не сразу, но в конечном счёте устроились в недавно построенном небольшом двухэтажном каменном здании, на первом этаже которого – магазин, а на втором – 4 комнаты для проезжих. Странно и непривычно смотрелось это двухэтажное здание, одиноко стоящее среди абсолютно голой пустынной равнины. Здесь уже пригодился и спальный мешок, так как в трёх свободных комнатах было всего 6 кроватей и соответственно столько же постельных комплектов. Поэтому спальный мешок на полу вместе с тонким надувным резиновым матрасом оказался единственно возможным выходом в данной ситуации.

Рис. 679. Цветущий гетеропаппус в холмистой карагановой полупустыне. 8 сентября 2015 г.

Рис. 680. Самый типичный ландшафт Северной Гоби. 9 сентября 2015 г.

Утром 9 сентября мы отправились дальше на юг по холмистой полупустыне, поросшей низкорослыми кустиками караганы и солянок. Маршрут наш в большей своей части пролегал по пустынно-степным и полупустынным ландшафтам, с редкой кустарниковой и полукустарниковой растительностью.

Настоящий саксаульник попался в урочище Баян-дзак («богатый саксаул») на песчаных буграх в предгорьях Гобийского Алтая (рис. 681), недалеко от места, где проводились известные палеонтологические раскопки (рис. 682) Евгения Николаевича Курочкина (1940-2011).

В такой открытой местности особое значение для птиц, особенно дендрофильных мигрантов, имеют элементы антропогенного ландшафта. Немногочисленные селения (центры сомонов), расстояния между которыми 60-80 км, как правило, лишены древесной растительности и представляют собой сочетание юрт и невысоких жилых построек. Приятным исключением является центр сомона Булган (44°08,184' с.ш., 103°32'910' в.д., выс. 1328 м), в котором имеются источники, поэтому здесь развито огородничество. Булган славится помидорами – небольшими, но очень сладкими, есть даже бренд – булганские помидоры. Огороды защищены посадками мелколистного вяза (карагача) и кустами (в том числе – полудеревцами сибирской яблони Палласа, с плодами, размером напоминающими боярышник). Подобные огородные «оазисы» есть и вокруг Булгана. На одном из них, в баге Дал (44°05,263' с.ш.; 103°42,839' в.д.; выс. 1305 м), мы провели специальную экскурсию. Эти огороды, в два ряда обсаженные карагачами высотой 4-5 м (а одно старое дерево выросло даже до 20 м!), представляют настоящий оазис среди щебнистой пустыни, где высота растительности едва достигает 20 см. Они служат местом отдыха и кормёжки для птиц-мигрантов.

Разнообразят открытый пустынно-степной ландшафт Гоби также линии электропередачи (ЛЭП), которые служат присадой, особенно для пернатых хищников. Однако они же нередко являются и причиной их гибели, в чём мы убедились, находя под проводами трупы соколов, коршунов, канюков и воронов.

Эта проблема – гибель крупных птиц на линиях электропередач (ЛЭП) – является глобальной и масштабы её всё время возрастают. Расстояние между параллельными проводами высоковольтных линий таковы, что мелкие птицы именно в силу своих небольших размеров не могут коснуться двух проводов, чтобы замкнуть электрическую цепь и получить смертельный удар электрическим током. Зато крупные птицы, и в первую очередь пернатые хищники – орлы, подорлики, змеяеды, канюки и др. (многие из которых уже занесены в Красную книгу в силу своей редкости) – при посадке и взлёте делают это частенько, в результате гибнут сами и вызывают короткие замыкания, тем самым нанося экономический ущерб пользователям электроэнергией. Вопросам оборудования ЛЭП специальными птицевозащитными устройствами посвящены многие международные конференции, но пока ещё большинство изобретений малоэффективны и многозатратны».

Погода явно благоприятствовала нашей поездке и наблюдениям. Несмотря на по-осеннему холодные ночи, дни стояли в основном ясные, а дожди перепали преимущественно ночью. Обычно ясное с утра небо к полудню наполнялось красивыми белыми кучевыми облаками, хорошо украшавшими ландшафт (рис. 680), и только к вечеру становилось пасмурно.

Рис. 681 и 682. Саксаул на песке, ур. Баян-дзак, и места раскопок палеонтологов. 10 сентября.

Рис. 683 и 684. Корабли пустыни (Фото Н.Е. Шевченко) и властелины гор (Фото автора). 10 и 11 сентября.

Рис. 685. Предгорья Гобийского Алтая. Рис. 686. Гора Ихэ-Богдо, 3700 м. Фото Е.И. Ильяшенко

Вечером 10 сентября приехали в центр сомона Булган, откуда на второй день совершили поездку в Гобийский Алтай с возвратом на ночёвку обратно. Почему-то именно Гобийский Алтай хотелось увидеть больше всего. По пути к этим горам наконец-то увидели дзерена – самку с малышом. И хотя видели их довольно далеко, встреча эта запомнилась.

День в Гобийском Алтае. Около полудня въехали в горы. За шлагбаумом – туристический центр: юрты, плакат с бородачом, «Музей природы». Это национальный парк «Гурван-Сайхан» (три красавицы).

Солнечная погода сменилась переменной облачностью, затем стало пасмурно, поднялся ледяной западный ветер (очень холодно!!!). Около шлагбаума встретили земляка – обросшего бородой, продрогшего, но радостно улыбающегося, услышав русскую речь. Волонтер Дима из Томска путешествует автостопом уже несколько месяцев: строил что-то экологическое на Ольхоне в Баргузинском заповеднике, сейчас идёт в Китай и дальше – в Индию. Часть пути проехал с нами – пришлось немного потесниться.

Рис. 687 и 688. Гобийский Алтай. В национальном парке «Гурван-Сайхан». 11 сентября 2015 г.

Рис. 689 и 690. «Гурван-Сайхан», члены экспедиции и местные туристы; всем холодно. 11 сентября. Фото Е.Ильяшенко

Рис. 691. Монгольская пищуха. Рис. 692. Краснокрылый стенолаз. Фото Н.Е. Шевченко

Грунтовая дорога по дну ущелья (рис. 687) привела нас к площадке на высоте две тысячи метров над уровнем моря (скалистые склоны поднимаются здесь до 3 тысяч метров). Дальше в замыкающееся ущелье вела конная тропа. На самой площадке стояло несколько автомобилей, торговали сувенирами, толпились туристы. Здесь же находилось несколько осёдланных лошадей, которых можно было арендовать для поездки в ущелье (рис. 690). Холодно было настолько, что казалось, вот-вот пойдёт снег. Первыми замёрзли плохо экипированные женщины нашей команды, и Цэгмид, видя их посиневшие от холода губы, выдала из своих запасов *дээлы* – длинные стёганные монгольские халаты, в которые все женщины отряда сразу облачились и по достоинству их оценили (рис. 689). Торгующая сувенирами молодая монголка выглядела очень необычно в натянутом на лицо телесного цвета чулке. По-видимому, он предохранял от обжигающего ледяного ветра.

Безлесные склоны ущелья, местами покрытые стелющейся арчой, с выходами каменистых обнажений, напомнили мне такие же ущелья Западного Тянь-Шаня. Везде по дну ущелья шныряли монгольские пищухи, часто с пучками травы в зубах – носили их как зимние запасы. На человека они не обращали внимания и к стоящему неподвижно могли подбежать буквально на пару метров (рис. 691). В небе со своими звонкими мелодичными «фитью!» пролетали парами клушицы (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*), дважды появлялась пара величественных бородачей (*Gypaetus barbatus*), именем которых «Ёлын-ам» названо это ущелье. На скалах в самой теснине можно было видеть горных козлов (*Capra sibirica*) и даже яркого, напоминающего в полёте бабочку стенолаза (*Tichodroma muraria* – рис. 692). Летали скальные ласточки (*Riparia rupestris*), а по камням порхали чёрно-белые самцы каменок-пleshанок (*Oenanthe pleschanka*). Туристов было довольно много – и пеших, и конных (рис. 690).

В поисках монгольской сойки. На следующий день, 12 сентября, пока наши водители чинили машину, нас посетили гости: вчерашняя хозяйка юрты (у которой ночевали наши девушки) привела к нам по городскому одетого монгола средних лет, который оказался хозяином фирмы по бёрдвотчингу и подарил нам интересный буклет своей фирмы Tumen Ecological Tourism Company «TumEcotour», основанной в 1993 г. именно в пустыне Гоби (адрес: 1-19, Dalan, 3 rd bag, Dalanzadgad, Umnugovi, Mongolia). www.GobiEcoTour.com [www.facebook.com/GobiEcoTour]. E-mail: tours@gobiecotour.com

Имя нашего гостя – Tumendelger Khumbaa (или просто: Tumen) – Director Wildlife&BirdGuide. Судя по великолепно изданному буклету, это солидная и процветающая фирма. Для меня это была явная удача: появилась возможность разузнать о знаменитой монгольской сойке, ради которой, собственно говоря, я и стремился в Гоби. Дело в том, что все четыре вида пустынных соек (род *Podoces*) очень мало изучены. Пожалуй, более других известна наша саксаульная сойка (*Podoces panderi*), населяющая пустыни Средней Азии, биологию которой мы изучали в пустынях Прибалхашья ещё в 1982 г. О трёх остальных видах – иранской *Podoces pleskei*, синьцзянской *Podoces biddulphi* и монгольской *Podoces hendersoni* – в доступной нам литературе сведений намного меньше¹⁷. Монгольская сойка особенно интересна была тем, что имеется почти столетней давности указание на встречу её в Зайсанской котловине, на территории нынешнего Казахстана (Хахлов, 1928). По словам Тумена, в Гоби монгольская сойка не представляет особой редкости; она гнездится по окраинам зарослей монгольского миндаля, внутри которых делает свои гнёзда. Круглый год живёт практически в одном биотопе, на границе саксаульника и миндаля, зимой чаще встречается у юрт. Присутствовавшая при этом Цэгмид пообещала мне показать то место, где в июне этого года она видела выводок соек, в котором птенцы уже хорошо летали.

После этого все остальные птицы как бы перестали для меня существовать. Конечно, я рад был встречам на огородах Булгана таких мигрантов как зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*), краснозобый дрозд (*Turdus ruficollis*) и даже земляной, или золотистый дрозд (*Zoothera varia*), но жил в нетерпеливом ожидании встречи с монгольской сойкой. И каждая задержка в пути вызывала тревогу: успеем ли найти эту загадочную птицу? Ведь осталось всего два дня – буквально завтра мы должны покинуть пределы Гоби...

Солнце уже зависло над горой «Арц богд», когда мы, наконец, прибыли в урочище «Эргийн хоолой», где Цэгмид 22 июля 2015 г. встретила выводок – одну взрослую и трёх молодых (у птенцов вместо чёрного

¹⁷ Уже после того, как это было написано, появилась великолепная статья В.Ю. Ильяшенко «К биологии монгольской саксаульной сойки – *Eupodoces hendersoni* Hume, 1871.» (*Selevinia-2017*, Алматы, 2018, с. 7-15). – АК

темени было серое). Место это – редкий низкорослый саксаульник на равнине, покрытой песчаным плащом. Походив здесь полчаса, мы не обнаружили никаких следов пребывания соек. Зато всего в 2 км от этого места [44°18,973'с.ш.; 103°02,382'в.д.; абс. высота 1216 м] мы наткнулись на сойку!

Рис. 693 и 694. Монгольская саксаульная сойка (Фото Н. Шевченко) и её биотоп (Фото автора). 12 сентября 2015 г.

Взрослая птица слетела с куста саксаула в 7-8 м перед машиной (показалась мне тёмной!), села за кустом и выбежала оттуда. Началась охота с фотоаппаратами, в которой больше всего повезло Коле Шевченко (рис. 694). Птица сверху серая, крылья кажутся чёрными, с белыми концами-ободками, летит недолго, а когда бежит то выпячивает вперёд грудь и поднимает голову. Дважды слышал дребезжащий звук (дрожящий свист). Вскоре появилась вторая птица, вместе они садились на ветки саксаула. Биотоп – очень редкий низкорослый саксаул, настоящие редины (см. рис. 693). А когда мы отъехали 10-15 км, то уже в светлых сумерках (20²⁵) ещё одна сойка бежала некоторое время по дорожной колее перед нашей машиной, но вскоре ушла в сторону. Здесь – открытые места с редкими низкорослыми кустиками миндаля (как и говорил нам Тумен!). Пока мы горячо обсуждали эти две встречи, наступила темнота, в которой мы ещё три часа добирались до следующей нашей ночёвки – центра сомона Богд. Однако даже эта ночная тряска (Сонинбаатар, несмотря на темноту, вёл машину на большой скорости), не могла нарушить наступившее умиротворение – главная задача всё-таки выполнена!..

Гучин-Ус и... прощай Гоби! Ясным утром 13 сентября, мы увидели, что посёлок Богд-сомон приютился у северо-восточного подножия каких-то гор. По его улицам бродили чёрные молчаливые собаки – то одиночками, то группами по 5-7, как монахи. Они здесь живут своей жизнью, отдельно от людей, на которых они просто не обращают внимания. Ни разу в Монголии я не слышал собачьего лая.

Наш путь на север и северо-восток проходил по всхолмленной полупустыне, временами напоминающей степь. Предвестником последней был одиночный монгольский жаворонок (*Melanocorypha mongolica*), впервые встреченный за последние дни. Зато рогатый жаворонок был очень многочислен и встречался почти непрерывно: за час из окна машины одиночками и группами до 40-50 я насчитал 242 рогатых жаворонка. Причём взлетающие перед машиной группы и стайки перелетали дорогу и уходили налево – на запад (!); ни разу не видел, чтобы было наоборот. Видимо, генеральное направление миграции...

Часто встречались каменки – пустынные и плешанки, мохноногие курганники, около луж – белые трясогузки и огари, а перед сомоном Гучин Ус впервые после Гобийского Алтая попались клушицы. Палласовы щитомордники (*Agkistrodon halys*) встречались регулярно как на дороге, так и по её обочинам, и все они были чисто серого цвета (ни разу не видел я здесь красных, какими они бывают у нас в горах).

Вскоре за речкой Аргуйт и сомоном Гучин-Ус, с его разноцветными домами (здесь в магазине продают советское мороженое!) пошёл заметный подъём и на высоте 1807 м началась южная подгорная равнина Хангайских гор (45°53,084'с.ш.; 102°32,740'в.д.). Это был конец пустыни Гоби...

Оставалось только сфотографироваться всей командой на прощание (рис. 695).

Рис. 695. Состав экспедиции: Л.В. Маловичко, Н.Е. Шевченко, А.Ф. Ковшарь, Цэгмид Намсрайжав, Сонинбаатар, Т.К. Железнова, Н.Г. Куранова, Е.И. Ильяшенко. 13 сентября 2015 г. Вдали горы Хангай. *Фото Хилийнчулууна*

В светлых сумерках (около 20 час) миновали огромный Худжир-сомон и по трассе через горы, спускаясь в долины, продвигались на северо-восток. В полной темноте снова съехали с трассы и ехали, сокращая путь, по какому-то бездорожью со множеством развилок, в которых мог разобраться только зоркий глаз Сонинбаатара. Казалось, что этим спускам и подъёмам не будет конца. Однако в полночь приехали на озеро Угий-нур, где намечена последняя ночёвка. Здесь биостанция, на которой когда-то работала Цэгмид.

Озеро Угий-нур находится в широкой долине реки Орхон. Вокруг озера холмистая степь, несколько юрт. Здесь построена биостанция с музеем. Сделано по японскому проекту, в котором раньше работала наша Цэгмид. Музей действительно замечательный, сделан с любовью и профессионально. Около биостанции – смотровая вышка для наблюдений за водоплавающими птицами на озере.

Рис. 696. Долина реки Орхон, излучина. . **Рис. 697.** Чёрный аист. 14 сентября. *Фото Е.И. Ильяшенко*

Рис. 698. Грифы в излучине Орхона. Фото Е.И. Ильяшенко

Рис. 699. Те же грифы на взлёте.

Рис. 700 и 701. Развалины древнего города «Хар-Бух» (фото автора) и древняя кладка его стен. Фото Е.И. Ильяшенко

Утром 14 сентября на озере было около полсотни больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*), десятка полтора пеганок (*Tadorna tadorna*), 10 краснобашей (*Netta rufina*), с полсотни каких-то чирков, серые цапли, чомги, монгольские чайки, лебеди-кликунуны, а над ними летал молодой орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*). Вдоль берега озера бродили чибисы, колпицы, большие веретенники, черныш, травники и какие-то песочники. В широкой долине реки Орхон (рис. 696) за час экскурсии наиболее интересными были встречи горных гусей (*Eulabeia indica*) – 9 особей паслись на лугах – и скопления из 13 чёрных грифов (*Aegypius monachus*), причём одна из групп подпустила к себе довольно близко (рис. 698 и 699).

Последнюю остановку сделали мы в полдень около развалин древнего города, где стоит маленький домик с вывеской: Музей «Хар-Бух». Среди нескольких развалин (рис. 700) особое впечатление на меня произвела древняя каменная кладка, свидетельствующая о высоком профессионализме древних строителей (рис. 701). К вечеру 14 сентября мы уже вдыхали пронзительную вонь полистерола на окраинах Улан-Батора и даже успели до закрытия попасть в знаменитый Дом кашемира, чтобы приобрести замечательные кашемировые спальные мешки. А утром следующего дня вся наша команда (за исключением наших гостеприимных хозяев) уехала рейсовым автобусом в Улан-Удэ, куда прибыли только вечером...

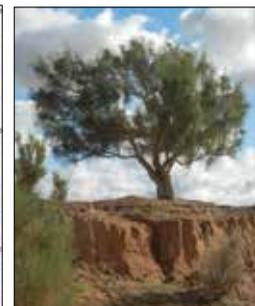
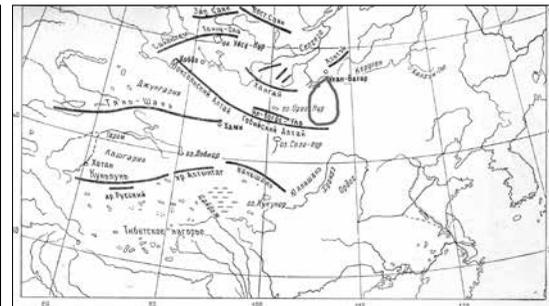

Рис. 702. Горы Дэлгэрхангай и долина реки Онги около развалин древнего буддийского монастыря XVIII в. 9 сентября.

Рис. 703. Наш маршрут в виде петли к югу от Улан-Батора. Рис. 704. Гигант-саксаул в предгорьях Гобийского Алтая.

Рис. 705. Песчаная пустыня. **Рис. 706.** Настоящая гамада – каменная пустыня.

Рис. 707. Топкое место в песчаной пустыне. **Рис. 708.** Буксуем после дождя. *Фото Е.И. Ильишенко*

Меньше недели заняла наша поездка по Гоби, и на картосхеме этой части Центральной Азии маршрут наш выглядит мизерной петелькой (рис. 703), а сколько впечатлений и встреч вместили эти несколько дней! Это и удивительная долина реки Онги с её современным оздоровительным центром взамен разрушенного большевиками буддийского монастыря XVIII в. (рис. 702); и редкостные по высоте деревья саксаула в урочище Баян-дзак («богатый саксаул»), уже в предгорьях Гобийского Алтая (рис. 704); и песчаная пустыня (рис. 705); и настоящая гамада (рис. 706); и топи на месте полувисохшего озера среди караганово-селитрянковой песчаной пустыни в сомоне Мандал-овоо (рис. 707 и 708).

Пустыня Гоби («безводное место»), которая протянулась дугообразно на 1600 км с юго-запада на северо-восток (шириной около 800 км) почти в самом сердце Азиатского континента, из-за суровых климатических условий многие годы считалась совершенно непригодной для проживания человека. Этот участок Центральной Азии давно привлекает воображение путешественников и исследователей природы, которых побывало здесь немало. И мы в меру своих сил и отпущенных нам 5 дней, постарались пробраться как можно дальше на юг от Улан-Батора по северному участку этой пустыни – Монгольской Гоби (Шамо).

23 мая 2023 г. – 2 апреля 2024 г.

*****

Вместо эпилога

Рис. 709. Автор, 1959 г.

На этом закончились мои фото-этюды природы в казахстанских горах, начатые в 1959 году в благословенных хребтах Западного Тянь-Шаня и продолжавшиеся до конца столетия на подступах к Алтаю. Мечта моя о прижизненном изучении образа жизни птиц в полной мере осуществилась в Таласском Алатау Западного Тянь-Шаня и в Заилийском Алатау Северного Тянь-Шаня, где в 1959-1966 и 1971-1980 гг. я стационарно изучал гнездовую жизнь птиц преимущественно субвысокогорья, о чём и поведал в десятках научных публикаций и в двух наиболее обстоятельных рассказах на страницах этой книги. Остальные хребты и долины Тянь-Шаня приходилось посещать наездами, в том числе и за пределами Казахстана, на территории соседней Киргизии, где с 1998 по 2006 г., благодаря Г. Мюллеру и В.И. Тороповой, мне удалось принять участие в 7 незабываемых экспедициях по Центральному и Внутреннему Тянь-Шаню, Иссык-Кульской котловине и Алайской долине, а в 2004 году посетить и Восточный Тянь-Шань на территории Западного Китая (эти поездки в книгу не вошли, поскольку были за пределами Казахстана). Результатом анализа всех материалов стала двухтомная монографическая сводка «Птицы Тянь-Шаня» (2019).

Горы севернее собственно Тянь-Шаня (Джунгарский Алатау, Тарбагатай, Саур) удалось посещать намного реже, а в пределы Алтая в границах Казахстана довелось заглянуть только раз – на оз. Маркаколь. Посещение Алтайского края в России (Горно-Алтайск и Телецкое озеро) в 1983 г. носило иной характер: это была научная конференция, и мой рассказ о ней носит скорее мемориальный характер – как прощание с орнитологией и орнитологами XX столетия...

Может быть отчасти поэтому (чтобы не заканчивать на такой грустной ноте), а скорее всего – чтобы возместить недостаток материала по Алтаю – я рискнул выйти за рамки названия книги и в заключение привести рассказ о сбывшейся мечте, о том, как мне несказанно повезло – посетить самый юго-восток Алтая среди знаменитой пустыни Гоби в Монголии, увидеть в этой пустыне легендарную монгольскую саксаульную сойку... И сделать это удалось уже в следующем, XXI веке... Очень надеюсь, что частичным оправданием такой «вольности» мне послужит суровая и необычная красота этих мест.

А закончить книгу я хочу фотографиями места в самом сердце Тянь-Шаня – знаменитого горного узла Хан-Тенгри, где мне так и не удалось побывать, несмотря на приглашения альпинистов. Но что не успевают родители, то довершают их дети. И моя дочь Виктория побывала в базовом лагере альпинистов на Хан-Тенгри в июле 2004 г. Её снимки и завершают эту книгу.

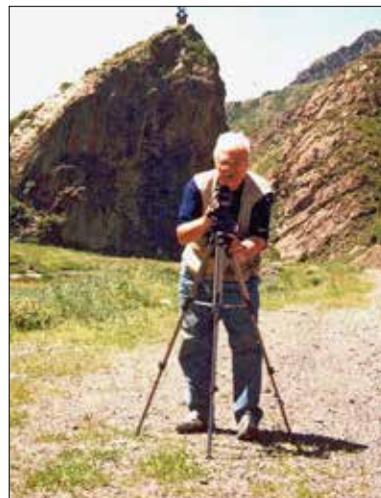

Рис. 710. Автор, 1999 г.

17 марта 2024 г.

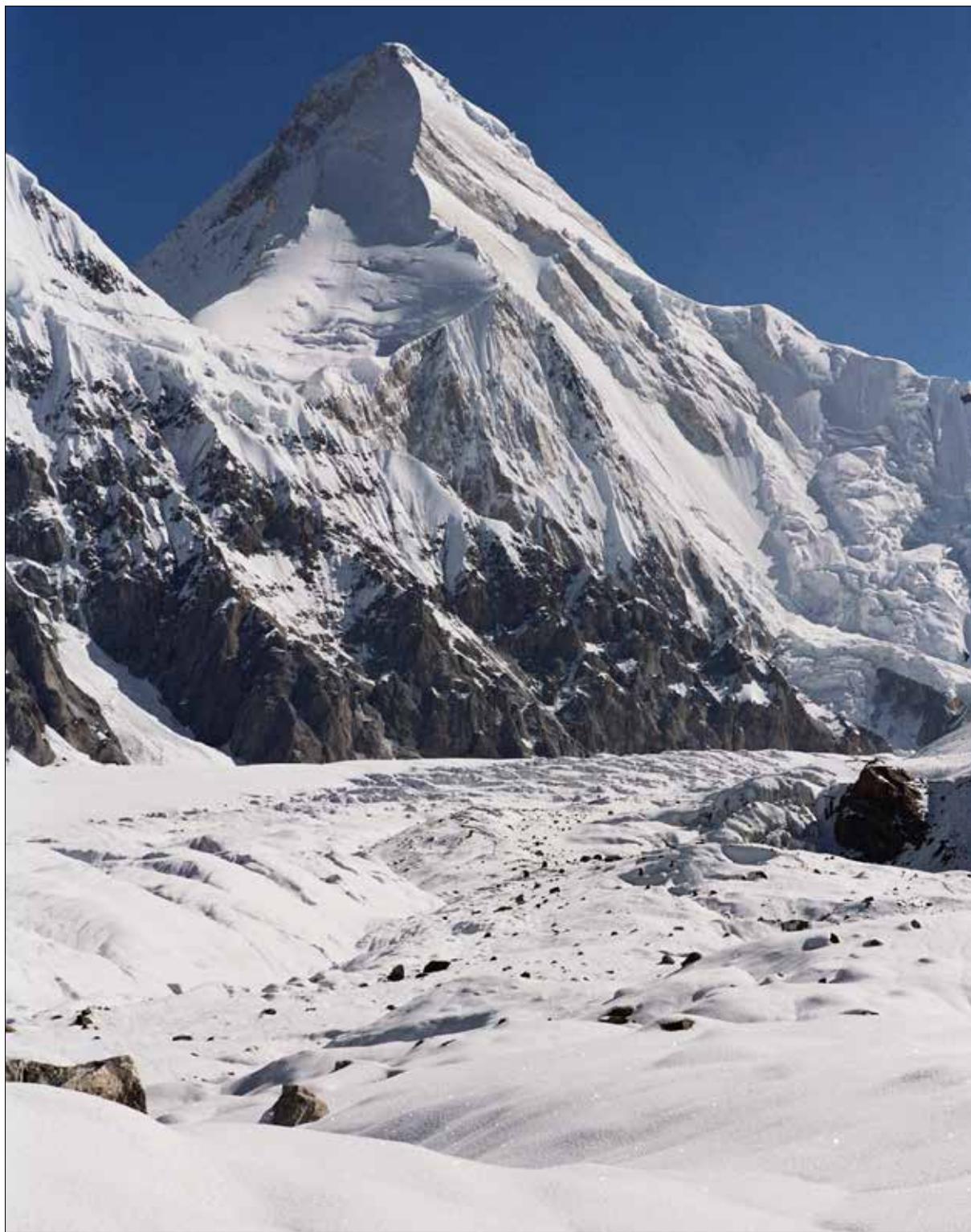
Рис. 711. Массив Хан-Тенгри, ледниковое озеро Мерцбахера. 22 июля 2004 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 712. Люди у вертолётa в базовом лагере альпинистов у северного подножья Хан-Тенгри. Крайний слева – Казбек Валиев. 22 июля 2004 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 713. Слияние ледников – Северного и Южного Иньльчека. 22 июля 2004 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 714. Северная стена Хан-Тенгри вблизи. Снято с базового лагеря альпинистов. 22 июля 2004 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Литература

- Анненкова С., Ашби В.** Некоторые орнитологические наблюдения в Южном и Центральном Казахстане в мае-июне 2003 г.//Казахстанский орнитологический бюллетень-2003. Алматы, 2004. С. 90-91.
- Бажанов В.С., Шевченко В.В.** Крупный динозавр из юры Каратау//Вестник АН КазССР, 1948, № 10.
- Байдавлетов Р.Ж.** Тяньшанский архар//Мониторинг биологического разнообразия заповедника Аксу-Джабаглы. Алматы, 2002. С. 39-43.
- Белялов О.В.** Серый журавль на юге и юго-востоке Казахстана//Журавли Евразии. Выпуск 4. Сборник Трудов международной конференции «Журавли Палеарктики: биология, охрана, управление» памяти академика П.С. Палласа (Волгоград, 11-16 октября 2011 г.). М., 2011. С. 175-190.
- Белялов О.В., Карпов Ф.Ф.** Птицы Сорбулакской системы озёр (Алматинская область) //Selevinia-2012. Том 20. Алматы, 2013. С. 82-108.
- Белялов О.В., Михайлов К.Е., Торопов С.А.** Результаты орнитологической поездки во Внутренний Тянь-Шань в июне 2016 г. //Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 96-107.
- Белялов О.В., Федоренко В.А.** Первая зимняя встреча индийской прудовой цапли *Ardeola grayii* в Казахстане//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 203-204.
- Белялов О.В., Федоренко В.А., Кулагин С.В.** Результаты орнитологической поездки в Киргизию летом 2015 г. //Selevinia-2015. Алматы, 2016. С. 149-155.
- Березовиков Н.Н.** Птицы Маркакольской котловны. Алма-Ата, 1989. 200 с.
- Березовиков Н.Н.** Птицы Алакольского заповедника//Труды Алакольского заповедника. Том 1. Алматы, 2004. С.198-257.
- Березовиков Н.Н.** Птицы населённых пунктов Маркакольской котловины (Южный Алтай)//Рус. орнитол. журн., 2004. Экспресс-выпуск 249. С. 3-15.
- Березовиков Н.Н.** Особенности гнездования воробьиных птиц в горах Южного Алтая//Труды Ин-та зоол., том 48. Орнитология. Алматы, 2004. С. 171-183.
- Березовиков Н.Н.** Птицы Маркакольского заповедника//Труды Маркакольского заповедника. То 1, часть 1. Усть-Каменогорск, 2009. С. 227-248.
- Березовиков Н.Н., Белялов О.В.** Гнездящиеся птицы национального парка «Алтын-Эмель»//Selevinia-2005, Алматы, 2006. С. 86-96.
- Березовиков Н.Н., Винокуров А.А., Белялов О.В.** Птицы горных долин Центрального и внутреннего Тянь-Шаня//Tethys ornithological research. Almaty, 2005. Vol. 1. P.19-130.
- Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В., Левин А.С.** Гнездовая фауна птиц Тарбагатайского заказника (хребет Манрак)//Selevinia-2004, Алматы, 2005. С. 97-106.
- Бибиков Д.И., Корелов М.Н.** К орнитологической характеристике Тарбагатая//Материалы по наземным позвоночным Казахстана [Труды Института зоол. АН КазССР, том 15]. Алма-Ата, 1961. С. 12-39.
- Бланк Д.А.** К экологии джейрана в Илийской долине//Редкие животные Казахстана (Мат-лы ко второму изданию Красной книги Казахской ССР). Под ред. *Е.В. Гвоздева*. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1986. С. 14-18.
- Бланк Д.А.** Джейран – *Gazella subgutturosa* Guld, 1780//Редкие животные пустынь. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1990. С. 56-79.
- Бланк Д.А., Тарасов А.Ф.** Наблюдения над формированием новой популяции кулана в Казахстане//Редкие животные Казахстана (Материалы ко второму изданию Красной книги Казахской ССР). Под ред. *Е.В. Гвоздева*. Алма-Ата: изд. «Наука» Казахской ССР, 1986. С. 10-13.
- Буланов С.А.** Рельеф Аксу-Жабаглинского заповедника//Труды Аксу-Жабаглинского государственного природного заповедника. Выпуск 11. Алматы, 2016. С. 94-107.
- Винокуров А.А.** К биологии некоторых воробьиных птиц Центрального Тянь-Шаня//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1961, т. 15. С. 40-45.
- Воробьев К.А.** Записки орнитолога М., 1973. 176 с.
- Гаврилов Э.** Красный выюрок. Впервые в мире//Розовые чайки и черные журавли. М, 1985. С. 55-61.
- Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф.** Гнездовая биология расписной синички в Заилийском Алатау//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 32-40.
- Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** О биологии скальной чечевицы (*Pyrrhospiza punicea* Hodgs.)//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол., 1968, т. 29. С. 41-49.
- Газета «Труд» 21 августа 1963 г. [О селе на озере Иссык] (затем перепечатано в «Огнях Алатау»).
- Геккер Р.Ф.** Каратауское местонахождение фауны и флоры юрского возраста//Труды ПИН АН СССР, том. 15, вып. 1. М.-Л., 1948.

- Грачёв Ю.А.** Изменение численности хищных и копытных млекопитающих в заповеднике Аксу-Джабаглы// Изв. АН КазССР, серия биол., 1981, № 5. С. 25-31.
- Грачёв Ю.А.** Тянь-шанский медведь. Алма-Ата: Кайнар, 1982, 120 с.
- Грачёв Ю.А.** Хищные и копытные млекопитающие Аксу-Жабаглинского заповедника и прилегающих хребтов Западного Тянь-Шаня//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 11. Алматы, 2016. С. 437-456.
- Грачёв Ю.А., Смирнова Э.Д.** Вертикальное распространение и кочёвки копытных в Таласском Алатау// Копытные фауны СССР. М., 1980. С. 82-83.
- Грачев Ю.Н.** Кеклик (биология, использование, охрана). Алма-Ата, 1983. 148 с.
- Дементьев Д.П.** Киргизские легенды о птицах//Охрана природы, сборник № 6. М., 1949. С. 42-49.
- Джаныспаев А.Д.** Гнездование шахина в Алма-Атинском заповеднике (Заилийский Алатау)//Selevinia, Алматы, 1994, № 2. С. 39-45.
- Джаныспаев А.Д.** Первое гнездо серпоклюва на реке Иссык//Казахст. орнитол. бюллетень-2002. Алматы, 2003. С. 84.
- Джаныспаев А.Д.** Состояние редких видов птиц в Алма-Атинском заповеднике//Территориальные аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане. М., 1999. С. 93-98.
- Джаныспаев А.Д.** Численность и охрана редких видов птиц в Алма-Атинском заповеднике//Экол. аспекты изучения, практич. использ. и охраны птиц в горных экосистемах. Фрунзе, 1989. С. 33-34.
- Долгушин И.А.** Материалы к авифауне Саура, Манрака и Чиликтинской долины//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 61-72.
- Долгушин И.А.** Отряды Кулики, Чайки, Голуби, Рябки//Птицы Казахстана, том 2. Алма-Ата, 1962. С. 40-388.
- Дуйсенов Е.** Что такое селевой поток?//Газета «Огни Алатау» 25 июля 1963 г.
- Заповедники Средней Азии и Казахстана (ред. Р.В. Яценко). Алматы: «Тетис», 2006. 352 с.
- Заповедное дело в Казахстане (редакторы Б.А. Быков, А.Ф. Ковшарь). Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. 216 с.
- Иващенко А.А., Белялов О.В.** Казахстан – родина тюльпанов. Алматы: Атамур, 2019. 368 с.: илл.
- Иващенко А.А., Обидина В.А.** О зудневой чесотке горных козлов и архаров в заповеднике Аксу-Джабаглы// XIII Всесоюзн. конференция по природной очаговости болезней животных. Киров, 1972, том 1. С. 150-151.
- Ильяшенко В.Ю.** К биологии монгольской саксаульной сойки – *Eupodoces hendersoni* Hume, 1871// Selevinia-2017, Алматы, 2018, с. 7-15.
- Ильяшенко В.Ю., Белялов О.В.** Новый подвид серого журавля *Grus grus korelovi* ssp. n. (Aves: Gruidae) из Центрального и Восточного Тянь-Шаня//Рус. орнитол. журнал. 2011. Том 20, Экспресс-выпуск 687: 1803-1811.
- Ильяшенко В.Ю., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Ковшарь А.Ф., Жуйко Б.П.** О гнездовании журавлей в долине р. Или и горном оз. Тузколь в 2010 и 2011 гг. (юго-восток Казахстана)//Инф. бюлл. РГЖЕ, № 11. М., 2011. С. 30-36.
- Ильяшенко Е.И., Белялов О.В., Ильяшенко В.Ю., Гаврилов А.Э., Заринова С.Х., Батбаяр Н., Ма Минг Р., Као Лей.** Результаты мечения журавлей на оз. Тузколь, Казахстан, в 2017 г.//Информ. бюллетень РГЖЕ, № 14. М., 2018. С. 88-101.
- Казахская ССР. Краткая энциклопедия в 4 томах. Том 2. [Природа. Естественные ресурсы. Население. Экономика. Народное хозяйство]. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской Энциклопедии, 1988. 608 с.
- КАЗАХСТАН. Национальная энциклопедия (в 5 томах). Алматы: «Казак. энциклопедиясы». Том 1. Алматы, 2004. С. 367. Том 3, 2005. 560 с.; Том 4, Алматы, 2006, с. 496.
- Капитонов В.И.** Особенности орнитофауны хребта Каржантау (Западный Тянь-Шань)//Орнитология в СССР. Кн. 2. Материалы (тезисы) Пятой Всесоюзной орнитологической конференции. Ашхабад, 1969. С. 272-275.
- Кармышева Н.Х.** Растительные корма белокотного медведя в Аксу-Джабаглинском заповеднике //Труды Ин-та зоол. АН КазССР, том XX. Алматы, 1963. С.131-140.
- Кашкаров Д.Н.** Внимание казахстанскому заповеднику Джабаглы-Аксу//Природа и соц. хоз-во. М., 1933. № 4.
- Кашкаров Д.Н.** Животные Туркестана, их жизнь и значение для человека. В 3-х выпусках. Ташкент, Туркестан, гос. Изд-во, 1923-1925. Вып. 2. Животные горного Туркестана. Ташкент, 1923. 68 с.
- Кашкаров Д.Н.** Экологический очерк района озёр: Бийлю-Куль, Аккуль и Ащи-Куль Аулиэ-Атинского уезда// Тр. Среднеаз. ун-та, серия VIII-а. Зоология. Ташкент, 1928, вып. 2. 54 с.
- Ковшарь А.Ф.** К экологии райской мухоловки (Таласский Алатау)//Орнитология, вып. 4. М., 1962. С. 234-236.
- Ковшарь А.Ф.** Птицы Таласского Алатау. Алма-Ата: Кайнар, 1966. 435 с.
- Ковшарь А.Ф.** Расселение семян арчи птицами//Охрана и рац. использ. ресурсов дикой живой природы. Алма-Ата, 1966. С. 199-200.
- Ковшарь А.Ф.** История становления первого заповедника Казахстана//Заповеднику Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата, 1976. С. 16-33.
- Ковшарь А.Ф.** Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня (очерки летней жизни фоновых видов). Алма-Ата, 1979, 194 с.:

- Ковшарь А.Ф.** Там, за облаками//Живые сокровища Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 90-106.
- Ковшарь А.Ф.** О биологии серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii* Vig.)//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1980, вып. 5. С. 25-33.
- Ковшарь А.Ф.** Особенности размножения птиц в субвысокогорье (на материале *Passeriformes* в Тянь-Шане). Алма-Ата, 1981. 259 с.: илл., граф., табл.
- Ковшарь А.Ф.** Отшельник высокогорных галечников//Тропинки в загадочный мир. Алма-Ата: Казахстан, 1988. С.171–182.
- Ковшарь А.Ф.** Некоторые результаты поездки с английскими орнитологами-любителями по Алматинской области в мае 2003 г./Казхаст. орнитол, бюлл.-2003. Алматы, 2004. С. 114-115.
- Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с группой «Naturetrek» в Алматинской области// Казхаст. орнитол, бюлл.-2004. Алматы, 2005а. С. 129-130.
- Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с группой «Miksture» из Дании//Казхаст. орнитол, бюлл.-2004. Алматы, 2005б. С. 131-133.
- Ковшарь А.Ф.** Заповедник Аксу-Джабаглы – природное наследие Западного ТяньШаня//Биосферные территории Центральной Азии как природное наследие (проблемы сохранения, восстановления биоразнообразия). Сб. мат-лов международной конференции 13-15 мая 2009 г., Чолпон-Ата (Биосферная территория Иссык-Куль). Бишкек, 2009. С. 39-42.
- Ковшарь А.** «Я не эмигрант! Просто ехал поработать в Тянь-Шане...»//Сборник КАЗАХСТАН-УКРАИНА: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг. Алматы, 2009. С. 219-230.
- Ковшарь А.Ф.** Птицы. Дороги. Люди. Воспоминания орнитолога. В двух частях. Алматы, 2014. 664+556 с.
- Ковшарь А.Ф.** Пустыня Гоби глазами орнитолога//Ветер странствий. Казахстан. 2016, № 4 (59). С. 76-85.
- Ковшарь А.Ф.** История превращения Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства в государственный национальный природный парк «Алтын-Эмель»//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 209-216.
- Ковшарь А.Ф.** Птицы Тянь-Шаня (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). В двух томах. Том 1. Неворобьиные. Алматы, 2019. 576 с. Том 2. Воробьиные. Алматы, 2019. С. 577-1184.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** Горный гусь (*Eulabeia indica* Latham, 1790) в истоках Кегени//Selevinia, 1993, том 1, № 1. С. 36.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** Материалы по гнездованию серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii* Vigors, 1832) в Кетмене и северо-восточных отрогах Терской-Алатау (Тянь-Шань)//Selevinia, 1994, том 2, № 4. С. 40-43.
- Ковшарь А.Ф., Иващенко А.А.** Заповедник Аксу-Джабаглы. Алма-Ата: «Кайнар», 1982. 160 с.
- Ковшарь А.Ф., Каргаполов А.Д.** Перспективы разведения в неволе и создание природных популяций кулана в Казахстане//Разведение и создание новых популяций редких и ценных видов животных (Тез. докл. III-го совещ.). Ашхабад, 1982. С. 147-149.
- Ковшарь А.Ф., Ланге М., Торопова В.И.** Орнитологические наблюдения джунгаро-кетменской зоологической экспедиции «Казахстан-2002»//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 109-121.
- Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Губин Б.М.** Нахождение гнезд жемчужного вьюрка на Тянь-Шане//Вестник зоологии, 1982, № 5. С. 42-46.
- Ковшарь А.Ф., Складенко С.Л., Губин Б.М.** Расписная синичка в Заилийском Алатау: численность и некоторые вопросы гнездовой биологии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1982, т. 87, вып. 6. С. 74-85.
- Ковшарь А.Ф., Чаликова Е.С., Колбинцев В.Г.** Список птиц Аксу-Жабаглинского заповедника (на фоне авифауны северного макросклона и подгорной равнины Западного Тянь-Шаня)//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 11. Алматы, 2016. С. 414-436.
- Ковшарь А.Ф., Янушко П.А.** Новые данные о млекопитающих заповедника Аксу-Джабаглы//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 2. Алма-Ата: Кайнар, 1965. С. 203-236.
- Колбинцев В.Г.** Райская мухоловка в Малом Каратау (Южный Казахстан)//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 223-246.
- Колбинцев В.Г.** Современное состояние популяций редких видов позвоночных животных заповедника Аксу-Джабаглы//Биологическое разнообразие Западного Тянь-Шаня. Кокшетау, 2001. С. 139-140.
- Колбинцев В.Г.** Водоплавающие и околоводные птицы водоёмов предгорий Малого Каратау (Южный Казахстан)//Selevinia-2003, Алматы, 2004. С. 98-108.
- Корелов М.Н.** Материалы к авифауне хребта Кетмень (Тянь-Шань)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1956, т. 6. С. 109-157.
- Корелов М.Н.** Список птиц и орнитогеографические районы Северного Тянь-Шаня//Труды Института зоологии АН КазССР, том 15. Алма-Ата: изд. Академии наук Казахской ССР, 1961. С. 55-103.

Литература

- Красная книга Алматинской области. Алматы, 2006.
- Красная книга Казахской ССР. (Ред. А.А. Слудский). Ч. 1. Позвоночные животные. Алма-Ата, 1978. 204 с.
- Красная книга Казахской ССР. Изд. 2-е (Ред. Е.В. Гвоздев). Том 1. Животные. Алма-Ата, 1991. 560 с.
- Красная книга Казахстана. Том 1. Животные. Часть 1. Позвоночные. Изд. 3-е (Ред. А.Ф. Ковшарь). Алматы: «Конжык», 1996. 327 с.
- Красная книга Киргизской ССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Бишкек: Госкомитет Киргизской ССР по лесному хозяйству, 1985. 136 с.
- Красная книга Узбекской ССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Том 1. Позвоночные животные. Ташкент: издательство «Фан» Узбекской ССР, 1983. 128 с.
- Краткая географическая энциклопедия. В 5 томах. М.: Советская энциклопедия, 1960-1964.
- Кузнецов Г.В., Матюшкин Е.Н.** Снежный барс охотится//Природа, 1962, № 12. С. 65-67.
- Кузьмина М.А.** Орнитологические наблюдения в Бартагое в 1955 г.//Казахст. орнитол. бюлл.-2008. Алматы, 2009. С. 285-288.
- Кунаев Д.А.** От Сталина до Горбачёва. (В аспекте истории Казахстана). Алматы: Санат, 1994. 352 с.
- Левин А.С.** О критическом состоянии популяции балобана на юго-востоке Казахстана//Пробл. охр. и устойчив. использ. биоразнообр. жив. мира Казахстана. Алматы, 1999. С. 76-77.
- Левин А.С.** Трагедия балобана в Казахстане//Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. Мат-лы Международной конференции (XI Орнитол. конференция). Казань, 2001. С. 374-376.
- Левин А.С.** Проблемы охраны балобана в Казахстане//Пернатые хищники и их охрана. № 12. Новосибирск, 2008, С. 48-55.
- Левин А.С.** Балобан в Казахстане: современное состояние популяций//Selevinia-2008. Алматы, 2009. С. 211-222.
- Левин А.С.** Нелегальная торговля и снижение численности балобана в Казахстане//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 1. Алматы, 2012. С. 193-197.
- Левин А.С., Коваленко А.В., Карякин И.В.** Динамика численности балобана на юго-востоке Казахстана//Пернатые хищники и их охрана. № 18. Новосибирск, 2010. С. 167-174.
- Лухтанов А.Г.** Город Верный и Семиреченская область. Алматы: ТОО ЦДК «Глобус», 2009. 224 с.
- Мекленбурцев Р.Н.** Экспедиции 1926 и 1933 гг. в заповеднике Аксу-Джабаглы//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, выпуск 7, юбилейный. Флора, фауна, природные комплексы и их изменения за 70 лет. Алматы: «Конжык», 1996. С. 7-11.
- Национальная энциклопедия «Казахстан» – см. КАЗАХСТАН. Национальная энциклопедия (в 5 томах).
- Нейфельдт И.А., Леонович В.В., Мальшевский Р.И.** Заметки о птицах окрестностей Большого Алматинского озера (Зайлийский Алатау)//Сист., морфол. и биол. птиц. Тр. ЗИН АНСССР, т. 68. Л., 1978. С. 228-267.
- Нехорошев В.П.** Хребет Саур//Очерки по геологии Сибири, вып. 9. М.-Л., 1941.
- Орловская Э.Р.** Первый палеонтологический заповедник СССР//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 7, юбилейный. Флора, фауна, природные комплексы и их изменения за 70 лет. Алматы: «Конжык», 1996. С. 12-17.
- Памяти Олега Белялова [А.Ф. Ковшарь (с. 8-22), Е.А. Коблик (50-51), К. Михайлов (52-54), Б. Каирбеков (54, 70-81), М. Дан (55), О. Першин (56), Т.Н. Дуйсебаева (57-69), Ф. Карпов (82), А. Астафьев (83-84), А.А. Иващенко (85-91), О.В. Таланова (94-96), Е.С. Чаликова (96-97), Н. Постников (98)]//Selevinia-2020, с. 7-98 [<https://selevinia.kz>]
- Перспективы формирования природно-заповедного фонда Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1989. 86 с.
- Плахов К.Н., Ковшарь А.Ф.** О численности сурка Мензбира в верховьях р. Бадам и мерах по его охране//Редкие птицы и звери Казахстана (Мат-лы к 2-му изд. Красной книги КазССР). Алма-Ата: Ылым, 1991. С. 313-316.
- Плотников В.Н.** Орнитологический очерк Чиликтинской долины и прилегающего Тарбагатая//Записки Западно-Сибирского Отделения Русск. Географ. Общества, 1893, кн. 15, вып. 3. С. 1-21.
- Потапов Р.Л.** О биологии горного вьюрка (*Leucosticte arctoa pamirensis* Sev.) на Памире//Зоол. журн. 1963, т. 42, вып. 5. С. 716-726.
- Птицы Казахстана. В 5 тт. (ред. И.А. Долгушин, М.Н. Корелов, А.Ф. Ковшарь). Алма-Ата, 1960-1974. Том 1., 1960, 470 с.; том 2, 1970, 779 с.; том 3, 1970, 646 с.; том 4, 1972, 367 с.; том 5., 1974, 480 с.
- Птицы Киргизии. В 3 томах. Т. 1: [Гагарообразные – голубеобразные]. (авторы: А.И. Янушевич, П.С. Тюрин, И.Д. Яковлева, А. Кыдыралиев, Н.И. Семенова). Фрунзе, 1959. 229 с.
- Птицы Советского Союза (ред. Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков). В 6 томах. М.: Сов. наука, 1951-1954. Том 5. Воробьиные [сем. вороновые – синицевые], 1954. 803 с. Том 6. Воробьиные [сорокопутовые – ласточковые], 1954. 792 с.
- Пфедфер Р.Г.** К экологии балобана на юго-востоке Казахстана//Редкие животные Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 157-160.

- Пфеффер Р.Г.** Балобан//Редкие животные пустынь. Алма-Ата, 1990. С. 148-172.
- Пфеффер Р.Г.** Предварительные итоги исследований шахинов в Казахстане//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 114-136.
- Пфеффер Р.Г., Пфандер П.В., Джаныспаев А.Д.** Гнездование шахина в Казахстане//Экол. аспекты изуч., практ. исполз. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 79-80.
- Северцов Н.А.** Вертикальное и горизонтальное распространение Туркестанских животных//Изв. о-ва любителей естествозн., антропологии и этнографии, 1873, т. 8. Вып. 2. Второе издание: М., 1953, 270 с.: илл.
- Северцов Н.А.** Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению РГО доктором зоологии, членом РГО и других обществ Н. Северцовым. СПб., 1873; 2-е издание: М., 1947, 304 с.
- Склярченко С.Л.** К биологии райской мухоловки на юге Чимкентской области//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 247-249.
- Склярченко С.Л.** Наблюдения в Семиречье с голландскими туристами//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 149-151.
- Склярченко С.Л.** Наблюдения птиц в Семиречье и Кургальджино с американской группой в мае 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 141- 144.
- Смирнов Ю.А.** Влияние охоты на охотничье-промысловую фауну Казахстана. Алма-Ата: изд. «Кайнар», 1965. 240 с.
- Сотников В.Л.** Капчагайское заповедно-охотничье хозяйство//Казахская ССР. Краткая энциклопедия, том 2. Алма-Ата, 1988. С. 235.
- Сотников В.Л.** Кулан. Алма-Ата: «Кайнар», 1986. 92 с.
- Степанова Е.Ф.** Растительность Западного Тарбагатай//Известия АН КазССР, серия ботаническая, вып.5, 1950.
- Струве К. и Потанин Г.** Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г.//Записки Рус. Геогр. общества по общей географии. СПб, 1867.
- Тризна Б.П.** Краткая автобиография-исповедь//Сборник КАЗАХСТАН-УКРАИНА: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг. Алматы, 2009. С.17-19.
- Федоренко В.А.** О гнездовании краснокрылого чечевичника *Rhodopechys sanguinea* Gould, 1838 в горах Каратау// Selevinia-2016, Алматы, 2017. С. 175.
- Хахлов В.А.** Зайсанская котловина и Тарбагатай. Зоогеографический очерк. Птицы. Ч. 1. Общая//Изв. Томск. ун-та, 1928, т. 81. С. 1-157.
- Шапошников Ф.Д.** Горные бараны Западного Тянь-Шаня//Природа, 1956, № 1. С. 109-110.
- Шапошников Ф.Д.** Барс в Западном Тянь-Шане//Природа, 1956, № 7. С. 113-114.
- Шнитников В.Н.** Птицы Семиречья. М.-Л.: изд. АН СССР, 1949. 666 с.
- Штегман Б.К.** О птицах высокогорной зоны Заилийского Алатау//Тр. Ленингр. о-ва естествоиспыт. отд. зоол., 1954, т. 72, № 4. С. 255-275.
- Шульпин Л.М.** Экологический очерк птиц Алма-Атинского гос. заповедника. Алма-Ата, 1939. 150 с.
- Шульпин Л.М.** Материалы по млекопитающим и гадам Таласского Алатау//Известия АН КазССР, серия зоол. 1948. Вып. 7. № 51. С. 65-83.
- Forbes.kz, 7 juli 2013
<https://pkzsk.info/gibel-ozera-issyk/>© Петропавловск.news.
<https://selevinia.kz>
<https://tonkosti.ru/exkursii/Ozero-Issyk-i-gosudarstvennyj-Almatinskij-zapovednik-241233779>.
 Neufeldt I.A. Das Buschhähnchen//Der Falke, 1970. Heft 5:148-157. Heft 6:194-198.
 www.facebook.com/GobiEcoTour
www.GobiEcoTour.com

Алфавитный указатель авторов фотографий

Помимо фотографий, выполненных автором, в книге использованы снимки других фотографов:

- Анненкова Б.П.* – 486
Белоусова Е.М. – 14, 26, 43,
Белоусовой Л.К. – 19, 27, 29, 40, 41, 42, 48, 52, 53
Белялова О.В. – 57, 58, 121, 144, 145, 234
Бикбулатова М.Н. – 461
Губина Б.М. – 364
Дуйсебаевой Т.Н. – 632
Зверева В.М. – 279, 280, 284, 285
Зинченко Ю.К. – 645
Иващенко А.А. – 12
Ильяшенко Е.И. – 686, 689, 697, 698, 701, 708
Исабекова Аскара – 133, 200, 202
Ишкова Л.Е. – 421
Коваленко А.В. – 132, 152
Ковшарь В.А. – 25, 44, 59, 60, 449, 452, 453, 454, 455, 711, 712, 713, 714
Ковшарь И.А. – 216, 231, 232, 269, 270
Кривицкого И.А. – 13
Кулагина В.М. – 55
Мальцевой Э.Р. – 63, 79
Мекленбурцева Р.Н. – 3, 5
Морозова В.А. – 146, 148, 150
Пачикина К.М. – 28
Пфеффера Р.Г. - 423а
Постникова Николая – 420
Сагурова Дмитрия – 548
Сапарбаева Салторе – 211
Старикова С.В. – 624, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 646, 647, 648
Тороповой В.И. – 536, 575
Хилийнчулууна Сонинбаатара – 695
Шапошникова Ф.Д. – 10, 11
Шевченко Н.Е. – 692, 694
Roland Schulz – 54, 361.

Содержание

От автора	3
Западный Тянь-Шань	
1. Заповедник Аксу-Джабаглы (1959-1966, 1970...1987, 2001, 2003, 2014, 2016).....	6
2. Каржантау, учёт сурка Мензбира (июль 1990)	37
3. Сырдарьинский Каратау (Западный Тянь-Шань)	43
Северный Тянь-Шань	
4. Большое Алматинское озеро (Заилийский Алатау).....	53
5. Малое Алматинское ущелье (Медео, Чимбулак).....	80
6. Талгарское ущелье Заилийского Алатау	87
7. Озеро Иссык (Есик) и Иссыкское ущелье	96
8. Ущелье Кульсай (хребет Кунгей Алатау).....	103
9. Бартогайское водохранилище на месте бартогайского тугая (р. Чилик).....	115
10. Сюгатинская долина и окружающие её горы (Сюгаты, Богуты, Турайгыр).....	120
11. Река Чарын и её каньоны.....	125
Центральный Тянь-Шань	
12. Загадочный Кетмень: редкие попутные встречи... ..	134
13. Поездка на месторождение бурого угля Ой-Карагай (хребет Каратау)	140
14. В долину Чулкудысу за серпокловом, июнь 1993 г.	144
15. Ущелье Каркара (Каркыра), хребет Терсей Алатау.....	148
16. Поездка на озеро Тузколь в междуречье Текеса и Чулкудысу (1-2 мая 2011 г.).....	158
Джунгарский Алатау	
17. Первая поездка в Джунгарский Алатау (Сарканд – Тополёвка, 1979 г.).....	168
18. Чулакские горы и прилегающая гамада (поездки в 1981, 1982, 1988, 1994 гг.).....	170
19. Поездка в Джунгарские ворота (23-26 июня 1986)	185
20. Облёт Джунгарского Алатау на МИ-8 (6-8 июля 1990).....	190
21. Экспедиция от Тентека до Тышкана (июль 2002).....	197
Тарбагатай – Манрак – Саур	
22. Первое знакомство с Тарбагатаем (конец июня 1985).....	205
23. Западный Тарбагатай (экспедиция 2001 года).....	211
24. Три поездки в Манрак и Чиликтинскую долину (1980, 1988, 2001).....	218
25. Поездка в Саур (23-25 июля 2001).....	226
Алтай	
26. Поездка в Южный Алтай на озеро Маркаколь (август 1980).....	232
27. Поездка в Горно-Алтайск и на Телецкое озеро (12-15 сентября 1983).....	240
28. Один день в Гобийском Алтае (11 сентября 2015).....	245
<i>Вместо эпилога</i>	253
Литература	257
Алфавитный указатель авторов фотографий.....	262
Содержание.....	263

Ковшарь Анатолий Фёдорович

ПРИРОДА КАЗАХСТАНА
через объектив зоолога
В двух книгах

Книга 1.

ОТ ТЯНЬ-ШАНЯ
ДО АЛТАЯ

(фото-рассказы из цикла «Уходящая натура»)

Рецензенты Л.Я. Боркин и М.А. Чирикова
Компьютерный дизайн и вёрстка Г.Н. Бейковой

На 1-й странице обложки:

Таласский Алатау, Западный Тянь-Шань. Май 2014 г. *Фото автора*
Маркакольская котловина, Южный Алтай. Август 2019 г. *Фото Виктории Ковшарь*

На с. 2 обложки (оборот).

Верховья р. Кши-Каинды, заповедник Аксу-Джабаглы. Июнь 2001. *Фото автора*

На 4-й странице обложки:

Один из пиков в Сарыджазском хребте рядом с Хан-Тенгри 22 июля 2004 г. *Фото Виктории Ковшарь*

ISBN 978-601-809387-8-3

9 786018 093878

Сведения об авторе

Ковшарь Анатолий Федорович (род. 1937, город Полтава, Украина)

Орнитолог. Специалист по охране диких животных.

Доктор биологических наук (1980), профессор биологии (1993).

Лауреат Московского общества испытателей природы (МОИП) – за книгу «Птицы Таласского Алатау». Алма-Ата, 1966, 436 с. [1968] и за книгу «Певчие птицы в субвысогорье Тянь-Шаня». Алма-Ата, 1979, 310 с. [1980].

Лауреат Государственной премии Казахской ССР (1978) как один из авторов и редакторов монографии «Птицы Казахстана».

В Казахстан приехал в 1959 г. после окончания биологического факультета Харьковского государственного университета по специальности «зоология» – как молодой специалист по распределению в заповедник Аксу-Джабаглы (Западный Тянь-Шань). В заповеднике проработал старшим научным сотрудником и заместителем директора по научной части до конца 1966 г.

С января 1967 г. по 1924 г. работал в Институте зоологии Академии наук Казахстана (сейчас – Институт зоологии Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан), начав с лаборанта и закончив заведующим лабораторией проблем охраны диких животных (1980-1995), заведующим лабораторией орнитологии (1995-2007) и Главным научным сотрудником лаборатории орнитологии и герпетологии (2007-2017).

Общественную работу выполнял на постах: председатель секции охраны животного мира Центрального Совета Казахского общества охраны природы (1967-1975); заместитель председателя комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане» при Президиуме Академии наук Казахской ССР (1979-1992); президент Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества (1992-2002); учредитель и главный редактор зоологического журнала/ежегодника «Selevinia» (1993-2024), президент «Союза охраны птиц Казахстана» (2002-2021); президент Рабочей группы по журавлям Евразии (РГЖЕ: 2007-2024); президент Мензбировского орнитологического общества (МОО СНГ: 2010-2017).

Научные исследования проводил в следующих областях: **орнитология** (фауна, биология, экология и охрана птиц); **редкие виды позвоночных животных** (Красная книга Казахстана); **заповедное дело** и особо охраняемые природные территории Казахстана и Средней Азии; **сохранение биоразнообразия** в более широком плане, включая экологическое образование.

Среди более чем 600 публикаций – 5 научных монографий (от первой «Птицы Таласского Алатау», 1966 до последней, двухтомной «Птицы Тянь-Шаня», 2019) и несколько коллективных монографий (Птицы Казахстана, тт. 3-5, 1970-1974; Позвоночные животные Алма-Аты, 1988; Редкие животные пустынь, 1990); справочники; методические пособия; научно-популярные книги (Певчие птицы, 1983; Мир птиц Казахстана, 1988), школьные пособия – в том числе 5-томная серия «Животные Казахстана» Школьной энциклопедии (Алматы: Атамура, 2006-2014), где был составителем, научным редактором и автором многих очерков о птицах и млекопитающих.

Один из авторов и редакторов четырех изданий Красной книги Казахстана (1978, 1991, 1996, 2010).

